

Научные доклады высшей школы

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Специальный выпуск

Би-, поли-, транслингвизм и транслингвальная литература

ISSN 2310-4287

**Главный редактор /
Editor-in-Chief**

Ю.Е. Прохоров,
д. ф. н., д. п. н., проф.

**Заместители главного редактора /
Deputy Editor**

В.Н. Базылев, д. ф. н., проф.
(МГЛУ)
У.М. Бахтикиреева, д. ф. н.,
проф. (РУДН)
языкознание

М.А. Черняк, д. ф. н.,
проф. (РГПУ)
Г.В. Зыкова, д.ф.н.,
проф. (МГУ)
литературоведение

**Международный редакционный совет /
International Advisory Board**

Ян Вавжиньчик, д. ф. н., проф. (Варшавский ун-т,
Польша)

Б.В. Дооге, PhD (Гентский ун-т, Бельгия)

А.Д. Дуличенко, д. ф. н., проф. (Тартуский ун-т,
Эстония)

М.Н. Лейдерман (Липовецкий), д. ф. н., проф.
(Колумбийский университет. Нью-Йорк)

М.А. Литовская, д.ф.н., проф. (National Chengchi
University – R.O.C.Taiwan и УрФУ)

В.В. Мадоян, д. ф. н., проф. (Национальный ун-т
архитектуры и строительства, г. Ереван, Армения)

В.А. Маслова, д. ф. н., проф. (Витебский ун-т, Беларусь)

И.Г. Овчинникова, д. ф. н., проф. (Ун-т Хайфы, Израиль)

М. Попова, чл.-кор. Болгарской АН, д. ф. н., проф.

М. Рубинс, д-р филол. (Лондонский ун-т,
Великобритания)

И.Л. Савкина, д-р филол. (Ун-т Тампере, Финляндия)

Э.Д. Сулейменова, д. ф. н., проф. (КазНУ, Казахстан)

М.В. Тлостанова, д. ф. н., проф. (Линчёпингский ун-т,
Швеция)

Р. Чандлер (Лондонский ун-т Королевы Марии,
Великобритания)

С. Кипер, Ph.D. (Университет Александра Иоан Куза,
Румыния)

А. Павленко, Dr. (Ун-т Темпл, США)

Х. Вальтер, проф. (Грайфсвальдский ун-т, Германия)

**Редакционная коллегия /
Executive Board**

М.П. Абашева, д. ф. н., проф. (ПермГПУ)

Н.А. Алефиренко, д. ф. н., проф. (НИУ «БелГУ»)

И.Л. Волгин, д. ф. н., проф. (МГУ)

Т.Т. Давыдова, д. ф. н., проф. (Мосполитех)

Анна А. Зализняк, д. ф. н., гл. н. с.
(Ин-т языкознания РАН)

С.А. Кибальник, д. ф. н., проф.

(Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) РАН)

О.А. Клинг, д. ф. н., проф. (МГУ)

Н.В. Ковтун, д. ф. н., проф. (КГПУ им. Астафьева)

Е.И. Колесникова, д. ф. н., вед. н. с.

(Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) РАН)

Н.М. Малыгина, д. ф. н., проф., вед.н.с. (ИМЛИ РАН)

З.А. Кучукова, д. ф. н., проф. (КБГУ)

М.А. Марусенко, д. ф. н., проф. (СПбГУ)

М.В. Михайлова, д.ф.н., проф. (МГУ)

Д.С. Московская, д. ф. н., гл.н.с. (ИМЛИ РАН)

И.А. Панкеев, д. ф. н., проф. (МГУ)

Е.Н. Пенская, д. ф. н., проф. (НИУ ВШЭ)

В.В. Перхин, д. ф. н, проф. (СПбГУ)

Е.В. Пономарева, д. ф. н. (ЮУрГУ-НИУ)

Н.Н. Примочкина, д. ф. н., проф., в.н.с. (ИМЛИ РАН)

И.С. Урюпин, д. ф. н., проф. (МПГУ)

В.И. Хайруллин, д. ф. н., проф. (БашГУ)

А.А. Холиков, д. ф. н. (МГУ)

И.С. Хугаев, д. ф. н., вед. н. с.

(Владикавказский НЦ РАН и РСО-А)

А.Д. Шмельёв, д.ф.н., проф. (ИРЯ РАН им. Виноградова)

Редакция / Editorial Staff

Шеф-редактор / Editorial Director

Л.Г. Тюрина, д. ф. н., проф.

Редактор / Editor

И.В. Проскуракова

Корректор / Proofreader

Д.В. Балтрушайтис

Компьютерный дизайн, верстка / Designer

Т.И. Такташов

Издательство / Publishing office

**Инновационный научно-образовательный
и издательский центр (ИНОИЦ «АЛМАВЕСТ»)**

Почтовый адрес:

117342, Москва, ул. Введенского, д. 23А, стр. 3

Тел. 8 (495) 99-88-612

+7 (985) 99-88-612

e-mail: philnauki@gmail.com

URL: <https://filolnauki.ru>

Решением ВАК России включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
Входит в российскую и международные системы научного цитирования: ядро РИНЦ, WoS, ERIN PLUS

Специальный выпуск

Би-, поли-, транслингвизм и транслингвальная литература**СОДЕРЖАНИЕ****ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

- О.И. Валентинова, О.В. Никитин.* Билингвизм московской руси и его отражение в литературных памятниках XVI века 3
- Т.В. Лыткань.* Динамика фонетические межпоколенческих изменений глухости и звонкости смычных взрывных согласных в русской речи билингвов Германии 10
- М.Л. Новикова, Ф.Н. Новиков.* Влияние транслингвизма на становление языковой картины мира на примере ассоциаций с цветообозначениями 17
- М.Э. Дубровина.* О сходствах и различиях в употреблении пассива в русской и турецкой речи 26

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. СОЦИУМ

- М.А. Марусенко.* От мотивации к инвестированию: изменение тренда образовательной языковой политики 33
- В.П. Сиячкин, Т.Е. Владимирова, Х.А. Хатиашивили.* На перекрестке грузинской и русской культур 42
- Мухаммад Ариф Соомро, Т.В. Ларина.* Категории форм обращения в пакистанском английском в многоязычной образовательной среде (на англ.) 50
- Е.В. Полякова, Люй Сыци.* Русская паремиологическая картина мира с позиции носителя китайской лингвокультуры 56

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

- З.Г. Прошина.* Межвариантный перевод в мультикультурном пространстве одного языка 67
- Г.Т. Хухуни, И.И. Валуицева.* Посредничество при межкультурной коммуникации: «Необходимое зло» или нормальное явление? 72
- Л.П. Яркина, И.А. Пугачёв.* Перевод идеологии в свете функционально-коммуникативного подхода 78
- В.Р. Аминова.* Перевод как форма репрезентации культурного пограничья 84

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Н.Ф. Крылова, Л.Н. Талалова.* Феномен русского поэта Павла Васильева: свой среди своих и чужих 93
- Г.Т. Гарипова.* Ономастическая транскультуральность в романе Хаида Исмаилова «Мбобо» 100
- У. Овчеренко.* Столкновение национального и глобального в романе Р. Сейсенбаева «Ночные голоса» 109
- Ш.А. Кулиева, Н.В. Щенникова.* Транслингвальная поэзия Рупи Каур 115
- Masoud Farahmandfar, Musa Abdollahi.* Interrelation of History and Nationhood in Contemporary Persian Historical Fiction 123

МЕДИА. ТЕКСТ. РЕДАКТИРОВАНИЕ

- Н.С. Сергиева.* Билингвальные поэтические сборники как трансфер культуры и слова 128
- Э.Ф. Шафранская.* Армянский текст: стихи и проза 135
- А.Б. Берберов, З.А. Кучукова, З.А. Узденова.* Образное поле «Казахстан» в карачаево-балкарской литературе: цифровое исследование 144
- Е.А. Маркова.* Интертекстуальность и транскulturация (на материале поэтических текстов Луизы Глик) 156
- Л.Г. Тюрина, В.Н. Базылев.* Литературное направление в понимании редактора и переводчика 166

Special Issue

Bi-, poly-, translanguaging and translingual literature

CONTENT

GENERAL & APPLIED LINGUISTICS

- O.I. Valentinova, O.V. Nikitin.** Bilingualism of Moscovite Rus' and its reflection in literary monuments of the XVI century 3
- T.V. Lypkan.** Dynamics of phonetic intergenerational changes in voiceless and voiced stop plosive consonants in Russian speech of German bilinguals 10
- M.L. Novikova, Ph.N. Novikov.** The influence of translanguaging on the establishment of language worldview: Case study of color term associations 17
- M.E. Dubrovina.** About the similarity and difference in the use of passive in Russian and Turkish speech 26

LANGUAGE. CULTURE. SOCIETY

- M.A. Marusenko.** From motivation to investment: Changing the trend of educational language policy 33
- V.P. Sinyachkin, T.E. Vladimirova, Kh.A. Khatiasvili.** At the crossroads of Georgian and Russian cultures 42
- Muhammad Arif Soomro, T.V. Larina.** Categories of address forms in Pakistani English at a multilingual academic setting 50
- E.V. Polyakova, Lü Siqi.** Russian paremiological picture of the world from the standpoint of Chinese linguistic culture's bearer 56

THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION

- Z.G. Proshina.** Intervarietal translation in the multicultural space of one language 67
- G.T. Khukhuni, I.I. Valuitseva.** Intermediation in intercultural communication: "A necessary evil" or a normal thing? 72
- L.P. Iarkina, I.A. Pougachev.** Translation of ideology in the light of a functional and communicative approach 78
- V.R. Amineva.** Translation as a form of representation of the cultural boundaries 84

LITERATURE STUDIES

- N.F. Krylova, L.N. Talalova.** The phenomenon of the Russian poet Pavel Vasiliev: His own among "his own" and "strangers" 93
- G.T. Garipova.** Onomastic transculturality in Khamid Ismailov's novel "Mbobó" 100
- U. Ovcherenko.** The clash of national and global in R. Seisenbaev's novel "Night Voices" 109
- Sh.A. Kulieva, N.V. Shchennikova.** Translingual poetry by Rupi Kaur 115
- Masoud Farahmandfar, Musa Abdollahi.** Interrelation of history and nationhood in contemporary Persian historical fiction 123

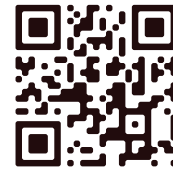
MEDIA. TEXT. LITERARY EDITING

- N.S. Sergieva.** Bilingual poetry collections as a transfer of culture and word 128
- E.F. Shafranskaya.** Armenian text: Poetry and prose 135
- A.B. Berberov, Z.A. Kuchukova, Z.A. Uzdénova.** The figurative field "Kazakhstan" in Karachay-Balkar literature: Digital research 144
- E.A. Markova.** Intertextuality and transculturation (based on the poetic texts by Louise Glück) 156
- L.G. Tiurina, V.N. Bazylev.** Literary direction in the understanding of the editor and translator 166

Почтовый адрес редакции

117342, Москва,
ул. Введенского, д. 23А, стр. 3
E-mail: philnauki@gmail.com
filolnauki.ru

Тел.: 8 (495) 99-88-612,
+7 (985) 99-88-612 ☎

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-53540
от 10 апреля 2013 г.

Учредитель и издатель

Инновационный научно-образовательный и издательский центр «АЛМАВЕСТ»

Подписано в печать 25.12.2022

Отпечатано в ООО «САМПРИНТ»

129090, г. Москва,
Протопоповский пер, д. 6.

Тел.: +7 (495) 554-37-10

Тираж 500 экз.

© Филологические науки.
Научные доклады высшей школы, 2022.

Билингвизм Московской Руси и его отражение в литературных памятниках XVI века

Исследована проблема билингвизма в литературных памятниках XVI в. Дан краткий экскурс в историю изучения данного вопроса в отечественной лингвистической традиции. Подчеркнуто, что в научной практике имеет место консерватизм в рассмотрении семиотических процессов, которые часто сводят только к оппозиции «церковнославянский — древнерусский». Отмечено богатство стилистических форм и речевых формул в языковой практике XVI в. Проанализированы полемические сочинения указанного периода с целью выявить и доказать неравномерность билингвальности и ее зависимость от социокультурных условий, языковой личности автора, жанра литературного памятника и аксиологических характеристик, которые опосредованно включены в текст. В ходе изучения языкового материала применены историко-лингвистический, контекстуально-семантический, сравнительный и стилистический методы, позволяющие исследовать памятники разных культурных традиций в русле многофункциональности и полисемантической так называемой гибридной литературы XVI столетия. Прокомментированы наиболее характерные черты памятников: контаминация разговорно-бытовых элементов, приказной речи и церковнославянизмов; использование библейских интертекстов; отражение высокого и низкого в семантике словесных оборотов; эмотивная наполненность языка как новый риторический прием в коммуникативном пространстве древнерусского текста. Сделан вывод о неоднозначности языковых процессов в эпоху расцвета билингвизма в Московской Руси XVI в., об изменении и усложнении двуязычия за счет роста межкультурных связей в литературе, трансформации книжной традиции и появления новых речевых привычек в словесном творчестве.

Ключевые слова: билингвизм, Московская Русь, древнерусский текст, церковнославянский язык, полемические сочинения, семантика, риторика.

The article examines the problem of bilingualism in literary monuments of the XVI century. A brief digression into the history of the study of this issue in the Russian linguistic tradition is given. The conservatism existing in scientific practice in the consideration of semiotic processes, which are often reduced only to the opposition "Church Slavonic — Old Russian", is emphasized. The richness of stylistic forms and speech formulas in the language practice of the XVI century is noted. The polemical works of this period are analyzed in order to identify and prove the unevenness of bilingualism and its dependence on socio-cultural conditions, the linguistic personality of the author, the genre of the literary monument and axiological characteristics that are indirectly included in the text. Historical-linguistic, contextual-semantic, comparative and stylistic methods are used in the course of studying the language material. They allow us to explore the monuments of different cultural traditions in line with the multifunctionality and polysemanticism of the so-called hybrid literature of the XVI century. The most characteristic features of the monuments are documented: contamination of colloquial and everyday elements, command speech and Church Slavonicisms; the use of biblical intertexts; reflection of high and low in the semantics of verbal turns; emotive fullness of language as a new rhetorical technique in the communicative space of the Old Russian text. The conclusion is made about the ambiguity of language processes in the heyday of bilingualism in Moscovite Rus' of the XVI century, about the change and complication of bilingualism due to the growth of intercultural ties in literature, the transformation of the book tradition and the emergence of new speech habits in verbal creativity.

Keywords: bilingualism, Moscovite Rus', Old Russian text, Church Slavonic language, polemical writings, semantics, rhetoric.

Проблема языковой ситуации Московской Руси была и остается в центре внимания нескольких поколений отечественных филологов прежде всего потому, что не решен до конца статус основной культурной традиции: была она сакральной, церковнославянской или бытовой, деловой? Такая прямолинейная постановка вопроса в XX столетии часто приводила к бурным дискуссиям, сторонники которых опирались на свои факты, опровергая точку зрения оппонентов и выдвигая собственные аргументы. Эти материалы уже широко описаны в лингвистической литературе, посвященной непростой теме билингвизма, начиная с работ А.И. Соболевского [1], А.А. Шахматова [2], Е.Ф. Карского [3] и продолжая исследованиями 1940–1990-х гг., выполненными такими крупными историками языка, как Б.А. Ларин [4], С.П. Обнорский [5], В.В. Виноградов [6], Ф.П. Филин [7], Б.А. Успенский [8]. Интересный поворот в трактовке билингвизма обнаруживаем у А.С. Герда [9].

Так, академик А.И. Соболевский, подготовивший первый законченный курс истории русско-го литературного языка (впервые опубликован в 1980 г.), прямо противопоставлял церковно-

славянский язык (письменность) Древней Руси деловому языку (письменности). Тем не менее ученый отлично понимал сложность и неоднозначность проявлений такого дуализма [1. С. 51]. Многие интересные наблюдения А.И. Соболевского остались неизвестны современникам.

Вслед за А.А. Шахматовым и В.В. Виноградов подчеркивает значение языка деловых памятников в общерусском процессе становления единого литературного языка, особенно в период так называемого двуязычия.

В направлении и развитии процессов взаимоотношений и взаимовлияний двух типов древнерусского литературного языка сыграла большую роль письменно-деловая речь. Будучи связана с территориальными и социально-групповыми диалектами, с разными сферами профессиональной лексики и фразеологии, деловая речь оказывала, правда в разной степени, воздействие на оба типа древнерусского литературного языка и сама подвергалась, особенно интенсивно с XVII века, «олитературиванию», обогащаясь разнообразными средствами выразительности и изобразительности [10. С. 202].

Этот взгляд был необычен. Остается таким он и сейчас, поскольку роль приказной литературы была принижена в силу ее утилитарности. В.В. Виноградов попытался изменить сложившуюся точку зрения: он говорил о неоднозначности билингвизма и его трактовок, призывал ученых не только изучать тексты традиционно сложившихся жанров, но и привлекать новые источники для определения статуса не одной, а *разных* языковых ситуаций в Древней Руси.

По-другому говорит об этом Б.А. Успенский. Он на первый план выдвигает культурную модель языка, вводит его в контекст социально-исторических маркеров эпохи, оставаясь, впрочем, на позициях главенства «сакральности» церковнославянской письменности. Этот взгляд, обсуждавшийся не раз в научной литературе, получает новый импульс в работах Б.А. Успенского, который все же не следует «прямому расчленению» языка, а замечает, что в Киевской Руси «диглоссию можно определить как такую языковую ситуацию, когда два разных языка воспринимаются (в языковом коллективе) и функционируют как один язык» [8. С. 27].

Авторитетный Лингвистический энциклопедический словарь обсуждал проблему социального билингвизма и полиглоссии как соотношения «различных социально противопоставленных друг другу подсистем одного языка» [11. С. 481–482].

Даже в трудах по русской этнолингвистике и диалектологии этот вопрос поднимался в контексте исследования генезиса и характера эволюции групп говоров, где, по мнению А.С. Герда, тоже прослеживается четкий дуализм. Так, в статье «К истории образования говоров Заонежья» он показал картину языкового развития данного региона, выделив шесть основных периодов в его истории. Из них последние три сопряжены с распространением не книжного двуязычия: «Период возникновения развитых форм билингвизма, языкового и этнического скрещивания...»; «Существование рядом трех типов речи: прибалтийско-финской, восточнославянской и билингвизма»; «Отмирание билингвизма, переход на восточнославянскую речь; рост восточнославянских инноваций — период формирования особого заонежского типа севернорусских диалектов» [9. С. 212–213].

Приведенные взгляды ученых и подходы к пониманию проблемы билингвизма подводят нас к мысли, что основные показатели языкового дуализма в Московской Руси — противопоставление церковнославянской и древнерусской языковых систем и представленность в текстах того времени оппозитивных речевых формул, контаминированных языковых средств.

В восточном христианстве, в отличие от католической Европы, особая связь Церкви с пастырской достигалась участием в богослужении всех верующих, условием чего было понимание языка богослужения. Поэтому литургические тексты и Священное Писание на христианском Востоке перевели на местные языки, а богослужение совершали на языке, понятном всем. Таким языком для славян стал язык переводов христианской канонической литературы, которые были сделаны в IX в. преподобными монахами Кириллом и Мефодием и их прямыми учениками на основе солунского диалекта балканских славян. Язык этих переводов, который принято называть старославянским, стал общеславянским литературным языком эпохи праславянского единства.

За более поздними редакциями этого языка закрепилось название «церковнославянский язык» (русского, болгарского, хорватского, сербского и иных изводов, или редакций).

Но если в Киевской Руси носителями южнославянско-восточнославянского двуязычия были все слои общества, то в Московской Руси церковнославянский язык понимает уже только аристократия — духовная и светская, поэтому и двуязычие охватывает только эти слои. Надо заметить, что знание церковнославянского языка и сближающейся с ним разновидности древнерусского литературного языка, которую В.В. Виноградов называл книжно-славянским типом древнерусского литературного языка, останется критерием образованности русского человека до начала XVIII в.

Процесс архаизации книжниками XV–XVII вв. русского литературного языка на фоне отвечающего интересам политической формулы «Москва — третий Рим» укрепления церковнославянского языка приводит к тому, что недоступным для социальных низов становится не только церковнославянский язык, но и архаизированный русский литературный язык, в котором сближаются обе его разновидности: книжно-славянская и народно-литературная.

Однако было бы заблуждением полагать, что сближение всей целостности древнерусского литературного языка с церковнославянским означает их тождественность. Переход на церковнославянский в небогословских жанрах не приводит к возобновлению характерных для церковнославянского языка исходных контекстов символических значений грамматических форм. Скажем, в богословии из форм прошедшего времени наиболее распространен имперфект, передающий ощущение повторяемости, вечности. Символическое значение сопровождает и употребление перфекта, как, например, в молитве «Богородице Дево, радуйся...»: «...яко Спаса родила еси душ наших». Замена перфекта на причастие прошедшего времени (*родила*) приведет к утрате понимания непрерываемой духовной значимости свершившегося в прошлом события. Перфект передавал не действие, а состояние, являющееся результатом действия, совершенного в прошлом (передается причастием прошедшего времени), и сохраняющееся (что передается формой настоящего времени глагола *быти* — *еси*) в момент произнесения: 'сейчас является сделавшей это'. Иначе используется перфект в текстах другой природы. В личном послании Ивана Грозного архиепископу Казанскому Гурию, фрагмент из которого приводим по изданию В.Н. Татищева, перфект (*писаль еси*) выполняет собственно грамматическую функцию, обозначая действие, совершенное в прошлом и имеющее отношение к моменту речи:

Преблагаго, единосущнаго, въ Троицъ славимаго Бога (а) освященному и боголюбивому (б) Архіепископу Царства Казанскаго Гурію челобитіе отъ насъ и отъ всѣхъ нашихъ niskій поклонъ. Господь Богъ да сохранить пути твоя, и продолжить ти лѣта, и спасеть тя отъ всякаго зла душевнаго же и тѣлеснаго.

Писаль ты еси ко мнѣ, [что] въ данной тебѣ отъ Бога и отъ насъ (с) паствѣ во градѣ Казани сострояешь монастырь, еже азъ начахъ, и другіи хоцещи строити, се дѣло добро содѣваеши, помози тебѣ Богъ за тое; а чтобъ старцы ненуждны были руками работати, землю орати, сѣмена снѣдаемая съяти, а въ житницы гнѣющія собирати, а орють сердца, съють словеса Божія, словеса чиста, а собирають дѣши въ жилища вѣчная учениемъ си, да наслѣдять царство небесное и благая вѣчная; а на тое просите, а быхомъ дали есма отчины въ Арской и Нагайской четвертяхъ, елико пригожь (д) [12. С. 127–128].

Собственно грамматический смысл имеет в этом послании и аорист (*азъ начахъ*), обозначающий не соотносимое с настоящим единичное действие, совершенное в прошлом. Сохранение результата второй палатализации в глагольной основе (*помози*), сочетание *жд* (*ненуждны*), союзы *еже*, *елико*, формы *быхом*, *есма* и др. — свидетельства расхождения с живой речью. Напомним, что одинаково архаично воспринимались и южнославянские слова и формы, и вышедшие из живого употребления древнерусские слова и формы. Разобщению литературного языка с живой речью в Московской Руси способствовал и тот факт, что речь великороссов — смешавшейся с угро-финскими племенами части древнерусского этноса, искавшей спасения от кочевников на северо-востоке, — возникла на иной диалектной базе, чем речь жителей Киевской Руси.

Уже по этому небольшому фрагменту видно, что литературное дарование царя Ивана Грозного не ограничивается воспроизведением восходящих к Псалтыри речений: *Господь Богъ да сохра-*

нитъ пути твоя, и продолжитъ ти льта, и спасетъ тя отъ всякаго зла душевнаго же и тѣлеснаго. Он ритмизирует текст, располагая определения после определяемых слов (*старцы ненуждны, житницы гніюція, словеса Божія, словеса чиста, жилища вѣчная*), а объекты — перед глаголами (*дѣло содѣваеши, землю орати, сѣмена съяти*), используя ряды однородных членов предложения с одинаковыми окончаниями: *работати, орати, съяти, собирати; орютъ сердца, съютъ словеса, словеса чиста*. Созвучия (*дѣло добро, руками работати, сѣмена снѣдаемая съяти*) поддерживают общую ритмическую тональность текста.

Сложносоставное противопоставление житейского и духовного образуется троекратной трансформацией прямого значения в переносное:

руками работати,
землю орати — орютъ сердца,
сѣмена снѣдаемая съяти — съютъ словеса Божія,
сѣмена въ житницы гніюція собирати — собирають души въ жилища вѣчная.

А сохраняющаяся последовательность действий *орютъ — съютъ — собирають* преобразует второй ряд противопоставления в развивающуюся метафору: *орютъ сердца — съютъ словеса Божія — собирають дѣла въ жилища вѣчная*.

Противопоставление усиливается не только повтором глаголов с изменившимся значением, но и последовательным противопоставлением глагольных форм (*орати — орютъ, съяти — съютъ, собирати — собирають*) и перестановкой прямого дополнения из препозиции в постпозицию по отношению к глаголу: *землю орати — орютъ сердца, сѣмена съяти — съютъ словеса, сѣмена собирати — собирають души*. Таким образом, противопоставление закрепляется и на уровне ритмико-синтаксической организации высказывания и углубляется вторым уровнем противопоставлений, образуемым определениями: *снѣдаемая — Божія, гніюція — вѣчная*.

Уже на примере этого небольшого фрагмента видно совершенное владение царем «извитием словес» — сложной системой ритмико-семантической организации текста (ср.: [13]), которая с XIV в. утвердилась в жизнеописаниях святых, а потом распространилась и на другие жанры: «Это был начитаннейший москвич XVI века. Недаром современники называли его “словесной мудрости ритором”» [14. С. 225].

Архаизация охватывает и жанры, далекие от богословских тем. «Челобитные» к юному царю Ивану Васильевичу Ивана Пересветова, одного из образованнейших людей своего времени, известного как идеолога дворянской службы и обличителя бояр, воспроизводят формы книжного языка:

Государю благовѣрному великому царю і великому князю Ивану Васильевичю всеа Русіи бьетъ челомъ холоп твой государевъ выезжей із Литвы Івашко Семенов сынъ Пересвѣтова. Вывезъ есми к тебѣ, къ государю, рѣчи ізо многих королевствъ государскія и от Петра, воеводы волоского, і дѣла твои царскіе; і тѣ, государь, рѣчи і дѣла легли в твоей казнѣ государевѣ, а меня, холопа своего, за тѣ рѣчи і за дѣла велѣл еси, государь, гораздо пожаловати. І по приказу твоему государеву яз, холопъ твой гораздо пожалован; а тѣ, государь, рѣчи і дѣла і до сѣх мѣсть перед тобою, государемъ, не были (1-я челобитная) [15. С. 59–60].

Сложная форма прошедшего времени (*вывезъ есми*), старославянское *яз*, прикрытое, правда, йотом, отсылают к процессу архаизации русского литературного языка эпохи Московского государства.

Отсутствие йотации перед *а* (*всеа*), написание «и десятиричного» (*і*) перед гласными (*Русіи*) — следы второго южнославянского влияния, под которым иногда понимают только внешний процесс, отразившийся на русской графике и орфографии в уподоблении их болгарским и сербским, обращенным к греческой традиции. Графическая культура южных славян пришла в Московское государство в конце XIV в. вместе со спасающимися от османов греческими, болгарскими и сербскими книжниками и церковниками.

Те же фонетические и грамматические приметы находим и во второй челобитной И. Пересветова:

Государю благовѣрному великому царю і великому князю Ивану Васильевичу всеа Русіи бьет челом холоп твой государевъ Івашко Семеновъ сынъ Пересвѣтова, чтобы еси, государь, пожаловал холопа своего, велѣл службишка посмотреть. Коли есми выѣхалъ на твое имя государево, і вывезъ есми образецъ тое службы к тебѣ, къ государю; і тотъ образецъ службы моей передъ тобою, пред государемъ, клали (2-я челобитная) [Там же. С. 79].

Однако в этих фрагментах архаичные элементы не несут никакой дополнительной нагрузки, кроме собственно грамматической. Они свободно сочетаются с формулами жанра челобитной: *бьет челом холоп твой, Івашко Семеновъ сынъ Пересвѣтова; службишка.*

В произведениях Пересветова и переписке князя Курбского с царем Иваном Грозным элементы приказной словесности наблюдаются как в единичных формах (отдельные лексемы), так и в отрывках (целые синтагмы, клаузулы):

Да такъ рекъ Петръ, волоскій воевода: У благовѣрнаго царя Константина въ Царьградѣ воинники оскудѣли і обнищали, а мытари богатѣли, а иныя воинники, видячи то непризрѣніе благовѣрнаго царя к воинству, і они, оставивши воинство, да на мытарства же прелщалися, і царство царя Константина оскужали і казну цареву, а сами мытари богатѣли: іно государю гдѣ взяти в казну царьскую десять рублевъ, і онѣ на царя возмут десять рублевъ, а на себя сто рублевъ (1-я челобитная) [Там же. С. 65].

В челобитных Пересветова нет ничего пародийного, как, например, в произведениях позднего периода («Калязинская челобитная»). Д. С. Лихачев определил причины этого явления: «Активное стремление к преобразованию жизни не могло удовлетвориться старыми формами публицистики, слишком условными и слишком церковными. Действительному характеру дворянского мировоззрения лучше всего отвечали действительные формы деловой письменности — они стояли ближе к действительности, к ее нуждам и потребностям, воздействовали на жизнь не только литературными, но и деловыми средствами» [16. С. 54].

Таким образом, на литературную арену выходит приказная номенклатура в качестве не только делового письма, но и способа воздействия на церковнославянскую традицию.

В полемике Курбского с царем хорошо заметна основная тенденция языкового развития и мышления того времени — преобладание разноуровневых семантико-стилистических компонентов церковного происхождения: и лексических, и грамматических, и жанрово-текстологических. Вот как начинает свое обращение князь Курбский:

Царю, от бога препрославленному, паче же во православии пресвѣтлу явившуся, нынѣ же — грех ради наших — сопротивнымъ обретеса, разумѣвая да понимает, совесть прокаженну имуща, якова же ни в безбожныхъ языцехъ обретаеся. И больши сего глаголати о всем по ряду не попустих моему языку, но гонения ради прегорчайшаго от державы твоя и от многе горести сердца потщуся мало изрещи ти, о царю (Первое послание Курбского Ивану Грозному) [17. С. 16].

В письмах Курбский и царь апеллируют к библейским текстам и духовным сочинениям как к первоисточнику истины. Причем противники отстаивают свой стиль, свое понимание словесного ремесла как орудия борьбы. Так, Курбский говорит:

А хотѣх на каждое слово твое отписати, о царю, и мог бы избранне, понеже за благодатию Христа моего и языкъ маю аттически по силе моей наказанъ, аще уже и во старости моей здѣ приучихся сему; но удержавъ руку со тростию сего ради, яко и в прежнемъ посланию моемъ написах ти, возлагаючи все сие на божий суд; и умыслих и лучше рассудихъ здѣ в молчанию пребыти, а тамо глаголати пред маестатом Христа моего со дерзновениемъ вкупе со всѣми избивенными и гонимыми от тебя, яко и Соломон рече: «Того, — рече, — стануть праведнии предъ лицомъ мучащихъ», тогда, егда Христосъ приидеть судити... (Второе послание Курбского Ивану Грозному) [Там же. С. 76].

Впервые в посланиях царских сановников используется и разговорная лексика с элементами ругательства:

Егда же развращеннии и прелукавыи развратиша тя, сопротив обрелся еси и по таковомъ покоянію возвратился еси на первую блевотину за совѣтом и думою любимых твоих ласкателей, егда церковь твою телесную осквернили различными нечистотами, ноипаче же пятиградные гнусности ... вместо избранных и преподобныхъ мужей, правду ти глаголющих не стыдяся, прескверныхъ паразитовъ и маньяковъ поднесъ тебѣ <...> (Третье послание Курбского Ивану Грозному) [Там же. С. 102].

В представленном отрывке и далее по тексту отмечаются контаминации церковнославянских форм и лексических элементов со словами и выражениями обиходно-бытового характера: *возвратился еси на первую блевотину; пятиградные гнусности; прескверных паразитовъ и маньяков; кромышников, или опришницов кроваядных; скоморохов со различными дудами и богоненавистными бесовскими пьсьями* [Там же].

В посланиях Курбского встречаются и другие элементы отклонений от общего строя славянского «глаголания». Это не только указанные контаминации и отдельные словесные миниатюры, но и целые конструкции, закрепляющие на письме русские союзы типа *яже, яко*, употребленные на фоне церковнославянской орнаментики:

А писал той отвѣт к недругом своим, *яже* укаряше его изгнанцом и изменником, тому подобно, *яко* твое величество нас <...> (Третье послание Курбского Ивану Грозному [Там же. С. 96].

Зри, о царю, со прилежаниемъ: аще поганские философи по естественному закону достигли таковую правду и разумность со дивною мудростию между себя, *яко* апостоль рече <...> [Там же].

И мало того, *яко* не постыдился еси и не усрамился от господа наказания и обличения, *яко* и во перших епископиях <...> [Там же].

Язык Ивана Грозного, в противовес посланиям Курбского, более яркий в средствах выразительности. Царь гораздо шире (и в количественном, и в семантическом отношении) употребляет нетрафаретные языковые приемы, непривычную для писем высшей знати лексику:

И сие убо твое *злосбесное измѣнное собацкое умышление* како не уподобится Иродову злomu неистовству <...> (Первое послание Ивана Грозного Курбскому) [Там же. С. 24].

И ты все забыль еси, *собацкимъ измѣннымъ обычаемъ* преступивъ крестное целование, ко врагом христианскимъ соединился еси <...> [Там же. С. 28].

Все же наблюдалось верховенство книжных форм, которое было продиктовано не только близкой авторам **церковной традицией**, но и объективными причинами. Славянские формы дают большие возможности выразить чувства и отношения, они имеют богатый запас художественных средств, изысканную стилистику, оригинальный набор метафорических смыслов и свою особую интонацию даже в пределах такого неустоявшегося жанра, как публицистика. Славянская стихия в сочинениях XVI в. есть выражение высокого и в форме, и в смысле.

Не стоит думать, однако, что преобладание одних качеств текста над другими было единственной формой выражения царской «языковой» воли в то время. Этот книжный язык еще и осознанная манифестация эрудиции полемистов, их образованности, умения спорить. Недаром, по мнению академика А.М. Панченко, «в XVII веке ученые прения стали непременным элементом культуры», а та, в свою очередь, понималась и преподносилась уже по-другому — «как состязание» [18. С. 162].

Иван Грозный, бесспорно, хорошо владел **искусством** древнерусского книжника и имел, несомненно, самобытные писательские способности. Он мог говорить и по-славянски, и «по-подьячески» и использовать приемы старинного летописания. Царь опускался до «неподобной брани» и в то же время деловито обсуждал насущные хозяйственные, торговые, политические и духовные проблемы.

Конечно, специфика полемической литературы во многом определялась личностью писателя и его талантом. Эти произведения выделялись в литературе того времени и не вписывались в традиционную схему билингвизма: в них намечается изменение вектора развития литературного языка в сторону синкретизма культурных традиций.

Литература

1. *Соболевский А.И.* История русского литературного языка. Л.: Наука, 1980. 195 с.
2. *Шахматов А.А.* Очерк современного русского литературного языка. М.: Учпедгиз, 1941. 288 с.
3. *Карский Е.Ф.* Значение Ломоносова в развитии русского литературного языка // Труды по белорусскому и другим славянским языкам / Е.Ф. Карский. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 177–187.

References

1. *Sobolevsky A.I.* Istorii russkogo literaturnogo iazyka. Leningrad: Nauka, 1980. 195 s.
2. *Shakhmatov A.A.* Ocherk sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka. Moscow: Uchpedgiz, 1941. 288 s.
3. *Karsky E.F.* Znachenie Lomonosova v razvitii russkogo literaturnogo iazyka // Trudy po belorusskomu i drugim slavianskim iazykam / E.F. Karsky. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1962. S. 177–187.

4. *Ларин Б.А.* Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.). М.: Высшая школа, 1975. 325 с.

5. *Обнорский С.П.* Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 199 с.

6. *Виноградов В.В.* Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка // История русского литературного языка: избранные труды / В.В. Виноградов. М.: Наука, 1978. С. 65–151.

7. *Филин Ф.П.* Истоки и судьбы русского литературного языка. М.: Наука, 1981. 326 с.

8. *Успенский Б.А.* Антиповедение в культуре Древней Руси // Избранные труды. Т. 1: Семиотика культуры. М.: Гнозис, 1994. С. 320–332.

9. *Герд А.С.* К истории образования говоров Заонежья // Севернорусские говоры. Вып. 3. Л.: ЛГУ, 1979. С. 206–213.

10. *Виноградов В.В.* Роль художественной литературы в процессе формирования и нормирования русского национального литературного языка до конца 30-х гг. XIX в. // История русского литературного языка: избранные труды / В.В. Виноградов. М.: Наука, 1978. С. 202–205.

11. *Швейцер А.Д.* Социоллингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 481–482.

12. Письмо своеручное Царя Иоанна Васильевича к Гурію Архієпископу Казанскому // Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича. М.: При Императорском университете, 1768. С. 127–130.

13. *Валентинова О.И.* Системный подход к изучению текста и стиля: обоснование причинной типологии текстов // Системный взгляд как основа филологической мысли / О.И. Валентинова, В.Н. Денисенко, С.Ю. Преображенский, М.А. Рыбаков. М.: Языки славянских культур, 2016. С. 171–247.

14. *Ключевский В.О.* Русская история. М.: Эксмо, 2005. 912 с.

15. *Ржига Р.Ф.* И.С. Пересветов — публицист XVI века: (с приложением сборника его сочинений). М.: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1908. 84 с.

16. *Лихачев Д.С.* Иван Пересветов и его литературная современность // Сочинения И. Пересветова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 28–56.

17. Памятники литературы Древней Руси: вторая половина XVI века. М.: Худож. лит., 1986. 640 с.

18. *Панченко А.М.* Русская культура в канун петровских реформ. Л.: Наука, 1984. 206 с.

4. *Larin B.A.* Lektsii po istorii russkogo literaturnogo iazyka (X — sredina XVIII v.). Moscow: Vysshiaia shkola, 1975. 325 s.

5. *Obnorsky S.P.* Ocherki po istorii russkogo literaturnogo iazyka starshego perioda. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1946. 199 s.

6. *Vinogradov V.V.* Osnovnye problemy izucheniia obrazovaniia i razvitiia drevnerusskogo literaturnogo iazyka // Istoriia russkogo literaturnogo iazyka: izbrannye trudy / V.V. Vinogradov. Moscow: Nauka, 1978. S. 65–151.

7. *Filin F.P.* Istoki i sud'by russkogo literaturnogo iazyka. Moscow: Nauka, 1981. 326 s.

8. *Uspensky B.A.* Antipovedenie v kul'ture Drevnei Rusi // Izbrannye trudy. T. 1: Semiotika kul'tury. Moscow: Gnozis, 1994. S. 320–332.

9. *Gerd A.S.* K istorii obrazovaniia govorov Zaonezh'ia // Severnoruskie govory. Vyp. 3. Leningrad: LGU, 1979. S. 206–213.

10. *Vinogradov V.V.* Rol' khudozhestvennoi literatury v protsesse formirovaniia i normirovaniia russkogo natsional'nogo literaturnogo iazyka do kontsa 30-kh gg. XIX v. // Istoriia russkogo literaturnogo iazyka: izbrannye trudy / V.V. Vinogradov. Moscow: Nauka, 1978. S. 202–205.

11. *Shveits'er A.D.* Sotsiolingvistika // Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'. Moscow: Sov. entsiklopediia, 1990. S. 481–482.

12. Pis'mo svoeruchnoe Tsaria Ioanna Vasil'evicha k Guriuu Arkhiepiskopu Kazanskomu // Sudebnik gosudaria tsaria i velikago kniazia Ioanna Vasil'evicha. Moscow: Pri Imperatorskom universitete, 1768. S. 127–130.

13. *Valentinova O.I.* Sistemyi podkhod k izucheniiu teksta i stilia: obosnovanie prichinnoi tipologii tekstov // Sistemyi vzgliad kak osnova filologicheskoi mysli / O.I. Valentinova, V.N. Denisenko, S.Yu. Preobrazhensky, M.A. Rybakov. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2016. S. 171–247.

14. *Klyuchevsky V.O.* Russkaia istoriia. Moscow: Eksmo, 2005. 912 s.

15. *Rzhiga R.F.* I.S. Peresvetov — publitsist XVI veka: (s prilozheniem sbornika ego sochinenii). Moscow: Imperatorskoe obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete, 1908. 84 s.

16. *Likhachev D.S.* Ivan Peresvetov i ego literaturniaia sovremennost' // Sochineniia I. Peresvetova. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1956. S. 28–56.

17. Pamiatniki literatury Drevnei Rusi: vtoraiia polovina XVI veka. Moscow: Khudozh. lit., 1986. 640 s.

18. *Panchenko A.M.* Russkaia kul'tura v kanun petrovskikh reform. Leningrad: Nauka, 1984. 206 s.

Валентинова Ольга Ивановна,
доктор филологических наук,
профессор кафедры общего
языкознания Российский университет
дружбы народов

Valentinova Olga I.,
Doctor of Philology, Professor of the
of General Linguistics Department
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: ovalentinova@yandex.ru

Никитин Олег Викторович,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
Петрозаводский государственный
университет

Nikitin Oleg V.,
Doctor of Philology, Professor
of the Russian Language Department
Petrozavodsk State University

e-mail: olnikitin@yandex.ru

Динамика фонетических межпоколенческих изменений глухости и звонкости смычных взрывных согласных в русской речи билингвов Германии¹

Проанализирована реализация глухих и звонких смычных взрывных согласных в речи русскоязычных детей-билингвов Германии и их родителей при чтении вслух фонетически представительного текста. Проведено измерение показателя времени задержки голоса относительно момента взрыва у смычных взрывных согласных (время начала озвончения, ВНО) у детей-билингвов и их родителей, т.к. это наиболее надежный акустический показатель для различения глухих и звонких согласных. Фонетические категории ВНО взрывных смычных согласных различаются в русском и немецком языках, поэтому ВНО может подвергаться воздействию межязыковой фонетической интерференции.

Ключевые слова: время начала озвончения, глухие и звонкие взрывные смычные согласные, межязыковая фонетическая интерференция, русскоязычные дети-билингвы Германии и их родители, положительное (позитивное) и отрицательное (негативное) ВНО, длительность ВНО, миллисекунды.

The article is devoted to the analysis of voiceless and voiced stop plosives' realization in the speech of Russian-speaking children-bilinguals in Germany and their parents when reading a phonetically representative text aloud. The author measures the indicator of voice delay time relative to the moment of explosion in stop plosive consonants (voicing onset time — VOT) in bilingual children and their parents, as she considers it the most reliable acoustic indicator for distinguishing voiceless and voiced consonants. The phonetic categories of plosive stop consonants' VOT differ in Russian and German, so VOT may be affected by interlingual phonetic interference.

Keywords: voicing on set time, voiceless and voiced plosive stop consonants, interlingual phonetic interference, Russian-speaking bilingual children in Germany and their parents, positive (positive) and negative (negative) VOT, duration of VOT, milliseconds.

Введение

Различие между глухими и звонкими взрывными согласными, которое традиционно связывают с работой голосовых складок, на акустическом уровне не всегда сопровождается наличием/отсутствием периодических колебаний. Периодические колебания могут отсутствовать, но звук тем не менее будет восприниматься как звонкий [1. С. 28]. Наиболее надежным акустическим коррелятом, различающим пары взрывных согласных по глухости — звонкости, можно считать показатель времени задержки голоса относительно момента взрыва согласного (время начала озвончения) [1. С. 28; 2. Р. 171–174].

Время начала озвончения (ВНО) — время начала колебания голосовых складок относительно момента взрыва (от англ. voice on set time) [1. С. 28]. Этот акустический параметр в отечественной лингвистике практически не используется, в чем и состоит новизна настоящей работы. Длительность ВНО измеряется в миллисекундах (мс). Длительность ВНО в разных языках различна [3. Р. 207–229].

В русском языке глухие смычные согласные [п, т, к] имеют краткое позитивное ВНО (18–38 мс), звонкие смычные [б, д, г] — негативное ВНО

(70–78 мс), поскольку периодические колебания начинаются перед фазой взрыва согласного [4. Р. 269–286].

В немецком языке глухие смычные согласные [p, t, k] имеют длинное позитивное ВНО (31–75 мс), фонетически полувзвонкие или оглушенные [b, d, g] — краткое позитивное ВНО (5–21 мс) [5. Р. 353–376].

На основе этих данных можно предположить, что ВНО может подвергаться действию межязыковой фонетической интерференции [6. С. 7] в ситуации немецко-русского билингвизма.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 21-48-04401).

Для измерения длительности ВНО был проведен эксперимент в г. Бохум (Германия, Северный Рейн — Вестфалия) в русском культурном центре «Исток», а также в еврейском языковом центре Yahad Haverim Verein.

Цель настоящего исследования — определить длительность ВНО у испытуемых и сравнить его с характерной длительностью ВНО в русском и немецком языках при чтении вслух фонетически представительного текста [7. С. 1–15]. Под фонетически представительным (репрезентативным) текстом понимается такой текстовый материал, в котором частотное распределение фонетических единиц (фонемы, аллофоны, слоги) соответствует общеязыковому распределению, получаемому из статистического анализа опорного текстового корпуса.

Материалы и методы исследования

В соответствии с инструкцией испытуемые должны были прочитать вслух фонетически представительный текст в нормальном темпе. Предварительно у них была возможность ознакомиться с текстом (прочитать его про себя); в тексте не были проставлены ударения. Все предложения были представлены в виде пронумерованного списка. Чтение участников эксперимента записывали на диктофон Roland R-05 с частотой дискретизации 16 на 44 кГц.

Материал эксперимента — фонетически представительный текст, который состоял из 66 предложений, разных по цели высказывания, содержащих твердые взрывные смычные согласные (глухих 21 согласный и звонких 24 согласных) в начальной позиции в слове, являющейся наиболее объективной для измерения ВНО.

Испытуемые — 11 детей-билингвов и 9 взрослых (их родителей). Как указано в кандидатской диссертации А.С. Штерн, такое количество испытуемых является достаточным для фонетического эксперимента [8. С. 33].

Дети-школьники: 11 детей в возрасте от 9 до 16 лет (3–10-й классы); семеро из них родились на территории Германии (Северный Рейн — Вестфалия), трое родились в южных регионах России и на Украине (Ростов-на-Дону, Одесса, Черкассы), одна школьница из Тулы; последние четверо переехали в Германию в возрасте от года до трех лет. Среди детей шестеро юношей и пять девушек. Большинство из них учились в гимназиях, остальные — в школах (табл. 1).

Таблица 1

Информация об испытуемых детях

Испытуемые школьники	Возраст, лет	Место рождения	Возраст при отъезде из России
И1	9	Херне, Германия	
И2	11	Бохум, Германия	
И3	11	Тула, Россия	1 год
И4	12	Бохум, Германия	
И5	12	Эссен, Германия	
И6	13	Виттен-Хердеке, Германия	
И7	14	Черкассы, Украина	7 лет
И8	14	Ростов-на-Дону, Россия	3 года
И9	14	Одесса, Украина	1 год
И10	15	Эссен, Германия	
И11	16	Изерлон, Германия	

В эксперименте участвовали девять взрослых (родители детей) в возрасте от 35 лет до 51 года (шесть женщин и трое мужчин), выходцы из бывших республик СССР: России, Казахстана, Беларуси. Все они покинули СССР в 1990-е и 2000-е гг. в возрасте от 23 до 36 лет, прожили в Германии от 23 до 36 лет (табл. 2).

Таблица 2

Информация об испытуемых взрослых

Испытуемые родители школьников	Возраст, лет	Место рождения	Возраст при отъезде из России, лет
И1	35	Барнаул, Казахстан (проживание: Черкассы, Украина)	28
И2	39	Таганрог, Россия	28
И3	39	Минск, Беларусь	23
И4	40	Нефтекумск, Ставропольский край, Россия	25
И5	40	Тула, Россия	30
И6	46	Одесса, Украина	33
И7	47	Волгоградская обл., Россия	35
И8	49	Кировоград, Украина	31
И9	51	Харьков, Украина	36

До эксперимента всем испытуемым была предложена для заполнения анкета [9. С. 114].

В раннем детстве все школьники начинали говорить на русском языке, русский является для них родным языком. Практически у всех у них русские родители (у одного испытуемого родители говорили на русском, украинском, немецком и польском языках, т.к. мама была из Белгорода, а папа — силезский немец; у другого испытуемого родители говорили дома на украинском и русском языках); шестеро детей разговаривали дома на русском языке, а пятеро испытуемых использовали оба языка (родители разговаривали на русском, а дети между собой — на немецком). Один испытуемый указал, что папа разговаривает на украинском и русском, мама — на русском и немецком, а сам ребенок — на немецком и русском языках. Семь человек ведут счет на немецком, двое — на немецком и русском, один — на русском, один предпочитает это делать на украинском. Восемь человек предпочитают читать и писать на немецком языке, двое — на русском языке, а один одинаково свободно делает это на обоих языках. Все испытуемые владеют еще другими европейскими языками. Основным языком четверо испытуемых признали немецкий, пятеро — оба языка, двое — русский язык. Все они являлись учениками гимназий или школ, образование получали на немецком языке. У большинства детей родители имели высшее образование и работали по своей специальности. Только двое родителей, имея высшее образование, работали не по специальности. Все дети изучали русский язык в семье, умели читать, писать и говорить по-русски. Уровень владения русским языком у детей разный. Все они творчески и осмысленно умели выстраивать высказывания на русском языке, но могли допускать разного рода нарушения / ошибки / модификации, особенно на фонетическом уровне.

Что касается родителей, то их первым языком был русский, за исключением двух родителей (для одного основными являются оба языка: и русский, и немецкий, а для другого родителя основным был немецкий язык). Пятеро взрослых предпочитали считать на русском языке, четверо использовали для счета оба языка. Дома практически все они разговаривали по-русски. Четверо написали в анкете, что их дети между собой общаются по-немецки; при этом одна семья использовала дома немецкий, польский, русский и украинский языки, а другая — русский, немецкий и украинский. В основном у всех взрослых было высшее образование, полученное на русском языке. Трое из испытуемых получили дополнительное образование или прошли повышение квалификации на немецком языке. Большинство взрослых-билингвов работали в Германии по своей специальности, только трое из них выполняли работу, требующую более низкой квалификации. Шестеро билингвов предпочитали читать и писать на русском языке; один предпочитал читать по-немецки и по-русски, а писать по-русски; еще один указал, что читает на обоих языках, а пишет в 70% случаев на немецком языке и в 30% случаев на русском; один испытуемый указал, что у него вообще нет предпочтений. В основном все взрослые до отъезда из СССР владели английским языком, и только двое владели немецким. В настоящее время все

билингвы овладели немецким языком. Некоторые испытуемые владели и другими славянскими языками.

Методы исследования: инструментальный фонетический анализ с помощью программы Praat (version 6.0.26) (осциллограммы) [1. С. 57]; слуховой фонетический анализ диктофонных записей интерферентной русской речи с последующим транскрибированием и лингвистической интерпретацией; статистическая обработка данных; анкетирование.

Результаты исследования и их обсуждение

Рассмотрим процентные соотношения использования ВНО языков при реализации глухости/звонкости каждого смычного взрывного согласного.

При реализации ВНО глухости согласного /р/ дети пользовались в 61% случаев русским временным диапазоном, в 9% — немецким, в 30% не пользовались ни русским, ни немецким; взрослые в 90% случаев пользовались русским языком, только в 7% случаев — немецким, в 3% не пользовались ни немецким, ни русским языком (рис. 1, 2).

При реализации ВНО глухости переднеязычного смычного /т/ дети использовали в 68% случаев русский язык, в 15% — немецкий и в 17% не использовали ни тот, ни другой язык; взрослые в 78% случаев опирались на русский язык, в 11% — немецкий и в 11% не использовали ни русский, ни немецкий языки (рис. 3, 4).

При реализации ВНО глухого смычного взрывного /к/ дети использовали в 53% случаев немецкий язык, в 33% — русский язык, в 14% — ни тот, ни другой. Что касается родителей, то в 71% случаев при реализации глухости этого согласного они опирались на русский язык, в 17% — на немецкий язык и в 12% не опирались ни на русский, ни на немецкий языки (рис. 5, 6).

Таким образом, данные показывают, что глухие согласные сохраняют свое «русское лицо» (особенно в речи родителей). Исключением является заднеязычный смычный согласный /к/ в произношении детей, который имеет немецкое происхождение из-за трудности произношения русского согласного [10. С. 121].

При реализации ВНО звонкого русского губного смычного /б/ детская группа в большинстве случаев (64,6%) не использовала ВНО ни немецкого, ни русского языка. Только 30% использовали ВНО немецкого языка, остальные 5,4% — ВНО русского языка. Что касается произношения родителей, то при реализации данного звонкого согласного в 48% случаев они не опирались ни на один из указанных языков, в 46% диапазон согласного соответствовал согласному немецкого языка, только в 6% — русскому согласному (рис. 7, 8).

При реализации звонкости переднеязычного смычного /д/ в 65% случаев испытуемые дети не использовали ВНО ни немецкого, ни русского языка. В 29,8% случаев они исполь-

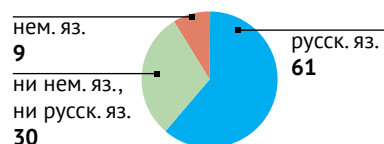

Рис. 1. Реализация ВНО глухого /р/ детьми, в %

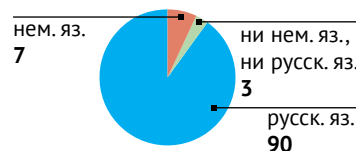

Рис. 2. Реализация ВНО глухого /р/ взрослыми, в %

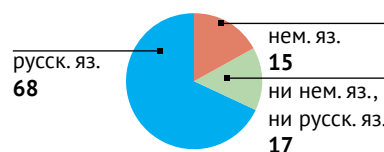

Рис. 3. Реализация ВНО глухого /т/ детьми, в %

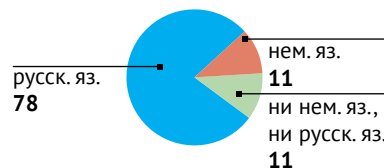

Рис. 4. Реализация ВНО глухого /т/ взрослыми, в %

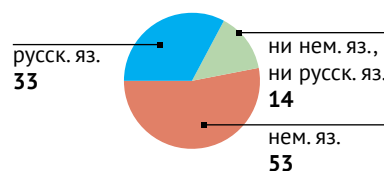

Рис. 5. Реализация ВНО глухого /к/ детьми, в %

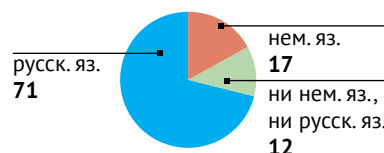

Рис. 6. Реализация ВНО глухого /к/ взрослыми, в %

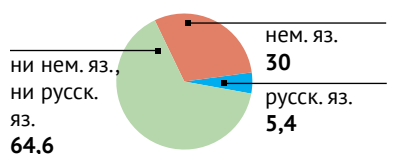
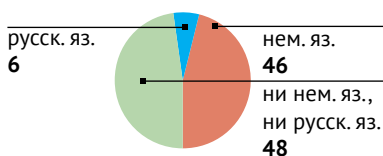
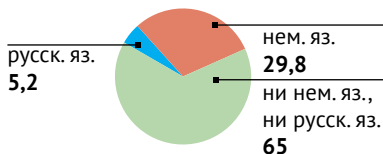

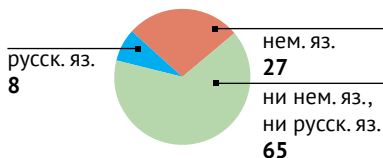
Рис. 7. Реализация ВНО звонкого /б/ детьми, в %

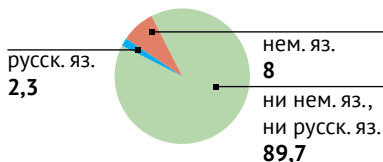
Рис. 8. Реализация ВНО звонкого /b/ взрослыми, в %

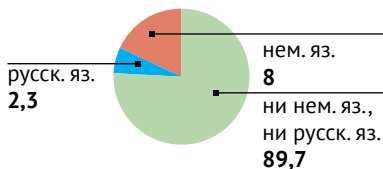
Рис. 9. Реализация ВНО звонкости /d/ детьми, в %

Рис. 10. Реализация ВНО звонкости /d/ взрослыми, в %

Рис. 11. Реализация ВНО звонкого /g/ детьми, в %

Рис. 12. Реализация ВНО звонкого /g/ взрослыми, в %

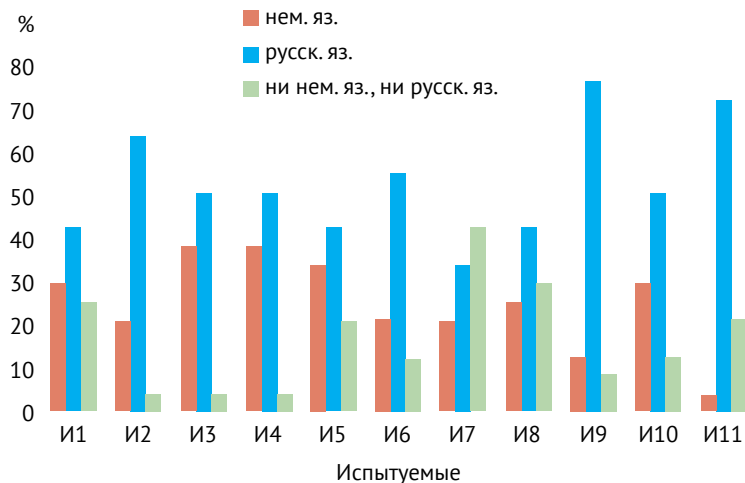
зовали ВНО немецкого языка, в 5,2% — русского. Что касается взрослых, то в 65% случаев (как и у детей) они не использовали ни немецкий, ни русский диапазон, в 27% случаев это был немецкий язык и только в 8% — русский язык, т.е. данные по этому согласному в речи родителей и детей практически полностью совпадают (рис. 9, 10).

При реализации звонкости заднеязычного смычного взрывного /g/ дети в 89,7% случаев не использовали ВНО ни русского, ни немецкого языка, в 8% случаев ВНО было из немецкого языка, в 2,3% — из русского. Взрослые в 76% случаев не использовали диапазон ни русского, ни немецкого языка, в 18% случаев применялся ВНО немецкого языка и в 6% — русского. В данной ситуации взрослые больше пользуются немецким языком, чем дети (рис. 11, 12).

При реализации глухости смычных согласных взрослые в 72% случаев и дети-билингвы в 56% случаев использовали русский язык (рис. 13, 14).

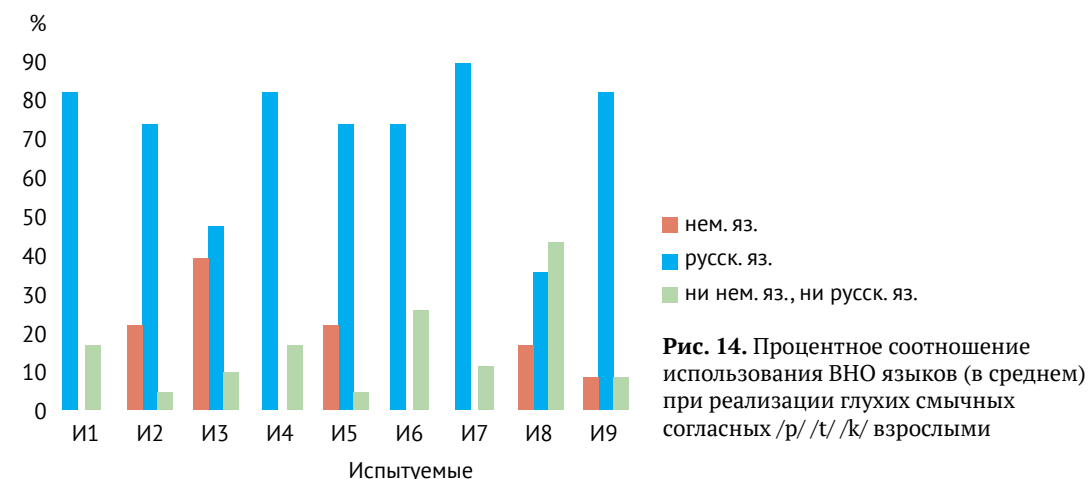
При реализации звонкости согласных взрослые в 61% случаев и дети в 73% случаев не использовали ни русский, ни немецкий язык; в 30,5% случаев взрослые и в 22% случаев дети использовали немецкий язык; в 6,4% случаев взрослые и в 3,4% случаев дети использовали русский язык (рис. 15, 16).

Таким образом, русскоязычные дети-билингвы Германии не знают, как реализовать звонкость русских согласных, и используют свою систему координат во времени, или у них сформирована промежуточная система, не имеющая соответствий ни в одном из двух языков, о существовании которой писала Н.А. Любимова [8. С. 7], характеризуя речь иностранцев, изучающих русский язык как иностранный. Звонкость согласных не является врожденным признаком для детей-билингвов. Что касается их родителей, значительное время проживающих в Германии, в их речи наблюдается процесс фонетической аттриции [11. Р. 1–43], т.е. забывание

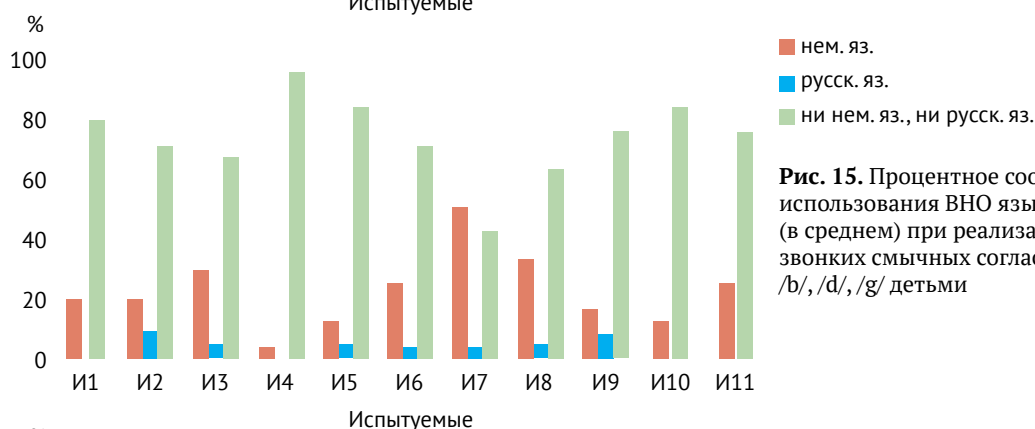

Рис. 13. Процентное соотношение использования ВНО языков (в среднем) при реализации глухих смычных согласных /p/ /t/ /k/ детьми

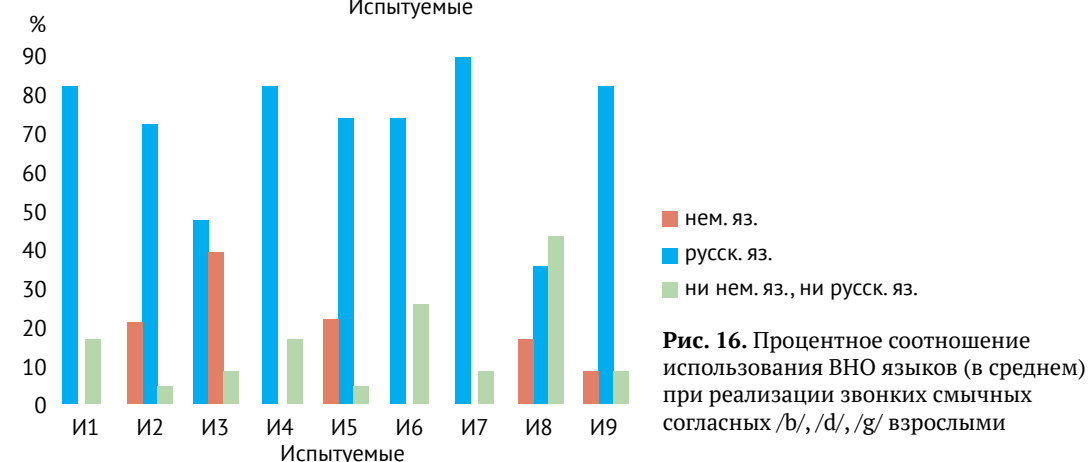

Рис. 14. Процентное соотношение использования ВНО языков (в среднем) при реализации глухих смычных согласных /p/ /t/ /k/ взрослыми

Рис. 15. Процентное соотношение использования ВНО языков (в среднем) при реализации звонких смычных согласных /b/, /d/, /g/ детьми

Рис. 16. Процентное соотношение использования ВНО языков (в среднем) при реализации звонких смычных согласных /b/, /d/, /g/ взрослыми

дифференциального признака звонкости русских согласных. В этом случае можно говорить о промежуточной аттриции, которая принципиально отличается от внешней и внутренней аттриции [Ibid.].

Заключение

Как показали результаты исследования, звонкость русских смычных взрывных согласных представляет наибольшую трудность для всех испытуемых вне зависимости от их возраста и частоты использования ими русского языка: ее диапазон не соответствует ни русским, ни немецким

согласным. Испытуемые использовали свою собственную длительность ВНО, что свидетельствует об образовании в их речи промежуточной или индивидуальной системы. При реализации ВНО глухих смычных взрывных согласных дети и взрослые — билингвы использовали ВНО русских согласных, кроме заднеязычного глухого /k/ в речи детей, ВНО которого соответствовало данным немецкого языка, что объясняется трудностью произношения русского согласного для данного контингента учащихся. Кроме того, очевидно, что звонкость согласных не является признаком, который можно расценивать как врожденный. Звонкость является наименее устойчивым признаком, подверженным фонетическим аттрициям.

Литература

1. Социофонетические методы анализа звучащей речи: учеб. пособие / Т.И. Шевченко, Е.А. Бурая, И.Е. Галочкина и др. Дубна: Феникс+, 2015. С. 28.
2. *Ashby P.* Understanding phonetics routledge. London; N.Y.: Taylor and Francis Group, 2011. P. 171–174.
3. *Cho Taechong, Ladefoged P.* Variation and universals in VOT: evidence from 18 languages // Journal of Phonetics. 1999. Vol. 27. P. 207–229.
4. *Ringen C., Kulikov V.* Voicing in Russian stops: cross-linguistic implications // Journal of Slavic Linguistics. 2012. No. 20 (2). P. 269–286.
5. *Braunschweiler N.* Integrated cues of voicing and vowel length in German: a production study // Language and Speech. 1997. No. 40 (4). P. 353–376.
6. Фонетический аспект общения на неродном языке: кол. монография / науч. ред. Н.А. Любимова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. С. 7.
7. *Степанова С.Б.* Фонетические свойства русской речи: реализация и транскрипция: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1988. 15 с.
8. *Штерн А.С.* Влияние лингвистических факторов на восприятие речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981.
9. *Земская Е.А.* Язык русского зарубежья: итоги и перспективы исследования // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 114.
10. *Зиндер Л.Р.* Теоретический курс фонетики современного немецкого языка: учеб. для студентов вузов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1997. С. 121.
11. *Köpke B., Schmid M.S.* First language attrition: the next phase // First language attrition: interdisciplinary perspectives on methodological issues / M.S. Schmid, B. Köpke, M. Keijzer, L. Weilemar. Amsterdam: John Benjamins, 2004.

References

1. Sotsiofoneticheskie metody analiza zvuchashchei rechi: ucheb. posobie / T.I. Shevchenko, E.A. Buraya, I.E. Galochkina i dr. Dubna: Feniks+, 2015. S. 28.
2. *Ashby P.* Understanding phonetics routledge. London; N.Y.: Taylor and Francis Group, 2011. P. 171–174.
3. *Cho Taechong, Ladefoged P.* Variation and universals in VOT: evidence from 18 languages // Journal of Phonetics. 1999. Vol. 27. P. 207–229.
4. *Ringen C., Kulikov V.* Voicing in Russian stops: cross-linguistic implications // Journal of Slavic Linguistics. 2012. No. 20 (2). P. 269–286.
5. *Braunschweiler N.* Integrated cues of voicing and vowel length in German: a production study // Language and Speech. 1997. No. 40 (4). P. 353–376.
6. Foneticheskii aspekt obshcheniia na nerodnom iazyke: kol. monografiia / nauch. red. N.A. Lyubimova. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2006. S. 7.
7. *Stepanova S.B.* Foneticheskie svoistva russkoi rechi: realizatsiia i transkriptsiia: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Leningrad, 1988. 15 s.
8. *Shtern A.S.* Vliianie lingvisticheskikh faktorov na vospriatie rechi: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Leningrad, 1981.
9. *Zemskaya E.A.* Iazyk russkogo zarubezh'ia: itogi i perspektivy issledovaniia // Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii. 2001. No. 1. S. 114.
10. *Zinder L.R.* Teoreticheskii kurs fonetiki sovremennogo nemetskogo iazyka: ucheb. dlia studentov vuzov. St. Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1997. S. 121.
11. *Köpke B., Schmid M.S.* First language attrition: the next phase // First language attrition: interdisciplinary perspectives on methodological issues / M.S. Schmid, B. Köpke, M. Keijzer, L. Weilemar. Amsterdam: John Benjamins, 2004.

Лыпкань Татьяна Витальевна,

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка как иностранного
и методики его преподавания
Санкт-Петербургский государственный университет

Lyupkan Tatiana V.,

Candidate of Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Russian as a Foreign Language
and Methods of its Teaching Department
Saint Petersburg State University

e-mail: lyupkan@mail.ru

Влияние транслингвизма на становление языковой картины мира на примере ассоциаций с цветообозначениями

Рассмотрены феномен транслингвизма, его важность в современном междисциплинарном дискурсе, широко представленном в современном мультилингвальном пространстве, тенденции исследований универсальных и специфических проявлений транслингвальных процессов. В связи с актуальностью проблемы в работе поставлена задача исследовать влияние транслингвизма на становление языковой картины мира как процесс восприятия окружающего мира в его цветовых составляющих, преломляющихся сквозь призму носителей разных языков. На основании наблюдения транслингвальных связей, возникающих между лингвоцветовыми стимулами, наглядно проиллюстрирована ключевая идея, что ряд закономерностей, проявляющихся во взаимодействии между родными и иностранными языками, свидетельствует о том, что многообразие языков создает различные мыслительные ракурсы и проекции осознания цветообозначений. Настоящее исследование основано на результатах ассоциативного эксперимента, проведенного среди лиц, говорящих на 15 различных языках. Такой ракурс исследования позволяет обосновать вывод, что осознание, восприятие цветообозначений в разных языках отражают комплементарность языковых процессов, их динамизм, глубинные качественные и количественные особенности. Языковая картина — отражение объективного цветового спектра в его национально-специфической интерпретации, свойственной представителям разных культур, — фиксирует особенности восприятия цветов и специфику языковых ассоциаций, свидетельствует об обретении ими новых смысловых связей и приводит к конструированию новых смыслов.

Ключевые слова: транслингвизм, картина мира, цветообозначения, когнитивная лингвистика, мультилингвальное пространство.

Введение

Одно из основных положений современной лингвистики касается интерпретации языка как семантической системы в аспекте ее функционирования. Исследование перспектив транслингвальных и транскультурных контактов как в области исследования языков, культур и литератур, так и в практике преподавания и перевода своевременно и закономерно в новой реальности глобального языкового пространства. Интерес к феномену транслингвизма, актуальному и актуализируемому в современном мультилингвальном пространстве, обусловлен важностью изучения контактов языков и культур как «выхода за пределы» одного конкретного языка в его творческом отношении с другими языками [1. С. 114]. Транслингвальные процессы имеют специфические и универсальные черты [2. С. 80], активно репрезентируемые в пространстве языка и культуры, в многослойности освоения действительности. Несомненна особая значимость исследований теоретического и прикладного значения транслингвальности, понимаемой как проницаемость языков, их взаимовлияние, — особенности культурного развития личности в результате транс-

The research focuses on the influence of translanguaging on the establishment of language worldview. Due to the relevance of the problem, the article sets the task to investigate the influence of translanguaging on the formation of the language worldview as a process of perceiving the environment through its color components through the prism of speakers of different languages. Based on the observation of translanguaging connections that arise between linguistic and color stimuli, the key idea is illustrated that a number of patterns that manifest themselves in the interaction between native and foreign languages indicate that the diversity of languages creates different mental angles and projections of color term awareness. This study is based on the results of an experiment conducted among speakers of 15 different languages. This perspective of the study allows us to substantiate that awareness and perception of color terms in different languages reflect the complementarity of language processes, their dynamism, deep qualitative and quantitative features. The language worldview is a reflection of the objective color spectrum in its specific interpretation and is characteristic of representatives of different cultures. It fixes the features of its perception and the specifics of language associations, indicates that they have acquired new semantic connections and leads to creation of new meanings.

Keywords: translanguaging, worldview, color terms, cognitive linguistics language proficiency.

культурации за границами сложившихся национальных культур через преодоление замкнутости их традиций, языковых и ценностных детерминаций [3. С. 160].

Такие явления, как транслингвизм и транскulturация, вошли в современный междисциплинарный дискурс и вызывают интерес ученых и с точки зрения культурологии и анализа художественного текста [4], и в плане языковой игры [5], вызванной транслингвальными связями, наблюдаемыми в речи билингвов и полилингвов. Кроме того, транслингвизм рассматривается с различных сторон в рамках обучения иностранным языкам, т.к. в ходе данного процесса может проявляться такое явление, как языковая интерференция [6]. В рамках транслингвальных исследований также делается особый акцент на межкультурной коммуникации и возникающих в ее ходе транскультурных явлениях.

Следует отметить тот факт, что в международном англоязычном научном дискурсе используется термин “translingualism”, первые упоминания которого встречаются в научной литературе в конце XX в. Определенный рост популярности термина наблюдался в начале XXI в., когда транслингвизм рассматривался учеными как художественный прием, проявляющийся в смене автором языка художественного текста [7].

Резкое повышение научного интереса к данному термину и соответствующей проблематике наблюдается во втором десятилетии XXI в. (рис. 1) прежде всего с точки зрения педагогики и обучения различным (не только языковым) дисциплинам; речь также идет о смене языков и их взаимодействии в социокультурном плане, о транслингвальности и гибридных явлениях в письменной речи [8]. Кроме того, транслингвизм также изучается в социокультурном плане и в рамках языковой политики, ученые рассматривают его проявления как некую манифестацию культурной резистентности [9]. Наконец, проявлением транслингвизма в наиболее широком смысле считается не только переход с одного языка на другой, но и различного рода осознанные и неосознанные переключения диалектов, стилевых средств и речевых норм [10].

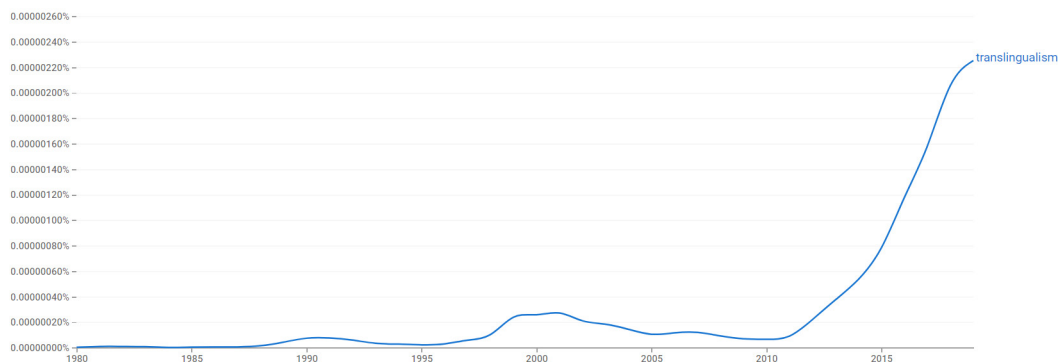

Рис. 1. Динамика частотности употребления термина “translingualism” (согласно данным Google N-gram Viewer)

Эти тенденции и динамично развивающиеся исследования позволяют сделать вывод о признании важности исследования транслингвизма в мировом научном сообществе, что и обуславливает к нему интерес как к культурному, лингвистическому, художественному, социальному и когнитивному феномену. Одна из важных для современной когнитивной лингвистики систем, помогающих исследовать взаимосвязи между языковыми явлениями и окружающей действительностью, — понятие языковой картины мира, отраженной в языке совокупности представлений об экстралингвистических реалиях. В фокусе настоящего исследовательского интереса — цветное восприятие, являющееся неотъемлемой частью жизни каждого человека. Цветовая среда, цветное видение мира в каждую эпоху осмысливаются в соответствии с «цветокультурными»

установками [11. С. 244]. Активные процессы современной межкультурной коммуникации, включенность представителей разных культур в единое информационное пространство в то же время не исключают того, что в цвете представители разных культур видят различные смыслы. Не подлежит сомнению тот факт, что «даже такое объективное, общее для всех людей ощущение, как цвет, в разных языках отражается по-разному, наименование красок составляет в каждом языке сложную систему, и системы разных языков обнаруживают показательные расхождения» [12. С. 98]. Осознание, восприятие цветообозначений в разных языках отражают комплементарность языковых процессов, их динамизм, глубинные качественные и количественные особенности новых смыслов [13; 14], дающих возможность изучать и концептуализировать мир.

Языковая картина мира, лингвоцветовая картина мира и транслингвальные феномены

В любом естественном языке отражается определенный способ восприятия и концептуализации действительности. Языковая картина мира передает единую систему взглядов, характерную для носителей языка, общую понятийную картину и специфические черты семантики языка, отличающие его от всех других языков. Понятие «картина мира» используется в различных науках и рассматривается как ключ к пониманию осмысления мира отдельной личностью или различающимися по размеру группами людей. В лингвистических науках существует термин «языковая картина мира», использующийся для обозначения системы представлений о мире, сформированной различными языковыми факторами. По Л. Вайсгерберу, словарный запас языка включает в себя как совокупность языковых знаков, так и совокупность понятийных мыслительных средств, содержит в своих понятиях определенную картину мира и передает ее всем членам языкового сообщества [15].

Как создается картина мира: первичная — от родного языка и вторичная — при изучении иностранных языков? Формирование языковой картины мира при освоении родного языка — длительный и, как правило, неосознанный процесс, оказывающий существенное влияние на восприятие окружающей действительности. В рамках когнитивной лингвистики рассматривается сегментация и дифференциация экстралингвистических факторов в зависимости от языка либо языков, оказавших наибольшее влияние на формирование картины мира индивида.

Языковая картина мира представляет особый научный интерес для ученых, изучающих влияние языков на восприятие окружающего мира, проявляющееся в таких транслингвальных феноменах, как языковая интерференция, приводящая к попыткам употребления идиоматических выражений, отсутствующих в одном из языков, которыми владеет говорящий; специфические лингвокультурные ассоциации, отражающиеся в речи; наличие определенных типов стандартизации мышления и многие другие явления.

Среди основных факторов, влияющих на формирование языковой картины мира, можно назвать: взаимодействие с определенными пластами культуры как на вербальном, так и на невербальном уровне; изучение родных и иностранных языков как в рамках образовательных программ, так и за их пределами; опыт общения с носителями языка, использование его как *lingua franca*, а также иные факторы.

Феномен цвета и его проявление в языке давно привлекали внимание ученых ввиду, с одной стороны, наличия однозначной системы обозначения цветов в точных науках и в технике и легкости оптической деконструкции данного явления и, с другой стороны, субъективности выражения различных цветов в языке (на индивидуальном и групповом уровнях). Согласно результатам исследований, человеческий глаз может различать свыше миллиона оттенков.

Проблема обозначения цветов в различных устройствах решена путем присвоения каждому цвету кода, обозначающего содержание в нем каждого из трех основных цветов — красного, зеленого и синего — от 0 до 255. Эта система позволяет обозначить любой из 256^3 цветов, что со-

ставляет более 16 миллионов. В то же время количество наиболее часто употребляемых цветообозначений в языках редко превышает 20 лексических единиц, после чего их частотность начинает резко падать, и используются особые лексические средства, обозначающие более светлые или темные оттенки (*темно-синий, светло-зеленый*), а также различные комбинации существующих цветообозначений (*сине-зеленый*).

Как было доказано учеными Б. Берлином и П. Кеем, проводившими масштабный эксперимент в сфере когнитивной лингвистики, в различных языках и культурах существуют определенные лингвоцветовые универсалии, диктующие порядок появления в языке цветообозначений [16]. Тем не менее системы цветообозначений значительно разнятся даже внутри одной языковой семьи, а цветовые ассоциации и лексическая сочетаемость могут быть диаметрально противоположными. В русскоязычной когнитивной лингвистике, проявляющей интерес к данному явлению, употребляется специальный термин «лингвоцветовая картина мира» [17. С. 74].

Лингвоцветовые стимулы. Влияние транслингвизма на формирование индивидуальной картины мира

Для понимания человека в социуме важна «глубинная интерпретация наблюдаемых в опыте фактов языка» [18. С. 4]. Наш исследовательский интерес в этой связи направлен на изучение влияния транслингвизма и процесса освоения языка на формирование индивидуальной языковой картины мира, по справедливому утверждению З.Г. Прошиной, «обусловленное одновременным существованием индивида в роли сразу нескольких идентичностей в разных культурах, с сохранением отпечатков каждой из них» [Там же. С. 158]. Полагаем, что по мере освоения языка, которое проходит как в рамках формальных образовательных программ, так и путем соприкосновения с культурой и произведениями искусства и пребывания на территории страны изучаемого языка, обучающиеся запоминают определенные устойчивые выражения. При этом их языковая картина мира стандартизуется путем сужения лексической валентности слов и становится, с одной стороны, более схожей с языковой картиной мира носителей языка, а с другой — приобретает индивидуальные и национальные черты, выражению которых способствует разнообразие речевых средств, которыми овладел говорящий.

В рамках настоящего исследования был проведен эксперимент, в ходе которого 95 носителям 15 различных языков были представлены лингвоцветовые стимулы на русском языке, включающие в себя семь спектральных цветообозначений (*красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый*), три ахроматических цветообозначения (*черный, белый, серый*) и три цветообозначения, входящие в число наиболее частотных (*розовый, золотой, коричневый*) согласно статистике запросов в поисковой системе Google (рис. 2).

Рис. 2. Лингвоцветовые стимулы, представленные участникам эксперимента

и три цветообозначения, входящие в число наиболее частотных (*розовый, золотой, коричневый*) согласно статистике запросов в поисковой системе Google (рис. 2).

Выборка участников эксперимента является репрезентативной; условия, в которых проходил эксперимент, исключают наличие факторов, повышающих погрешность при обработке результатов. Возраст участников от 16 до 37 лет; наиболее часто представленным значением являлось 17 лет. Среди языков, носителями которых являются участники эксперимента, следует отметить следующие: туркменский, таджикский,

корейский, вьетнамский, китайский (путунхуа), французский, китуба, тайский, сингальский, корейский, испанский, фарси, греческий, арабский, английский. Данная выборка обеспечивает наличие языков не только различных групп, но и различных языковых семей и позволяет проследить разноплановые транслингвальные изменения.

Кроме того, следует отметить различный уровень владения русским языком: в то время как у большинства участников опыт изучения русского языка продолжался от трех месяцев до трех лет, развитие языковой личности некоторых из них проходило в билингвальной среде, характеризуемой определенной степенью диглоссии.

Участникам была предоставлена возможность проследить три первичных отклика на возникающие лингвоцветовые стимулы и изложить их в вербальной форме.

Одна из целей эксперимента — попытка обнаружить признаки стандартизации формирования языковой картины мира, обусловленные либо следованием образовательным программам, включающим в себя лексический минимум, либо ознакомлением с определенными пластами культуры, создающими определенные ассоциации в языковой картине мира у лиц, изучающих язык, а также иными факторами.

Одним из условий проведения эксперимента было наличие свободной формы ответа: отсутствовали ограничения, налагаемые на части речи, или монолексемность ответа; единственным требованием являлось предоставление трех языковых ассоциаций, возникающих в результате отклика на каждый из 13 лингвоцветовых стимулов. По данной причине некоторые полученные в результате эксперимента ответы представляли собой не словосочетания, а комбинации вида «прилагательное цветообозначения + прилагательное», «прилагательное цветообозначения + прилагательное + существительное» и др.

По окончании эксперимента языковой материал, полученный в результате опроса, был обработан и унифицирован. Один из основных результатов исследования — обнаружение прямой пропорциональной связи между уровнем владения русским языком и тенденцией к использованию устойчивых выражений, имеющих высокую степень идиоматичности, а также словосочетаний, в основе которых лежат эпитеты.

С целью демонстрации данной закономерности на рис. 3 приведены некоторые сочетания, выбранные участниками эксперимента, у которых было меньше времени на изучение русского языка.

Как видим из рисунка, словарный запас ограничивал участников эксперимента в проявлении более комплексных цветовых ассоциаций. При ответе они больше руководствовались теми словами, которые изучали в рамках курса русского языка как иностранного. Основной задачей для отвечающих являлось заполнение всех 39 полей, что тем не менее не являлось обязательным, и некоторые участники заполнили только одно или два поля.

Также ограниченность словарного запаса проявлялась в том, что отвечающие были вынуждены повторять одни и те же лексические единицы. Например, слово *очки* было приведено одним участником в сочетании и с *фиолетовым*, и с *золотым* цветом — возможно, по причине экономии речевых средств и с целью уменьшения времени, затраченного на ответ. Кроме того, в первой подгруппе отмечается большое количество названий видимых и окружающих участников эксперимента предметов: одежды (*рубашка, юбка, платье, пальто, одежда*), канцелярских

Рис. 3. Лингвоцветовые ассоциации с компонентом «черный» (опыт изучения русского языка менее одного года)

принадлежностей и мебели (*ручка, карандаш, линейка, стол, стул*), что может быть обусловлено результатами поиска подходящих объектов, сочетающихся с определенными цветообозначениями. Однако даже на этом уровне имеют место некоторые возможные элементы транслингвизма: пять носителей китайского языка независимо друг от друга записали словосочетание *черная доска*, обозначающее, как и в английском языке (*blackboard*), классную или школьную доску вне зависимости от ее цветовой характеристики.

В группе респондентов с более высоким уровнем владения языком (изучающих русский язык более одного года) наблюдается более высокий уровень идиоматичности и символичности словосочетаний, в которых прилагательное цветообозначения претерпевает семантическую трансформацию, часто приобретает дополнительные коннотации и перестает играть свою первоначальную роль обозначения визуального признака (рис. 4).

Следует также отметить, что сочетаемость прилагательных цветообозначения во второй подгруппе опрашиваемых имела высокую степень корреляции с наиболее частотными словосочетаниями вида «прилагательное + существительное», представленными в русскоязычном корпусе RuTenTen, насчитывающем 14 миллиардов слов (рис. 5).

Помимо представленных феноменов, следует отметить определенные культурные трансформации, частично вызванные формированием подлинного билингвизма: носитель китайского языка, три года изучающий русский язык, указал в своих ответах словосочетание *черный чай*, что является отражением русскоязычной культуры, т.к. по китайской классификации подобный сорт чая именуется *красным*.

Подобная ситуация наблюдалась и в сфере цветообозначений с компонентом *красный*: первая подгруппа предлагала в определенной мере абстрактные или нестандартные компоненты (*пафос, кожа, фетр, куртка, обувь, брюки*) (рис. 6).

Во второй подгруппе респондентов также наблюдалась более высокая степень идиоматичности, приближающая говорящих к носителям русского языка. Следует выделить группу словосочетаний, связанных с языковыми реалиями, которые сформировались под влиянием языковой картины мира, специфической для русскоязычного и постсоветского пространства: *Красная площадь, красное знамя, Красная армия, красный борщ, красный флаг, красная икра* и др. (рис. 7).

Рис. 4. Лингвоцветовые ассоциации с компонентом «черный» (опыт изучения русского языка более одного года)

море Черного моря	103,340 ...	кошка черная кошка	11,520 ...
перец черный перец	51,272 ...	краска черной краской	11,505 ...
цвет черного цвета	125,496 ...	кофе черный кофе	10,064 ...
смородина черной смородины	30,541 ...	кот черный кот	8,171 ...
икра черной икры	14,021 ...	пояс черный пояс	8,506 ...
чай черный чай	20,800 ...	лебедь Черный лебедь	6,437 ...
волос черные волосы	26,167 ...	глаз черные глаза	21,431 ...
платье черное платье	16,371 ...		

Рис. 5. Сочетаемость лексики «черный» согласно статистике русскоязычного лингвистического корпуса RuTenTen (с указанием частотности)

Рис. 6. Лингвоцветовые ассоциации с компонентом «красный» (опыт изучения русского языка менее одного года)

Среди транслингвальных и транскультурных явлений можно упомянуть те, в которых прослеживается взаимодействие различных языковых и культурных явлений: *красный Китай* (выбранное носителем корейского языка), *красная стена Кремля*, *красный флаг Китая*, *красный Китайский Новый год*, *красная Северная Корея* (ассоциация, возникшая у гражданина Южной Кореи). Как и в случае с другими цветообозначениями, словосочетания из второй подгруппы имели высокую степень корреляции с русскоязычным корпусом (рис. 8).

В результате исследования были отмечены словосочетания, в которых присутствовал цветовой компонент, используемый в переносном значении, причем устоявшаяся в русском языке семантическая связь могла являться как калькой с родного языка, так и результатом формирования у обучающегося русскоязычной языковой картины мира, развивающейся под влиянием художественной и учебной литературы, а также произведений русскоязычной словесности и окружающей лингвокультурной действительности: *белый снег*, *белый лебедь*, *белый свет*, *белый хлеб*, *черный кот*, *черная работа*, *черный список*, *черный перец*, *красный фонарик*, *красная девушка*, *красный томат*, *красная ручка*, *красное вино*, *зеленый лес*, *серый волк*, *серая мышь*, *розовое масло*, *золотая медаль*, *золотая монета*, *золотая рыбка*, *золотой слиток*, *голубые глаза*, *голубое небо* и др.

Также в качестве примера транслингвальных явлений можно привести следующие ассоциации, возникшие у носителей различных языков: *зеленый флаг* (как пример ассоциации, приведенной гражданкой Туркменистана); *оранжевый лимон* (а не *желтый*, более характерный для русскоязычной лингвоцветовой картины); *черная панда* (животное, занимающее важное место в парадигме носителей китайского языка; следует также отметить, что большая часть шерсти данного животного является белой, а не черной); *коричневый батат* (приведено участником из Китая, являющегося главным экспортером этого овоща; лексическая единица является нестандартной для русскоязычной картины мира); *фиолетовый мангостан* (ассоциация, возникшая у носителя тайского языка). Следует отметить явления, вызванные глобализацией и культурой потребления, восходящие, как правило, к английскому языку (некоторые из них были написаны латиницей): *красная «Феррари»*; *фиолетовая «Милка»*; *желтый миньон*, *цитрус*; *желтая «Фанта»*; *розовая Hello Kitty* и др.

Заключение

Языки, как живое, динамичное средство общения, способны к передаче различных новых, возникающих смыслов и к отражению их динамики, способствуют их созданию и развитию. Культурно-историческая парадигма исследования языковых процессов как продукта культуры

Рис. 7. Лингвоцветовые ассоциации с компонентом «красный» (опыт изучения русского языка более одного года)

армия	154,261 ...	звезда	41,498 ...
Красной Армии		Красной Звезды	
крест	48,058 ...	кирпич	15,914 ...
Красного Креста		из красного кирпича	
цвет	117,294 ...	диплом	17,490 ...
красного цвета		с красным дипломом	
знамя	34,556 ...	икра	13,331 ...
Красного Знамени		красной икры	
вино	47,636 ...	октябрь	17,242 ...
красного вина		Красный Октябрь	
перец	36,073 ...	флаг	14,994 ...
красный перец		красный флаг	
площадь	70,123 ...	книга	45,185 ...
на Красной площади		в Красную книгу	

Рис. 8. Сочетаемость лексемы «красный» согласно статистике русскоязычного лингвистического корпуса RuTenTen (с указанием частотности)

иллюстрирует сложные и многообразные процессы мультилингвального пространства, различные способы представления многомерности и многообразия бытия человека, позволяет актуализировать его разнообразные свойства и качества.

Между языком и миром, точнее, между языками и миром стоит человек. «Мышление не просто зависит от языка вообще, а до известной степени оно обусловлено также каждым отдельным языком» [19. С. 317]. Обозначение предмета словом, в том числе и использование цветообозначений, — это не изолированный акт словотворчества, а часть единого процесса языкового созидания, нашедшего отражение в языковой картине мира. В семиозисе язык предстает как творческий процесс, как инструмент связи с другими семиотическими системами, например изобразительными, нашедшими свое отражение в проводимом эксперименте. Многообразие языков создает различные мыслительные ракурсы и проекции, порождает новые смыслы.

Взаимодействие различных языковых и культурных явлений, их влияние на формирование индивидуальной языковой картины мира, очевидно, обусловлено одновременным существованием индивида в роли сразу нескольких идентичностей в разных культурах с сохранением каждой из них. Примером служат продемонстрированные носителями разных языков языковые реалии, сформированные под влиянием языковой картины мира, являющейся специфической для русскоязычного и постсоветского пространства. В аспекте сохранения и обозначения культурно значимой информации цветообозначения органично включаются в коммуникативную деятельность и создают культурно значимую диалектическую иерархию «всеобщее — отдельное — особенное — единичное». Наряду с языковой и культурно-исторической спецификой перцептивные процессы выявляют и индивидуальный содержательный компонент, нередко весьма уникальный и субъективный.

Выявлена и частично вытекающая из этих выводов обратная закономерность: чем хуже владение языком, тем ниже была вариативность объектов и явлений, связанных с лингвоцветовыми символами. И наоборот, при высоком уровне владения языком наблюдалась высокая степень идиоматичности, стандартизация лингвоцветовой картины мира и выравнивание частоты использования словосочетаний относительно статистических данных, основанных на корпусных исследованиях.

Таким образом, в ходе эксперимента установлены многочисленные транслингвальные связи и их влияние на развитие языковой картины мира говорящего, а также описаны особенности их проявления в речи, отражающие языковое мировидение представителей разных культур — непрекращающийся процесс постижения мира через язык.

Литература

1. Hansen J. Introduction: translanguaging and transculturality in Russian contexts of translation // *Translation Studies*. 2018. No. 11. P. 113–121.
2. Бахтициреева У.М. О транслингвизме и транскulturации через призму одной языковой биографии // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2016. № 2 (50). С. 80–84.
3. Прошина З.Г. Транслингвизм и его прикладное значение // *Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*. 2017. Т. 14. № 2. С. 155–170.
4. Бахтициреева У.М. Русскоязычие как актуальная междисциплинарная проблема // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2015. № 1. С. 94–99.
5. Каракуц-Бородина Л.А. Транслингвизм и языковая игра: (на материале произведений В.В. Набокова) // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2007. № 3-II. С. 151–155.
6. Кадырова Г., Маймакова А. Транслингвизм и проблемы обучения иностранному языку // *Humanistica*. 2019. Т. 3. № 21. С. 329–350.

References

1. Hansen J. Introduction: translanguaging and transculturality in Russian contexts of translation // *Translation Studies*. 2018. No. 11. P. 113–121.
2. Bakhtikireeva U.M. O translanguaging i transkulturationsi cherez prizmu odnoi iazykovoi biografii // *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*. 2016. No. 2 (50). S. 80–84.
3. Proshina Z.G. Translanguaging i ego prikladnoe znachenie // *Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniia: iazyki i spetsial'nost'*. 2017. T. 14. No. 2. S. 155–170.
4. Bakhtikireeva U.M. Russkoiazychie kak aktual'naia mezhdistsiplinarnaia problema // *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*. 2015. No. 1. S. 94–99.
5. Karakuts-Borodina L.A. Translanguaging i iazykovaia igra: (na materiale proizvedenii V.V. Nabokova) // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iazyk i literatura*. 2007. No. 3-II. S. 151–155.
6. Kadyrova G., Maimakova A. Translanguaging i problemy obucheniia inostrannomu iazyku // *Humanistica*. 2019. T. 3. No. 21. S. 329–350.

7. *Kellman S.G.* Switching languages: translingual writers reflect on their craft // U of Nebraska Press, 2003.

8. *Gevers J.* Translingualism revisited: language difference and hybridity in L2 writing // Journal of Second Language Writing. 2018. Vol. 40. P. 73–83.

9. *Canagarajah S., Dovchin S.* The everyday politics of translingualism as a resistant practice // International Journal of Multilingualism. 2019. Vol. 16 (2). P. 127–144.

10. *Gilyard K.* The rhetoric of translingualism // College English. 2016. Vol. 78 (3). P. 284–289.

11. *Любимова Н.И.* Место лингвоцветовой картины мира в культурном наследии языка // Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики. 2016. Т. 4. С. 244–247.

12. *Гак В.Г.* Сопоставительная лексикология: на материале французского и русского языков. М.: Либроком, 2018. 264 с.

13. *Привалова И.В.* Интеркультура и вербальный знак (лингвокognитивные основы межкультурной коммуникации). М.: Гнозис, 2005. 472 с.

14. *Новикова М.Л., Новиков Ф.Н.* Культурные коды новой реальности мультилингвального пространства и межъязыковые контакты (сквозь призму исследования цветообозначений). DOI 10.20339/PhS.6-21.184 // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 6 (2). С. 184–191.

15. *Вайсгербер Л.* Родной язык и формирование духа. М.: Едиториал УРСС, 2004. 232 с.

16. *The world color survey* / P. Kay, B. Berlin, L. Maffi et al. Stanford, CA: CSLI Publications, 2009.

17. *Алымова Е.Н.* Ассоциативная лингвоцветовая картина мира // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9: Филология, востоковедение, журналистика. 2007. Вып. 2. Ч. 2. С. 74–77.

18. *Новиков Л.А.* Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982. 272 с.

19. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. 400 с.

7. *Kellman S.G.* Switching languages: translingual writers reflect on their craft // U of Nebraska Press, 2003.

8. *Gevers J.* Translingualism revisited: language difference and hybridity in L2 writing // Journal of Second Language Writing. 2018. Vol. 40. P. 73–83.

9. *Canagarajah S., Dovchin S.* The everyday politics of translingualism as a resistant practice // International Journal of Multilingualism. 2019. Vol. 16 (2). P. 127–144.

10. *Gilyard K.* The rhetoric of translingualism // College English. 2016. Vol. 78 (3). P. 284–289.

11. *Lyubimova N.I.* Mesto lingvotsvetovoi kartiny mira v kul'turnom nasledii iazyka // Nauka. Kul'tura. Iskusstvo: aktual'nye problemy teorii i praktiki. 2016. T. 4. S. 244–247.

12. *Gak V.G.* Sopostavitel'naia leksikologiya: na materiale frantsuzskogo i russkogo iazykov. Moscow: Librokom, 2018. 264 s.

13. *Privolova I.V.* Interkul'tura i verbal'nyi znak (lingvokognitivnye osnovy mezhkul'turnoi kommunikatsii). Moscow: Gnozis, 2005. 472 s.

14. *Novikova M.L., Novikov F.N.* Kul'turnye kody novoi real'nosti mul'tilingual'nogo prostranstva i mezh'iazykovye kontakty (skvoz' prizmu issledovaniia tsveooboznachenii). DOI 10.20339/PhS.6-21.184 // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly. 2021. No. 6 (2). S. 184–191.

15. *Vaisgerber L.* Rodnoi iazyk i formirovanie dukha. Moscow: Editorial URSS, 2004. 232 s.

16. *The world color survey* / P. Kay, B. Berlin, L. Maffi et al. Stanford, CA: CSLI Publications, 2009.

17. *Alymova E.N.* Assotsiativnaia lingvotsvetovaia kartina mira // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9: Filologiya, vostokovedenie, zhurnalistika. 2007. Vyp. 2. Ch. 2. S. 74–77.

18. *Novikov L.A.* Semantika russkogo iazyka. Moscow: Vysshaya shkola, 1982. 272 s.

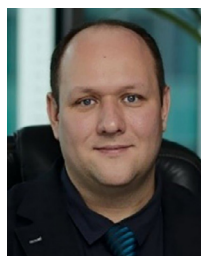
19. *Humboldt W.* Izbrannye trudy po iazykoznaniiu. Moscow: Progress, 2000. 400 s.

Новикова Марина Львовна,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
и лингвокультурологии
Институт русского языка
Российский университет дружбы
народов

Novikova Marina L.,
Doctor of Philology, Professor of the
Russian Language and
Cultural Studies Department
Russian Language Institute
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: novikova-ml@rudn.ru

Новиков Филипп Николаевич,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных
языков Юридический институт
Российский университет дружбы
народов

Novikov Phillip N.,
Candidate of Philology, Associate
Professor of the
Foreign Languages Department
Law Institute
Peoples' Friendship University of
Russia

e-mail: philippnovikov@gmail.com

О сходстве и различии в употреблении пассива в русской и турецкой речи

Проведено сравнительное исследование употребления в турецкой и русской речи форм страдательного залога. В ходе работы обнаружены различия в использовании глагольных форм, выражающих значение пассива. Русский язык имеет несколько способов такого выражения, турецкий язык в этом отношении более последовательный и передает значение страдательности одним способом, причем отмечается регулярность в употреблении залоговых форм в речи. Продемонстрированы различные языковые стратегии в кодировании одного и того же мыслительного содержания, что позволит понять сами языковые механизмы, а также облегчить восприятие сложного грамматического значения пассива для носителей противоположных языков с целью эффективного усвоения ими чужого языка. Исследование проведено в рамках системной лингвистики на основе предположения, что причину языковых способов выражения того или иного значения следует искать в детерминанте языковых типов. Русский язык является флективным языком, турецкий язык входит в группу агглютинативных языков. Разные способы выражения значения пассива коренятся в различном грамматическом принципе: носители русского языка имеют набор заготовленных заранее способов выражения, носители турецкого языка — набор отдельных морфем, из которых и формируют словоформу в момент разговора.

Ключевые слова: системная лингвистика, Г.П. Мельников, категория залога, страдательный залог, актив, пассив, пассивные конструкции, турецкий язык, грамматика тюркских языков.

В современном языкознании все больший интерес вызывают исследования, направленные на сравнение способов кодирования одного и того же мыслительного содержания, обнаруживаемых в разных языковых системах. При этом крайне важным для науки предстает анализ систем, относящихся к языкам различного типологического устройства, например языков флективных и агглютинативных [1]. Подобные исследования приобретают все большую значимость в силу самых разных причин. В эпоху глобализации, при более тесном взаимодействии народов на самых разных уровнях жизнедеятельности, у людей растет потребность в изучении иностранных языков, вследствие чего усиливается и запрос на создание эффективных методик преподавания. На наш взгляд, эффективными можно назвать методики, ориентированные на высвечивание в иностранном языке чуждых языковых явлений, тех языковых форм и способов языкового выражения, которые отличаются от имеющихся в родном языке [7. С. 139]. На практике это проявляется в том, что при преподавании иностранного языка необходимо осознавать как все его «острые углы», так и моменты несовпадений с родным языком. Нередко именно различия в области языковых систем оказываются препятствиями на пути постижения нового языка, и чем дальше изучаемый язык отстоит от языка родного, тем, бесспорно, возникает больше препятствий. В этом отношении конкретным прикладным целям могут и должны служить достижения теоретического языкознания. Так, результаты исследований в области системной лингвистики

The author of the article conducts a comparative study of the use of forms of the passive voice in Turkish and Russian speech. In the course of scientific analysis, striking differences are found in the use of verb forms expressing the meaning of the passive. The Russian language has several ways of expressing this, the Turkish language is more consistent in this respect and conveys the meaning of suffering in one way, and adheres to the regularity in the use of voice forms in speech. The author demonstrates various language strategies in coding the same mental content, which can help in understanding the language mechanisms themselves, as well as facilitate the perception of the complex grammatical meaning of the passive for speakers of opposite languages for more effective mastering of a foreign language. The author conducts research within the framework of system linguistics, believing that the reason for the language ways of expressing a particular meaning should be sought in the determinant of language types. The Russian language is an inflectional language, the Turkish language is included in the group of agglutinative languages. Different ways of expressing the meaning of the passive are rooted in a different grammatical principle: Russian speakers have a set of pre-prepared ways of expression, while Turkish speakers have a set of separate morphemes, from which they form a word form at the moment of speaking.

Keywords: systems linguistics, G.P. Melnikov, voice category, passive voice, active, passive, passive constructions, Turkish language, grammar of Turkic languages.

могут иметь применение и в области методических разработок по преподаванию разных языков с целью преподнесения сложного, экзотического материала одного языка изучающим этот язык людям, которые являются носителями другого языка и другой культуры.

Предмет настоящего исследования — речевые реализации формы страдательного залога и выделение тех сходных и отличительных черт, которые наблюдаются в этом вопросе как в турецкой, так и в русской речи. Исследования даже в рамках одной грамматической темы и сравнение примеров того, как в языке кодируется мысль, содержащая информацию о том, что принято именовать пассивом, позволят в итоге выйти на обобщения общетеоретического уровня. По словам Й. Коржинека, в любом конкретном высказывании, даже самом незначительном по объему, всегда реализуется вся его языковая типологическая сущность. В любом речевом отрезке проявляются все структурные закономерности, присущие языку в целом. Языковая система исчерпывающе представлена совокупностью индивидуальных речевых актов, в которых она получает осязаемое воплощение [8. С. 317–318]. С другой стороны, необходимо осознавать, что любые смыслы и любое мыслительное содержание могут быть выражены средствами разных языков. Ссылаясь на опыты переводов с различных языков, В. Гумбольдт отмечает, что «пусть даже с различной точностью, каждая мысль может быть выражена в любом языке» [5. С. 308].

Направленность любого лингвистического исследования определяет тот терминологический аппарат, который лежит в его основе. Настоящее исследование в качестве базового избирает комплекс теоретических положений, выработанных системной лингвистикой и ее основателем Г.П. Мельниковым (1928–2000) [11]. Язык, согласно его концепции, представляет собой естественную систему и в силу своей интерпретационной особенности по-разному членит объективную действительность, о чем свидетельствуют слова и формы различных языков мира [15. С. 19]. В связи с еще одним тезисом о различии языка и мышления, который поддерживает автор статьи [6], хотелось бы особо подчеркнуть, что именно в значениях (означаемых) языковых единиц (и лексических, и морфологических) прежде всего и заложено различное понимание, различная интерпретация языком фрагментов окружающего мира, отражение которых на уровне мышления (сознания), скорее всего, является одинаковым у носителей разных языков. Именно те языковые образы, которые составляют значения как лексических, так и морфологических (грамматических) единиц, отличают один язык от другого. Другими словами, наиболее значимые различия языков заключены в значениях их единиц.

Однако различия в языковых значениях выявить на практике становится возможным, лишь анализируя речевые использования конкретной единицы и регистрируя конкретные смыслы (смысловое поле) исследуемого слова или морфологической формы. Так, турецкое слово *bardak* находит свое соответствие в русском слове *стакан* лишь приблизительно. Как известно, в русском языке предмет, который означает этим словом, «представляет собой цилиндрический сосуд без ручки» [13. С. 622], используемый для различных напитков и имеющий для носителя русского языка определенный вид. При анализе смыслов слова *bardak* в турецкой речи становится понятным, что оно употребляется в нескольких случаях: во-первых, для названия того, что в русском языке называется стаканом, а во-вторых, для названия особого сосуда, размер которого меньше, чем у стакана, который имеет сужение посередине и из которого жители Турции пьют чай. Причем на первый взгляд этот сосуд никак не ассоциируется у русскоговорящего человека с классическим русским стаканом.

Любой язык, таким образом, должен восприниматься исследователями в качестве носителя набора уникальных языковых значений, аналогов которых в других языковых системах может и не быть. Но кроме этого положения причиной разительных различий между языками на уровне имеющихся в их системах средств технического преобразования слова, бесспорно, является, как было уже отмечено, принадлежность языков к разным языковым типам. У языков с флективной структурой и состав морфем, и правила их функционирования будут существенно отличаться от того, что наблюдается в языках агглютинативного типа. Одним из основоположников подхода

к поиску общего принципа организации языковой системы и различий в типах языков по праву можно назвать Г.П. Мельникова. Именно этому ученому принадлежит идея, что в основе каждого языкового типа лежит свой доминирующий закон — детерминанта, определяющая всю структуру языка и обуславливающая имеющиеся в языках данного типа особенности [10. С. 105]. Русский и турецкий языки принадлежат к языкам разных морфологических типов: русский язык является языком флективного типа, турецкий — агглютинативного. Это положение выступает в качестве фактора, обуславливающего наличие различных стратегий в передаче мыслительного содержания пассивности. Эти различия вытекают из разных детерминант данных типов языков. Г.П. Мельников, размышляя о причинах специфики языкового устройства тюркских языков, опирался на идеи предшествующих ученых, среди которых русский ученый польского происхождения И.А. Бодуэн де Куртэнэ (1845–1929). Этот лингвист при сопоставлении строя индоевропейских и «туранских» языков отмечал, что во флективных индоевропейских языках наблюдается «слитие всех слогов, как суффиксов и т.д., в одно слово», тогда как в «туранских» языках «сохраняется отчетливость, обособленность суффиксов, сочетающихся, так сказать, только временно с известным главным корнем» [2. С. 104].

В этой подчеркнутой «временности» соединения морфем в одно слово Г.П. Мельникову и удалось нащупать чрезвычайно важную характеристику агглютинативных языков вообще. Очевидно, что само устройство агглютинативных языков предполагает меньшую степень спаянности между элементами со служебным грамматическим значением и элементами лексическими знаменательными, которые и представляют собой предметы мысли. В сфере морфологии этих языков отмечается относительная независимость, несопряженность, неслитность лексических и служебных грамматических значений, относительная функциональная автономность лексем и служебных морфем. Согласно формулировке Г.П. Мельникова, эта абстракция представляет собой то свойство, которое лежит в основе принципиального различия устройства флективных и агглютинативных языков [11. С. 339]. Носители флективных языков при построении высказываний обычно выбирают словоформы из некоего набора готовых словоформ, т.е. воспроизводят в знаковой форме готовые комбинации монем; в тюркских языках словоформы производятся, составляются прямо в момент разговора, т.е. тогда, когда носитель языка строит высказывание, словоформы которого он формирует из отдельных морфем [12. С. 63–67]. Таким образом, именно «коллекционность» словоформы агглютинативных языков, т.е. ее способность, во-первых, быть производимой, собираемой в момент порождения высказывания из неких исходных элементов (морфем) и, во-вторых, распадаться на эти исходные элементы после того, как высказывание передано, является самой базисной характеристикой, определяющей все остальные черты урало-алтайских агглютинативных языков. «Коллекционная природа этих языков», по мнению Г.П. Мельникова, внешне проявляется как тенденция к экономии служебных морфем, что и представляет собой детерминанту классического агглютинативного строя [9. С. 130].

В русском языке функционирование формы страдательного залога имеет существенное отличие от того, что наблюдается в турецком языке. Если обратиться к специальной литературе по грамматике русского языка, то станет очевидным, что учение о залоге в русистике имеет длительную традицию, на протяжении которой многие исследователи стремились описать и объяснить эту категорию. Уже в русской грамматике М.В. Ломоносова были очерчены основные значения тех залоговых форм, которые впоследствии многими учеными включались в единую категорию. При этом стоит отметить, что запутанность залоговых отношений, нерегулярность употребления залогов, отсутствие ясного единого способа их образования не раз отмечались исследователями русского языка; эти факты неоднократно побуждали их сомневаться в том, пригодно ли вообще учение о залогах для русской грамматики и соответствует ли оно природе русского глагола? В.В. Виноградов, анализируя русский залог, сделал вывод, что залог в области грамматики ближе к синтаксису предложения, чем к морфологии слова [3. С. 606].

В чем же состоят основные трудности выделения в русском языке формы страдательного залога? В русском языке, прежде всего, нет единого способа образования страдательного залога.

Образование этой формы напрямую связано с грамматическими характеристиками самого глагола: его переходностью/непереходностью, видовым значением. Страдательный залог может быть образован только от переходных глаголов; непереходные глаголы не могут быть употреблены в этой форме. При этом в предложении глагол в страдательном залоге не всегда употребляется в форме времени. Так, глаголы совершенного вида получают значение пассива посредством аналитического способа сочетания бытийного глагола и страдательного причастия: *быть сделанным*. Для глаголов несовершенного вида страдательной формой становится глагол с показателем *-ся*.

- Книга напечатана (сов. вид).
- Книга была напечатана.
- Стихи печатаются в этом журнале (несов. вид).
- Стихи печатались в этом журнале.

Исследователи-русисты полагают, что категория залога в русском языке не является чисто морфологической категорией. Так, в «Русской грамматике» указано, что залог является грамматической категорией, формируемой средствами морфологии и синтаксиса [14. С. 611]. Различие значений действительного и страдательного залогов достигается путем сравнения специальных конструкций актива и пассива, в которых одна и та же реальная ситуация показана при разных позициях субъекта и объекта действия. По мнению русистов, в активной конструкции *Литература выбирает читатель* глагольный признак представлен как исходящий от его носителя, в пассивной конструкции *Литература выбирается читателем* — как направленный на него [Там же].

В турецком языке, как языке агглютинативного типа, проявляется несколько основоположных принципов. В этом языке конкретное грамматическое значение в большинстве случаев закреплено за одним морфологическим показателем и образуется по единой схеме. В турецком языке четыре формы категории залога: страдательный, понудительный, возвратный, взаимный [4. С. 53]. Показатель страдательного залога следует сразу же после основы глагола и, в отличие от русского языка, может быть присоединен практически к любому глаголу независимо от того, является тот переходным или непереходным. Некоторые ограничения могут быть наложены лишь на те глаголы, в лексическое значение которых уже включена сема пассивности, например: *doğmak* ‘рождаться’, *rişmek* ‘вариться, готовиться’, *değişmek* ‘изменяться’, *kopmak* ‘отрываться’. Кроме того, отличным от русского языка будет то, что глаголы в страдательном залоге могут быть употреблены практически во всех словоизменительных формах: в отрицательном статусе, в формах глагольных имен, во всех формах времен:

1	İş yap-ıl-dı. Работа делать – PASS-PST3SG ¹ 'Работа сделана'	6	İş yap-ıl-mı-yor. Работа делать – PASS-NEG-PRES3SG 'Работа сейчас не делается'
2	İş yap-ıl-ma-dı. Работа делать – PASS-NEG-PST3SG 'Работа не сделана'	7	İş yap-ıl-acak. Работа делать – PASS-FUT3SG 'Работа будет сделана'
3	İş yap-ıl-ır. Работа делать – PASS-PRES. FUT-3SG 'Работа делается всегда'	8	İş yap-ıl-ma-acak. Работа делать – PASS-NEG-FUT3SG 'Работа не будет сделана'
4	İş yap-ıl-maz. Работа делать – PASS-PRES. FUTNEG3SG 'Работа никогда не делается'	9	...yap-ıl-an iş... ...делать – PASS-PTCP работа 'Сделанная работа'
5	İş yap-ıl-ıyor. Работа делать – PASS-PRES3SG 'Работа делается сейчас'	10	İş yap-ıl-madan patrona rapor verilmez. Работа делать – PASS-NEGCVB начальник – DAT давать – PASS-PRES. FUTNEG3SG 'Пока работа не сделается, отчет начальнику не предоставляю'

¹ 3 — third person — 3-е лицо; SG — singular — единственное число; PASS — passive — страдательный залог; PRES — present — настоящее время актуального момента с показателем *-yor*; PRES. FUT — present-future — настоящее-будущее время с показателем *-r*; PST — past — форма прошедшего времени с показателем *-dı*; FUT — future — будущее категорическое время с показателем *-(y)acak*; NEG — negation — отрицательный статус; CVB — converb — деепричастие; PTCP — participle — причастие; DAT — dative — страдательно-направительный падеж.

Сопоставительный анализ русских и турецких пассивных высказываний позволил обратить внимание на одну интересную особенность. При переводе турецких высказываний, в которых независимо от времени и технических свойств глагола страдательный залог мог быть употреблен безо всяких ограничений, в русских высказываниях не всегда удавалось употребить соответствующий русский глагол в страдательном залоге. Была обнаружена некая речевая избирательность, заключающаяся в том, чтобы в одних случаях использовать форму страдательного залога в пассивном предложении, в других — форму глагола в действительном залоге, но предложение в этом случае имело неопределенно-личное значение. Даже те глаголы, которые способны выступать в форме собственно страдательного залога в прошедшем и будущем времени, практически не употребляются в форме настоящего времени, а предпочтительным способом в этом случае выступает, как уже было сказано, неопределенно-личный тип предложения.

Письмо было написано вчера.

Письмо уже написано.

Письмо будет написано вечером.

Но! Письмо сейчас **пишут** (*вместо*: Письмо сейчас пишется).

Таким образом, несмотря на то что по существующим правилам русской грамматики переходные глаголы несовершенного вида образуют форму пассива путем присоединения форманта *-ся*, в речи носитель языка предпочитает заменить эту форму, как и всю собственно пассивную конструкцию, на активную, но неопределенно-личную. Увидеть эту речевую особенность русского языка удалось благодаря сравнительному анализу в сопоставлении с турецким речевым материалом.

При переводе турецких предложений на русский язык выяснилось, что в формах настоящего времени русский глагол в страдательном залоге звучит не очень красиво.

Şu anda toplantı **yarılıyor**. 'Сейчас **проводится** собрание'. Лучше: 'Сейчас **проводят** собрание'.

Bu parkta ağaçlar **kesiliyor**. 'В этом парке **вырубаются** деревья' => 'В этом парке **вырубают** деревья'.

Bu lokantada her zaman köfte **yeniliyor**. 'В этом кафе всегда **едятся** котлеты' => 'В этом кафе всегда **едят** котлеты'.

Toplantıda yeni ekonomik kararlar **alınıyor**. 'На собрании **принимаются** новые экономические решения' => 'На собрании **принимают** новые экономические решения'.

Bütün camlar **siliniyor**. 'Протираются все стекла' => 'Протирают все стекла'.

Ayın başında ev sahibine kira **veriliyor**. 'В начале месяца хозяину дома **выплачивается** арендная плата' => 'В начале месяца хозяину дома выплачивают арендную плату'.

Derste hangi konu **işleniyor**. 'Какая тема **прорабатывается** на уроке?' => 'Какую тему **прорабатывают** на уроке?'

Çocuklara ne yemek **pişiriliyor**. 'Какая еда готовится детям?' => 'Какую еду **готовят** детям?'

Именно значение страдательного залога турецкого языка раскрывает, на наш взгляд, сущность значения этого залога в принципе, а также может помочь носителю русского языка понять, почему в некоторых случаях русская пассивная конструкция заменяется на предложение неопределенно-личного вида. У формы страдательного залога в турецком языке отмечаются два значения: первое — собственно страдательное, второе — неопределенно-личное, т.е. показатель этого залога может сигнализировать о том, что производитель у действия отсутствует или представляет собой неважный для коммуникации элемент.

O evde erken **kalkılır**. 'В том доме рано встают'.

Bu mevsimde denize **girilmez**. 'В это время года не купаются'.

Bu gezide tarihi yerlere **gidilecek**. 'На этой прогулке поедут по историческим местам'.

 актический материал иного по своему устройству языка — турецкого — помогает по-новому взглянуть на грамматический механизм русского языка и увидеть семантическую связь между русскими пассивными конструкциями и неопределенно-личными предложениями, а также обосновать тенденцию их замены в русской речи.

Даже в вопросе о страдательном залоге удалось получить подтверждение некоторым положениям системной лингвистики в сфере определения принципов, обуславливающих различия в языковом устройстве русского и турецкого языков как представителей языков флективного и агглютинативного типов. Носитель русского языка кодирует мыслительное содержание путем извлечения из памяти готовых форм слова и нередко уже готовых словосочетаний, поэтому пассив в русском языке не закреплен за какой-то одной формой: он передается либо словосочетанием «быть + страдательное причастие», либо глаголом с суффиксом *-ся*, либо отдельной моделью предложения неопределенно-личного типа. Заученность грамматических способов выражения значений и употребления при этом застывших, готовых моделей является ведущей особенностью языков с событийным коммуникативным ракурсом, к которым принадлежит и русский язык. Стратегия носителя турецкого языка в корне иная. Разбивая мыслительное содержание на отдельные грамматические и лексические значения, он соотносит их с отдельными морфемами и лексемами, после чего соединяет их в единый комплекс только в момент разговора. Принципиальным является то, что в памяти носителя турецкого языка нет готовых словоформ. Именно поэтому значение страдательного залога закреплено за одним морфологическим показателем, который регулярно присоединяется к различным глаголам по единой модели. При этом следует подчеркнуть, что при различии языковых способов кодировки мыслительной семантики, с точки зрения Г.П. Мельникова, «процедуры и механизмы мыслительных процессов и актов, осуществляясь в зоне внеязыкового сознания, в зоне отражения и прогнозирования состояний внешней действительности, остаются общими, универсальными для всех народов, независимыми от строя языка» [11. С. 13].

Литература

1. Бахтиреева У.М., Валентинова О.И. Особенности «языкового мышления» с позиций системной лингвистики // *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Т. 26. № 1. С. 224–244.
2. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 1. 384 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947. 784 с.
4. Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол: на материале староевразийско-тюркского языка. Л., 1990. 165 с.
5. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. под ред. и с предисл. Г.В. Рамшвили; послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. М., 2000. 400 с.
6. Дубровина М.Э. К вопросу о разграничении понятий «язык» и «мышление»: (из истории вопроса) // *Alkiš bitig. Scripta in honorem D.M. Nasilov: сб. ст. / отв. ред. Е.А. Оганова*. М., 2015. С. 42–49.
7. Дубровина М.Э. Типологические различия изучаемого и родного языков как препятствия на пути успешного овладения иностранным языком: (на материале турецкого языка) // *Татарское языкознание в контексте евразийской гуманитарной науки: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 1–4 ноября 2016 г.) / под ред. Р.Р. Замалетдинова, Г.Р. Галиуллиной*. Казань, 2016. С. 138–142.
8. Коржинек Й. К вопросу о языке и речи // *Пражский лингвистический кружок*. М., 1967. С. 317–337.
9. Мельников Г.П. Рецензия на книгу: Тюркский вокализм и сингармонизм: (опыт историко-типологического исследования) / М.А. Черкасский // *Вопросы языкознания*. 1966. № 5. С. 130.
10. Мельников Г.П. Синтаксический строй тюркских языков с позиций системной лингвистики // *Народы Азии и Африки*. 1969. № 6. С. 104–113.
11. Мельников Г.П. Системная типология языков: принципы, методы, модели. М.: Наука, 2003. 395 с.

References

1. Bakhtikireeva U.M., Valentinova O.I. Osobnosti "iazykovogo myshleniia" s pozitsii sistemnoi lingvistikii // *Russian Journal of Linguistics*. 2022. T. 26. No. 1. S. 224–244.
2. Boudouin de Courtenay J. Izbrannnye trudy po obshchemu iazykoznaniiu. Moscow, 1963. T. 1. 384 s.
3. Vinogradov V.V. Russkii iazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove. Moscow; Leningrad, 1947. 784 s.
4. Guzev V.G. Ocherki po teorii tiurkskogo slovoizmeneniia: glagol: na materiale staroanatoliisko-tiurkskogo iazyka. Leningrad, 1990. 165 s.
5. Humboldt W. Izbrannnye trudy po iazykoznaniiu / per. s nem. pod red. i s predisl. G.V. Ramishvili; poslesl. A.V. Gulygi i V.A. Zvegintseva. Moscow, 2000. 400 s.
6. Dubrovina M.E. K voprosu o razgranichenii poniatii "iazyk" i "myshlenie": (iz istorii voprosa) // *Alkiš bitig. Scripta in honorem D.M. Nasilov: sb. st. / отв. ред. Е.А. Оганова*. Moscow, 2015. S. 42–49.
7. Dubrovina M.E. Tipologicheskie razlichii izuchaemogo i rodnogo iazykov kak prepiatstviia na puti uspešnogo ovladeniia inostrannym iazykov: (na materiale turetskogo iazyka) // *Tatarskoe iazykoznanie v kontekste evraziiskoi gumanitarnoi nauki: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Kazan', 1–4 noiabria 2016 g.) / pod red. R.R. Zamaletdinova, G.R. Galiullinoi*. Kazan', 2016. S. 138–142.
8. Korzhinek J. K voprosu o iazyke i rechi // *Prazhskii lingvisticheskii kruzhok*. Moscow, 1967. S. 317–337.
9. Melnikov G.P. Retsenziia na knigu: Tiurkskii vokalizm i singarmonizm: (opyt istoriko-tipologicheskogo issledovaniia) / M.A. Cherkassky // *Voprosy iazykoznaniiia*. 1966. No. 5. S. 130.
10. Melnikov G.P. Sintaksicheskii stroi tiurkskikh iazykov s pozitsii sistemnoi lingvistikii // *Narody Azii i Afriki*. 1969. No. 6. S. 104–113.
11. Melnikov G.P. Sistemnaia tipologiiia iazykov: printsipy, metody, modeli. Moscow: Nauka, 2003. 395 s.

12. Мельников Г.П. Языковая стратификация и классификация языков // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969. С. 45–73.

13. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1988. 750 с.

14. Русская грамматика: в 2 т. / Н.С. Авилова, А.В. Бондаренко, Е.А. Брызгунова и др. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 783 с.

15. Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983. С. 19.

12. Melnikov G.P. Iazykovaia stratifikatsiia i klassifikatsiia iazykov // Edinitsy raznykh urovnei grammaticheskogo stroia iazyka i ikh vzaimodeistvie. Moscow, 1969. S. 45–73.

13. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo iazyka / pod red. chl.-korr. AN SSSR N.Yu. Shvedovoi. 20-e izd., stereotip. Moscow: Rus. iaz., 1988. 750 s.

14. Russkaia grammatika: v 2 t. / N.S. Avilova, A.V. Bondarenko, E.A. Bryzgunova i dr. T. 1: Fonetika. Fonologiiia. Udarenie. Intonatsiia. Slovoobrazovanie. Morfologiiia. Moscow: Nauka, 1980. 783 s.

15. Serebrennikov B.A. O materialisticheskom podkhode k iavleniiam iazyka. Moscow, 1983. S. 19.

Мargarита Эмильевна Дубровина,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры тюркской филологии
Санкт-Петербургский государственный университет

Dubrovina Margarita E.,
Candidate of Philology,
Associate Professor of the Turkic Philology Department
St. Petersburg State University

e-mail: m.dubrovina@spbu.ru

От мотивации к инвестированию: изменение тренда образовательной языковой политики

Рассмотрены изменения тренда образовательной языковой политики под влиянием смены общей парадигмы языковой политики с этнокультурной на национально-функциональную. Желание изучать вторые или иностранные языки рассматривается не как результат мотивации, а как результат инвестирования, предполагающего, что изучающий язык обладает сложными, множественными идентичностями, изменяющимися во времени и пространстве и воспроизводимыми в социальном взаимодействии. На сегодняшний день понятия идентичности и инвестирования являются базовыми в теории обучения языкам. В условиях глобализации новые способы производства и социализации, сжатие времени и пространства по-новому формируют идентичности, лояльности и гражданства. Цифровой мир предоставляет все большие возможности контактов со всем миром, и это оказывает сильное влияние на идентичность. Обучающиеся свободно путешествуют по цифровому пространству, а их способность выделять и анализировать системные тенденции определяет их желание инвестировать в определенный язык. Современная модель, учитывающая постоянную смену идентичностей, помещает инвестирование в зону пересечения понятий идентичности, человеческого капитала и идеологии. Выбор, продвижение и защита языков определяются механизмами гордости и прибыли. Изучение некоторых языков может служить инструментальным целям и предоставлять материальные преимущества, доставлять ощущение гордости за принадлежность к определенной нации, придавать легитимность дискурсам и формам выражения, поддерживаемым данным воображаемым сообществом. Так, изучение *lingua franca* позволяет учащимся думать о других формах национальной принадлежности, например о глобальном гражданстве. Идентичность всегда является полем борьбы, в котором *habitus* и желания обучающихся постоянно борются с доминирующими идеологиями и альтернативными вариантами будущего. В периоды политических и идеологических конфликтов проблема существования гибридных или космополитических идентичностей обостряется и может оказывать серьезное влияние на национальное единство и территориальную целостность. Все эти факторы должны учитываться при формировании национально ориентированной образовательной языковой политики и быть включены в новую концепцию образования в России.

Ключевые слова: образовательная языковая политика, мотивация, инвестирование, идентичность, национальное государство, космополитизм.

The article discusses changes in the trend of educational language policy under the influence of the change in the general paradigm of language policy from ethno-cultural to national-functional. The desire to learn second or foreign languages is seen not as a result of motivation, but as a result of investment, assuming that the learner has complex, multiple identities that change in time and space and are reproduced in social interaction. Today, the concepts of identity and investment are basic in the theory of language learning and teaching. In the context of globalization, new modes of production and socialization, the compression of time and space are shaping identities, loyalty and citizenship in a new way. The digital world presents more and more opportunities for contact with the whole world and this has a strong influence on identity. Students roam freely in the digital space, and their ability to identify and analyze systemic trends determines their willingness to invest in a particular language. The modern model, which takes into account the constant change of identities, places investing in the zone of intersection of the concepts of identity, human capital and ideology. The choice, promotion and protection of languages is determined by the mechanisms of pride and profit. The study of certain languages can serve instrumental purposes and provide material advantages, provide a sense of pride in belonging to a particular nation, give legitimacy to the discourses and forms of expression supported by this imaginary community. For example, learning *lingua franca* allows students to think about other forms of national identity, such as global citizenship. Identity is always a battlefield in which the *habitus* and desires of learners are constantly at war with dominant ideologies and alternative futures. During periods of political and ideological conflict, the problem of the existence of hybrid or cosmopolitan identities is exacerbated and can have a serious impact on national unity and territorial integrity. All these factors should be taken into account when forming a nationally oriented educational language policy and be included in the new concept of education in Russia.

Keywords: educational language policy, motivation, investment, identity, nation state, cosmopolitanism.

Смена общей парадигмы языковой политики с этнокультурной на национально-функциональную вызвала изменения в образовательной языковой политике, которая является ее неотъемлемой частью. При этом нельзя упускать из виду, что сама языковая политика является частью национальной политики любого государства [1. С. 288–302].

Анализ сложных отношений между человеком, изучающим язык, и социальным миром требует понимания, в каких условиях осуществляется социальное взаимодействие и как властные отношения могут ограничивать возможности людей по изучению языков [5]. В этом контексте желание изучать язык рассматривается не как результат *мотивации*, которая в более ранних исследованиях считалась признаком унитарной, фиксированной и внеисторической личности и связывалась с дихотомиями, ассоциировавшимися с традиционными концепциями обучающегося (хороший/плохой, мотивированный/немотивированный, тревожный/уверенный, интроверт/экстраверт). Психологическое понятие мотивации недостаточно для объяснения того, почему даже сильно мотивированный обучающийся может сопротивляться необходимости использовать язык, если он находится в неравных условиях.

Понятие *инвестирования* подразумевает, что изучающий язык обладает сложными, множественными идентичностями, изменяющимися во времени и пространстве и воспроизводимыми в социальном взаимодействии. Подчеркивание роли социально и исторически зависимых отношений между обучающимся и изучаемым языком придает понятию инвестирования объясняющую силу при описании властных отношений в разных ситуациях обучения и показывает, насколько эти условия определяют желание человека изучать тот или иной язык. Люди инвестируют в язык, потому что он поможет им получить целый ряд символических и материальных ресурсов, которые повысят стоимость их культурного капитала и увеличат их символическую власть: «...понятие инвестирования, строгий динамический термин с экономическими коннотациями <...> подчеркивает роль человеческой воли и идентичности в достижении цели, в накоплении экономического и символического капитала, постановки целей и настойчивости в достижении этих целей. В условиях, например, Северной Америки инвестирование в изучение вторых языков стало синонимом „желания изучать языки“ и базируется на информированном выборе и желании» [13. Р. 195].

Поэтому вместо вопроса «Мотивированы ли учащиеся к изучению языка?» нужно ставить вопрос «Насколько учащиеся готовы инвестировать в этот язык в данных условиях обучения или в данном языковом сообществе?». Поскольку идентичность является множественной и часто представляет собой поле борьбы, инвестирование также является сложным, противоречивым и меняющимся во времени процессом [16]. На сегодняшний день понятия идентичности и инвестирования являются базовыми в теории обучения языкам [15].

Говоря об информированном выборе и желании, необходимо учитывать, насколько новый социальный порядок определяется мобильностью и разнообразием. Механизмы глобализации и технологического прогресса существенно изменили социальный мир. Новые способы производства и социализации, сжатие времени и пространства по-новому формируют идентичности, лояльности и гражданства. Это ярко проявилось в поведении российских IT-специалистов, для которых владение английским языком является обязательным, во время специальной военной операции.

В то же время глобализация породила новые формы неравенства. Идеологии, вызывающие эти неравенства, скрываются за глобализационным и технологическим дискурсом, создающим иллюзию инклюзии в глобальное сообщество благодаря изменившимся языковым практикам. Космополитизм формирует новую модель инвестирования, которая не борется, а наоборот, воспроизводит неравенства в новом социальном порядке.

Учитывая динамический характер этих процессов и увеличение числа людей, принимающих участие в них, распределение власти в изучении и использовании языков также изменяется: исчезает традиционная дихотомия *носитель от рождения — изучающий язык*. Благодаря информационным технологиям обучающиеся могут участвовать в большом числе многоязычных сообществ и утверждаться в них в качестве легитимных участников. Поскольку в тех информационных пространствах, где они пребывают, действуют различные системы ценностей, у них формируются множественные идентичности и новые наборы языков. В этих условиях преподаватели, исследователи и политики должны разрабатывать новые методы обучения, теории и языковые политики, учитывающие конкуренцию идеологий.

Цифровой мир предоставляет все большие возможности контактов со всем миром, и это оказывает сильное влияние на идентичность. Учащиеся свободно путешествуют по цифровому пространству, а их способность выделять и анализировать системные тенденции определяет их желание инвестировать в определенный язык. Современная модель, учитывающая постоянную смену идентичностей, помещает инвестирование в зону пересечения понятий идентичности, человеческого капитала и идеологии (рис.) [6].

Рис. Модель инвестирования по Дарвину и Нортон

Поскольку люди, изучающие языки, путешествуют в разных киберпространствах, то разные идеологии либо сотрудничают, либо конкурируют между собой, формируя их новые идентичности. Стоимость их экономического, культурного или социального капитала меняется в зависимости от того, признают ли его легитимным идеологии различных групп или полей. Выделение трех главных элементов модели инвестирования (идентичность, идеология и капитал) позволяет углубить теорию инвестирования; при этом нужно иметь в виду, что они не являются взаимоисключающими, но имеют перекрывающиеся характеристики.

Выбор, продвижение и защита языков определяются механизмами гордости и прибыли. Изучение некоторых языков может служить инструментальным целям и предоставлять материальные преимущества, доставлять ощущение гордости за принадлежность к определенной нации, придавать легитимность дискурсам и формам выражения, поддерживаемым данным воображаемым сообществом. Так, изучение *lingua franca* позволяет учащимся думать о других формах национальной принадлежности, например о глобальном гражданстве. Идентичность всегда является полем борьбы, в котором габитус и желания обучающихся постоянно борются с доминирующими идеологиями и альтернативными вариантами будущего.

Сила идеологий заключается в том, что они невидимы или прикрываются здравым смыслом, а механизмы их действия носят скрытый характер. Неолиберальная идеология, навязываемая в России в течение 30 лет и основанная на логике прибыли и рыночных отношений, глубоко укоренилась в умах людей. Философское восприятие себя как предпринимателя стимулирует погоню индивида за прибылью в ущерб коллективной пользе [9].

Парадокс глобализационного дискурса состоит в том, что он проповедует мобильность, потоки, гибкость и дерегуляцию, одновременно усиливая контроль и регламентацию информационного пространства. Когда мы наблюдаем движение людей через национальные границы или через онлайн- либо офлайн-пространства, нужно учитывать, что эти потоки управляются механизмами власти, воспроизводимыми институциональными условиями и гегемоническими практиками [2]. В этих виртуальных пространствах идеология не является статичной и монолитной: она представляет собой сложное пространство, в котором идейные, поведенческие и институциональные факторы взаимодействуют и подчас противоречат друг другу. При этом доминирование и гегемония имеют большее значение, чем реальные факты.

Для того чтобы противостоять этой гегемонии, обучающимся нужно уметь идентифицировать и распознавать системные паттерны контроля и манипулирования и понимать механизм действия идеологий. Если им удастся развить свое критическое мышление, они смогут не только получить доступ к легитимному знанию, но и закрепить свое место среди легитимных носителей языка.

Значительную роль в процессе инвестирования играет культурный капитал, служащий инструментом как социального воспроизводства, так и социальной трансформации. Обучающиеся инвестируют в изучение языка в надежде обрести в будущем некие преимущества: получить высокооплачиваемую работу, поступить в университет или развить новые компетенции. Эти преимущества необязательно сводятся к материальным или экономическим: целью изучения

языка может быть установление дружеских или романтических отношений, участие в престижных социальных группах и пр., т.е. то, что П. Бурдьё называет символическим капиталом.

Когда обучающиеся попадают в чужую страну, их языковой капитал подвергается переоценке: он оценивается по отношению к системе ценностей, отражающей языковую идеологию принимающей страны. Он признается реальным, если его ценность признается в этой стране; в противном случае он становится фиктивным. Это приводит к переоценке устоявшейся системы ценностей обучающихся: их символический капитал ощущается ими как нелегитимный, а их языки занимают низшие позиции в языковых иерархиях и ориентируют своих носителей на неквалифицированную работу и плохо оплачиваемые места на рынке труда [7. Р. 27–29].

В этих условиях в качестве альтернативной теоретической модели инвестирования, помогающей избежать неравенства и вообразить для себя более справедливое будущее, предлагается космополитизм. В отличие от индивидуалистической неолиберальной идеологии, космополитизм провозглашает идентичность «гражданина мира». Глобальный гражданин не только воспитывает в себе диспозицию к открытости и взаимному уважению, но и признает этическую ответственность человека по отношению к другим. Космополитизм признает также разнообразие культурного капитала и призывает к диалогу и взаимоуважению, несмотря на культурные и исторические различия.

В фундаментальном исследовании мотивации к изучению второго языка Р. Гарднера и У. Ламберта вводятся понятия интегративной и инструментальной мотивации. В основе интегративной мотивации лежит интерес к стране и культуре изучаемого языка, желание общаться с носителями этого языка — «искренний и личный интерес к народу и культуре, представленной другой группой». Инструментальная мотивация создается под воздействием внешних факторов, таких как необходимость сдать экзамен по иностранному языку или, например, получить связанную с этим языком работу. Позднее авторы разработали более детальную модель мотивации, в которую вошло несколько компонентов: собственно мотивация (выраженность желания изучать иностранный язык), отношение к ситуации обучения (к программе или учреждению, к преподавателю), интегративность (интерес к иностранным языкам вообще, отношение к культуре изучаемого языка) и основная ориентация учащегося (инструментальная или интегративная).

Успешные, изучающие второй язык, демонстрирующие интегративную мотивацию, «стремятся идентифицироваться с членами другой этноязыковой группы и освоить очень тонкие аспекты их поведения» [10. Р. 132–135].

Через некоторое время сторонники теории мотивации были вынуждены признать, что во многих случаях изучение языка происходит в условиях, когда обучающиеся плохо представляют себе, где они будут использовать язык, и не могут определить целевое сообщество.

Обучающийся может быть в высокой степени мотивирован, но не хочет инвестировать свое время и силы в изучение языка в данном классе или сообществе. Причины могут быть разные: класс может быть расистским, сексистским, элитистским или гомофобным; уровень преподавания или результаты могут не соответствовать ожиданиям. И наоборот, учащийся может инвестировать в данные языковые практики, но иметь низкий уровень мотивации, делая это по настоянию родителей.

Очень плодотворными для теории обучения вторым языкам являются понятия *воображаемые сообщества* и *воображаемые идентичности*, введенные Б. Андерсоном [3]. Во многих учебных ситуациях сообщество изучаемого языка может быть реконструкцией прошлых сообществ и исторически сложившихся отношений либо желаемым сообществом, которое предоставляет возможности для развития идентичности в будущем. Воображаемое сообщество подразумевает воображаемую идентичность, и инвестирование учащегося в изучаемый язык должно рассматриваться с этой точки зрения.

Постструктуралистская теория идентичности подчеркивает центральную роль языка при анализе отношений, возникающих между индивидом и социумом. Язык не только определяет институциональные практики, но и используется для конструирования нашего ощущения себя — нашей *субъектности*. Субъектность в постструктурализме является дискурсивно обусловленной и зависящей от социальных и исторических условий. Идентичность строится в языке и через язык:

каждый раз, когда учащийся говорит, читает или пишет на изучаемом языке, он не только обменивается информацией с членами другого языкового сообщества, но и строит и перестраивает представление о том, кто он и каково его место в социуме.

Изучение вторых языков тесно связано с понятием инвестирования, пришедшем на смену понятию мотивации, которая считалась характерной чертой изучающих языки: неудачи в изучении языка обучающимся относились на счет его недостаточной заинтересованности в процессе обучения. Теория мотивации не учитывала неравные властные отношения между изучающими язык и носителями этого языка от рождения. Исследования Б. Нортон показали, что высокий уровень мотивации необязательно приводит к хорошим результатам и что необходимо добавить к понятию мотивации понятие инвестирования [16].

Понятие инвестирования, восходящее к идеям П. Бурдьё о культурном капитале, помогает объяснить желание обучающегося участвовать в социальном взаимодействии и жизни сообщества с помощью социально и исторически обусловленных отношений обучающихся с изучаемым языком [1]. Если обучающийся инвестирует в язык, он делает это в расчете получить целый ряд символических (язык, образование, дружба) и материальных (капитал, недвижимость, деньги) ресурсов, которые, в свою очередь, увеличат стоимость его культурного капитала и социальную власть. Культурный капитал существует, если он имеет обменную стоимость в различных полях. Если стоимость культурного капитала растет, самооценка обучающихся повышается, а их планы на будущее становятся более реальными. Таким образом, понятие инвестирования помогает объяснить заинтересованность обучающихся в изучении второго языка.

Ранее существовавшие теории мотивации в поле изучения языков рассматривали обучающегося как унитарную, фиксированную и внеисторическую личность. Инвестирование признает за ним сложные, множественные идентичности, изменяющиеся во времени и пространстве и воспроизводящиеся в социальных взаимодействиях. Властные отношения, существующие в разных языковых контекстах, по-разному позиционируют в них обучающегося и обуславливают разные цели обучения [16].

Инвестирование помогает также понять, почему изучающие язык стремятся примкнуть к воображаемому сообществу тех, чей язык они изучают. Воображаемые сообщества представляют собой группы людей, к которым нет прямого доступа и с которыми мы общаемся силой воображения. Б. Андерсон считает, что нации представляют собой воображаемые сообщества, потому что члены даже самой маленькой нации не знают, не встречают и даже не слышат о большинстве своих соотечественников. Тем не менее они ощущают свое единство с людьми, которых никогда не видели, но надеются, может быть, когда-нибудь увидеть [3. Р. 6].

Влияние воображаемых сообществ на изучающих языки показывает, почему аффилиация обучающихся с воображаемыми сообществами может изменять их образовательные траектории. Подобные сообщества подразумевают и будущие отношения, которые пока существуют только в воображении обучающихся (аффилиация с национальным или транснациональным сообществом) и выходят за рамки существующих отношений. Эти сообщества не менее реальны, чем те, в которых обучающиеся участвуют в повседневной жизни, и могут оказывать сильное влияние на их поступки, инвестирование и идентичность.

Исследования по связи идентичности с изучением языков показали, что на процесс изучения языков влияют такие категории, как раса, гендер, класс и сексуальная ориентация. Связь между идентичностью, расой и этничностью является общепризнанной, тогда как другие отношения являются менее изученными. Однако канадские исследователи, занимающиеся проблемами негритюда, доказали его влияние на выбор изучаемых языков и на использование стилизованного *черного английского* (Black English) под влиянием принадлежности к воображаемому сообществу черных и его доминирующему дискурсу [11]. Стилизованный черный английский — это вариант черного английского, имеющий собственный словарь, грамматику и морфологию. Он не предусматривает полного владения языком, а представляет собой набор ритуальных выражений, обычно встречающихся в рэпе. Эти выражения служат маркерами идентичности, а не средствами

коммуникации: это способ сказать: «Я тоже черный», «Я тоже самоидентифицируюсь как черный» [12]. Эта идентичность не признает этнических, языковых, национальных и культурных различий обучающихся, объединяя их единой черной идентичностью.

Несмотря на доминирующую роль английского в глобальной экономике, многие носители английского не от рождения стремятся учить и совершенствовать этот язык, не принося в жертву свою локальную идентичность. В КНР, например, поддержка китайской национальной идентичности при массовом изучении английского языка приобрела форму государственной политики.

Новым объектом изучения в отношении идентичности и изучения языков стало сопротивление изучению какого-либо языка в классной обстановке. Некоторые структурные ограничения и обычные школьные практики могут способствовать нежелательному позиционированию обучающихся и вызывать их сопротивление формированию новых идентичностей. Например, они могут соглашаться изучать второй язык, иногда ассоциирующийся с колониальным прошлым, но сохранять при этом связи с диалектным языковым сообществом и культурой, признавая не только социальную и экономическую пользу изучения второго языка, но и связанные с ним серьезные потери. Результатом такого отношения становятся разные формы сопротивления нежелательным идентичностям, которые навязываются обучающимся при их участии в сообществе второго языка. Так, в программу южноафриканских студентов, поступивших на первый курс по специальности English Studies, включили два курса по южноафриканской литературе. Эти студенты, принадлежащие к относительно состоятельным семьям и поступившие в исторически белый университет с обучением на языке африкаанс, не захотели изучать материалы на местных языках, связанные с эпохой апартеида в Южной Африке, и всячески сопротивлялись этому [14].

Другим примером языкового сопротивления могут служить гавайские учащиеся средней школы, в которой английский изучался как второй язык. Вместо того чтобы приносить в школу учебники, читать заданные тексты, соблюдать установленные сроки и слушать учителей на уроках, ученики «забывали» дома все материалы, разговаривали на уроках и играли в карты. В результате изучение второго языка превратилось в бессмысленную академическую программу, имеющую мало общего со вторым языком и не отвечающую их образовательным потребностям [20. P. 239].

Совершенно по-другому обстоит дело с формированием идентичности у изучающих язык как иностранный. Так, изучение японского языка американскими учащимися значительно изменилось за последние годы: в 1980-х гг. большинство из них выбирало японский по карьерным соображениям, а в настоящее время изучающие японский язык интересуются в первую очередь японской поп-культурой в виде видеоигр и анимационных фильмов, распространяемых интернетом, телевидением и СМИ. Главным стимулом к изучению японского языка как иностранного стали японские анимационные фильмы (аниме) и комиксы (манга). Желание смотреть эти фильмы и понимать их язык является самой частой мотивацией начинающих изучать японский язык.

Японские культурные продукты распространяются по всему миру, и на сегодняшний день около 60% всех аниме в мире имеют японское происхождение. Фильмы с субтитрами, но на языке оригинала позволяют зрителям получить впечатление от японского языка еще до начала занятий. Когда же они приступают к занятиям, то стараются формировать свой узус в соответствии с представлениями о японской культуре и языке, полученными от просмотра фильмов. Такие учащиеся стараются выражать или даже переделывать свои идентичности на изучаемом языке, хотя часто они противоречат представлениям о допустимом в японской педагогической культуре [17. P. 239].

Учитывая значительные различия в социальных нормах использования языка женщинами в США и Японии, в учебной литературе о японском языке уделяется большое внимание гендерным проблемам. Широкий доступ к СМИ еще более осложняет формирование идентичности на иностранном языке. Еще до начала регулярных занятий потребители японских СМИ сталкиваются с вопросами: какой тип языка они хотят или не хотят использовать и какую идентичность они хотят получить в результате изучения языка. Влияние СМИ на изучающих японский язык как иностранный ставит

вопрос об адекватности учебно-методических материалов. Существующие учебники подвергаются критике из-за невозможности представить динамические отношения между использованием языка и конкретными ситуациями, особенно отношения между языком и гендером. Японский язык делится на мужской и женский, каждый из которых имеет свои дихотомические разговорные модели, подчеркивающие гендерные различия. Некоторые преподаватели японского не обучают гендерной речи, считая эти различия незначительными, тогда как другие, считающие их частью культуры и актом идентификации, включают гендерную речь в программу обучения [19].

Маскулинный стиль выражения нередко ассоциируется с речью якудза — японских мафиози, часто являющихся персонажами аниме. Смотря эти фильмы, учащиеся перенимают их стиль речи и принимают решение о том, какой тип идентичности они хотят создать для себя на иностранном языке [17. Р. 246].

Исследования влияния СМИ на изучающих японский язык, начавшиеся с гендерных отношений, затем распространились на сленг, используемый персонажами телефильмов и аниме, тенденции моды, причесок и цвета волос, а также на особенности времяпровождения и спорта (сумо, боевые искусства, стрельба из лука и др.). Это привело к формированию динамической модели японской культуры, повлиявшей как на содержание процесса обучения, так и на модель идентичности обучающихся. Целью обучения стала помощь обучающимся в ориентации в этом потоке информации и обучение их «правильным» способам выражения, принятым в японской культуре. Они осознают, что идентичность не является постоянной и статичной, просто переходящей от их первого языка и наследственной культуры, и что формирование идентичности является динамическим процессом, контролируемым субъектом, определяющим тип идентичности на иностранном языке. Многие обучающиеся игнорируют обязательную лексику, изучаемую в классе, и ориентируются на знания о языке и культуре, приобретенные через японские СМИ. Аниме предоставляют обучающимся более широкий выбор идентичностных конструкций, чем обычные учебники. Они могут оценивать стили речи молодых и модных персонажей и выбирать, какие из них подходят для них самих. Обучающиеся также анализируют гендерные характеристики использования языка в различных ситуациях и выбирают тот тип идентичности, который хотят создать на иностранном языке.

Различие современного подхода к изучению вторых и иностранных языков заключается в том, что раньше акцент делался на изучении языков в образовательных учреждениях, а в настоящее время изучение языка и социализация на нем исследуются в условиях использования в сообществах и на досуге. Для подростков и молодежи значительную роль играет интернет. Так, 64% подростков проводят свое время в социальных сетях, посещают интерактивные СМИ, создают оригинальный контент и делятся им в Сети. Для многих из них такая активность требует использования не только традиционной грамотности, но и развития новой грамотности и новых коммуникативных жанров, появляющихся в этой среде.

Новая грамотность является социально и культурно обусловленной и опирается на новые технологии. Ее изучение требует различать парадигматическую и онтологическую новизну.

Парадигматическая новизна включает в себя социально-культурные концепции грамотности, которые рассматривают изучение и использование языка как компоненты обучения с обязательным участием в социально значимых практиках и исполнением социально значимых ролей. Эта парадигма является теоретической и методической альтернативой индивидуальному психолингвистическому подходу к изучению языков и способствует анализу онлайн-ситуаций, в которых дискурсивно создаются сообщества и идентичности, строящиеся через коммуникацию на базе текстов.

Онтологическая новизна относится к новым коммуникативным жанрам и социальным практикам, ассоциирующимся с посттипографскими формами текста, являющимися результатами технологических изменений, новых социальных институтов и развития экономики. Онтологически новая грамотность не ограничена ни по размеру (подразумевает коммуникацию с большим числом людей), ни в пространстве (допускает коммуникацию на большие расстояния) [17].

Дискурсивное участие изучающих второй или иностранный язык в сетевой коммуникации, которое может осуществляться параллельно с их обязательным образованием, ведет к значительному увеличению их участия в социальных сетях. Информационные технологии стали ассоциироваться с особыми формами коммуникации и привели к образованию особых жанров коммуникационной активности. Технологии сами являются структурно обусловленными, но в то же время они структурно обуславливают формы культуры, связанные с престижными или непрестижными возможностями коммуникации. Использование этих технологий способствует повышению самооценки, а также благодаря использованию нового языка формирует и совершенствует новую идентичность.

Новые формы изучения языков свидетельствуют о том, что культурная и языковая глобализации, пришедшие с Запада, не всегда или не полностью базируются на западных ценностях. Изучающие языки часто трансформируют эти потоки и адаптируют их к новым условиям, создавая таким образом новые коммуникационные пространства, в которых формируется их новая идентичность. Особенностью нынешнего тысячелетия является переключение и пересечение идентичностей. Глобальные и локальные потоки людей, идеологий и СМИ создают новые условия для формирования идентичностей. В этих условиях необходимо отказываться от прежних представлений о гомогенности и гетерогенности, о языковом империализме и языковой политике национального государства и сосредоточиться на транслокальных и транскультурных потоках [18. Р. 6]. Политические и культурные идентичности больше не укладываются в рамки границ национальных государств и целевых сообществ, а все чаще становятся транснациональными. Отказ от идеологий ассимиляции, аккультурации и интеграции привел к образованию альтернативных зон формирования идентичностей, среди которых промежуточные и транснациональные, более тесно связанные с теми, кто разделяет интересы изучающих языки, чем с членами доминирующей культуры. Вместо того чтобы стремиться войти в целевое сообщество, многие хотят принадлежать к сообществам, состоящим из таких же, как они, транснационалов, и поддерживать связи со своими соотечественниками.

Классическая миграция, все еще продолжающаяся во многих странах, связана с перемещениями людей через границы в поисках лучшей жизни. В XXI в. появилась новая теория миграции, анализирующая функционирование «многоуровневых систем миграции». Многоуровневая система миграции изучает влияние глобальной экономики на макроуровне и стремление к улучшению условий жизни на микроуровне, тогда как мезоуровень концентрируется на социальных связях мигрантов с теми членами сообществ, в которых они участвуют, кто разделяет их жизненный опыт [4. Р. 31]. Все большее число этих людей ощущают приверженность к этим сообществам и родство с ними, а не с национальными государствами, в которых они живут. Такие изменения свидетельствуют о смене аффилиаций — от концептов национальности и культурных границ к новым идентичностям. Идентичности, связанные с национальным государством, также подвергаются замене, по крайней мере у многих транснационалов.

В исследованиях по идентичности изучающих языки все больше внимания уделяется политическим и экономическим условиям, в которых происходит это изучение, и их взаимодействию. При этом исследователи опираются на идеи М. Фуко об отношениях между знанием и властью и о путях распространения власти в обществе [8]. Как отметил А. Пенникук,

Фуко скептически относится к сакральным понятиям и способам мышления. Такие устоявшиеся категории, как мужчина, женщина, класс, раса, этничность, нация, идентичность, сознание, эмансипация, язык или власть, могут рассматриваться как условные, меняющиеся и продуцируемые в конкретных условиях, а не как имеющие какой-либо априорный онтологический статус [18. Р. 39].

Такой подход побуждает исследователей отказываться от глобальных теорий и методов и уделять внимание конкретным особенностям людей, языковым ситуациям и процессам, которые они изучают.

Связь изучения языков (как вторых, так и иностранных) с идентичностью в теоретическом аспекте достаточно хорошо изучена. В практическом аспекте в разных странах ей уделяется

разное внимание — от должного, например в КНР, до практически полного игнорирования, как в Российской Федерации. В то же время в периоды политических и идеологических конфликтов проблема существования гибридных или космополитических идентичностей обостряется и может оказывать серьезное влияние на национальное единство и территориальную целостность. Все эти факторы должны учитываться при формировании национально ориентированной образовательной языковой политики и быть включены в новую концепцию образования в России.

Литература/References

1. Богданов С.И., Марусенко М.А., Марусенко Н.М. Языковой капитал в структуре человеческого капитала: (социальные и образовательные аспекты изучения и использования языков). СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. 304 с.
1. Bogdanov S.I., Marusenko M.A., Marusenko N.M. Iazykovoï kapital v strukture chelovecheskogo kapitala: (sotsial'nye i obrazovatel'nye aspekty izucheniia i ispol'zovaniia iazykov). St. Petersburg: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 2020. 304 s.
2. Марусенко М.А. Новый мировой языковой порядок. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. 684 с.
2. Marusenko M.A. Novyi mirovoi iazykovoï poriadok. St. Petersburg: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 2019. 684 s.
3. Anderson B. Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism. London; New York: Verso, 1991. 256 p.
4. Block D. Second language identities. London: Continuum, 2007. 239 p.
5. Bourdieu P. Language and symbolic power. Cambridge: Polity Press, 2016. 301 p.
6. Darvin R., Norton B. Identity and a model of investment in applied linguistics // Annual Review of Applied Linguistics. 2015. No. 35. P. 36–56.
7. Darvin R., Norton B. Investment and language learning in the 21st century // Langage & Société. 2016. No. 157. P. 19–38.
8. Foucault M. Power / knowledge: selected interviews and other writings, 1972–1977 / trans. C. Gordon. New York: Pantheon Books, 1980. 270 p.
9. Foucault M. The birth of biopolitics: lectures at the College de France, 1978–1979. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008. 346 p.
10. Gardner R.C., Lambert W.E. Motivational variables in second language acquisition // Attitudes and Motivation in Second Language Learning. Rowley, MA: Newbury House, 1972. P. 119–216.
11. Ibrahim A.E. Becoming Black: rap and hip-hop, race, gender, identity, and the politics of ESL learning // TESOL Quarterly. 1999. Vol. 33. Iss. 3. P. 349–369.
12. Ibrahim A. When life is off da hook: hip-hop identity and identification, BESL, and the pedagogy of pleasure // Identity Formation in Globalizing Contexts: Language Learning in the New Millennium / Christina Higgins (ed.). Göttingen: De Gruyter Mouton, 2011. P. 221–238. (Language and Social Processes).
13. Kramsch C.J. Afterword // Identity and language learning: extending the conversation / B. Norton (ed.). 2nd ed. Bristol, UK: Multilingual Matters, 2013. P. 192–201.
14. McKinney C., Van Pletzen E. This Apartheid story We've finished with it': student responses to the apartheid past in a South African English studies course // Teaching in Higher Education. 2004. Vol. 9. Iss. 2. P. 159–170.
15. Miller E., Kubota R. Second language identity construction // The Cambridge handbook of second language acquisition / J. Herschensohn, M. Young-Scholten (eds.). New York: Cambridge University Press, 2013. P. 230–250.
16. Norton B. Identity and language learning: extending the conversation. 2nd ed. Bristol: Multilingual Matters, 2013. 232 p.
17. Ohara Y. Identity theft or revealing one's true self? : the media and construction of identity in Japanese as a foreign language // Identity Formation in Globalizing Contexts: Language Learning in the New Millennium / Christina Higgins (ed.). Göttingen: De Gruyter Mouton, 2011. P. 239–256. (Language and Social Processes).
18. Pennycook A. Global English and transcultural flows. London; New York: Routledge, 2007. 189 p.
19. Siegal M., Okamoto S. Toward reconceptualizing the teaching and learning of gendered speech styles in Japanese as a foreign language // Japanese Language and Literature. 2003. No. 37. P. 49–66.
20. Talmy S. The cultural productions of the ESL student at Tradewinds High: contingency, multidirectionality, and identity in L2 socialization // Applied Linguistics. 2008. Vol. 29. Iss. 4. P. 619–644.

Марусенко Михаил Александрович,
доктор филологических наук,
профессор кафедры романской филологии
Санкт-Петербургский государственный университет

Marusenko Michael A.,
Doctor of Philology,
Professor of the Romance Philology Department
St. Petersburg State University

e-mail: mamikhail@yandex.ru

На перекрестке грузинской и русской культур

Представлен концептуальный анализ одной из базовых ценностей русской и грузинской лингвокультур — концепта «хлеб», который входит в круг наиболее рекуррентных аксиологем национальных языковых картин мира. Подчеркнуто, что ценностная картина мира служит телеологическим вектором развития культуры. На уровне дескриптивного очерка в работе установлена корреляция между менталитетом и ценностным уровнем картины мира. Иллюстративным материалом для анализа послужил корпус текстов (словарный, паремиологический, художественный) русского и грузинского языков, в котором репрезентирован концепт «хлеб». Установлены типические схождения и расхождения концептов в познаваемых культурах. Сделан вывод об общности восприятия ценности «хлеб», которое базируется на фундаменте христианской культуры.

Ключевые слова: менталитет, языковая картина мира, диалог культур, русская языковая картина мира, грузинская языковая картина мира, ценность, концепт, «хлеб», «лоза».

This article is devoted to a conceptual analysis of the basic values of Russian and Georgian linguistic cultures — the concept of “bread”, which is included in the repertoire of the most recurrent axiologemes of national language pictures of the world. The authors of the work come to the conclusion that the value picture of the world serves as a teleological vector for the development of culture. At the level of a descriptive essay, the work establishes a correlation between the mentality and the value level of the picture of the world. The corpus of texts (dictionary, paremiological, artistic) of the Russian and Georgian languages, in which the concept of “bread” is represented, served as an illustrative material for the analysis. Typical convergences and divergences of concepts in cognizable cultures are established. The conclusion is made about the common perception of the value of “bread”, which is based on the foundation of Christian culture.

Keywords: mentality, linguistic picture of the world, dialogue of cultures, Russian Worldview, Georgian Worldview, value, concept, “bread”, “vine”.

Введение

Каждый народ бытийствует в определенном жизненном контексте — географическом, культурном, социальном. Мы говорим о «бытийствовании» не случайно: жизнь этнического коллектива есть не просто акт биологического существования, но и перманентное духовно-интеллектуальное осмысление мира и места человека в нем. Человек — существо мыслящее; совокупность тех образов мира, которые формируются в его сознании в процессе освоения и конструирования действительности, рождает тот уникальный *modus vivendi*, который Л. Леви-Брюль в начале XX в. назвал менталитетом. Современная гуманитарная наука, в центре которой находится человек как «мера всех вещей», определяет менталитет как многообразие смыслов и значений, ассоциирующихся с национальной аутентичностью культуры [1. С. 514]. Устойчивый способ мировосприятия, характерный для этноколлектива, «подсказывает» ему определенные алгоритмы реагирования на феномены окружающего мира.

Менталитет порождается не столько особенностями психики, сколько конкретным типом культуры. Будучи исторически детерминированным образованием, он отличается высокой степенью стабильности и поддается трансформации лишь в том случае, если сама культура претерпевает значительные изменения. В процессе приобщения индивида к когнитивной базе этноса, осуществляемого на уровне овладения национальным языком, менталитет становится частью его психики. Это одновременно надиндивидуальный и индивидуальный феномен: каждый человек воспринимает коллективные установки как свои собственные в силу языковой общности, но эти установки настолько глубинны, что их осмысление человеком требует существенных усилий [2. С. 214].

В процессе повседневного общения каждый из нас формирует определенные фрагменты индивидуальной картины мира, «отпечатки» мира реального, преломленные сквозь психические особенности частного восприятия. Эти фрагменты постепенно складываются в некую картину мира, которую коммуникант «несет с собой» и транслирует другим участникам коммуникативного события. Его задача не просто быть понятым и таким образом добиваться коммуникативного

успеха; она в том, чтобы убедить другого посмотреть на обсуждаемое событие через призму его — адресанта — картины мира. Коммуницируя, мы приглашаем участников процесса в собственный когнитивный «заповедник», чтобы разделить с ними *общность восприятия мира*.

Методологические предпосылки

Языковая картина мира, по мысли О.А. Корнилова, есть запечатленное в системе языка видение реальности, включающее в себя логическое осмысление, оценивание и чувствование [3. С. 140]. Язык, как пишет Анна Вежбицкая [4. С. 19], есть инструмент для передачи значения. По мнению ученого, каждый естественный язык включает в себя набор примитивов, которые совпадают во всех языках и потому могут быть отнесены к универсальному набору фундаментальных общечеловеческих концептов [Там же. С. 27]. Если рассматривать его как основу семантической системы языка, то мы увидим, что у межкультурной коммуникации, пусть ограниченной в силу многих факторов, есть потенциал — и практический, и теоретический.

Для того чтобы коммуникативная дистанция между представителями разных культур сократилась, целесообразно говорить о ценностном наполнении ключевых для той или иной культуры концептов. Ценностная картина мира этноса включает в себя, согласно В.И. Карасику, общечеловеческую и специфическую части; при этом специфическая часть этой картины «сводится к различной номинативной плотности объектов и их оценочной квалификации, различной комбинаторике ценностей. В нее также входят наиболее значимые для данной культуры смыслы, культурные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке» [5. С. 116].

Ориентироваться в «ментальной карте» жизненных ценностей и мотивов, предпочтений и установок, предписаний и табу этноколлективов — важное условие для достижения коммуникативного успеха в русле межкультурного взаимодействия. Неоценимую помощь в этом процессе оказывает представление о ценностях культуры, благодаря которому мы лучше понимаем, каково глубинное, имплицитное наполнение тех или иных универсалий и как этот факт влияет на поведение собеседника — коллективного или частного.

Любая ценность антропогенна, т.е. порождена человеческим сознанием и коллективным воображаемым. Таким образом, ценно то, что признано таковым в той или иной культуре на основе ретранслируемых в ней мифов, разделяемых этническим коллективом. По этому принципу, как полагает Б. Андерсон, и строятся «воображаемые сообщества». Похожее мнение выражает Ной Ю. Харари в книге «Sapiens», называя мифологичность человеческого сознания одним из базовых условий развития вида Homo. «Язык вымысла позволяет человеку не просто отдаться игре воображения, а делать это всем коллективом. Мы научились сплести общую для всех мифологию: библейскую историю творения, сказания австралийских аборигенов о предначальных временах, националистические мифы современных государств. Общая мифология наделила сапиенсов небывалой способностью к гибкому сотрудничеству в больших коллективах» [6. С. 3–34].

Каждая культура имеет собственную систему ценностей. Если Ноам Хомский сравнивал язык с ограниченным набором единиц и неограниченными возможностями их использования, то аксиология этноса — конечный репертуар аксиологем с множественной, палимпсестной природой интерпретации, зависящей от того, насколько глубоко исследователь стремится погрузиться в культурные слои аксиологемы. Многозначна уже сама ситуация оценивания того или иного объекта или явления действительности. Ценность — культурная фиксация положительного или отрицательного отношения коллектива к объектам материального и нематериального порядка, которая неизменно основывается на идеальных (эталонных) представлениях об устройстве мира и в результате обретает свое место в аксиологической системе координат либо как ценность (соответствие), либо как антиценность (несоответствие). Ценности всегда включают в себя компонент личной (субъективной) и коллективной значимости. Идеальная ценность есть репре-

зентация триединства: истины, этики и эстетики. На базе изучения аксиологием формируются наши представления об аксиосфере культуры.

Если ценность как предмет есть исторически конкретное, вещественное либо знаковое воплощение аксиологической единицы, то ценность как отношение — это продукт деятельности активности человечества, выражающий отношение Homo sapiens к миру. Истина и ложь, добро и зло, красота и уродство — это ценностные дихотомии человеческого *modus vivendi*. Ценность как идея, инвариант и ценность как воплощение — две формы существования ценности. Любая ценность социально обусловлена. Она формируется в процессе познания и дальнейшего распределения предметов окружающего мира, каждый из которых вовлечен в сферу коллективного бытия и является фактом общественного сознания. Знание этих ценностей необходимо для избежания коммуникативных конфликтов. И даже в том случае, когда мы говорим об универсалиях, при наличии относительно стабильного смыслового ядра у каждого базисного концепта культуры (универсалии) ценностный компонент будет обусловлен языковой средой.

В идеальной форме ценности отражены родовые установки коллектива. Предметно-деятельностная форма ценности направлена на экспликацию этнокультурной специфики. Важно учитывать, что ценностная сетка языковой картины мира влияет на социальное поведение членов этнического коллектива, т.к. с базовыми аксиологемами они соизмеряют свои поступки. Общечеловеческие ценности довольно медленно изменяются во времени, они обладают константным ядром и подвижной внешней оболочкой, которая легко вбирает в себя изменения внешнего мира. Архетипическое в ценности скомбинировано с ксенотипическим. В коллективном сознании ценность имеет идеальную, эталонную природу. В обыденном сознании она становится ориентиром, определяющим индивидуальную жизнедеятельность личности через систему ее целей и мотивов. Будучи образованиями ментального порядка, ценности нуждаются в знаковом овнешнении, кодовой объективации, которая может быть как вербальной, так и невербальной.

На протяжении ряда лет мы участвуем в создании каталога ценностей русской культуры. Проведенные исследования позволили включить в него следующие аксиологические универсалии: «любовь», «семья», «труд», «долг», «здоровье», «достаток», «успех», «образование», «прогресс», «родина». На уровне материально-объектных ценностей всесторонне проанализирован концепт «хлеб».

По мнению Х.-Г. Гадамера, человек в большей степени живет в мире слов, нежели в мире предметов. Этот тезис соответствует гипотезе, согласно которой язык представляет собой не только отражение реальности, но и особую ее интерпретацию. Слово — ключ доступа к феноменам более сложного порядка, которые современные исследователи называют концептами — ментальными сущностями, «квантами смысла», бытующими в нашем индивидуальном и коллективном сознании. Как явление ментально-аффективно-перцепционного порядка, концепты сложно «уловить» и описать. Однако лингвисты предпринимают попытку их номинации, анализа, дескрипции, систематизации, создавая своего рода «конструкты» — вербализованные модели концептов. Закономерно, что главным средством их овнешнения становится язык и его корпусные возможности. Именно на уровне привлечения широкого массива текстов (корпуса) появляется возможность дифференцировать параметрические свойства тех или иных концептов. Как правило, в зоне нашего внимания оказываются концепты, которые можно назвать «ядрами» той или иной культуры, — своего рода константы, базисные элементы, несущие в себе ценностный компонент.

Именно таким константным концептом культуры земледельческого типа выступает концепт «хлеб».

Результаты исследования и их обсуждение

Культура, возникшая на фундаменте родного языка, представляет собой целостный «организм», в котором находят выражение бытийное, рефлексивное и духовное начала стоящей за ним «народной личности» (Н.С. Трубецкой). Поэтому обращение к доминантам сознания/

самосознания, заложенным в слове, раскрывает концептуальную парадигму культуры в целом. Цель настоящей статьи — рассмотреть концепты «хлеб» и «лоза», которые сформировались на фундаменте русского и грузинского языков, принадлежащих различным языковым группам, но общему православному миру.

Выбор концепта «хлеб» / “*puri*” не случаен. В книжной и народной культуре, в повседневном быту и, соответственно, в постоянном словоупотреблении данное понятие не только несет в себе смысл важнейшего продукта питания, но и является одним из символов национального образа жизни и духовной традиции. Поэтому в русской и грузинской концептосферах оно относится к числу фундаментальных.

В Толковом словаре грузинского языка под редакцией А. Чикобава отмечаются следующие значения данного концепта: «1. Ежедневная пища человека, выпекается из теста, замешенного на пшеничной муке с водой и солью, может быть различной формы. 2. Однолетнее растение, весеннее и осеннее, из размолотых зерен которого готовится эта пища // Зерно этого растения» [7]. Таким образом, в грузинском языковом сознании актуализировано прежде всего представление о хлебе как о пище человека, которое включает в себя такие «созначения», как ‘пицца’, ‘выпечка’, ‘тесто’, ‘мука’, ‘вода’, ‘соль’, ‘форма’, ‘растение’, ‘зерно’. При этом словарная дефиниция отражает связь этого продукта питания с человеком, который выращивает зерно, производит из него муку, а затем хлебные изделия, различные по способу приготовления и по форме.

Словари русского языка также фиксируют реально-предметные значения: ‘культурные зерновые растения’, ‘скошенный, но необмолоченный хлеб’, ‘зерно’, ‘мука’ и ‘пищевой продукт из муки’ — и обобщенно-абстрактные значения: ‘пропитание’, ‘средства к существованию’, ‘пища духовная’ (*Не хлебом единым жив человек*) (см., например, словарь под ред. А.П. Евгеньевой [8]). Примечательно, что в долговременном русском мировосприятии *хлеб* приобрел антропоморфные свойства и сакральную коннотацию. В качестве иллюстрации сошлемся на следующие метафорические выражения: *хлеб-отец*, *хлеб-кормилец*, *хлеб — дар Божий* и на евангельский афоризм *Я емь хлеб жизни*.

Ценностно-смысловой потенциал анализируемого концепта раскрывают разнообразные словосочетания, фразеологизмы, пословицы и поговорки.

Так, грузинская народная этика отношения к хлебу нашла выражение в следующих словосочетаниях и образцах речевого поведения: *puri mware* / горький хлеб; *puri sxvisi* / чужой хлеб; *puri xmeli* / сухой хлеб; *puri carieli* / пустой хлеб; *puri arsobisa* / хлеб насыщенный; *pur-maril* / хлеб-соль; *puris saxelis daviwyeba* / забыть, как называется хлеб, т.е. не помнить самого главного; *puris fulis Shovna* / добывать деньги на хлеб; *pursa da wyalze yofna* / сидеть на хлебе и воде; *dzaglis dapureba visime jibrze* / кормить хлебом собаку кому-то назло; *Ra purs gachmevs?* / Как зарабатываешь на жизнь? Достаточно ли зарабатываешь?; *sadac puri naxo, iq dabinavdio* / где найдешь хлеб, там и живи; *adamians Tu puri da marili aqvs, SheuZlia “puroba” gamarTos, xolo Tu orive aklia, supra “koWlia”* / если у человека есть хлеб и соль, может устроить пир, а если нет ни того, ни другого, стол у него хромой; *puri gautexavT, dZmoba SheuficiaT* / хлеб преломили, в дружбе поклялись; *mTavaria keTili guli, Torem yveli da puri yvelgan moiZebnebao* / главное — доброе сердце, а хлеб и сыр везде найдутся; *kveli da puri — ketili guli* / сыр и хлеб да доброе сердце (говорится гостю в качестве извинения за скромное угощение).

В русском языковом пространстве ценностное отношение к хлебу нашло отражение в таких устойчивых словосочетаниях, как *хлеб насыщенный*; *легкий/тяжелый хлеб*; *хлебный край*; *хлебное место*; *зарабатывать на хлеб*; *перебиваться с хлеба на воду*; *посадить на хлеб и на воду*; *есть чужой/свой хлеб*; *не брезговать хлебом-солью* и др. Среди многочисленных паремий отметим те, в которых подчеркивается значимость хлеба как продукта питания и связанных с ним добрых взаимоотношений: *хлеб всему голова*; *худ обед, коли хлеба нет*; *без соли не вкусно, а без хлеба не сытно*; *покуда есть хлеб да вода, все не беда*; *хлеб в пути не тягость*; *была бы голова на плечах, а хлеб будет*; *где хлебно да тепло, там и жить добро*; *от хлеба-соли не отказываются*; *хлеб-соль*

кушай, а добрых людей слушай; без хлеба, без соли худая беседа; хлеб-соль ешь, а правду режь; хорош тот, кто кормит, а и тот не худ, кто хлеб-соль помнит и др.

Известный знаток народного быта, писатель-этнограф С.В. Максимов посвятил хлебу специальное сочинение «Куль хлеба», опубликованное в 1873 г.: «Хлебом и солью встречают и провожают русские люди всякого желанного заезжего гостя и подносят хлеб-соль дорогому, любимому человеку, которому желают доказать почтение и покорность» [9]. В настоящее время преподнесение хлеба-соли высокому гостю не сопровождается выражением покорности, но выступает в качестве высшего проявления гостеприимства. Однако во времена Ивана Грозного, по свидетельству А. Гваньини, «хлеб-соль» выставляли на столе перед домом при приближении крайней опасности. Так, в частности, поступили псковичи, чтобы умиротворить царя, и он пощадил обреченных на смерть горожан [10]. Известны также традиционное приветствие «Хлеб да соль!» всем, кто сидит за столом и ест, и предложение «хлеба-соли откушать», в которых нашло выражение представление о хлебосольстве, почитавшемся на Руси как высокая добродетель. Существуют и более ранние свидетельства отношения к «хлебу-соли» как залого гостеприимства и дружеского расположения [9. С. 5].

Особый концепт грузинской лингвокультуры — «хлеб судьбы». В разных уголках Грузии «хлеб судьбы» различался. На востоке страны это могли быть сладкие лепешки *назуки* с пряностями, на юге — хлеб *сомини* и *каду* и др. В Самцхе-Джавахети, на территории исторической Месхетии, «хлеб судьбы» готовят на Бедоба и по сей день. Считается, что он приносит семье счастье.

Несколько лет назад региональное издание «Самхретис карибче» подготовило сюжет, в котором показало, как готовят «хлеб судьбы» в наши дни.

По сути, «хлеб судьбы» — это тот же *сомини*, но его форма немного отличается. Как правило, хлеб накалывают вилкой или делают защипы по бокам. Это необходимо, чтобы отличить его от другой выпечки, ведь внутри «хлеба судьбы» спрятана монетка. Того, кому она попадет, в новом году ждет успех.

Помимо «хлеба судьбы», на Бедоба в Самцхе-Джавахети продолжают печь хлеб *басила* в форме человечка. Дело в том, что раньше Новый год в Грузии называли Днем Басили (Василия Великого), поскольку 1 января Православная Церковь празднует день этого святого. Пироги *басила* пекли во всех уголках Грузии. Обычно их клали на блюдо со сладостями. Особенно *басила* популярны у детей.

Таким образом, в грузинской и русской этнокультурных традициях концепт «хлеб» / “*puri*” предстает как связанный с установкой на доброе застолье и достижение взаимности. В этом контексте примечательны размышления признанного специалиста по менталитету народов мира Г.Д. Гачева. Описывая грузинское застолье, исследователь видит в нем продолжение традиции платоновского «пира-симпозиума», когда «пробивается материя к духу», и отмечает торжество «гиперболического восхищения», в котором подчеркивается все лучшее в каждом из сидящих за одним столом. Для русского застолья, напротив, типична «тяга к покаянию» и исповеданию, нередко в надежде на одобрение, поддержку или утешение [11. С. 250–251].

Обращает на себя внимание и следующий факт. Общий для обеих культур формульный концепт “*pur-marili*” / «хлеб-соль» имеет существенное различие: в грузинском языковом сознании он неотделим от “*pur-gvino*” / «хлеб-вино». В этой связи примечательны следующие народные оценочные суждения: *ixvoba purisa da gvinisa* / изобилие хлеба и вина; *puri-Rvino uleveli* / нескончаемое хлеб-вино; *da iyo qarTlsa Shina puri da Gvino friadi* / и было в Картли хлеба и вина несметно; *gvinos gasmev da purs gaWmev* / пою вином и кормлю хлебом.

В качестве иллюстрации данной позиции сошлемся на клятву хлебом, солью и вином из широко известного сказания об Абесаломе и Этери, которое дошло до нас в записях второй половины XIX в.:

Клянусь хлебом и солью,
Вином от лозы,
Плугом и бороздой,
Проведенной быком,
Другого мужчину не хочу я... [12. С. 345].

Русский и грузинский языки являются языками православной культуры. Поэтому сформировавшиеся в этом лингвокультурном пространстве языковая, речеповеденческая, дискурсивная и концептуальная картины мира оценивают хлеб и вино как символы жизни в сопresутствии Всевышнего. Особую значимость для православных христиан имеет Таинство Святого Причастия (Евхаристия), восходящее к Тайной вечере, когда Христос претворил хлеб и вино в Тело и Кровь Свою: *Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое. И взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов. Сказываю же вам, что отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Отца Моего* (Мф. 26: 26–29; Лк. 22: 15–20). Общеизвестно и обращение к ученикам, когда Христос называет Себя виноградной лозой: *Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой виноградарь. <...> Я есмь лоза, а вы — ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего* (Ин. 15: 1–6). Поэтому в православном богослужении хлеб и вино являются неотъемлемой частью литургии, а виноградная лоза присутствует в оформлении храмов как символ Царства Божьего.

В этом контексте определенный интерес представляют следующие размышления протоиерея Андрея Ткачева, в которых речь идет об отношении к виноградной лозе русских и грузин:

В крестьянской (читай, христианской) стране хлеб прочно ассоциировался с Евхаристией, то есть был такой пищей, таким даром земли, который при известных условиях становился Пищей Бессмертия. <...> Будучи сыном невинодельческого народа, я подозреваю, что в любви грузин, армян, молдаван к виноградной лозе скрыта все та же любовь к Евхаристии. И нельзя без дрожи смотреть на черно-белые кадры старого фильма «Отец солдата». Старик-грузин отвешивает оплеуху молодому танкисту, поведшему танк на виноградник. <...> Ты — фашист. Парень в танке не фашист. Он — русский, но он не окапывал лозу, не ждал от нее плодов. Он не знает песен, которые нужно петь при сборе урожая. Он вряд ли знает красивые тосты и до сих пор пил только самогон (<http://otrok-ua.ru/sections>).

Не следует забывать и того факта, что в грузинской ментальности виноградная лоза неотделима от креста святой равноапостольной Нины, просветительницы Грузии (276–340). Согласно преданию, Нине, дочери полководца императора Максимиана, до 14 лет служившей при Гробе Господнем в Иерусалиме, явилась во сне Богородица и, благословив ее на проповедь христианского вероучения, вручила ей две виноградные лозы, сложенные крестом. В 315 г. Нина прибыла в Мцхет, где начала свои тайные проповеди, которые продолжались 35 лет и увенчались крещением грузинского царя Мириана и обращением целого народа. Крест святой Нины, сплетенный из виноградных лоз, хранится в Сионском кафедральном соборе в Тбилиси как великая национальная реликвия, связанная с духовным становлением грузинского народа [13. С. 222].

В целом в обеих лингвокультурах принятие православия преобразовало ценностно-смысловое содержание лексем «хлеб» и «лоза», привнеся в изначальную семантику экзистенциальное измерение. В этом отношении показательна евангельская притча о богаче, в которой нашла отражение утилитарная доминанта человеческой жизни: *У одного богатого человека был хороший урожай в поле. И он рассуждал сам с собою: «что мне делать? <...> сломаю житницы мои и построю большие, и соберу туда весь хлеб мой и все добро мое, и скажу душе моей: душа! Много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись». Но Бог сказал ему: «безумный! В сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?» Так бывает с тем, кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет* (Лк. 12: 16–21). Об укоренении нового отношения к хлебу как пище духовной свидетельствует поговорка *Не хлебом единым жив человек*, восходящая

к евангельскому афоризму *«Не хлебом единым жив человек, но всяким словом, исходящим из уст Господа»* (Мф. 4: 4), которым утверждался новый смысло-жизненный ориентир и три модуса бытия: *вера, надежда, любовь; но любовь из них больше* (1 Кор. 13: 13).

Что касается концепта «виноградная лоза», то в русском лингвокультурном пространстве¹ он отмечен, наряду с сакральной коннотацией, принадлежностью к книжной и народной устно-поэтической традициям. В качестве иллюстрации ограничимся следующими цитатами:

Не стану я жалеть о розах,
Увядших с легкою весной,
Мне мил и виноград на лозах,
В кистях созревший под горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой.
(А.С. Пушкин)

Ах ты сад, ты мой садочек,
Сад да зеленое винограды,
К чему ты рано, сад, расцветаешь,
Расцветавши, сад, засыхаешь,
Землю листьям, сад, устилаешь,
Не дождавши поры-времени.
(Севернорусская обрядовая песня)

Заключение

Общим для грузинской и русской лингвокультур является переживаемый религиозной традицией исторический период: «В настоящий момент мы оказались свидетелями длящегося завершения грандиозного, исторически беспрецедентного опыта Нового времени — построения культуры без религии» [14. С. 5]. Действительно, менялись мир и бытие носителей языка, но слова «хлеб» и «лоза» оставались той связующей нитью времен, которая по-прежнему соединяет различные поколения и народы, поскольку живы заложенные в них идеалы и ценностные представления о мире и бытии.

Литература

1. Кондаков И.В. Культурология: история культуры России. М.: Высшая школа, 2003. 616 с.
2. Кармин А.С. Культурология. СПб.: Лань, 2003. 928 с.
3. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: КДУ, 2011. 350 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
5. Везибицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М.: ЯСК, 2011. 568 с.
6. Харари Н.Ю. Sapiens: краткая история человечества. М.: Синдбад, 2019. 512 с.
7. Толковый словарь грузинского языка: в 8 т. / под ред. А. Чикобава. Тбилиси, 1950–1964.
8. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1984. 794 с.
9. Максимов С.В. Куль хлеба: рассказы и очерки. Л.: Лениздат, 1987. 655 с.
10. Гваньини А. Описание Московии. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997. 182 с.
11. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм: Эксмо, 2008. 544 с.
12. Грузинские народные сказки: сто сказок. Тбилиси: Мерани, 1971. 350 с.
13. Христианство: энциклопедический словарь: в 2 т. Т. 2 / под ред. С.С. Аверинцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. 671 с.
14. Доброхотов А.Л. Философия и христианство // Христианство и философия: VIII Рождественские образовательные чтения: сб. докладов. М., 2000.

References

1. Kondakov I.V. Kul'turologiia: istoriia kul'tury Rossii. Moscow: Vysshaya shkola, 2003. 616 s.
2. Karmin A.S. Kul'turologiia. St. Petersburg: Lan', 2003. 928 s.
3. Kornilov O.A. Iazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov. Moscow: KDU, 2011. 350 s.
4. Karasik V.I. Iazykovi krug: lichnost', kontsepty, diskurs. Volgograd: Peremena, 2002. 477 s.
5. Vezhbitskaya A. Semanticheskie universalii i bazisnye kontsepty. Moscow: IaSK, 2011. 568 s.
6. Kharari N.Yu. Sapiens: kratkaia istoriia chelovechestva. Moscow: Sindbad, 2019. 512 s.
7. Tolkovyi slovar' gruzinskogo iazyka: v 8 t. / pod red. A. Chikobava. Tbilisi, 1950–1964.
8. Slovar' russkogo iazyka: v 4 t. T. 4 / pod red. A.P. Evgenievoy. Moscow: Russkii iazyk, 1984. 794 s.
9. Maksimov S.V. Kul' khleba: rasskazy i ocherki. Leningrad: Lenizdat, 1987. 655 s.
10. Gvan'ini A. Opisanie Moskovii. Moscow: Greko-latinskii kabinet Yu.A. Shichalina, 1997. 182 s.
11. Gachev G.D. Mental'nosti narodov mira. Moscow: Algoritm: Eksmo, 2008. 544 s.
12. Gruzinskie narodnye skazki: sto skazok. Tbilisi: Merani, 1971. 350 s.
13. Khristianstvo: entsiklopedicheskii slovar': v 2 t. T. 2 / pod red. S.S. Averintseva. Moscow: Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia, 1995. 671 s.
14. Dobrokhotov A.L. Filsofia i khristianstvo // Khristianstvo i filosofia: VIII Rozhdestvenskie obrazovatel'nye chteniia: sb. докладов. Moscow, 2000.

¹ Виноградные гроздья и лозы традиционно присутствуют на гербах городов и на знаках отличия. Самая древняя из медалей (с надписью «Тако созревают») была учреждена Екатериной II для награждения выпускниц Смольного института.

Синячкин Владимир Павлович,
доктор филологических наук, доцент, заведующий
кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов

Sinyachkin Vladimir P.,
Doctor of Philology, Associate Professor,
Head of the Russian Language and Intercultural
Communication Department
Institute of the Russian Language
Peoples' Friendship University of Russia

SPIN: 8057-9562, AuthorID: 436181
e-mail: word@list.ru

Владимирова Татьяна Евгеньевна,
доктор филологических наук, профессор, преподаватель
кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов

Vladimirova Tatyana E.,
Doctor of Philology, Professor,
Lecturer of the Russian Language and
Intercultural Communication Department
Institute of the Russian Language
Peoples' Friendship University of Russia

SPIN: 2859-4934, AuthorID: 543796
e-mail: yusvlad@rambler.ru

Хатишвили Хатиа Александровна,
доктор филологических наук,
профессор кафедры славистики
Тбилисский государственный университет
им. Ивана Джавахишвили (Грузия)

Khatishvili Khatia A.,
Doctor of Philology, Professor of the Slavic Studies Department
Tbilisi State University named after Ivane Javakhishvili (Georgia)

e-mail: khatia.khatishvili@tsu.ge

Categories of address forms in Pakistani English at a multilingual academic setting¹

The variations of address forms in multilingual and multicultural contexts create problems in their understanding, proper choice, and usage. The goal of this study is to identify the main categories of forms of address used by students and teachers in multilingual Pakistani universities and to highlight the socio-cultural factors that determine their choice and preference in various contexts, both formal and informal. An open-ended questionnaire was distributed for data collection in four public sector universities in the Sindh province of Pakistan. The material obtained from 252 participants was supplemented and verified through ethnographic observation and analyzed employing both quantitative and qualitative research paradigms. The preliminary results show that in multilingual academic settings, Pakistani interlocutors use a variety of categories of address forms with the domineering position of names and kinship terms. Speaking Pakistani English, they use both English and local terms of address borrowed from Sindhi, Urdu, and other local languages to express their cultural values, identity, and attitudes. The findings show that English forms of address are predominantly used in formal contexts while native terms are mostly observed in informal ones. The study provides some new linguistic facts about the impact of culture on address forms. Its results may contribute to further investigation of address forms from socio-pragmatic and cultural perspectives.

Keywords: address forms, multilinguals, cultural values, academic discourse, Pakistani English.

В многоязычных и многокультурных контекстах существование вариантов форм обращения создает проблемы их понимания, правильного выбора и использования. Цель настоящего исследования — определить основные категории форм обращения, используемых студентами и преподавателями в многоязычной образовательной среде пакистанских университетов, и выявить социокультурные факторы, определяющие их выбор и предпочтение в различных ситуациях, как формальных, так и неформальных. Материал собран путем анкетирования 252 студентов четырех государственных университетов провинции Синд в Пакистане, дополнен и верифицирован с помощью метода включенного наблюдения. Полученные данные проанализированы с применением как количественных, так и качественных методов. Предварительные результаты показали, что в многоязычной образовательной среде пакистанские собеседники используют различные категории форм обращения, основными из которых являются имена собственные и термины родства. Помимо английских форм обращения, в пакистанском английском широко используются обращения, заимствованные из местных языков (синдхи, урду и др.), что позволяет собеседникам выразить свои культурные ценности и идентичность. Отмечено также, что английские формы обращения используются в более формальных контекстах. В исследовании приведены некоторые новые языковые факты, свидетельствующие о влиянии культуры на формы обращения и их использование. Результаты работы могут способствовать дальнейшим исследованиям форм обращения в социо-прагматическом и социокультурологическом аспектах.

Ключевые слова: формы обращения, мультилингвы, культурные ценности, образовательный дискурс, пакистанский английский.

Introduction

Address forms are a complex and variable area of study. In bi-multilingual settings, the selection of an address form gets more complicated because of socio-cultural differences, and the cultural background of interlocutors. Pakistani universities have a multilingual environment, and such linguistics diversity increases the problems for interlocutors in choosing an appropriate address term for an addressee.

Address forms are words or phrases referred to the addressee by the speaker based on their relationships and context. The use and choice of address forms depend on a number of social factors such as age, gender, status, profession, rank, etc. Among other factors, culture is one the most important component in the choice of an address form. Variety in the use of address forms is “crucial for establishing and maintaining social relationships” [1. P. 1]. As a result, developing the relations between interlocutors depends on one of the determining factors such as addressing practices. Address forms reveal how the relationships are regulated between interlocutors and how they are maintained by them which is depending on the usage of address forms.

¹ The work has been supported by the Peoples' Friendship University of Russia, Scientific Projects Grant System (project No. 050734-2-000 “Intercultural communication in the context of globalization, migration and language contacts”).

To make our communication effective we attempt to choose certain address forms such as nominal and pronominal. This choice is based on the situation and the particular context – like addressing a friend in a café, and when in a classroom. However, the selection and preference of one specific address term over another “what is considered the ‘right’ form of address in a particular situation – vary over time, across speech communities, social networks, and even according to individual preference” [Ibid.]. The function and pragmatic meaning of address forms may vary according to the addressee, situation, and relationships between the interlocutors. For instance, one person can be addressed as *Dave*, *David*, *uncle David*, *Mr. Brown*, or *Professor Brown*.

This paper is a pilot study of an ongoing research project on addressing practices in Pakistani English in an academic setting. The study focuses on the identification of categories of address forms used by multilingual students of Pakistani Universities in different communication contexts and describes their functions and pragmatic features. One of the reasons to select multilingual academic settings is the continuous mobility of multicultural educational scenarios. Pakistani students are multicultural and multilingual belonging to different ethnic and linguistic backgrounds. From this perspective, the study hypothesize that students’ communicative values and native traditions regulate their choice of address forms in a given context when they speak Pakistani English. The study aims to define categories of address forms in multilingual academic setting of Pakistani universities and identify the socio-cultural factors that determine their choice in various contexts.

Literature review

Sociolinguists got interested in address forms since the beginning of research often credited to the publication of Brown and Gilman’s [2] work. After their study, the focus shifted to social categories such as class, gender, age, and status, and the theory of address forms developed into an interdisciplinary research field.

Ervin-Tripp [3] argued that different speech communities may adhere to a different social group within the same speech community with different rules. These inferences may create misunderstandings or miscommunication between them particularly in multilingual settings. Labov [4] a variationist sociolinguist, claims that the mechanism of linguistic change in its social contexts and their social setting consequently affects our language and communication. Handling proper usage of address forms is essential for effective message delivery.

Universities in Pakistan have multilingual students from all over the country. They come from different provinces, cities, and towns and possess abilities to speak different local languages, such as Sindhi, Urdu, Balochi, Punjabi, Seraiki among many others. This multilingual setting of Pakistani universities can assist in exploring the manifestation of local linguaculture in English communication concerning address forms. Multilingualism in Pakistani universities affects the speech and language of the interlocutors. Among other local languages, English enjoys the official status and medium of instruction in universities [5], however, there as seventy-seven indigenous languages spoken [6].

Another important factor is the culture that influences the interlocutors’ communicative behavior and shapes the worldview of speakers. The use of language and communication needs to be viewed from the cultural affiliation of interlocutors. Cultural linguistics [7] suggests that the relationship between language and cultural conceptualizations is important for “understanding of how English is used by communities of speakers around the world to express their cultural conceptualizations, including their world views” [Ibid. P. 515]. The interlocutor’s values, beliefs, concepts, and cultural affiliation show the relationship between language and communication. Thus, the investigation of the addressing practices in different cultures is important, as address forms vary across languages and cultures [8–13] and even across varieties of the same language [14–16]. This study explores terms of address in Pakistani English focusing on the impact of the local languages and culture on address forms and their usage in the multilingual setting of Pakistani universities.

Data, methods, and analysis

An interdisciplinary theoretical framework adopted in the study is based on cultural studies, [12; 17], sociolinguistics [4; 18; 19], multilingualism [5; 6], and intercultural pragmatics [9; 20]. The study aims to identify the categories of address forms in multilingual settings of Pakistani universities used by teachers and students while speaking English and define the role of context (social, cultural, contextual, and relational) in their choice and preference.

The data were collected through the questionnaire adapted from Larina and Suryanarayan [21]. Additionally, the data were supplemented and verified with ethnographic observation. Participants of the survey belonged to four public sector universities located in the Sindh province of Pakistan. Informed consent was taken and participation was voluntary. The questionnaire contained several questions aiming to find address forms used in different university settings, namely, in formal situations (classroom, department, and office), informal situations (café), and digital communication. Thus, the study goal was to explore the address forms considering socio-cultural, contextual, and relational factors.

This paper presents some data gained from students through the questionnaire and teacher-student interactions from ethnographic observation. Indeed, the author's take is that being a faculty member with more than a decade of teaching experience and interactions with students the analysis can give some insights into the data.

The data gathered from $n = 252$ questionnaires were analyzed both quantitatively and qualitatively. As the data set contained English address forms as well as the address forms borrowed from Sindhi, Urdu, Balochi, Punjabi, Seraiki, and other local languages, we consider them under the term 'native' address forms for the all-inclusive demonstration of the data. The study follows Braun's [8] scheme for the analysis of categories of address forms. Moreover, if any new category emerged it was added to the set of categories.

The study aimed to identify the main categories of address forms used by students and teachers in multilingual Pakistani universities and highlight the socio-cultural factors that determine their choice and preference in various contexts. Based on the focus of the study, the following questions have been posed:

- What categories of address forms are used by students and teachers in multilingual settings of Pakistani universities?
- What socio-cultural factors determine their choice in various contexts?

Results and discussion

The data analysis shown below is based on categories of address forms in multilingual settings by frequency (see figure). The results show that the most frequent categories of address forms are first names and kinship terms employed by students and teachers.

The use of names between students is common. They use names for addressing each other in different ways. Pakistani names follow a combination of naming patterns (e. g. Rizwan Ali or vice

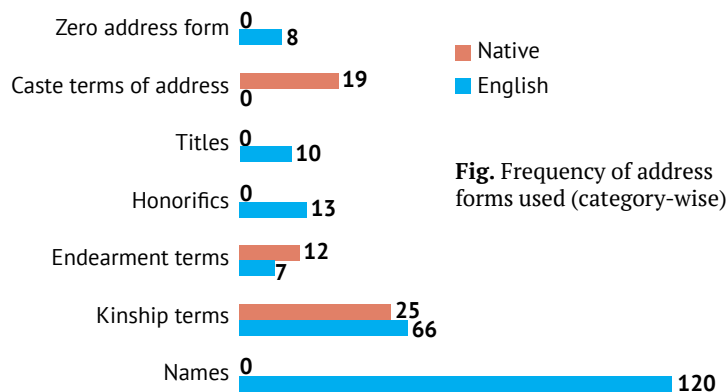

Fig. Frequency of address forms used (category-wise)

versa Ali Rizwan). However, the results show that students use first names (e. g. Rizwan or Ali) more often than combination names. The use of first names is a marker of intimacy and closeness among interlocutors which reflects the nature of the relationships between them. From students to teacher's conversations, students in most cases use the title with first names i.e. *Dr. Hassan* (male first

name) or *Professor Zeenat* (female first name) in both formal and informal contexts. Students rarely use first names for teachers because the use of the first name is highly discouraged or even considered bad-mannered due to social and cultural values. Teachers address students by their first names calling students as *Shahzad*, *Om Kumar* (male first name), *Mehrosh*, *Mariam* (female first name), etc.

Kinship terms were noticed as the second most frequent category used by both students and teachers. Kinship terms were used in different formal and informal contexts. Students use both English and native language kinship terms. Native kinship terms such as *ada / bha* (in Sindhi) 'brother' *aapa / aapi* (in Urdu) 'sister' were observed. It is also common among students to use English kinship terms, but they were limited to *bro / brother* and *sis / sister*. The use of kinship among students shows cohesion and intimacy between blood relatives. Their usage indicates some semantic differences from English. For instance, the semantics of native kinship terms *ada / bha* (in Sindhi) or *bhai* (in Urdu) 'brother' is more sensitive and a token of deeper mutual intimacy than English *bro / brother*. In informal contexts, the use of English kinship terms is considered an Anglo-centric inclination of the user in some cases. Hence, students tend to use native kinship terms in both formal and informal situations to reflect their socio-cultural values in communication. Teachers also address students with kinship terms. The analysis of such situations is based on the author's observation as a 'native' member of the culture, and as someone who has been studying and experiencing such uses from time to time while teaching at a Pakistani university. One can observe the usage of kinship terms by multilingual teachers in addressing students frequently in different situations. The use of kinship terms in multilingual settings corroborates with studies which argue that kinship terms replace names in contexts where increased respect and formality are required [22; 23].

The findings showed that it is not uncommon the use of endearment terms by students in different contexts which demonstrate friendliness and intimacy. They use the only English term 'dear' while native terms seem to be more variable, e. g. *mitha / jani* (in Sindhi) 'beloved', *yar / yaar* (in Sindhi and Urdu) 'close-friend'. In this category students' reliance on native endearment terms increased and on English terms decreased. The use of *yar / yaar* fulfills the interlocutors' communicative needs that English is unable to accomplish. Semantically *yar / yaar* is 'someone with whom a person shares all life matters i.e. personal, family, and emotional, etc., while the English word *friend* means 'a person I know and like'.

An unexpected usage of English honorifics was observed in the data. This category is used often for teachers and office bearers. However, it was observed that students also used the English honorifics *Mr/Miss* to each other, though not often (5.2%). In our opinion students use English honorifics to demonstrate Anglicized behavior to the addressee. From teachers' point of view, it is not uncommon to observe English honorifics among students, teachers also may use them to address students in some cases but not often. Students may perceive the address *Mr/Miss* from teachers as sarcasm in some situations.

The data analysis showed the usage of titles *senior* and *junior* among students, who were studying in their first to the fourth year of studies. This trend shows that students prefer in their communication to show respect and honour together. The title among students is a common tendency to show the importance of hierarchy among them, despite bearing no social power. Students employing titles tend to show socio-cultural peculiarities and adherence to native values in university settings.

Caste is another important category that was observed as an address term used by students. Caste is a common marker of identity in Pakistani lingua-culture. One can observe the usage of caste (e. g. *Soomro*, *Qureshi*, *Talpur*) by students addressing each other, as well as their teachers. From personal observation, students tend to employ caste as an address term for teachers in informal situations. Whereas, in formal contexts, students prefer to attach first names with caste for instance *Rizwan Soomro*, or honorific as *Sir Soomro*. Hence, it is important to mention that caste among interlocutors is a marker of Pakistani native values that indicates nearness, mutual respect, and deeper understanding in different formal and informal contexts. Moreover, teachers tend not to address students with the caste term to maintain

a distance in formal contexts, whereas, in rare cases, that could be possible, especially when teachers want to show or build trust and mutual understanding.

The last category observed was zero address form noticed in all contexts in students' data. The results show that some interlocutors limit themselves to greetings *Hi/Hello*, and attention getter *Excuse me* to avoid nominal address forms.

In line with the results, it can be summarised that Pakistani university students and teachers employ several categories of address forms when communicating with each other. However, some nominal variations were noticed in the preferences between English and native categories. Among all categories, names and kinship terms appear to be domineering categories.

Concluding remarks

The goal of this study was to define the main categories of address forms used in Pakistani English in a multilingual academic setting and identify the socio-cultural factors that determine their choice and preference in various contexts, both formal and informal.

The results reveal that students and teachers in multilingual settings of Pakistani universities employ a variety of categories and speaking English they use both English and local terms of address to express their values, identity, and attitudes. Among all categories, first names were the most frequent, followed by kinship terms. Moreover, endearment terms, honorifics, titles, caste terms of address, and zero address forms were also used. The choice of an address term was based on interlocutors' relations, formality level, age, and other contextual factors.

The findings have shown some culture-specific features of address forms and the impact of culture and cultural values on their choice. The closeness of relations on the one hand and respect for those who are elder are frequently expressed by kinship terms (e. g. *ada / bha* (in Sindhi) 'brother' or *aapa / aapi* (in Urdu) 'sister'). The findings indicate a strong sensitivity of Pakistani students to age differences (even when they are one or two years older/younger) and asymmetry of relations which result in such address forms as *senior* and *junior*, and honorifics *Mr/Miss* which are commonly employed for the person bearing an official rank. The significant power distance characteristic of Pakistani society and the value of status and age is manifested in the high level of formality observed in addressing a teacher by students.

The findings demonstrate a frequent use of native terms of address borrowed from local languages. They are markers of lingua-cultural identity and enable speakers to convey values of their culture. Native terms of address are mostly used in informal contexts while English forms of address are predominantly used in formal contexts.

The study provides some new facts concerning the impact of local languages and culture on Pakistani English, namely the forms of address and their functioning. Once again it confirms the fact that "each variety is underpinned by its linguaculture, which means it is able to express the cultural identity of its users and has certain features transferred from their mother tongues and/or other languages that are in regular contact with this variety" [24. P. 526].

The results may contribute to further study of address forms from socio-pragmatic and socio-cultural perspectives. The findings can be implied in World Englishes paradigm, cultural linguistics, cross-cultural pragmatics, as well as intercultural communication, and second-language teaching.

The paper has some limitations related to the contexts and material. Further studies intend to investigate address forms in student-teacher and teacher-student interactions in more detail and with a particular emphasis on discursive practices.

References

1. Norrby C., Wide C. Introduction: address practice as social action across cultures and contexts // Address Practice as Social Action: European Perspectives / C. Norrby, C. Wide (eds.). Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. DOI 10.1057/9781137529923.

2. *Brown R., Gilman A.* The pronouns of power and // *Style in language solidarity* / T.A. Sebeok (ed.). Cambridge: MIT Press, 1960. P. 253–276.
3. *Ervin-Tripp S.* On sociolinguistic rules: alternation and co-occurrence. *Directions in sociolinguistics* // *The Ethnography of Communication* / J. Gumperz, D. Hymes (eds.). Oxford: Blackwell. 1986. P. 213–250.
4. *Labov W.* Sociolinguistic patterns. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 1972.
5. *Rahman T.* Language policy, multilingualism and language vitality in Pakistan // *Lesser-Known Languages of South Asia: Status and Policies, Case Studies and Applications of Information Technology* / A. Saxena, L. Borin (eds.). Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2008. P. 73–106. URL: <https://doi.org/10.1515/9783110197785.1.73>.
6. *Eberhard D.M., Simons G.F., Fennig C.D.* *Ethnologue: languages of the world* / SIL International. 23rd ed. 2020. URL: <https://www.ethnologue.com/guides/most-spoken-languages>.
7. *Sharifian F.* Cultural linguistics and world Englishes // *World Englishes*. 2015. Vol. 34. P. 515–532. URL: <https://doi.org/10.1111/weng.12156>.
8. *Braun F.* Terms of address: problems of patterns and usage in various languages and cultures (contributions to the sociology of language). Berlin: Mouton de Gruyter, 1988. URL: <https://doi.org/10.1515/9783110848113>.
9. *Khalil A., Larina T.* Arabic forms of address: sociolinguistic overview // *The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS, V. XXXIX — WUT 2018: Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects*. Future Academy. 2018. P. 299–309. URL: <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.04.02.44>.
10. *Khalil A., Larina T.* Terms of endearment in American English and Syrian Arabic family discourse // *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2022. Vol. 13 (1). P. 27–44. URL: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-27-44>.
11. *Suryanarayan N., Khalil A.* Kinship terms as indicators of identity and social reality: a case study of Syrian Arabic and Hindi // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Vol. 25 (1). P. 125–146. URL: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-125-146>.
12. *Wierzbicka A.* Kinship and social cognition in Australian languages: Kayardild and Pitjantjatjara // *Australian Journal of Linguistics*. 2013. Vol. 33. P. 502–521. URL: <https://doi.org/10.1080/07268602.2013.846458>.
13. *Wierzbicka A.* Addressing God in European languages: different meanings, different cultural attitudes // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Vol. 24 (2). P. 259–293. URL: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-259-293>.
14. *Formentelli M., Hajek J.* Address practices in academic interactions in a pluricentric language: Australian English, American English, and British English // *Pragmatics*. 2016. Vol. 26 (4). P. 631–652. URL: <https://doi.org/10.1075/prag.26.4.05for>.
15. *Larina T.V., Suryanarayan N., Yuryeva Yu.B.* Socio-cultural context, address forms and communicative styles: (a case study of British and Indian Englishes) // *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2019. Vol. 18 (3). P. 39–51. URL: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.3>.
16. *Ozyumenko V.* Addressing a judge in national varieties of English // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Vol. 24 (1). P. 137–157. URL: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-1-137-157>.
17. *Hofstede G.* *Cultures and organizations: Software of the mind*. Limburg at Maastricht, The Netherlands: The McGraw-Hills Companies, 1991.
18. *Yule G.* *The study of language*. New York: Cambridge University Press, 2010.
19. *Keshavarz M.H.* The role of social context, intimacy, and distance in the choice of forms of address // *International Journal of the Sociology of Language*. 2001. Vol. 148. P. 5–18. URL: <https://doi.org/10.1515/ijsl.2001.015>.
20. *Kecskes I.* Word, context and communicative meaning // *Russian Journal of Linguistics*. 2014. Vol. 1. P. 7–18.
21. *Larina T., Suryanarayan N.* Address forms in academic discourse in Indian English // *Forms of Address in Contrastive Contexts* / N. Baumgarten, R. Vismans (eds.). John Benjamins Publ. [Forthcoming].
22. *Kamehkhosh N.* Politeness strategies in British and Persian family discourse: forms of addressing // *Philology. Theory & Practice*. 2021. Vol. 14 (7). P. 2265–2271. URL: <https://doi.org/10.30853/phil210360>.
23. *Khalil A.* American English and Syrian English forms of address: a contrastive analysis // *Philology. Theory & Practice*. 2021. Vol. 14 (12). P. 4032–4055. URL: <https://doi.org/10.30853/phil20210622>.
24. *Proshina Z.G., Nelson C.L.* Varieties of English and Kachru's expanding circle. DOI 10.22363/2687-0088-2020-24-3-523-550 // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Vol. 24. No. 3. P. 523–550.

Muhammad Arif Soomro,

PhD student of the Foreign Languages Department
Peoples' Friendship University of Russia;
Associate Professor of the English Department
Quaid-e-Awam University of Engineering, Science and Technology
(Nawabshah-Sindh, Pakistan)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1503-5375>
e-mail: muhammadarif@quest.edu.pk

Larina Tatiana V.,

Doctor of Philology, Professor of the Foreign Languages Department
Peoples' Friendship University of Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>
e-mail: larina_tv@rudn.ru

Русская паремиологическая картина мира с позиции носителя китайской лингвокультуры

Актуальность настоящего исследования обусловлена возрастающей потребностью в успешной межкультурной кооперации между представителями китайской и русской культур. В силу объективных экстралингвистических факторов между Китаем и Россией происходит интенсивный взаимообмен знаниями. Усиливается поток китайских студентов в Россию; в процессе обучения они заинтересованы не столько в том, чтобы усвоить функционирование русской языковой системы, сколько в том, чтобы понять «русский мир». Этот процесс может быть затруднен в силу несовпадения исходной и постигаемой культур. Для преодоления этого барьера необходимо сформировать такое знание, которое будет востребовано и понятно культурному аутсайдеру; следовательно, возникает потребность в исследовании объяснительного характера. Цель настоящей работы — исследование концептуального комплекса «жизнь — смерть», реализованного в русской языковой картине мира, с позиции носителя китайского языкового сознания. Проанализированы те этапы аккультурации, которые преодолевает представитель иной лингвокультуры в процессе освоения новой для него концептуальной действительности. Важно учитывать, что языковая личность, сформировавшаяся в контексте исходной культуры, действует по принципу «Omnia mea mecum porto»: «своя культура» становится для нее точкой отсчета в гносеологическом процессе, тем фоном, на котором разворачивается актуализация новых смыслов. В работе использованы следующие методы исследования: дескриптивный метод, концептуальный анализ, метод лингвокультурологического комментирования, контекстуальный анализ, корпусный метод, анкетирование.

Ключевые слова: лингвокультурология, китайская языковая картина мира, русская языковая картина мира, концепт «жизнь — смерть», паремиологическая база.

The relevance of this study is due to the growing need for successful intercultural cooperation between representatives of Chinese and Russian cultures. Due to objective extra-linguistic factors, there is an intensive exchange of knowledge between China and Russia. The flow of Chinese students to Russia is increasing; in the learning process, they are interested not so much in learning the functioning of the Russian language system, but in understanding the “Russian world”. This process can be hampered by the discrepancy between the original and the perceived cultures. To overcome this barrier, it is necessary to form such knowledge that will be in demand and understandable to a cultural outsider, therefore, there is a need for an explanatory study. The purpose of this work is to study the conceptual complex “Life — Death”, implemented in the Russian linguistic picture of the world, from the position of a bearer of Chinese linguistic consciousness. We are trying to analyze those stages of acculturation that a representative of a different linguistic culture overcomes in the process of mastering a new conceptual reality for him. It is important to take into account that a linguistic personality, formed in the context of the original culture, acts according to the principle of *Omnia mea mecum porto*: “one’s own culture” becomes for him a starting point in the epistemological process, the background against which the actualization of new meanings unfolds. Research methods: descriptive method, conceptual analysis, linguo-cultural commenting method, contextual analysis, corpus method, questioning.

Keywords: linguoculturology, Chinese linguistic picture of the world, Russian linguistic picture of the world, concept “Life — Death”, paremiological base.

Введение

У лингвокультурологии на сегодняшний день немало сторонников и противников. Последние отказывают ей в статусе науки, настаивая, что разработанные в ее рамках эпистемы неverified. Можно ли установить связь между языком и мышлением, доказать взаимную корреляцию этих феноменов, обосновать (как это делает А. Вежбицкая), что в самом грамматическом строе языка, его синтаксисе и этноспецифической лексике заложен уникальный *modus vivendi* того или иного народа?

Однако разработки новейшего времени дают нам убедительные ответы на поставленные вопросы. Так, лингвист Г. Дойчер пишет:

Реальное воздействие родного языка формирует привычки, которые развиваются посредством частого использования определенных способов выражения. Понятия, с которыми мы обучены обходиться как с разными, информация, которую наш родной язык вынуждает нас передавать, детали, к которым он требует от нас внима-

ния, и повторяющиеся ассоциации, на которые он нас наводит, — все эти речевые привычки могут переходить в привычки мышления, что значит гораздо больше, чем знание языка как таковое [1. С. 295].

О языке как «духе народа» писал еще В. фон Гумбольдт; этот тезис стал для современной лингвистики аксиоматическим. Большое значение для подкрепления научного базиса лингвокультурологии имеют изыскания Г.Д. Гачева, который пишет о национальных образах мира, порожденных культурами разного типа: ургийной и гонийной. В первом случае это культуры, созданные целенаправленными действиями коллектива по освоению пространства; во втором — культуры «стихийные», порожденные теми климатическими и географическими особенностями, которые диктуют сообществу способы вживания в окружающий мир [2]. По мнению ученого, каждая культура несет в себе Психею — уникальную душу, самобытность которой заложена самой природой бытования этноспецифического коллектива.

О том, что «Психея» как дух народа незримо присутствует в языке, свидетельствуют огромные корпусы текстов: это и паремиологические фонды языков, и язык художественной литературы, и узуальный дискурс, внутри которого циркулируют одни и те же языковые элементы, ежедневно отбираемые носителями языка в речевой практике. На материале обширного лексического фонда языка становится возможным реконструировать базисные концепты культуры: они отличаются рекуррентностью, ретранслируемостью, тесно связаны с архетипическими первоосновами культуры. Под архетипами мы подразумеваем воспроизводимые из поколения в поколения паттерны коллективного бессознательного, обладающие универсальным содержательным ядром и этноспецифической ближней и дальней перифериями. К таким базисным концептам относим и дихотомию «жизнь — смерть». В строгом смысле это концепт-гипероним: его гипонимические корреляты очень многообразны и выходят далеко за пределы дериватологических цепочек. Так, концепт «жизнь — смерть» может быть реконструирован (хотя и под знаком астериска) из широкого культурологического контекста, где однокоренные репрезентанты его вербального воплощения вовсе не будут представлены.

В процессе погружения в инокультурное пространство с позиции аутсайдера, т.е. человека, чья языковая личность сформировалась на базе другой языковой и культурной действительности, мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью адаптировать имеющийся у нас когнитивный фонд к реалиям другой лингвокультуры, обладающей собственной спецификой. Языковая личность (модель которой разработана Ю.Н. Карауловым) [3] представляет собой взаимодействие трех уровней, каждый из которых определенным образом аккумулирует, структурирует и транслирует знания человека о мире: вербально-семантического, концептуального и собственно прагматического. Каждый из этих уровней формируется в процессе социализации индивидуума и детерминирован той лингвистической и культурной средой, которая является для личности коммуникативным контекстом ее бытования. Следовательно, ее изначальный индивидуальный тезаурус, идиоконцептосфера и базовый прагматикон так или иначе обусловлены языковой картиной мира, свойственной определенной лингвокультуре.

Языковая картина мира (ЯКМ) — это запечатленное в системе языка видение всего сущего, где видение, как справедливо подчеркивает О.А. Корнилов, включает в себя три понятия: логическое осмысление, чувствование и оценивание [4. С. 140]. Национальных языковых картин в мире существует столько же, сколько и языков. Каждая из них является продуктом многовековой коллективной работы этнического сознания над осмыслением и категоризацией бытия и связана со многими экстралингвистическими факторами, в том числе способами вживания этноязыкового коллектива в окружающий мир, его природно-климатический контекст.

В процессе освоения реальной действительности этнос вырабатывает определенные представления о мире, аксиологические ориентиры, уникальную телеологию, предписания и запреты, эталоны и сценарии поведения, в том числе коммуникативного.

Вербализованные в ЯКМ знания о мире становятся своего рода «навигационной картой» этноса, которая входит в когнитивную базу коллектива естественно и воспринимается как правильная, органичная система координат, которой целесообразно руководствоваться в дискурсивном пространстве. Однако для истинного понимания специфики собственной лингвокультуры нередко необходима позиция «внеаходимости» (по М.М. Бахтину), наличие дистанцирования от своего путем его осмысления через другое. Вот почему в современной науке о языке компаративный метод в изучении различных ЯКМ видится наиболее продуктивным.

Изучение другого языка (в нашем случае русского) предполагает не только освоение его системно-структурных особенностей, но и вовлечение языковой личности в новое культурное пространство, а иногда и формирование вторичной языковой личности.

Материалом настоящего исследования является паремиология, и выбор этот обусловлен тем, что именно паремии кумулируют культурно-исторический опыт народа, постепенно формирующий особое семантическое поле, которое в процессе языковой трансмиссии квалифицируется носителями языка как «народная мудрость».

Результаты исследования и их обсуждение

Языковые картины мира, как уже было отмечено, очень многообразны. ЯКМ — это определенным образом структурированная модель мира, подчиненная своей логике, которая соответствует определенному миропониманию, и детерминированная историко-национальной, социальной и жанровой спецификой «овнешнения» в текстах. Тексты, воплощающие ЯКМ, имеют доминантную характеристику. Воспроизведенные в них события позволяют нам получить представление о знаниях, которые лингвокультура накопила за время своего существования. Не случайно понятие ЯКМ коррелирует с «культурной памятью»: слово помнит все то существенное, что реализовано в языковых отношениях, поэтому именно существенные элементы картины мира перманентно ретранслируются.

Паремии наиболее репрезентативно отражают аспекты человеческого бытия, которые связаны с осмыслением законов общества, ценностных категорий жизни, смерти, судьбы и многих других. Они образно и лаконично отражают комплексы культурных кодов, связанных с феноменологией человеческого жизненного опыта. Их семантический потенциал — концентрат языковых знаков особой природы: синкретичных, семантически связанных. В отличие от свободных синтаксических конструкций, паремии включаются в контекст в качестве вставочных элементов (интекстов), апеллируя к эмпирическому фонду этноса. Пословицы выражают базовые ценности культуры, нередко поясняя природу одного явления путем сопоставления его с другим.

Закономерно полагать, что пословичный фонд — это фрагмент ЯКМ, транслирующий базовые культурные ценности: в контексте паремий они переосмысливаются в соответствии с исторической эмпирикой нации. Примечательно, что социокультурное значение паремий заключается в их нравоучительности, которая превышает собственно информативность.

Анализ паремиологического корпуса русского языка позволяет получить важную информацию о таких аспектах человеческого существования, как: смысл жизни; ключевые события жизни; счастье, несчастье, судьба, отношение к жизненным невзгодам и пути их преодоления; нормы поведения и скрипты (предписания).

Знание, кристаллизованное в пословицах и поговорках, не требует доказательств: оно аксиоматично. В нем отражено отношение народа к жизни, выработанное на протяжении многих веков.

При вхождении индивида в инокультурное пространство он неизбежно сталкивается с лакунами разного уровня — лексическими и концептуальными. Лакуны (*лат.* «пустошь», «брешь», «провал») — лингвокультурный феномен, который исследователи описывают следующим образом: это то, что реципиент заметил в инокультурном тексте, но не смог понять и интерпретировать [5. С. 35]. И.Ю. Марковина и Ю.А. Сорокин определяют лакуны как белые пятна на семантической

карте языка. Как отмечает З.К. Сабитова, признаками лакун выступают непонятность, экзотичность, незнакомость (чуждость), неточность [6. С. 124].

Неудивительно, что китайские студенты, приступающие к изучению и освоению русской ЯКМ, имеют дело с повышенной лакунарностью языковых единиц. Единственный адекватный способ их элиминирования — составление краткого герменевтического комментария, способного заполнить пробелы в системе соответствий исконного и изучаемого языков.

Рассмотрим пословицы и поговорки русского языка с позиции носителя китайского языкового сознания¹.

Жить вертко, помирать терпко. В первую очередь следует пояснить лексемы «вертко» и «терпко». Первая из них связана с глаголом «вертеться» — совершать ловкие, изворотливые движения. Жизнь, согласно данной паремиологической единице (ПЕ), — это определенное умение, требующее маневренности и существенных усилий. В процессе «верчения» затрачиваются определенные силы. Это требует физических затрат, а потому сопряжено с трудностями. На контекстуальном уровне мы могли бы сказать, что жить «тяжело». «Терпко» в прямом значении — «кисло». Это вкус, вызывающий оскормину; в переносном значении — «тягостно», «горько». Как бы ни была трудна жизнь, смерть оказывается еще труднее. Для носителя китайской ЯКМ это в определенном смысле концептуальная лакуна: как было установлено ранее, в китайской ЯКМ смерть достойнее и предпочтительнее трудной, отягощенной страданиями жизни.

Живешь — воз прешь; помрешь — на горбу унесешь. «Переть» значит прилагать значительные усилия в процессе передвижения объекта в пространстве. В данном случае это воз (отглагольный субстантив от «возить»). Как правило, воз в хозяйстве «перемещали» тягловые животные, например лошади. Для китайской культуры понимание лошади как тягловой силы не совсем привычно: ее почитают как олицетворение энергий Неба и Земли, и связана лошадь в первую очередь с перемещением человека, с военными победами и дальними путешествиями. Лошадь в китайской культуре — символ гордости и свободы; актуализация этого образа в значении «хозяйственное животное» не кодифицирована. В русской культуре, напротив, лошадь такой же труженик, как и человек.

Жить плохо, да ведь и умереть не находка. В китайской лингвокультуре не принято говорить о тяготах жизни прямо; свою судьбу человек должен нести достойно и смиренно. В русской ЯКМ прямая характеристика возможна. Особого комментария требует слово «находка». «Находка» в данном случае семантически сближается не с тем, что можно «найти», но с «удачей», «счастливым случаем», «обретением», т.е. с тем, чем смерть не является. Следовательно, несмотря на трудности жизни, смерть не является «счастливым исходом». Об этом свидетельствуют и пословицы: *Жить горько (скучно), да и умереть не сладко (не потешно); Жить грустно, а умирать тошно; Как жить ни тошно, а умирают тошней.* Связующим признаком смерти (умирания) становится тошнота — тягостное ощущение в верхнем отделе живота, предощущение физиологического извержения. Тошнота связана с такой сильной эмоцией, как страх. На физиологическом уровне она возникает от переизбытка, в том числе переизбытка чувств. В китайской ЯКМ нет настолько рекуррентного употребления лексемы «тошнота», что позволяет нам сделать вывод о ее специфичности для русского языка.

Смерть, как мышь, голову отъест. В данной ПЕ представлена зооморфная реализация смерти. В традиционной культуре славянских народов слово «мышь» — «небольшой грызун, обычно серого цвета, с острой мордочкой и длинным голым хвостом, приносящий вред в хозяйстве» — устойчиво ассоциируется с комплексом негативных представлений, которые обусловлены хтонической и демонической природой этого животного, а также его ритуальной «нечистотой» и «вредоносностью» [7. С. 250]. Несмотря на то что китайцы воспринимают мышь отчасти негативно (так, о посредственном человеке говорят: «Сер, как мышь»), в целом этот образ содержит и положительные коннотации: домовитость, способность производить потомство (подмеченная в свадебных обрядах),

¹ [https://ru.wikisource.org/wiki/Пословицы_русского_народа_\(Даль\)/_Наука#:~:text=Без%20муки%20нет%20и%20науки,берет%2C%20да%20не%20всяк%20доучивает.](https://ru.wikisource.org/wiki/Пословицы_русского_народа_(Даль)/_Наука#:~:text=Без%20муки%20нет%20и%20науки,берет%2C%20да%20не%20всяк%20доучивает.)

богатство и накопление. «Китайская» мышь не могла бы стать активным репрезентантом смерти: в отличие от русской лингвокультуры, в китайской мышь лишена демонических черт и ассоциируется с символикой смерти очень слабо.

Лучше век терпеть, чем вдруг умереть. Трудная жизнь в воззрениях русского народа лучше скоростной смерти. Как уже отмечалось, для китайской лингвокультуры этот сценарий нетипичен: достойная смерть оценивается выше посредственной жизни. Русскому человеку «мила» и тяжелая жизнь: это крест, возложенный на него Богом, а значит, его нужно нести до конца.

Тяжко на свете жить. Тяжел крест, да надо нести. Эта пословица концептуально сближена с причитанием — одним из элементов русской «культуры плача».

Поскольку Бог — тот, кто реализует свою волю по отношению к человеку, его принято просить о счастливой судьбе: *Дал бы бог здоровья, а дней много впереди.* В китайской культуре высшей силой выступает Небо.

Иногда семантика ПЕ в отношении жизни оказывается обратной причитанию: *Живи, да не тужи!* Это предписание близко китайской лингвокультуре, в которой не принято жаловаться на жизнь.

Специфические для китайского языкового сознания лексемы находим в структуре ПЕ *Жили сажень, а доживать пядень.* Слово «сажень» означает меру длины, связанную с соматическими характеристиками человека. Это расстояние от кончиков пальцев одной руки до кончиков пальцев другой; руки при этом расставлены в стороны. Пядень — промежуток от мизинца до большого пальца. Таким образом, выражение означает «Жили долго, а доживать остается мало». Жизнь сравнивается с отрезком, т.е. это измеримая величина. В суровых условиях прошлого жизнь была скоротечна. Об этом свидетельствует пословица *Сорок лет — прости, мой век!*

В связи с быстротечностью жизни к смерти нужно быть готовым в любой момент: *Живи на двое: и до веку, и до вечера; Смерть берет распахом.* Слово «распах» связано с диалектным словом «полóх» — испуг, также «полóх» — тревога.

О том, что смерть чужда человеку, говорит пословица *Смерть не свой брат — разговаривать не станешь.*

Лингвокультурного комментария требует ПЕ *Никому не ведом час Страшного Суда:* она связана с христианской парадигмой и предполагает, что человека после смерти будут судить на высшем суде, по итогу которого его душа будет определена либо в лучший мир, либо ниспослана на вечные муки. Для китайцев классическое европейское представление о рае и аде нетипично.

К смерти нужно готовиться заранее: *На небо крыл нет, а в землю путь близок.* Это значит, что попасть в рай нелегко, а в ад — прямая дорога.

Если рассматривать структуру концепта как модель, ядром ее будет лексема, выступающая доминантой номинации, — «жизнь» и «смерть» соответственно. Так, ядром концептуального пространства жизни является «жизнь как форма бытия», «жизнь как срок».

Рассмотрим отдельные характеристики концепта на материале пословиц русского языка.

Жив человек — смерти боится. Смерть не за горами, а за плечами. Проблема осмысления жизни — в осознании ее конечности (концептуальная характеристика «жизнь как срок»). При этом, несмотря на непреложную ценность жизни, она сопряжена с трудностями и страданиями, из которых смерть помогает выйти: *Жить страшнее, чем умирать.*

Человеческая жизнь коррелирует с понятием времени; жизнь — это отпущенный человеку срок, к которому нужно относиться вдумчиво: *Всякое семя знает свое время; Деньги пропали — наживешь, время пропало — не вернешь; Живешь — не оглянешься, умрешь — не спохватишься.* Жизнь, таким образом, скоротечна, и бесцельно тратить свое время недопустимо. Бесцельная жизнь неприемлема и для китайского народа; в этом отношении мироощущения двух этносов концептуально сближены.

Несмотря на то что жизнь связана с трудностями и тяготами, ее всегда можно изменить к лучшему: *Ничто не кончено для того, кто жив.*

Живуч, как кошка. Актуализирован признак живучести, готовности бороться за жизнь вопреки обстоятельствам и условиям (болезням, невзгодам). Неконвенциональное значение — жизнь как ценность (выводимая из имплицатуры информация — выжить вопреки всему, следовательно, приложить усилия для сохранения жизни).

Живой думает о живом. В данном выражении объективировано два концептуальных смысла (выраженных одной лексемой): «живой» в значении «человек живущий»; «о живом» — о насущном, имеющем значение для продолжения жизни.

Жили люди до нас, будут жить и после нас. В данной ПЕ жизнь представлена признаком конечности, с одной стороны, и социально-биологической воспроизводимости — с другой: с окончанием жизни одного человека (или поколения) не наступает окончание жизни всего общества. Жизнь продолжается в следующих поколениях. В этом суть коллективного, надындивидуального мироощущения русского народа. Китайский народ тоже характеризуется как коллективное общество: жить — значит сохранить себя в памяти последующих поколений.

И воробей не живет без людей. Еще одна важная ПЕ, актуализирующая идею жизни, не изолированной от общественного существования. Жизнь имеет ценность лишь в том случае, если она «вплетается» в жизнеположение народа.

Примечательно, что в русских ПЕ содержатся наставления, как лучше прожить жизнь. Это еще раз подтверждает наблюдение исследователей, что пословицы и поговорки представляют собой спрессованный опыт поколений, ретранслируемый в диахронии.

Живи просто — доживешь до ста лет. Как видим, в данной обобщенно-личной синтаксической конструкции содержится совет, из которого эксплицируются базовые ценности жизни: простота и долголетие. Простота — одна из важных черт русского национального характера. По наблюдениям В.В. Колесова, жизнь человека должна протекать «неприметно»; жаловаться на нее не принято, однако и удачу (связанную с концептом «счастье») открыто демонстрировать не рекомендуется: это может спровоцировать ситуацию сравнения своей жизни с жизнями других и стать импульсом к возникновению негативных чувств и эмоций со стороны «менее удачливых» членов ближайшего окружения. Следовательно, жизнь человека должна быть в определенном смысле «стандартизированной», узуальна, и в этом случае человек получает возможность прожить ее долго без вмешательства внешних сил, как социальных, так и «высших». Для конфуцианской культуры китайцев характерно смирение перед той социальной ролью, которая определена человеку изначально. Отсюда такие черты, как зависть, посягательство на чужую судьбу, крайне нетипичны. Следовательно, «жить тихо» не предписание в китайской лингвокультуре.

Еще одна пословица, подтверждающая наши наблюдения: *Живи тихо — не увидишь лиха.* Особо прокомментировать хотелось бы сущностный компонент предиката второго предложения — «лихо». У него та же корневая основа, что и у слова «лишение» — контекстуального синонима таких слов, как «горе», «нужда», «беда», «несчастье». В верованиях древних славян образ лиха был персонифицирован: существовали поверья о Лихе Одноглазом (отметим здесь соматическую дефекитарность антропоморфного существа, связанную с идеей лишения). Лихо Одноглазое — «представитель» неконтролируемых сил судьбы, «тяжелой участи». Его представляли как великана с одним глазом (иногда как костлявую одноглазую женщину), который, становясь «спутником» человеческой жизни, вел ее к разрушениям и страданиям. Чтобы не привлечь к своей жизни внимания враждебных сил, требовалось вести себя неприметно, «тихо». Постепенно магические представления о лихе были вытеснены вполне прагматическими. На уровне синтаксической синонимии можно вывести следующий скрипт на базе данной пословицы: *Живи неприметно — не наживешь себе неприятностей.*

Еще одно важное предписание, необходимое к выполнению для достижения благой жизни, — обязанность трудиться: *Живи своим умом да своим горбом; Добро наживай, а худо изживай.* Первая пословица позволяет нам сделать несколько важных выводов: жизнь — это личная ответственность, ее развитие и итог зависят от «ума» самого человека; жить следует своим «горбом», который выступает здесь синонимом тяжелой работы. Не случайно глагол «горбатиться» в словаре А. Зализняка

объясняется как «работать с согнутой спиной». Вероятно, это значение восходит к сельскохозяйственному укладу жизни русского человека, которому приходилось «сгибаться» для произведения таких действий, как вспахивание, возделывание и сеяние. Труд как концептуальный коррелят достойной, счастливой жизни актуализирован и в пословице *Для кого труд — радость, для того жизнь — счастье*. Напротив, жизнь без дела оценивается крайне негативно: *Без дела жить — только небо коптить; Жив, да негоден*.

Ценностью русской ЯКМ является также совесть: *Говори по делу, живи по совести*.

Концептуальные параметры, включенные в ближнюю периферию «жизни», распределены по признакам, характеризующим жизнь как образ существования: *Какая жизнь, такие и песни; Каково живется, таково и спится*. Симптоматично, что в первой ПЕ актуализирована лексема «песня». Песни как полижанровый феномен действительно сопровождали жизнь человека на протяжении всего его существования и репрезентировали важнейшие события. Одни песни имеют строгую фиксацию в календарном времени и поются сообразно случаю, другие несут в себе обрядовое назначение, а некоторые призваны выразить определенное настроение и выступают «эмотивными» компонентами дискурса.

В культуре славян песни отражали ключевые в жизни общества события, вмещали в себя отношение к миру, передавали эмоциональное состояние человека, обладали магической (заклинательной) функцией. Так, календарные песни, связанные с праздниками и обрядами (например, песни жатвенной страды, песни встречи весны, песни-гадания), были частью активного взаимодействия человека с миром.

Песни пелись и по «частным поводам»: на рождение и крещение ребенка, колыбельные, игровые, величальные, рекрутские, поминальные и др. Они сопровождали ключевые события в жизни человека, и в этом усматривается прямая корреляция между лексемами «жизнь» и «песня» в составе анализируемой пословицы. Существовали песни «будней» и песни праздников, лирические и эпические песни, трудовые и потешные. Как видим, каков был жизненный этап человека и его окружения, такими были и песни. В китайской культуре песни также имели большое значение. «Народная песня как форма искусства теснейшим образом связана с историей страны. В различные эпохи народная песня отражает все перипетии развития государства, уровень его культуры. Отзывчивость и чуткость народной песни к переменам в общественно-политическом устройстве доказываются появлением в разные времена соответствующих историко-культурной ситуации тем, образов, жанров и кристаллизации отличительных стилистических особенностей китайского музыкального фольклора» [8].

Во второй пословице акцентирована лексема «сон»: с одной стороны, она связана с мотивом труда (спится хорошо после трудной работы), с другой — с мотивом совести (спокойный сон характерен лишь для человека со спокойным сердцем).

Некоторые пословицы, входящие в корпусную репрезентацию концепта «жизнь», связаны с категорией темпоральности.

Не живем, а дни провожаем. Жизнь имеет определенную протяженность во времени. Более того, она количественно измерима (дни сменяют друг друга, но по отношению к уходящему времени человек как бы «зафиксирован» в пространстве, и время проходит «сквозь» него. О феномене «сквозного времени» писал еще В.В. Колесов).

Век жить, век ждать. Показательно, что в данной ПЕ репрезентирована идея ожидания. С одной стороны, она связана с ожиданием будущего, с другой — с ожиданием именно *лучшего будущего, счастливого случая, счастливой доли*. Таким образом, жизнь в момент настоящего имплицитно связана с трудностями, она «тяжела». О том, что русский человек воспринимает жизнь как тяжелую «долю», свидетельствуют пословицы: *Живется ни в сито, ни в решето; Жизнь прожить — не поле перейти*.

Однако тяготы жизни можно преодолеть, если человек обладает материальными благами: *О чем тому тужить, кому есть чем жить*. Тем не менее не всякое благосостояние ценится

в русской культуре. Положительные коннотации связаны с концептом «труд»: *Даровой рубль дешев, нажитой дорог; Деньги — дело наживное.*

Для китайской лингвокультуры концепт «труд» имеет особую ценность. Именно труд обеспечивает человеку достойную жизнь: *劳动致富* («трудолюбие приносит богатство»).

Концепт «жизнь» связан с членением на определенные периоды, и в некоторых ПЕ заключена положительная семантика: *Не в гору живет, а под гору.* Первая половина жизни человека — «восхождение в гору» — связана с определенными трудностями и заботами, приложением существенных усилий для достижения цели. Во второй половине жизни человек «движется вниз с горы», т.е. живет значительно легче.

Еще один компонент концептуальной структуры «жизни» — целеполагание. Жизнь, как уже говорилось, должна иметь смысл, и базовая ценность русской ЯКМ — «добро»: *Жизнь дана на добрые дела; Жизнь измеряется не годами, а делами; Как проживешь, так и прослывешь* (признак «доброе имя»). Доброе имя — главная ценность и китайской лингвокультуры: именно оно остается в веках и является гарантом дальнейшей социальной жизни даже после смерти человека. Об этом китайская ПЕ *Тело и имя (слава), что из них ближе (дороже)?*

Смерть неразрывно связана с жизнью. Она неминуема, беспристрастна и не всегда оценивается негативно. На концептуальном уровне смерть есть «прекращение жизни», «итог жизни», «высшая форма существования».

Люди мрут — нам дорогу трут. В данной пословице эксплицировано значение «смена поколений» (отметим, что она семантически сблизена с ПЕ *Жили люди до нас, будут жить и после нас*). Таким образом, ушедшие «освобождают место» живущим, и в этом заключен определенный миропорядок.

Двум смертям не бывать, а одной не миновать; Один раз мать родила, один раз и умирать. Концептуальные параметры данных ПЕ — неминуемость смерти, ее обязательность для каждого человека. О том, что смерти нельзя избежать, свидетельствуют и такие пословицы, как *От смерти не спрячешься; Бойся, не бойся, а смерть у порога; Не ты смерти ищешь — она сторожит.* В данных ПЕ смерть представлена как антропоморфное существо, неизбежный спутник человеческой жизни. Ее характеристики показательны: она неподкупна и приходит в свой черед: *От смерти не откупишься; От всего выльчимся, кроме смерти; Придет время — все лягут в могилу.*

Еще один параметр концепта «смерть» — ее внезапность: *Смерть берет распахом; Собрался жить, взял да и помер; Сегодня жив, а завтра жил; Сегодня венчался, а завтра скончался.*

Среди положительных коннотаций смерти следует выделить семы «избавление», «отдых»: *Помрем — всё хорошо будет; Отдохнешь, когда издохнешь; Помрешь, так отдохнешь.* Смерть — избавление от трудностей и тягот жизни. В последней ПЕ ее значение связано с модусом будущего времени и восходит к представлениям о грядущей духовной жизни. Смерть как отдых — один из мотивов китайской лингвокультуры. Эти значения на уровне двух языковых систем пересекаются. *Жизнь лишь плавание по течению, смерть всего только отдых в пути,* — гласит ода «Птица смерти» древнекитайского поэта и мыслителя Цзя И.

Конечность жизни и окончательность смерти представлена ПЕ *Умрешь — ничего с собою не возьмешь.*

Паремии, в которых жизнь и смерть представлены как диада, как правило, построены на принципах сравнения (*Кто жить не умел, того и умирать не выучишь; Жил собакой, околел псом; Как живем, так и умираем; Эта жизнь хуже смерти*) и противопоставления (*Жить грустно, а умирать тошно; Не на живот рождаемся, а на смерть; Живи не тужи: помрешь — не заплачешь; Жить горько, да и умереть не сладко; Как жить ни тошно, а умирать тошней; Жить — мучиться, а умереть — не хочется*).

Жизнь дана человеку на «добрые дела». Однако в русской паремиологической ЯКМ сложилось представление о том, что человек грешен; следовательно, чем больше времени ему отпущено, тем больше он рискует согрешить: *Больше жить — больше грешить; Меньше жить — меньше грешить; Умрешь, так меньше врешь; Не грешит, кто гниет (кто в земле лежит).*

Следует отметить, что отношение к греху в русской и китайской лингвокультурах различно. Китайская ментальность не зависит от христианского понимания греха как «ошибки», «промаха»,

«преступления» перед высшими силами (Богом). Грех, согласно даосским представлениям, есть нарушение гармонии, которого не прощает Дао. Буддистское понимание греховности связано с идеей кармы, которую надлежит очищать от всего ненужного, чтобы приобщиться к Божественному в следующей жизни. Концепт «грех» как совокупность чувств, действий, ситуаций в китайской лингвокультуре отсутствует [9. С. 169].

О том, что смерть беспристрастна и выбирает тех, чей срок настал, говорят пословицы: *Пришла смерть по бабу — не указывай на деда; От смерти и под камнем не укроешься.*

Никто из живущих не знает, когда наступит его черед. Непредсказуемость смерти выработала в русской культуре предписание готовиться к ней заранее: *Избу крой, песни пой, а шесть досок паси.* Первые две синтаксические конструкции в составе сложного синтаксического целого напрямую связаны с концептом «жизнь»: *избу крой* в значении «возводи себе жилище», т.е. место для жизни; *песни пой* (пение в русской ЯКМ связано не только с жизненными событиями, но и с самой человеческой душой, ср.: *душа поет*). *Шесть досок паси* означает заранее запасай древесину, чтобы сколотить *последний дом* — гроб. Не случайно в пословице задействована символика числа шесть, актуализирующая наивные представления об inferнальном, потустороннем, «дьявольском». Таким образом, в пословице объективирован и дом как вместительное жилище жизни, и последний дом тела — гроб.

Концептуально сближенная пословица *Дом строй, а домовину ладь* реализует те же значения, что и в предыдущем примере.

Несмотря на то что жизнь, вопреки всем трудностям, воспринимается в русской ЯКМ как высокая ценность, некоторые пословицы сообщают дополнительные позитивные коннотации и концепту «смерть»: *Лучше смерть, нежели зол живот; Чем с плачем жить, так лучше с песнями умереть.*

Такое мироощущение особенно близко носителю китайского языкового сознания, для которого достойная смерть лучше тягостной жизни. О том, что смерть, как и жизнь, есть однонаправленный путь (дорога), мы уже говорили; пословицы, которые акцентируют данную семантику, дефинируют смерть как дорогу, не называя ее прямо: *На тот свет отовсюду одна дорога.*

Смерть в русском миропонимании может быть трудной и исполненной страданий, поэтому внезапная смерть квалифицируется как благо: *Легче всех нечаянная смерть; Нежданная смерть — находка.*

Смерть не есть конец жизни: *Земной быт — не всему конец; Смерть — душе простор; Тебе, телу, во земле лежать, а мне, душе, на ответ идти; Что припасла душа, то и на тот свет понесла.*

Таким образом, человеческая суть прежде всего душа, которая, в отличие от тела, бессмертна.

Поскольку смерть реализуется через семантику неожиданности, русская культура накопила множество «примет»: в пословичном фонде содержатся единицы с предсказательным компонентом (прогностическая функция языка): *Сколько раз чихнешь в именины свои, столько лет проживешь; Сколько раз кукушка натошак кого окукует, столько лет жить; У кого крошки изо рта валяются, тот скоро умрет; Коли ноги теплы у покойника, то зовет за собою.*

А.Н. Афанасьев в своей книге «Живая вода и вещее слово» делит приметы на две группы: «приметы, выведенные из действительных наблюдений», и суеверные приметы, «в основании которых лежит не опыт, а мифическое представление» [10. С. 63–65]. В данном случае приметы комбинируют наблюдательную и суеверную семантику. Приметы распространены и в китайской лингвокультуре, однако приведенные примеры для китайской ЯКМ лакунарны.

Иногда ПЕ может быть представлена в виде загадки, например:

Сидит утка на плоту, хвалится казаку: никто меня не пройдет, ни царь, ни царица, ни красна девица. Ответом на представленную загадку является слово «смерть». Примечательно, что в данном случае она зооморфна (утка). Утка в архаической культуре славян — птица-медиатор, связывает Явь и Навь, т.к. сама является прародительницей обоих этих миров. Это птица рода, чередования поколений, жизни и смерти, а потому она может выступать психопомпом души в иной мир. В этом смысле смерть не конечна: обойти ее нельзя, но и за нею продолжается бытие в новом для человека качестве.

Как видим, концепты «жизнь» и «смерть» в русской лингвокультуре являются наиболее рекуррентными, следовательно, базисными категориями. Их параметры и оценки варьируются. Во многом это зависит от времени возникновения пословицы (языческий дискурс более оптимистичен, религиозен, более провиденциален). Некоторые ПЕ, как показало исследование, концептуально понятны носителю китайского языкового сознания, Другие требуют уточнения и комментирования.

Заключение

Национальный характер этноса рождается в его тесном взаимодействии с природно-климатическим контекстом существования. Приспосабливая свою жизнь под естественные ритмы жизни природы, коллектив вырабатывает не только определенные представления о мире, но и собственную жизненную стратегию: нормы и предписания, табу, приметы, эталоны (поведенческие и собственно коммуникативные).

Жизнь в условиях резко континентального климата, широкое материковое пространство, исторические факторы дали импульс к возникновению таких черт русского национального характера, как общность (коллективность), широта души, стремление разделить свою жизнь с другими, милосердие, доброта, склонность к размышлениям, провиденциализм, стихийность в чередовании активности и пассивности.

Земледельческий тип культуры повлиял на самоосмысление народа как «работающего крестьянства». Феномен двоеверия, в рамках которого развивались представления русского человека о жизни и смерти, сказался на этическом кодексе человека.

Семиотизируясь в культурном контексте, категории «жизнь» и «смерть», представляющие собой базисные концепты общечеловеческой эмпирики, обрели диалектическое единство, выходящее за рамки биологических параметров. В русской ЯКМ жизнь и смерть тесно переплетены с идеей бессмертия, вечности, бытия. Эти семантические компоненты коррелируют с концептами «душа», «судьба», «счастье», «свобода». Жизнь и смерть — антиномическая пара, развивающая тему бытия и вечности.

Языческие представления древности были вытеснены христианскими концепциями, транспортированными в русскую лингвокультуру в виде устойчивых паттернов. Смерть стала восприниматься носителями русского языкового сознания как исход, точка перехода в высший мир. Духовная победа над смертью кристаллизована в концепте «смысл жизни».

Жизнь — это путь, над которым властвует судьба; очищая свою душу через жизненные страдания, человек может приобщиться к вечности и счастью. Свой удел надлежит принимать смиренно. Определенная пассивность субъекта иногда сменяется активными действиями, готовностью взять ответственность за свою жизнь на себя. Наградой за предпринятые усилия становится счастье.

«Смерть» — самая квантитативно значимая реакция на стимул «жизнь», что свидетельствует об относительно равновесном функционировании концептов в русской ЯКМ. В отличие от жизни смерть нередко не номинируется прямо — она замалчивается, табуируется; это говорит о том, что ее восприятие скорее негативно, чем положительно (хотя корпус ПЕ дает порой полярные характеристики данного концепта).

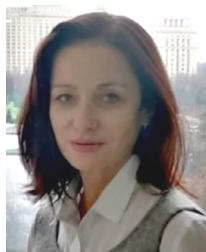
Анализ ПЕ, содержащих ядерные лексемы «жизнь» и «смерть», позволил прийти к похожему выводу: данные концепты функционируют в единстве. С позиции носителя китайского языкового сознания многие ПЕ лакунарны, т.е. содержат компоненты, которые можно квалифицировать как семантически «пустые» для представителя другой культуры. Для устранения (элиминирования) лакун — лексических и концептуальных — мы снабдили ПЕ кратким лингвокультурологическим комментарием и попытались установить, в чем разнятся и чем схожи значения рассмотренных пословичных концептов.

Литература

1. Дойчер Г. Сквозь зеркало языка. М.: АСТ, 2016.
2. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. М.: Советский писатель, 1988.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: ЛКИ, 2010.
4. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: КДУ, 2011.
5. Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Культура и текст: введение в лакунологию. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010.
6. Сабитова З.К. Лингвокультурология. М.: Флинта, 2013.
7. Коваль В.И. Символика мыши в славянской и китайской лингвокультурах. DOI 10.22363/2313-2299-2020-11-2-250-264 // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 250–264.
8. Чан Лиин. Народная песня как феномен китайской культуры: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2007.
9. Молодых В.И., Леонтьева Т.И. О концепте «грех» в китайской лингвокультуре // Вестник ВГУЭС. 2018. № 2. С. 167–177.
10. Афанасьев А.Н. Живая вода и вешее слово. М.: Советская Россия, 1988. 512 с.

References

1. Deutscher G. Skvoz' zerkalo iazyka. Moscow: AST, 2016.
2. Gachev G.D. Natsional'nye obrazy mira. Moscow: Sovetskii pisatel', 1988.
3. Karaulov Yu.N. Russkii iazyk i iazykovaia lichnost'. Izd. 7-e. Moscow: LKI, 2010.
4. Kornilov O.A. Iazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov. Moscow: KDU, 2011.
5. Markovina I.Yu., Sorokin Yu.A. Kul'tura i tekst: vvedenie v lakunologiiu. Moscow: GEOTAR-Media, 2010.
6. Sabitova Z.K. Lingvokul'turologiia. Moscow: Flinta, 2013.
7. Koval' V.I. Simvolika myshi v slavianskoi i kitaiskoi lingvokul'turakh. DOI 10.22363/2313-2299-2020-11-2-250-264 // Vestnik RUDN. Serii: Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika. 2020. T. 11. No. 2. S. 250–264.
8. Chan Liin. Narodnaia pesnia kak fenomen kitaiskoi kul'tury: dis. ... kand. iskusstvovedeniia. St. Petersburg, 2007.
9. Molodykh V.I., Leon't'eva T.I. O kontsepte "grekh" v kitaiskoi lingvokul'ture // Vestnik VGUES. 2018. No. 2. S. 167–177.
10. Afanasyev A.N. Zhivaia voda i veshchee slovo. Moscow: Sovetskaia Rossiia, 1988. 512 s.

Полякова Елена Викторовна,
кандидат филологических наук,
доцент
кафедры русского языка и методики
его преподавания
Российский университет дружбы
народов

Polyakova Elena V.,
Candidate of Philology, Associate
Professor of the Russian Language
and Methods of its Teaching
Department
Peoples' Friendship University
of Russia

e-mail: lelya2008-72@mail.ru

Люй Сыци,
аспирант кафедры русского языка
и методики его преподавания
Российский университет дружбы
народов

Lü Siqi,
PhD student of the Russian
Language and
Methods of its Teaching Department
Peoples' Friendship University of
Russia

e-mail: lvsiqi@mail.ru

Межвариантный перевод в мультикультурном пространстве одного языка

Рассмотрен вопрос о необходимости интегрирования контактной вариантологии английского языка в курсы подготовки переводчиков. Введено понятие межвариантного, или опосредованного, перевода; установлено его место в семиотической классификации переводов Р. Якобсона. Показаны три вида проблем межвариантного перевода — на фонографическом, лексико-семантическом и дискурсивно-прагматическом уровнях. Сделан акцент на необходимости подготовки переводчиков с западноевропейских языков к работе с азиатскими, особенно китайским, вариантами английского языка.

Ключевые слова: перевод, межвариантный перевод, варианты английского языка, фонографические проблемы, семантические проблемы, дискурсивно-прагматические проблемы.

The article discusses the need to integrate the World Englishes paradigm into translator training courses. The concept of intervarietal translation, or intermediary translation, is introduced and defined in the framework of R. Jakobson's semiotic classification of translation types. Three major problematic issues of intervarietal translation are dwelt upon — at the phono-graphic level (intelligibility), lexico-semantic level (comprehensibility), and discourse and pragmatic level (interpretability). Emphasis is made on the need to train translators from European languages to work with Asian Englishes, especially with Chinese English.

Keywords: translation and interpretation, intervarietal translation, world Englishes, phonographic challenges, lexico-semantic problems, discourse and pragmatic challenges.

Введение

Исторические, политические, экономические, технологические причины привели к тому, что английский язык стал средством выражения не одной, а множества культур. Сначала об отделении своего варианта и специфике своей лингвокультуры заявили американцы; это случилось в начале XIX в., и первым вариантом, отпочковавшимся от британского, стал американский, что было закреплено в знаменитом словаре Уэбстера. Признание остальных вариантов произошло гораздо позднее, уже после Второй мировой войны, как следствие «культурного национализма» [1; 2] и избавления от колониальных пут. Как справедливо отметила В.В. Ощепкова, австралийский вариант английского языка стал «лингвистическим маркером самобытности Австралии и ее освобождения от британского колониализма» [3. С. 70]; то же самое можно сказать и о новозеландском, и о канадском вариантах, имеющих статус национального языка. В постколониальных государствах осознание роли английского языка как средства выражения культурной идентичности происходило не сразу, постепенно, нередко сопровождаясь гражданскими войнами, но в большинстве случаев завершилось закреплением за английским языком статуса одного из официальных языков государства и признанием специфики своего варианта. Так дифференциацией и распадом на варианты английский заплатил «лингвистическую цену» [4. С. 309] за свой глобализм и стал плюрицентричным языком, имеющим несколько центров стандартизации.

Плюрицентризм английского языка, таким образом, выражается в образовании множества вариантов этого языка, отражающих культуру контактирующих с английским языком народов и в той или иной степени следы влияния их родных языков. Дистинктивные признаки вариантов могут значительно отличаться друг от друга на разных уровнях языковой структуры, в семантике и в дискурсивной прагматике, но также могут быть общими для нескольких вариантов.

Культурные и языковые различия вариантов, имеющие центробежную тенденцию, усиливаются в зависимости от нескольких факторов, среди которых выделяются следующие: дистанционность, осознание лингвокультурной идентичности, языковая политика, в том числе в области образования. Естественно, варианты, которые находятся в менее интенсивном контакте и расположены дальше от прототипических вариантов, являющихся преимущественными моделями обучения (а в настоящее время таковыми служат, как правило, стандартизированные британский и американский

варианты английского языка), имеют больше отличительных признаков в связи с влиянием автохтонных языков. Осознание лингвокультурной идентичности пользователей варианта способствует его признанию, как это демонстрирует история американского и австралийского английского. Языковая политика государства способствует стандартизации варианта, происходящей через систему образования, средства массовой информации, научные лингвистические исследования.

Понятие межвариантного перевода

Расхождение вариантов по языковым и культурным признакам ставит на повестку дня вопрос о межвариантном переводе, который с учетом посреднической функции английского языка как лингва франка можно также назвать опосредованным переводом.

В классификационной системе Р. Якобсона [5], выделявшего три вида перевода: внутриязыковой, межъязыковой и межсемиотический, межвариантный перевод занимает промежуточное место между первым видом и вторым. Внутриязыковым его можно назвать на том основании, что он обслуживает варианты пока еще одного языка. Однако эти варианты базируются на разных культурах, обслуживаемых первыми языками их пользователей, и обнаруживают трансферентные черты этих культур и языков, что сближает межвариантный перевод с межъязыковым. По сути, в ситуации межвариантного перевода могут принимать участие даже три или более языков: например, перевод речи англоязычных китайцев русским переводчиком на русский язык предполагает понимание влияния китайского языка и китайской культуры на английский язык и ее адекватную трансляцию на русский вариант английского языка и затем, соответственно, на русский язык.

Здесь можно услышать возражения относительно перевода на русский вариант английского языка. Возражения возникают в связи с тем, что для многих (особенно для педагогов) русский вариант английского языка ассоциируется со стигматизированным, полным ошибок языком учащихся (так называемым *learner English*, или *интеръязыком*), что является одним из заблуждений в понимании варианта [6; 7]. Вариант, как и сам язык, не является однородным образованием. Он обслуживает разные слои общества, используется в разных сферах, от разговорного сленга до дипломатического дискурса, в формальных и неформальных ситуациях, встречается в речи как образованных людей, так и тех, кто только начинает его изучать. Именно поэтому к вариантам, не являющимся родными для их пользователей, применяют билингвальную шкалу лектов: *акролект* — использование стандартизированного варианта языка в формальной ситуации, которая требует соблюдения письменных норм речи; *мезолект* — использование варианта образованными пользователями в неформальной ситуации, где как раз и проявляются доминирующие тенденции узуса устной речи, отражающие дистинктивные признаки варианта (возможны также случаи использования мезолекта и в формальной ситуации, когда пользователь варианта в некотором смысле теряет контроль над своей речью в силу психологических причин: стресса, чрезвычайной эмоциональности, усталости и т.п. В этом случае для речи, в ее письменной и устной формах, характерны те же дистинктивные признаки варианта, которые обусловлены влиянием родного языка). Третий лект — *базилект* — тоже является частью варианта, но он характерен для речи не очень образованных пользователей: в нем слишком много следов родного языка, которые не рассматриваются как дистинктивные признаки в силу того, что дескрипция варианта соотносится с речью образованных пользователей [8; 9]. Поэтому, когда мы говорим о русском варианте английского языка, нельзя видеть в нем только стигматизированный базилект. Напротив, речь идет о той функциональной части билингвального континуума, который используется образованными пользователями, старающимися придерживаться стандартизированной модели, которую они освоили, но в которой тем не менее могут оставаться следы родного языка и культуры, составляющие дистинктивные черты их варианта. Когда человек слышит речь в ином, непривычном для себя варианте, он соотносит рецептивные дистинктивные признаки

этого варианта с теми, которые характерны для его собственного варианта, поэтому мы и говорим о переводе на родной вариант пользователя (в нашем случае на русский английский).

В настоящее время межвариантный перевод может потребоваться в любом из трех качр-вианских кругов [10]: расширяющемся (например, перевод с китайского, японского, русского вариантов английского языка), внешнем (перевод с индийского, филиппинского, африканских вариантов английского языка) и даже внутреннем (например, перевод с австралийского английского на американский английский).

Третий вид перевода, межсемiotический, выделенный Р. Якобсоном, также может оказаться релевантным для межвариантного перевода, который должен учитывать не только вербальные средства выражения, но и невербальные, поскольку, как известно, одно и то же невербальное средство (жест, молчание и др.) может иметь разную интерпретацию в межкультурной коммуникации и трактоваться по-разному (к примеру, поддакивание, сопровождаемое соответствующим жестом, у японцев вовсе не значит, что они соглашаются во всем с говорящим: это их способ вежливо показать собеседнику, что они активны в коммуникации, и подать знак, что они внимательно слушают).

Трудности межвариантного перевода

Для представления трудностей, возникающих в межвариантном переводе, обратимся к теории понимания в межкультурном общении коммуникантов, общающихся на разных вариантах английского языка, предложенной Ларри Смитом. Согласно этой теории, сложности понимания можно предвидеть на трех уровнях:

1) фонографическом (*intelligibility*), когда возникают проблемы выделения и идентификации звуков в потоке устной речи и/или букв, коррелирующих с соответствующими звуками. На этом уровне трудности возникают: в связи с нетрадиционными для английского языка соотношениями звуков и романизованных букв, например в китайской системе латинизации пиньинь, где официальное название Гонконга пишется как *Xianggang*, а произносится как /shyäng'gäng/ [11], т.е. первая буква произносится нетрадиционно, не как /ks/, а как шипящая; в связи с использованием нескольких систем латинизации, обслуживающих одну культуру: *Hsianggang* — написание в старой китайской системе латинизации (Уэйда — Джайлса) топонима *Xianggang*; в связи с несовпадением корреляций букв в исходном и целевом языках: буква *x* в приведенном китайском топониме передается по-русски не как *кс* (ср.: *xerox* — *ксерокс*), а как палатализованная *с*: *Сянган* — и по ряду других причин;

2) лексико-семантическом (*comprehensibility*), когда в вариантах появляются новые значения слов (например, в канадском английском *washroom* 'туалет', а не 'умывальная комната'; в индийском английском *hotel* 'придорожное кафе'; в филиппинском английском *to salvage* 'арестовать и казнить без суда и следствия'), возникают неологизмы на английском языковом материале (в южноафриканском английском *shackland* 'трущобы, в которых люди селятся без разрешения'; в корейском английском *skinship* 'тесная дружба'), используются кальки с родного языка пользователей, приводящие к ложным друзьям переводчика (например, в нигерийском английском *tama put* 'торговка продовольствием'; в китайском английском *normal university* 'педагогический университет'), и т.д. В решении подобного рода проблем большую помощь оказывают как специальные переводные межвариантные словари (например, перевод с британского на американский), начинающие появляться в лексикографической практике [12–15], так и специализированные толковые словари, отражающие специфику вариантов [16–27], а также Большой Оксфордский словарь [28], получивший в своем третьем (электронном) издании новое направление — показать лексическое богатство разных вариантов английского языка, при этом британский вариант рассматривается как равнозначный в ряду других [29];

3) дискурсивно-прагматическом (*interpretability*), когда для адекватного понимания коммуниканта необходимо иметь общие с ним фоновые знания, понимать его культуру и те ас-

социации, которые возникают у пользователей того или иного варианта, — другими словами, требуется знание национально-культурных коннотаций, насыщающих англоязычный дискурс на варианте английского языка. Этот аспект предполагает знакомство с культурой собеседника, знание заимствуемых реалий, а также тех невербальных средств коммуникации, которые создают дискурсивный фон в опосредованной межкультурной коммуникации. Например, перевести заглавие статьи из англоязычной китайской газеты “Curse of ‘the little emperors’” можно, лишь зная, что Китай долгое время проводил политику «одна семья — один ребенок», в результате которой дети («маленькие императоры» в семье) выросли невероятно избалованными, и тем самым нравственным устоям общества был нанесен огромный вред.

Заключение

Указанные проблемы межвариантного перевода могут возникать как в устной, так и в письменной речи в самых разных сферах деятельности: в бытовой, в так называемой транслингвальной/транскультурной художественной литературе, в средствах массовой информации, в академическом и научном дискурсах, в дипломатической сфере и др.

С усилением тенденции к выражению культурной идентичности пользователей, ставших функциональными носителями английского языка [30; 31], можно ожидать все большей дифференциации вариантов, что, в свою очередь, потребует усиления внимания к межвариантному переводу и интеграции его в качестве отдельного модуля в программы переводческих отделений университетов.

Поскольку рецепция акцентной речи представляет особую проблему, при подготовке переводчиков устного профиля необходимо уделять особое внимание изучению акцентов и формированию навыка их восприятия [32; 33]. Работа над письменными текстами, как было показано, также требует определенных знаний и навыков опосредованного перевода. По всей видимости, такого рода задачи надо ставить в курсах теории и практики перевода, обращая особое внимание на перевод с азиатских вариантов английского языка, за которыми известный британский социолингвист Дэвид Грэддол видел будущее английского языка [34]. Такого рода курсы должны быть обеспечены теоретическим обоснованием тех языковых процессов, которые происходят в современном английском языке. Осознание основных положений контактной вариантологии даст почву и мотивацию для изучения речи не только носителей языка, но и его билингвальных пользователей, для которых английский язык не является первым.

Скорее всего, вслед за английским языком подобного рода проблемы могут появиться и у других плюрицентричных языков, которым, по выражению Баджа Качру, приходится дорого платить за расширение своего функционирования во всем мире, в разных культурах и за отрыв от своего прототипического языка.

Литература/References

1. *Livingston W.R.* Nationalism in the commonwealth of Australia // *The Pacific Historical Review*. 1942. Vol. XI. No. 2. P. 141–149.
2. *Кириллова О.О.* Культурные и языковые связи Австралии и Великобритании в историческом и современном аспектах: автореф. дис. ... канд. культурологических наук. М., 2003.
3. *Kirillova O.O.* Kul'turnye i iazykovye svyazi Avstralii i Velikobritanii v istoricheskom i sovremennom aspektakh: fvtoref. dis. ... kand. kul'turologicheskikh nauk. Moscow, 2003.
4. *Щепенкова В.В.* Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. М.: Глосса-Пресс; СПб.: Каро, 2006. 336 с.
5. *Oshchepkova V.V.* Iazyk i kul'tura Velikobritanii, SShA, Kanady, Avstralii, Novoi Zelandii. Moscow: Glossa-Press; St. Petersburg: Karo, 2006. 336 s.
6. *Kachru B.B.* Meaning in deviation: toward understanding non-native English texts // *The Other Tongue: English Across Cultures* / ed. by B. Kachru. Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 1992. P. 301–326.
7. *Якобсон Р.* О лингвистических аспектах перевода / пер. с англ. Л. Черняховской // *Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: сб. ст. / под ред. В.Н. Комиссарова*. М.: Международные отношения, 1978. С. 16–24.
8. *Yakobson R.* O lingvisticheskikh aspektakh perevoda / per. s angl. L. Chernyakhovskoi // *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoi lingvistike: sb. st. / pod red. V.N. Komissarova*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1978. S. 16–24.
9. *Kachru B.B.* World Englishes: agony and ecstasy // *Journal of Aesthetic Education*. 1996. Vol. 30. No. 2. P. 135–155.

7. *Proshina Z.G.* Russian English: pride or prejudice // *Филологические науки. Научные доклады высшей школы.* 2014. № 6. С. 15–25.
Proshina Z.G. Russian English: pride or prejudice // *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly.* 2014. No. 6. S. 15–25.
8. *Kachru B.B.* The pragmatics of non-native varieties of English // *English for cross-cultural communication* / ed. by Larry Smith. London: Macmillan, 1981. P. 15–39.
9. *Kachru B.B.* Models for non-native Englishes // *Readings in English as an International Language* / ed. by Larry Smith. Oxford; New York; Toronto: Pergamon Press, 1983. P. 69–86.
10. *Kachru B.B.* Standards, codification and sociolinguistic realism. The English language in the outer circle // *English in the World: Teaching and Learning the Language and Literatures* / ed. by Randolph Quirk, H.G. Widdowson. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 11–30.
11. The Free Dictionary by Farlex. 2003–2022. URL: <https://encyclopedia2.thefreedictionary.com/Xianggang> (19.11.2022).
12. A-Z British English to American English // Project Britain. British Life and Culture. 2013. URL: <https://www.projectbritain.com/americanbritish/index.html> (19.11.2022).
13. British and Australian English – Vocabulary // *Englisch-Hilfen.de.* 1999–2022. URL: https://www.englisch-hilfen.de/en/words/british_australian_english.htm (19.11.2022).
14. *Dervaes C., Hunter J.* The UK to USA Dictionary. Château Pt. Inverness, FL: Solitaire, 2005. 112 p.
15. *Glicksman M.* The BG-Map: English (British) – American Dictionary. 2022. URL: <https://bg-map.com/us-uk.html> (19.11.2022).
16. A dictionary of South African English on historical principles / P. Silva, W. Dore, D. Mantzel et al. Oxford: Oxford University Press, 1996. 856 p.
17. *Allsopp R., Allsopp J.* Dictionary of Caribbean English usage. Oxford: Oxford University Press, 1996. 776 p.
18. *Bautista M.L., Gamos A.E.* A dictionary of Philippine English. Pasig City: Anvil Publ., 1995. 63 p.
19. *Blench R., Dendo M.* A dictionary of Nigerian English. Cambridge, 2005. URL: <http://www.rogerblench.info/Language/English/Nigeria%20English%20Dictionary.pdf> (19.11.2022).
20. Canadian Oxford dictionary / ed. by K. Barber. Don Mills, Ontario: Oxford University Press, 2005. 1830 p.
21. Canadian Oxford dictionary online. 2007–2022. URL: http://www.oupcanada.com/reference_trade/canadian_oxford_dictionaries/dictionary_online.html (19.11.2022).
22. Dictionary of Jamaican English / ed. by F.G. Cassidy, R.B. Le Page. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 576 p.
23. *Dolan T.* A dictionary of Hiberno-English. 3rd ed. Dublin: Gill Books, 2021. 388 p.
24. *Holm J., Shilling A.W.* Dictionary of Bahamian English. Cold Spring, NY: Lexik House, 1982. 228 p.
25. Macquarie Concise Australian Dictionary. Sydney: Pan Macmillan Australia, 2020. 1456 p.
26. Oxford South African Concise Dictionary. 2nd ed. Oxford University Press, 2011. 1440 p.
27. The dictionary of New Zealand English: a dictionary of New Zealandisms on historical principles / ed. by H. Orsman. Auckland, NZ: Oxford University Press, 1997. 965 p.
28. Oxford English dictionary: the definitive record of the English language. Oxford University Press, 2022. URL: <https://www.oed.com/>.
29. *Salazar D.* From ‘abaca’ to ‘kilig’: World English and the OED // Oxford English Dictionary blog. 14 September, 2018. URL: <https://public.oed.com/blog/abaca-kilig-world-english-oed/> (20.11.2022).
30. *Kachru B.B.* English as an Asian language // *Links and letters.* 1998. No. 5. P. 89–108.
31. *Smith L.E.* Familiar issues from a World Englishes perspective // *Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность.* 2016. № 1. С. 14–18.
- Smith L.E.* Familiar issues from a World Englishes perspective // *Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniia: iazyki i spetsial'nost'.* 2016. No. 1. S. 14–18.
32. *Завьялова В.Л.* К проблеме перевода акцентной речи // *Вестник Московского лингвистического университета.* 2013. № 9. С. 108–116.
- Zaviyalova V.L.* К проблеме перевода акцентной речи // *Vestnik Moskovskogo lingvisticheskogo universiteta.* 2013. No. 9. S. 108–116.
33. *Шайдуллина Д.С.* Проблемы синхронного перевода акцентной английской речи носителей восточных языков // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2015. № 8 (50). Ч. II. С. 210–214.
- Shaidullina D.S.* Problemy sinkhronnogo perevoda aktsentnoi angliiskoi rechi nositelei vostochnykh iazykov // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.* 2015. No. 8 (50). Ch. II. S. 210–214.
34. *Graddol D.* English next: why global English may mean the end of ‘English as a Foreign Language’. British Council, 2006. 128 p.

Прошина Зоя Григорьевна,

доктор филологических наук,
 профессор кафедры теории преподавания иностранных языков
 Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Proshina Zoya G.,

Doctor of Philology,
 Professor of the Theory of Teaching Foreign Languages Department
 Lomonosov Moscow State University

e-mail: proshinazoya@yandex.ru

Посредничество при межкультурной коммуникации: «необходимое зло» или нормальное явление?

Среди факторов, оказывающих определяющее воздействие на процессы межкультурной коммуникации, важная роль принадлежит переводу. При этом во многих случаях отсутствует или затруднена непосредственная передача с оригинала, вследствие чего возникает необходимость в той или иной разновидности межъязыкового посредничества. Цель настоящей статьи — рассмотреть один из способов последнего (так называемый перевод «через вторые руки») и те ситуации, в которых его применение является единственно возможным. Проанализированы примеры такого перевода, значимые для отечественной культуры; предложена детальная классификация разновидностей перевода через язык-посредник. Сделан вывод, что традиционное отношение к переводу «через вторые руки» как к заведомо неполноценному виду культурного взаимодействия в некоторых случаях не соответствует реальному положению вещей. В исследовании использован метод филологического анализа. Результаты работы могут найти применение при дальнейшей разработке проблем переводоведения, а также в процессе преподавания курсов теории перевода и межкультурной коммуникации в высшей школе.

Ключевые слова: межкультурный, коммуникация, оригинал, перевод, посредник, язык.

Among the factors that have a decisive impact on the processes of intercultural communication, an important role belongs to translation. At the same time, in many cases, direct transmission from the original is absent or difficult, as a result of which there is a need for one or another kind of interlingual mediation. The purpose of our article is to consider one of the ways of such mediation — the so-called “second-hand translation” and those situations in which its use is the only possible. Examples of such translation, significant for the national culture, are considered, a detailed classification of the varieties of translation through an intermediary language is proposed. It is concluded that the traditional attitude towards them as a deliberately inferior kind of cultural interaction in some cases simplifies the real state of things. The study uses the method of philological analysis. The results of the work can be used in the further development of translation studies, as well as in teaching courses in translation theory and intercultural communication in higher education.

Keywords: intercultural, communication, original, translation, mediator, language.

Введение

Среди проблем, которые периодически привлекают внимание теоретиков и практиков перевода, в первую очередь художественного, можно отметить вопросы, связанные с непрямым/косвенным переводом¹, т.е. межъязыковой передачей, при которой традиционная схема *автор* → *исходный текст* → *переводчик* → *переводной текст* дополняется посредником — создателем «промежуточного» текста, с которого уже и осуществляется окончательный перевод, т.е. формируется переводной текст, предназначенный для иноязычной аудитории. Фактор наличия таких фигур, как заказчик, редактор, издатель, в определенных случаях цензор и др., оставляем в стороне.

Данный вид межъязыковой коммуникации имеет свою специфику, в ряде случаев существенно отражающуюся как на эквивалентности, так и на адекватности перевода. Рассмотрим некоторые аспекты данной проблемы.

Результаты и их обсуждение

Если обратиться к истории, то косвенные переводы получали особое распространение в следующих случаях.

Во-первых, когда язык исходного текста был мало известен, а иногда практически неизвестен представителям той лингвокультуры, для которой предназначался перевод (это наиболее частое

¹ В специальной литературе есть и иное понимание непрямого перевода, существующее в рамках теории релевантности: он рассматривается как такой вид межъязыковой передачи, при котором «переводчик, как посредник, берет на себя ответственность за успех коммуникации и правильное понимание», тогда как при прямом переводе он «стремится интерпретативно воспроизвести оригинал полностью в том контексте, который предусматривался для оригинала» [1. С. 82]. В настоящей работе такой подход не рассматривается.

явление). Прежде всего это относится к тем языкам, которые принято называть экзотическими, малочисленными и т.д., вследствие чего найти того, кто мог бы выполнить с них *литературный* перевод без посторонней помощи, было невозможно или крайне затруднительно. Так обстояло и в значительной степени обстоит дело в многонациональных/многоязычных государственных образованиях, в которых могут быть представлены языки, не распространенные за пределами своего региона.

Наглядным примером служит организация переводческой деятельности в Советском Союзе, где публикация произведений национальных (творивших не на русском языке) писателей в переводах была частью государственной политики в сфере культуры. Один из наиболее известных таких авторов, пользовавшийся славой во всесоюзном масштабе, Расул Гамзатов сформулировал возникающую при этом дилемму в присущей ему афористичной манере: «Есть русские люди, которые умеют читать по-аварски, но они, увы, не поэты. И есть русские поэты, которые, увы, не умеют читать по-аварски» [2]. М. Горький, наиболее авторитетный в 1930-е гг. в Советском Союзе писатель, указывал:

Идеально было бы, если бы каждое произведение каждой народности, входящей в Союз, переводилось на языки всех других народностей Союза. В этом случае мы все быстрее научились бы понимать национально-культурные свойства и особенности друг друга <...>. Вот идеал, вот цель наша, вот куда мы должны стремиться [3].

Однако «идеал» реальностью так и не стал, и подобные переводы осуществлялись (в тех случаях, когда это вообще происходило) по большей части через русское посредство.

Во-вторых, «переводческое посредничество» было широко представлено в те времена, когда происходил процесс «поиска культурных ориентиров». Применительно к Петровской эпохе об этом писал С.И. Николаев:

Попадая в Россию, иностранные книги как бы теряли свой национальный облик. Так, трактат Дж. Локка о государстве перевели с латыни, «Метаморфозы» Овидия с польского, «О подражании Христу» Фомы Кемпийского — с французского. Замечателен путь книги Поля Рико «Монархия турецкая», относящейся к 1710 гг. Перевод был издан в 1741 г. с указанием на титульном листе, что переведено с польского, в действительности это перевод с итальянского, который был выполнен с французского перевода английского оригинала. А «Гюлистан» Саади был переведен около 1704 г. с немецкого перевода под заглавием «Персидский кринной дол, в котором много веселых и приятных историй» ("Persianisches Rosenthal") [4. С. 78–79].

В-третьих, в тех случаях, когда перевод рассматривался как коммерческое предприятие, играл роль и такой фактор, как степень конкуренции на рынке переводческих услуг, связанной с тем или иным языком. В данном случае, если смотреть с позиций диахронического подхода, можно получить представление о том, какой язык-донор имел наибольшее распространение у представителей принимающей культуры в соответствующую эпоху. Показательна в этом плане судьба английского языка в России. В XVIII в. и даже в начале XIX в. написанные на нем произведения нередко переводились с французского (притом что перевод с китайского мог выполняться с оригинала!) — правда, это далеко не всегда отмечалось. Современники не раз обращали внимание на эту практику, что отразилось, в частности, в публицистических трудах Н.М. Карамзина. Так, по поводу одного произведения, озаглавленного «Аглинское сочинение», он заметил: «Надлежало бы примолвить, с какого языка переведено сие сочинение. Можно, кажется, без ошибки сказать, что оно переведено с французского; но на что заставлять читателей угадывать?» (цит. по: [5. С. 217]). В этой связи он особо остановился на появившейся русской версии первой части романа С. Ричардсона «Кларисса Гарлоу», что вполне понятно, принимая во внимание, какую роль сыграл этот роман в утверждении сентиментализма, крупнейшим представителем которого был сам Н.М. Карамзин: «Сия первая часть переведена с французского — я уверился в сем по первым строкам, но г. переводчик <...> не хотел нам сказать того, желая заставить нас, бедных читателей, думать, что он переводит с английского оригинала» [6. С. 218].

Подобного рода явления в большей или меньшей степени наблюдались и в других европейских странах, в частности в Германии (например, см.: [7]). Немецкий язык XVIII в. позднее также выступал и в роли посредника для русской культуры. Например, романы Г. Филдинга были переведены на немецкий через французскую версию, а на русский — уже через немецкую.

По приведенным суждениям Н.М. Карамзина можно заметить, что отношение писателя, как и большинства его собратьев в России и за рубежом, к «дополнительному посредничеству» было весьма сдержанным, точнее сказать, отрицательным. И оно вполне объяснимо. Даже если не принимать во внимание возможности переводческих ошибок, от которых полностью не застрахован ни один переводчик, даже при очень квалифицированном редакторе нельзя исключить двойного влияния на язык перевода как исходного текста, так и того, с которого осуществлялась передача. На это обстоятельство также обратил внимание Н.М. Карамзин, рецензируя перевод «Утопии Томаса Мора», обозначенный как перевод с английского (притом что язык оригинала этого произведения латинский): «Многие галлицизмы в слоге доказывают, что книга сия переведена не с английского, а с французского языка. *Магистраты* идут у г. переводчика вместо судей, *случайные* игры вместо азартных и проч. и проч. Видно, что он еще во французском языке не очень силен; да и в русском тоже» [8].

В любом переводе, в первую очередь художественного текста (но не только его), приходится иметь дело с наличием *вариативности* того или иного фрагмента или единицы оригинала, диктующей необходимость выбора какого-либо одного из возможных способов передачи и тем самым отсекающей от реципиента другие потенциальные смыслы, содержащиеся в подлиннике. Это наблюдается на всех уровнях языковой структуры — от фонемного/графического до синтаксического. Не говорим уже о сложностях, связанных с воссозданием реалий, имеющих в тексте, которые по самой своей сути полных эквивалентов иметь не могут. Если добавить к этому неизбежный субъективный момент, наиболее очевидный при передаче художественных и гуманитарных текстов, — отражение личности самого переводчика (абстрагируемся от факторов внешнего порядка: цензуры, пожеланий заказчика и др.), то неполноценность такого рода перевода из вторых, а иногда и из большего количества рук станет очевидной. Очевидность эта была ясна многим предшественникам Карамзина в XVIII в. Так, по инициативе Екатерины II в 1768 г. было создано Собрание, старающееся о переводе иностранных книг на российский язык, которое сыграло заметную роль в ознакомлении отечественного читателя с иностранной литературой — первоначально главным образом с трудами философов Просвещения и произведениями современных тому времени европейских авторов: Свифта, Тассо, Корнеля, Геллерта и др., а затем, как это наблюдалось и на Западе, с античным наследием. Это Собрание «очень ценило перевод с подлинников и объявляло в ведомостях, что, если из переведенных и уже напечатанных сочинений... возьмет кто какие-либо книги вновь переводить не с переложений на иностранные языки, но с самих подлинников, то собрание примет оные переводы с удовольствием и определит соразмерное вознаграждение» [9. С. 16].

И тем не менее к практике перевода «из вторых рук» прибегали и авторы, ее порицавшие. Характерен в этом отношении опять-таки пример Н.М. Карамзина. Среди его переводов числятся и сцены из драмы великого древнеиндийского драматурга Калидасы «Шакунтала», в заглавии которых указано: «Пер. Н.М. Карамзина с немецкого перевода Г. Форстера, выполненного с английского, сделанного В. Джонсом с языка санскритского» [10]. В данном случае имел место перевод даже не через один посредник, а через два: оригинал Калидасы на санскрите → английская версия Джонса → немецкая версия Форстера → русский текст Карамзина.

В.А. Жуковский пользовался немецким посредником в «восточных переводах». Для передачи отрывка из индийской «Махабхараты» он обратился к прозаической версии Франца Боппа, с именем которого связано возникновение компаративистики как научной дисциплины, и к стихотворной Фридриха Рюккерта; фрагмент из персидской поэмы «Шахнаме» Фирдоуси опять-таки был выполнен по переложению Ф. Рюккерта. Примечательно, что русский поэт четко отграничивал свои творения от переводов в собственном смысле слова: первое произведение называлось «Наль и Дамаянти. Индейская повесть В.А. Жуковского», второе — «Рустем и Зораб. Вольное подражание Рюккерту».

Если «вариации на индийско-персидские мотивы» основоположника русского романтизма, при всем их несомненном значении с историко-литературной точки зрения, явно не занимают

в истории отечественного перевода, в отличие от творчества самого Жуковского, действительно выдающегося места (аналогично обстоит дело и с упомянутыми «Сценами из Саконталы» Н.М. Карамзина), то с принадлежащей основоположнику русского романтизма версией другого классического эпоса — «Одиссеей» Гомера — дело обстоит иначе, хотя и в данном случае создавалась она не из «первых рук».

Говоря о языковом посредничестве, считается целесообразным различать два близких, но тем не менее не вполне тождественных случая.

Во-первых, оно имело место в подавляющем большинстве переводов с языков народов СССР и России (в меньшем масштабе и в период существования Российской империи; ср. принадлежащие В.Я. Брюсову версии армянской поэзии). Перевод мог быть результатом содружества составителя подстрочника, являющегося носителем языка оригинала, и литературного переводчика, для которого родным был уже переводной язык, причем именно он обычно значился как создатель текста перевода.

Во-вторых, перевод мог целиком осуществляться с уже существующего и в той или иной степени литературно обработанного текста на языке-посреднике, не совпадающем ни с исходным, ни с переводным языком, — переводы «из вторых (либо большего количества) рук», как это имело место в приведенных примерах.

С «Одиссеей» дело обстояло сложнее. Для работы над ней В.А. Жуковский заказал эллинисту К. Грасгофу подстрочный перевод на немецкий, который сверялся с другими известными ему переводами на европейские языки, т.е. в определенном смысле задействованы были оба названных способа. Результат, по оценке и современников, и позднейших исследователей, был неоднозначным как в плане эквивалентности — соответствия греческому оригиналу в языковом отношении (ср. замечание А.Н. Егунова, что Жуковский «без малейших сомнений чрезвычайно наивно доверился подстрочнику» [11. С. 320]), так и с точки зрения адекватности, т.е. прагматической задачи: Жуковский ставил цель «создать перед собой перевод, в котором будет выступать только Гомер, а личность русского переводчика исчезнет», тогда как «"Одиссея" у Жуковского получилась такой же субъективной, как и другие его переводы» [12. С. 17].

Сто с лишним лет спустя составители тома «Библиотеки всемирной литературы», посвященного Гомеру, предпочли именно версию В.А. Жуковского, хотя отечественная культура располагала к тому времени и переводами, выполненными непосредственно с подлинника (П.А. Шуйского, В.В. Вересаева). Решение было мотивировано следующим образом:

Перевод Жуковского лишен филологической точности, в нем есть и ошибки; «архаизация» достигается введением многочисленных понятий из древнерусского быта, совершенно чуждых гомеровскому миру. И все же поэтичность целого, гармоничность стиха, пластичность передачи образов ставят перевод Жуковского значительно выше переводов его более поздних соперников [13. С. 713].

Добавим, что А.М. Горький, в принципе отрицательно относившийся к «косвенной передаче», тем не менее, по свидетельству К.И. Чуковского, уточнял:

Конечно, есть классики, которые только и живут в пересказах. Например, «Мюнхаузен». Распе был очень слабым, неумелым писателем, и только вольные пересказы французов и немцев сделали его всемирным классиком. Но это редкостный случай [14].

Таким образом, далеко не всегда перевод, выполненный с оригинала, вытесняет из принимающей культуры версию «из вторых рук», особенно когда она приобретает статус классики. Возможны, хотя не слишком часто, и случаи, когда в роли «второй руки» выступает сам автор исходного текста, причем созданный им иноязычный вариант отличается от первичного. Пример такого рода приводил С. Флорин, повествуя о своем опыте передачи романа Р. Тагора «Крушение». Так как знатоков бенгальского в Болгарии на тот момент не оказалось, он взял в качестве исходного автоперевод Р. Тагора на английский; но, поскольку автор значительно «нейтрализовал»

в нем индийский колорит, для возвращения элиминированных реалий был привлечен перевод на русский, сделанный с бенгальского [15. С. 122].

Заключение

Возвращаясь к дилемме, сформулированной в заглавии статьи, позволим себе заметить, что из двух ее компонентов: «необходимое зло» и «нормальное явление» — логическое ударение во многих случаях приходится делать на первом — хотя бы потому, что без такого посредничества история культуры (в частности, отечественной) в ряде случаев утратила бы многие привычные нам характеристики. В этой связи можно вспомнить и о том, что православная ойкумена формировалась на основе не только новозаветной, но и ветхозаветной части Библии, причем ее славянская версия выполнена была как раз на основе греческого перевода, и именно она продолжает до сегодняшнего дня употребляться для богослужения в Русской Православной Церкви.

Литература

1. Десницкий А.С. Современный библейский перевод. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015.
2. Гамзатов Р.Р. Мой Дарестан. URL: <https://journals.rudn.ru/polylinguality/article/view/31284/20777#> (01.10.2022).
3. Горький М. — Мамедли Г. (19 ноября 1934 г., Тессели): [письмо]. URL: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/pisma/pismo-1138.htm> (01.10.2022).
4. Николаев С.И. Первая четверть XVIII века. Эпоха Петра I // История русской переводной литературы. Древняя Русь. XVIII век. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин»; Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 1995. С. 74–93.
5. Кочетова Н.Д. Середина 1780-х годов —1800. Сентиментализм // История русской переводной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. 1: Проза. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин»; Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 1995. С. 213–279.
6. Карамзин Н.М. Достопамятная жизнь девицы Клариссы Гарлов, соч. Ричардсоном // Перевод — средство взаимного сближения народов: художественная публицистика / сост. А.А. Клышко. М.: Прогресс, 1987. С. 218–219.
7. Stackelberg J. Übersetzungen aus zweiter Hand. Berlin; New York: Published De Gruyter, 1984.
8. Карамзин Н.М. Философа Рафаила Гитлоде странствования в Новом свете и описание любопытства достойных примечаний и благоразумных установлений жизни миролюбивого народа острова Утопии: перевод с английского языка: сочинение Томаса (Моруса). Санкт-Петербург: у Шнора, 1790. Ч. 1. URL: <https://iknigi.net/avtor-nikolay-karamzin/61334-filosofa-rafaila-gitlode-stranstvovaniya-v-novom-svete-i-opisanie-lyubopytstva-dostoinyh-primechaniy-i-blagorazumnyh-ustanovleniy-zhizni-miroljubivogo-naroda-ostrova-utopii-nikolay-karamzin/read/page-1.html> (02.10.2022).
9. Семенников В.П. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной Второй. 1768–1783 гг.: историко-литературное исследование. СПб.: Типография «Сириус», 1913.
10. Сцены из «Саконталы», индийской драмы / пер. Н.М. Карамзина с немецкого перевода Г. Форстера, выполненного с английского, сделанного В. Джонсом с языка санскритского. URL: <http://karamzin.lit-info.ru/karamzin/perevody/kalidasa-sceny-iz-sakontaly.htm> (02.10.2022).

References

1. Desnitsky A.S. Sovremenniy bibleiskii perevod. Moscow: Izd-vo PSTGU, 2015.
2. Gamzatov R.R. Moi Dagestan. URL: <https://journals.rudn.ru/polylinguality/article/view/31284/20777#> (01.10.2022).
3. Gorky M. — Mamedli G. (19 noiabria 1934 g., Tesseli): [pis'mo]. URL: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/pisma/pismo-1138.htm> (01.10.2022).
4. Nikolaev S.I. Pervaia chetvert' XVIII veka. Epokha Petra I // Istoriia russkoi perevodnoi literatury. Drevniaia Rus'. XVIII vek. St. Petresburg: Izd-vo "Dmitrii Bulanin"; Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 1995. S. 74–93.
5. Kochetova N.D. Seredina 1780-kh godov —1800. Sentimentalizm // Istoriia russkoi perevodnoi literatury. Drevniaia Rus'. XVIII vek. T. 1: Proza. St. Petresburg: Izd-vo "Dmitrii Bulanin"; Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 1995. S. 213–279.
6. Karamzin N.M. Dostopamiatnaia zhizn' devitsy Klarrissy Garlov, soch. Richardsonom // Perevod — sredstvo vzaimnogo sblizheniia narodov: khudozhestvennaia publitsistika / sost. A.A. Klyshko. Moscow: Progress, 1987. S. 218–219.
7. Stackelberg J. Übersetzungen aus zweiter Hand. Berlin; New York: Pub-lished De Gruyter, 1984.
8. Karamzin N.M. Filsofa Rafaila Gitlode stranstvovaniia v Novom svete i opisanie lyubopytstva dostoinykh primechaniy i blagorazumnykh ustanovlenii zhizni miroljubivogo naroda ostrova Utopii: perevod s angliiskogo iazyka: sochinenie Tomasa (Morusa). Sankt-Peterburg: u Shnora, 1790. Ch. 1. URL: <https://iknigi.net/avtor-nikolay-karamzin/61334-filosofa-rafaila-gitlode-stranstvovaniya-v-novom-svete-i-opisanie-lyubopytstva-dostoinyh-primechaniy-i-blagorazumnyh-ustanovleniy-zhizni-miroljubivogo-naroda-ostrova-utopii-nikolay-karamzin/read/page-1.html> (02.10.2022).
9. Semennikov V.P. Sbranie, staraiushcheesia o perevode inostrannykh knig, uchrezhdennoe Ekaterinoy Vtoroi. 1768–1783 gg.: istoriko-literaturnoe issledovanie. St. Petresburg: Tipografia "Sirius", 1913.
10. Stseny iz "Sakontaly", indiiskoi dramy / per. N.M. Karamzina s nemetskogo perevoda G. Forstera, vypolnennogo s angliiskogo, sdelannogo V. Dzhonsom s iazyka sanskritskogo. URL: <http://karamzin.lit-info.ru/karamzin/perevody/kalidasa-sceny-iz-sakontaly.htm> (02.10.2022).

11. *Егунов А.Н.* Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М.: Индрик, 2001.
12. *Левин Ю.Д.* Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. Л.: Наука, 1985.
13. *Ошеров С.* Примечания // Илиада; Одиссея / Гомер. М.: Худож. лит., 1967. С. 709–739.
14. *Чуковский К.И.* Вспоминания о писателях. Горький. URL: <https://www.modernproblems.org.ru/memo/238-2013-12-12-03-10-22.html?start=1> (02.10.2022).
15. *Флорин С.* Муки переводческие. М.: Высшая школа, 1983.

11. *Egunov A.N.* Gomer v russkikh perevodakh XVIII–XIX vekov. Moscow: Indrik, 2001.
12. *Levin Yu.D.* Russkie perevodchiki XIX veka i razvitie khudozhestvennogo perevoda. Leningrad: Nauka, 1985.
13. *Osherov S.* Primechaniia // Iliada; Odisseia / Gomer. Moscow: Khudozh. lit., 1967. S. 709–739.
14. *Chukovsky K.I.* Vspominaniia o pisateliakh. Gorky. URL: <https://www.modernproblems.org.ru/memo/238-2013-12-12-03-10-22.html?start=1> (02.10.2022).
15. *Florin S.* Muki perevodcheskie. Moscow: Vysshiaia shkola, 1983.

Хухуни Георгий Теймуразович,
доктор филологических наук,
профессор,
профессор кафедры теории языка,
англистики и
прикладной лингвистики
Московский государственный
областной университет

Khukhuni Georgy T.,
Doctor of Philology, Professor ,
Professor of the Theory of Language,
English Studies and Applied Linguistics
Department
Moscow Region State University

e-mail: khukhuni@mail.ru

Валуйцева Ирина Ивановна,
доктор филологических наук,
профессор,
профессор кафедры теории языка,
англистики и прикладной лингвистики
Московский государственный
областной университет

Valuitseva Irina I.,
Doctor of Philology, Professor ,
Professor of the Theory of Language,
English Studies and Applied Linguistics
Department
Moscow Region State University

e-mail: irinaiv-v@yandex.ru

Перевод идеологии в свете функционально-коммуникативного подхода

Современный этап развития переводоведения характеризуется отказом от описания переводческого процесса лишь как способа межъязыковой трансформации. Все больше исследователей рассматривают его в рамках межъязыковой и межкультурной коммуникации, где определяющее значение имеют цель переводимого текста и выполняемая им коммуникативная функция. Перевод начал осознаваться не только как столкновение языков, но и как столкновение культур, где существенная роль отводится идеологии. В работе предложено собственное рабочее определение этого понятия. Рассматривая ситуации, когда идеологический аспект влияет на работу переводчика, и классифицируя их, авторы ставят своей целью помочь переводчикам оценить, может ли идеологическая реконтекстуализация быть желательной при работе с расхождениями в идеологических контекстах между автором, читателями исходного текста и целевой аудиторией передаваемого контента. Даны рекомендации, как осуществлять идентификацию проблемных идеологических элементов, какие параметры учитывать, чтобы безошибочно видеть различия между просто культурой и культурными элементами с идеологической окраской.

Ключевые слова: идеология, исходный текст, целевая аудитория, идеологический лагерь, межкультурная коммуникация.

The current stage in the development of translation studies is characterized by the refusal to describe the translation process only as a method of interlingual transformation. More and more researchers consider it within the framework of interlingual and intercultural communication, where the purpose of the translated text and its communicative function are of decisive importance. Translation began to be perceived not only as a clash of languages, but also as a clash of cultures, in which ideology plays a significant role. The authors of the article propose their own working definition. By considering situations in which the ideological aspect affects the translator's work, the authors aim at helping translators evaluate whether ideological recontextualization may be desirable while dealing with discrepancies in ideological contexts between the author, readers of the source text, and the target audience of the transmitted content. The article includes instructions on how to identify problematic ideological elements, what parameters to take into account in order to see properly the differences between just culture and cultural elements with ideological overtones.

Keywords: ideology, source text, target audience, ideological camp, intercultural communication.

Введение

На разных этапах своего развития общество предъявляло к переводческой деятельности разные требования, чем обусловлена постулируемая Л.К. Латышевым общественная значимость перевода [1. С. 7]. Развитие сопоставительного изучения языков вызвало появление лингвистического направления в переводе. Исследователи изучали правила обеспечения эквивалентности между текстовыми произведениями на разных языках, разрабатывали переводческие приемы и трансформации. Перевод воспринимался как «творческая деятельность, связанная с языком и литературой и неизбежно предполагающая соприкосновение двух языков, передачу подлинника средствами другого языка» [2. С. 15]. Интерес к проблемам коммуникации и способам обмена информацией расширил представления о переводе, который стал изучаться, по выражению В.Н. Комиссарова, «в широких рамках межъязыковой и межкультурной коммуникации», предполагая наличие не только создателя оригинала с его установками и интенциями, но и «получателя перевода с его реакцией на текст перевода, а также с его потребностями и национально-культурными особенностями» [3. С. 24]. Предпосылки для возникновения принципиально нового взгляда на перевод были заложены в работах западных лингвистов, но само понятие «коммуникативно-функциональный подход к переводу» впервые появилось в работе З.Д. Львовской [4]. Данная концепция, получившая развитие и практическое воплощение в работах ведущих представителей Нижегородской переводческой школы В.В. Сдобникова, О.В. Петровой, Д.Н. Шлепнёва [3; 5–7], на сегодняшний день является ведущей в российском переводоведении.

Лишь отношение к переводу как целенаправленному процессу, учитывающему целевую аудиторию, позволяет переводить тексты, имеющие идеологическую окраску. Идеология является неизменным фактором жизни современного общества. Однако дефиниции термина «идеоло-

гия», приведенные в российских и зарубежных словарях и справочниках, весьма расплывчаты и противоречивы [8–10]. Это и «система идей, лежащая в основе экономической или политической теории», и «способ мышления, свойственный классу или индивидууму», и даже «мечтательное умозрение», а также «спекулятивная и туманная система» или «бесполезное, чуждое практическим целям мышление». На наш взгляд, отсутствие единого определения и понимания термина в разных дисциплинах и контекстах необязательно делает понятие сложным или противоречивым, хотя, очевидно, может привести к путанице, если не сделаны необходимые уточнения. Так, в Словаре иностранных слов современного русского языка идеология определяется как «система идей, характеризующих определенную группу лиц, общество, класс» [8. С. 238]. Однако в этом определении присутствует, на наш взгляд, слишком много ограничений, поскольку оно требует, чтобы взгляды или убеждения были взаимосвязаны, образуя систему, и имела место характеристика рассматриваемой группы в сопоставлении с другими объединениями людей.

Понятие идеологии в переводоведении

В рамках дисциплины «переводоведение» также сосуществуют несколько трактовок термина «идеология». В контексте перевода особенно значимо определение, данное Андре Лефевером. Так, автор полагает, что это «концептуальная структура, состоящая из мнений и взглядов, которые считаются приемлемыми в определенном обществе в определенное время и через которые читатели и переводчики воспринимают тексты» (здесь и далее перевод наш. — Л. Я., И. П.) [11. Р. 48]. Лефевер не только выделяет аспекты феномена идеологии, непосредственно влияющие на работу переводчика (наличие «приемлемых установок»), но и подчеркивает ее изменчивый характер («в определенное время»).

Некоторые переводчики принимают определение Симпсона [12. Р. 5], в котором затрагивается роль власти в формировании и распространении идеологии (еще один важный пункт разногласий в понимании идеологии), другие предпочитают полностью избегать термина «идеология» из-за его двусмысленности. Руководствуясь прагматическими соображениями в своем стремлении найти практическую основу для решения проблем перевода, обусловленных идеологией, считаем приемлемой самую общую модель. Для этого нам понадобится понятие дискурса, как его определяет, например, Ян Мэйсон: «...систематически организованные наборы утверждений, которые выражают значения и ценности института» [13. Р. 86]. Теперь рабочее определение идеологии можно примерно сформулировать следующим образом: *неявные предположения, убеждения и ценности определенной группы в том виде, в каком они выражаются и развиваются в определенное время во внутригрупповом дискурсе*. Таким образом, оставив тему фундаментальных ценностей и верований антропологии и философии, можно сосредоточиться на их эксплицитных интерпретациях различными группами, поскольку именно здесь возникают конфликты, которые мы обычно считаем идеологическими.

Идеология и перевод: круг проблем

Идеология как совокупность убеждений и ценностей и, как следствие, установок и оценок влияет на все стороны, участвующие в процессе перевода, и, более того, по-разному влияет на работу переводчика. Мы выделили в проблемах перевода, связанных с идеологией, которые обсуждаются в литературе, три основные категории, хотя все они взаимосвязаны.

1. Этические проблемы, с которыми сталкиваются переводчики в результате их личной идеологической позиции (этический ракурс).

2. Перенос идеологии из текста оригинала в текст перевода, включая лингвистические аспекты (ракурс критического анализа дискурса).

3. Проблемы, связанные с идеологически конфликтующими контекстами и идеологической реконтекстуализацией для обеспечения успешного межгруппового общения (ракурс межгруппового посредничества) [14. Р. 383].

Рассмотрим подробнее проблемы из третьей категории. Они относятся к ситуациям, когда *исходный текст* (ИТ) выражает идеологию, которая противоречит идеологии уполномоченного редактора или аудитории *переводного текста* (ПТ). Переводчик, независимо от его личной идеологической позиции, играет роль посредника: выступая в качестве эксперта, он должен идентифицировать идеологически проблемные отрывки и принять соответствующее решение. Образно говоря, переводчик стоит перед дилеммой: перевести текст так, чтобы он был принят публикой, или максимально точно передать сообщение автора. Происходит цензура ценностей, которые считаются не соответствующими или угрожающими целевой культуре. Однако, если ИТ является подписанной статьей, для переводчика «правило верности» обретает первостепенное значение, а автор, ответственный за высказанные мнения, становится центральной фигурой. Это обычно относится к политическим интервью или статьям, выражающим общественное мнение, где каждое слово тщательно продумано, а идеологическая позиция сознательно принята автором. Автор обычно выступает против любых попыток нейтрализовать идеологически нагруженное выражение.

Формальная модель проблем перевода, связанных с идеологией

Для построения формальной модели проблем перевода, связанных с идеологией, рассмотрим произвольно взятую идеологию, которую обозначим *A*. Теоретически идеология *A* может касаться практически любой темы, какой бы узкой та ни была, и давать соответствующие оценочные утверждения (пусть даже бессмысленные, например: «Красный цвет — это некрасиво»). В то же время нет необходимости говорить, что нас больше интересуют темы, привлекающие общественное внимание и вызывающие реальные идеологические столкновения, вследствие чего высказывания, отражающие *A*, могут, например, звучать так: «Убивать животных ради их меха неправильно»; «Люди, приезжающие в Европу из Африки и Ближнего Востока, являются беженцами, и им нужно помочь»; «Однополые браки противоестественны, а значит, неправильны» и др.

Применительно к идеологии *A* в тексте может содержаться:

- очевидная поддержка через соответствующую схему маркировки или явные оценочные высказывания (обозначим этот характер текста A^{++});
- пассивная поддержка через отсылки в позитивном или нейтральном контексте к практикам (событиям, людям и пр.), т.е. поддержка на культурном, а не идеологическом уровне (обозначается A^{+});
- нейтральная оценка: текст может вообще не касаться предмета, связанного с *A*, трактовать его с использованием нейтральной лексики или, например, представлять обе точки зрения, не принимая ни одну из сторон (обозначается N);
- пассивная оппозиционная оценка через отсылки в позитивном или нейтральном контексте к практикам (событиям, людям и др.), которые негативно представлены в дискурсе идеологии, опять же в оппозиции на культурном уровне (обозначается A^{-});
- явно противоположное мнение, выражаемое через соответствующий шаблон маркировки или оценочные высказывания (обозначается $A^{- -}$).

Можно возразить, что даже явную поддержку или отрицательную оценку идеологии *A* в тексте можно квалифицировать как сильную или слабую, а вместо приведения к одному из пяти фиксированных состояний (A^{++} , A^{+} , N , A^{-} и $A^{- -}$) такая оценка могла бы определить место текста на непрерывной шкале от абсолютной поддержки или агитации за *A* через нейтралитет к абсолютной оппозиции и агитации против *A*. Однако такая точная оценка хотя и желательна, но не кажется технически осуществимой, особенно учитывая тот факт, что лицо, проводящее оценку, также может находиться под влиянием соответствующей идеологии.

Обратимся теперь к сторонам, участвующим в переводе: автору, переводчику, уполномоченному и читателям ИТ и ПТ. Аудитория как группа, а также каждый производитель текста

в отдельности (автор, переводчик и др.) A_p могут занимать одну из следующих позиций по отношению к идеологии A :

- активный сторонник (обозначается A_p^{++});
- пассивный сторонник, разделяющий позицию группы, в состав которой он входит. Идеологическая позиция здесь скорее бессознательная, установки принимаются как должное, а не сознательно конструируются (обозначается A_p^+);
- равнодушный, не подверженный влиянию дискурса группы (обозначается IND);
- не определившийся; подвергается воздействию обоих дискурсов без преобладания одного из них; не имеет устоявшейся позиции по отношению к A , но может быть чувствителен к предмету (обозначается DIV);
- пассивно находящийся в оппозиции как член оппозиционной группы; подвергается противоположному дискурсу (обозначается A_p^-);
- активный противник (обозначается A_p^{--}).

Используя позиции и введенные обозначения, попробуем определить комбинации, которые можно считать проблемными для переводчика. В приведенной таблице перечислены различные пары статусов получателя ПТ и ИТ по отношению к идеологии A , и для каждой комбинации указано, следует ли рассматривать возможную реконтекстуализацию текста на основании теории межгрупповой угрозы. Столбец ИТ не включает статусы A^- и A^{--} , поскольку ситуации симметричны.

Реципиент ПТ в третьей колонке — сторона, с которой переводчик связывает роль метафорической (или актуальной) идеологической цензуры. Стоит напомнить, что в данном исследовании цензура понимается метафорически, как фильтрующий механизм, в конечном счете накладывающий определенные ограничения на ПТ, и необязательно подразумевается институциональная цензура или какая-либо другая реальная цензура, являющаяся следствием отношений с властными структурами. Такая метафорическая цензура может быть связана с аудиторией ПТ, уполномоченным лицом или теми и другими, вместе взятыми. Например, если перевод заказан в культуре/идеологии ИТ, заказчик может не знать идеологического контекста целевой аудитории, а «цензура» для переводчика будет связана с читательской аудиторией ИТ и ее идеологической позицией. Однако во многих других случаях идеологическая (даже в переносном смысле) цензура связана с уполномоченным лицом, которое может руководствоваться в этой функции в первую очередь аудиторией ПТ, но также и государственной властью (как в случае наличия государственной цензуры) или интересами третьей стороны, такой как политическое движение, отрасль и др.

Таблица

Оценка комбинаций реципиента ПТ и ИТ

Ситуация	ИТ	Реципиент ПТ	Комментарий
Отсутствие проблем	A^{++}	A_p^{++}, A_p^+, IND	Прямой перевод без идеологической реконтекстуализации будет легко воспринят читателями ПТ
	A^+	$A_p^{++}, A_p^+, IND, DIV, A_p^-$	
	N	IND, A_p^+, A_p^-	
Вероятность проблемы	A^{++}	DIV	Есть вероятность, что прямой перевод может спровоцировать конфликт внутри читательской аудитории, поэтому, исходя из других факторов (таких как аудитория ИТ и замысел автора), может быть рассмотрен вопрос о нейтрализации
	N	A_p^{++}, A_p^{--}, DIV	Явно выраженная нейтральная позиция может быть негативно воспринята активистами с обеих сторон. Это не относится к текстам, в которых не рассматривается тема, связанная с A
Потенциальная угроза	A^{++}	A_p^{--}, A_p^-	Прямой перевод, вероятно, будет восприниматься как потенциальная угроза, поэтому следует рассмотреть вопрос о реконтекстуализации
	A^+	A_p^{--}	

Идеология или культура?

Для того чтобы лучше понять идеологические расхождения и связанные с ними проблемы перевода, стоит сравнить природу идеологических и культурных различий. Культуры часто имеют дело с поведением или практикой, в то время как идеологии имеют дело с отношением (иногда к тем же самым практикам). Культурные различия между людьми являются нормальными и приемлемыми в рамках одной и той же культуры и, как следствие, между культурами, в то время как идеологические различия обычно воспринимаются по принципу «если вы не с нами, значит, вы против нас». Для переводчика различие между культурой и идеологией заключается не в самом предмете, а в существовании противоположных бескомпромиссных позиций по этому вопросу, что может привести к потенциальному конфликту. Чтобы проиллюстрировать этот момент, рассмотрим такую внешне нейтральную тему, как еда. Вопрос о том, можно ли есть свинину, вполне может быть рассмотрен переводчиком как культурный вопрос, если текст касается реалий мусульманской страны, но, возможно, его потребует рассматривать как идеологический в контексте школьного питания в современной Франции. До тех пор, пока поведение или практика не втянуты в поляризационный дискурс, будь то насильственное кормление гусей, исполнение джазовой музыки или вышиванки (украинские вышитые рубашки), для переводчика это остается культурной проблемой. Но как только вокруг этого вопроса возникает полемика (вышиванки становятся символом украинского национализма), он переходит в область идеологии.

Заключение

Определение и объем понятия «идеология» представляют большую трудность для его изучения в любой дисциплине, в том числе и в переводоведении. Предложено рабочее определение идеологии как неявных предположений, убеждений и ценностей определенной группы в том виде, в каком они выражаются и развиваются в определенное время во внутригрупповом дискурсе. Когда мы говорим, что текст содержит элемент идеологического характера, обычно имеем в виду наличие оценочного высказывания, отражающего идеологию определенной группы.

Для того чтобы лучше осознать понятие идеологии, идеологические расхождения и связанные с ними проблемы перевода, проведено сравнение характера идеологических и культурных различий. Трудности перевода, обусловленные как культурной, так и идеологической сферой, не связаны с языком и должны решаться в более широком контексте, в большинстве случаев за рамками ИТ. Тем не менее учет культурных различий при переводе можно рассматривать как чисто техническую, хотя и сложную, проблему, которая, безусловно, подразумевает меньше разногласий. Для переводчика разница между культурой и идеологией заключается не в самом предмете, а в наличии противоположных бескомпромиссных позиций по отношению к нему, что может привести к потенциальному конфликту. Идеология как совокупность убеждений и ценностей и, как следствие, установок затрагивает все стороны, участвующие в процессе перевода.

Подход, принятый в настоящей работе, довольно прагматичен. Он позволяет лучше понять обусловленные идеологией проблемы перевода, определяет основные факторы, влияющие на выбор переводчика, и может использоваться в качестве руководства в переводческой практике.

Литература

1. Латышев Л.К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. М.: Книга по Требованию, 2013. 160 с.
2. Фёдоров А.В. Введение в теорию перевода: лингвистические проблемы. 2-е изд., перераб. М., 1958. 416 с.
3. Сдобников В.В. Коммуникативно-функциональный подход к переводу в российском переводоведении

References

1. Latyshev L.K. *Perevod: problemy teorii, praktiki i metodiki преподаvaniia*. Moscow: Kniga po Trebovaniu, 2013. 160 s.
2. Fedorov A.V. *Vvedenie v teoriiu perevoda: lingvisticheskie problemy*. 2-e izd., pererab. Moscow, 1958. 416 s.
3. Sdobnikov V.V. *Kommunikativno-funktsional'nyi podkhod k perevodu v rossiiskom perevodovedenii*

дени // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2. С. 19–30.

4. Львовская З.Д. Теоретические проблемы перевода: (на материале испанского языка). М.: Высшая школа, 1985. 232 с.

5. Сдобников В.В. Переводоведение сегодня: вечные проблемы и новые вызовы. DOI 10.22363/2312-9182-2019-23-2-295-327 // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2019. Т. 23. № 2. С. 295–327.

6. Сдобников В.В., Калинин К.Е., Петрова О.В. Теория перевода. Коммуникативно-функциональный подход: учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков. 2-е изд., электрон. М.: Изд. дом ВКН, 2020. 513 с. URL: <http://lib.lunn.ru/LunnDigitalDocsClosed/DR277167.pdf> (20.11.2022).

7. Шленнёв Д.Н. Переводческая деятельность и целеполагание. Ч. 1: Почему перевод рассматривается не только как речевая деятельность // Перспективы науки и образования. 2018. № 1 (31). С. 172–178. URL: <https://pnojurnal.wordpress.com/archive18/18-01/> (20.11.2022).

8. Егорова Т.В. Словарь иностранных слов современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 800 с.

9. Larousse: dictionnaire. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/id%C3%A9ologie/41426>.

10. Oxford English Reference Dictionary. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2002.

11. Lefevere A. Translation practice(s) and the circulation of cultural capital: some aeneids in English // Constructing Cultures: Essays on Literary Translation / S. Bassnett, A. Lefevere (eds.). Clevedon: Cromwell Press, 1998.

12. Simpson P. Language, ideology, and point of view. Oxon: Routledge, 1993.

13. Mason I. Discourse, ideology and translation // Critical readings in translation studies / M. Baker (ed.). London: Routledge, 2010. P. 83–95.

14. Yarkina N., Yarkina L., Pougachev I. Translating ideology: an intergroup mediation perspective. DOI 10.22363/2312-9182-2019-23-2-383-398 // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2019. Т. 23. № 2. С. 383–398.

// Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19: Lingvistika i mezkhkul'turnaia kommunikatsiia. 2009. No. 2. S. 19–30.

4. Lvovskaya Z.D. Teoreticheskie problemy perevoda: (na materiale ispanskogo iazyka). Moscow: Vysshiaia shkola, 1985. 232 s.

5. Sdobnikov V.V. Perevodovedenie segodnia: vechnye problemy i novye vyzovy. DOI 10.22363/2312-9182-2019-23-2-295-327 // Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika. 2019. T. 23. No. 2. S. 295–327.

6. Sdobnikov V.V., Kalinin K.E., Petrova O.V. Teoriia perevoda. Kommunikativno-funksional'nyi podkhod: uchebnyk dlia studentov lingvisticheskikh vuzov i fakul'tetov inostrannykh iazykov. 2-e izd., elektron. Moscow: Izd. dom VKN, 2020. 513 s. URL: <http://lib.lunn.ru/LunnDigitalDocsClosed/DR277167.pdf> (20.11.2022).

7. Shlepnev D.N. Perevodcheskaia deiatel'nost' i tselepolaganie. Ch. 1: Pochemu perevod rassmatrivaetsia ne tol'ko kak rechevaia deiatel'nost' // Perspektivy nauki i obrazovaniia. 2018. No. 1 (31). S. 172–178. URL: <https://pnojurnal.wordpress.com/archive18/18-01/> (20.11.2022).

8. Egorova T.V. Slovar' inostrannykh slov sovremenno-go russkogo iazyka. Moscow: Adelant, 2014. 800 s.

9. Larousse: dictionnaire. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/id%C3%A9ologie/41426>.

10. Oxford English Reference Dictionary. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2002.

11. Lefevere A. Translation practice(s) and the circulation of cultural capital: some aeneids in English // Constructing Cultures: Essays on Literary Translation / S. Bassnett, A. Lefevere (eds.). Clevedon: Cromwell Press, 1998.

12. Simpson P. Language, ideology, and point of view. Oxon: Routledge, 1993.

13. Mason I. Discourse, ideology and translation // Critical readings in translation studies / M. Baker (ed.). London: Routledge, 2010. P. 83–95.

14. Yarkina N., Yarkina L., Pougachev I. Translating ideology: an intergroup mediation perspective. DOI 10.22363/2312-9182-2019-23-2-383-398 // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2019. Т. 23. № 2. С. 383–398.

Яркина Людмила Павловна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
Институт русского языка
Российский университет дружбы
народов

Iarkina Lyudmila P.,
Candidate of Philology, Associate
Professor of the
Russian Language Department
Institute of the Russian Language
Peoples' Friendship University
of Russia

ORCID: 0000-0002-6050-4417
e-mail: Ludanata@gmail.com

Пугачёв Иван Алексеевич,
доктор педагогических наук,
профессор, заведующий кафедрой
русского языка
Институт русского языка
Российский университет дружбы
народов

Pougachev Ivan A.,
Doctor of Pedagogy, Professor, Head
of the
Russian Language Department
Institute of the Russian Language
Peoples' Friendship University of Russia

ORCID: 0000-0002-0159-8898
e-mail: pugachev-ivan@mail.ru

Перевод как форма репрезентации культурного пограничья

На материале переводов стихотворений татарских поэтов-шестидесятников, выполненных Р. Кожевниковой, исследованы особенности репрезентации гибридной идентичности, которая осуществляется как «в пределах», «внутри» гомогенной культуры, так и «на границах», в «промежутке» между различными традициями. В отличие от других русскоязычных поэтов-переводчиков, например Р. Бухараева, мучительно переживающего кризис своей идентичности, Р. Кожевникова ощущает органическую причастность к традициям как татарской, так и русской культуры. Сделан вывод, что в лирике Р. Кожевниковой и ее переводах татарской поэзии наблюдается синтезирующая тенденция, направленная на преодоление границ между разными историко-культурными смыслами. Но в отличие от оригинальных произведений, имеющих одноакцентный характер и актуализирующих бытийные связи между словом и обозначаемой им реальностью, в переводных текстах присутствуют несовпадающие ценностные и смысловые кругозоры. Описаны используемые переводчиком приемы конкретизации текста оригинала как формы межлитературного диалога. Установлено, что трансформация «чужой» словесно-художественной практики в «иную» / «свою» в процессе перевода сопровождается усилением эмоционально-суггестивной составляющей текста, музыкально-звуковой и ритмико-интонационной его инструментальной, осуществляемой средствами русского языка, развитием лежащей в основе произведения субъективной ситуации, идентификацией с привычными для русскоязычного читателя жанрами.

Ключевые слова: Р. Кожевникова, граница, диалог, «свое», «чужое», национальная традиция, интерпретация, русский язык.

Based on the material of the translation of poems of Tatar poets of the 60s, made by R. Kozhevnikova, the features of the representation of hybrid identity, which is carried out both “within”, “inside” homogeneous culture, and “on the boundaries”, “between” different traditions are studied. Unlike other Russian-speaking poets-translators such as R. Bukharaev, who is painfully experiencing a crisis of his identity, R. Kozhevnikova feels an organic involvement in the traditions of both Tatar and Russian cultures. It is concluded that in R. Kozhevnikova’s lyrics and in her translations of Tatar poetry, there is a synthesizing tendency focused on overcoming the boundaries between different historical and cultural meanings. But unlike the original works, which have specific accentuation and actualize ordinary relations between the word and the reality defined by it, in translated texts there are not identical value and semantic horizons. The means of clarifying the original text used by the translator as a form of inter-literary dialogue are described. It is stated that the transformation of an “alien” verbal and artistic practice in a “different” / “own” in the translation process is followed by the strengthening of the emotional and suggestive component of the text, its musical and sound, rhythmic and intonational instrumentation carried out by means of the Russian language, the development of subjective situation which makes the basis of the work, identification with the genres familiar to the Russian-speaking reader.

Key words: R. Kozhevnikova, boundary, dialogue, “own”, “alien”, national tradition, interpretation, Russian language.

Введение

Переводам произведений татарских писателей на русский язык посвящена обширная научно-исследовательская литература, где воссоздается их история, выявляются особенности поэтики переводных текстов, проводится сопоставление оригинала и перевода в проблемном поле межкультурной коммуникации и диалога литератур [1. С. 81–142; 2. С. 56–92; 3] и др. В условиях культурного пограничья переводческая деятельность приобретает новые функции, вовлекаясь в процессы национально-культурной идентификации и самоидентификации. Так, Л.Р. Газизова приходит к выводу:

Для русскоязычных поэтов перевод становится одной из форм причастности к татарскому языку и татарской культуре. Вступая в диалог с автором оригинального произведения, переводчик получает возможность возвращения к себе и к своим татарским истокам и переходит границу между «чужим», ставшим «своим», с одной стороны, и тем, что для него является «родным», с другой [3. С. 14].

Подтверждением сказанному служат слова русскоязычных поэтов-переводчиков. Так, Р. Кожевникова признавалась, что вопрос о национальных характеристиках ее творчества был для нее отнюдь не простым:

Мне часто приходится слышать в свой адрес вопрос о том, какой поэтессой я себя считаю — татарской или русской? И задают его прежде всего те представители интеллигенции, кто болезненно сосредоточен на национально-этнической теме. И я им отвечаю так: «Во мне живут два менталитета: татарский и русский, тем более что я, кроме собственного сочинительства, работаю на стыке двух литератур, то есть много перевожу с татарского на русский татарских поэтов и прозаиков!» [4. С. 80].

Р. Бухараев, размышляя о том, насколько существенны для него этнические истоки и как они проявляются в его творчестве и мироощущении, признавался: «Я работаю как русский писатель и поэт, умею писать стихи и научные книги на четырех языках, но мое татарское происхождение — это моя суть как человека в этом огромном и сложном мире» [5]. В то же время поэт мучительно переживал «отпадение» от своей национальной идентификации, осуществляемой в форме языка: «До трех лет я говорил только на татарском, но потом — вся жизнь перевелась на русский... <...> Мысли мои — от самой светлой до самой темной и стыдной — также перевелись на русский язык...» [6. С. 379].

Пребывание на границе разных языков и культур становится предметом рефлексии этих поэтов, главной темой их творчества. В стихотворении «Карагашам» Р. Кожевникова констатирует: «Среди своих — почти чужая, / Среди чужих, конечно, не своя» [7. С. 82]. Экзистенциальная ситуация одиночества и распада естественных связей между людьми раскрывается через символический параллелизм «я» и «деревя», «чей шелест в мае» «непостижим родным корням» [Там же]. Характерная черта психологии человека, причисляющего себя к «отлученным», — надежда на преодоление отчужденности от соотечественников через соприкосновение с исконными, вечными святынями: отчим домом, материнской любовью, историей своего рода и его культурой: «Из отлученных я, но помню / Над колыбелью материнский свет, — / С печалью изучаю свои корни, / Опомнившись вдруг на излете лет» [Там же]. Вместе с тем человек, пребывающий «между» разными типами культур, традициями, языками, акцентирует внимание на общечеловеческих смыслах и ценностях, преодолевающих любые препятствия и отличия, разъединяющие людей: «Но сын — балдыр¹. / Среди кого — чужой он, / Среди кого — он свой, / мне не понять. / Когда слиняем душ родных / рожден он, / Как высшая на свете благодать» [Там же].

Состояние промежуточности и транзитивности как формы бытия человека, «границы» Р. Бухараев обозначил словом «между-речь». Этот топос осмыслен как «пространство Духа», выход в которое сопряжен с осознанием множественности миров и культур и преодолением границ между ними: «...будь прокляты границы бытия, / но грани без границ — благословенны!» [8. С. 265]. Понятие «грань» в стихотворении «Между-речь» получает конкретизацию в последовательно описываемых национальных образах мира. Поэт использует идентифицирующие определения, передающие неповторимо оригинальное видение национального и устанавливающие связь природного и духовного, внешнего и внутреннего, единичного и единого в жизни народа. «...Чувашия, о жимолость и хмель, / жилище пчел библейских в росной влаге! <...> ...Грань-Казахстан; неутолимый вздох. / Горизонталь и Вертикаль» [Там же. С. 264]. С позицией «между-речь» коррелируют, с одной стороны, стремление охватить мир во всем его многообразии и многоликости, зафиксировать множество «граней» — вариантов мироздания, с другой — тенденция к их интеграции и согласованию, что находит непосредственное выражение в кумулятивной образности. В сплошной сочинительно-перечислительный ряд выстраиваются грани-топосы: Грузия, Молдавия, Башкирия, Чувашия, Калмыкия, Казахстан, формируя единую синкретическую реальность пластичных горизонтальных связей между различными локалами.

Особого рода духовно-творческой деятельностью, реализующей сюжет перехода границ между культурами и обретения экзистенциально важного жизненного и социального статуса, является для русскоязычных поэтов перевод произведений родной литературы. Поэт и переводчик Алена Каримова (Алия Каюмовна Каримова; род. 1976) обращает внимание на то, что «среди переводчиков татарской литературы абсолютное большинство — этнические татары — поэты и писатели,

¹ Метис.

которые сами пишут на русском языке. Это объяснимо, ведь многие из них понимают перевод <...> как некую духовную обязанность перед национальным языком, перед культурой предков» [9. С. 5–36]. Переводы татарской поэзии на русский язык для Р. Кутуя, Р. Бухараева, Р. Кожевниковой не только «сотворчество понимающих» (М.М. Бахтин), в процессе которого происходит разработка содержащихся в оригинальных произведениях тем, образов и мотивов, выявляются новые смыслы, потенциально заложенные в исходном тексте, но и возможность погрузиться в стихию родного языка и постичь его законы. Этим определяется актуальность исследования переводческих интерпретаций в двух аспектах: как формы межлитературного диалога и как способ самоидентификации поэта-переводчика.

Материалы и методы исследования

Теоретико-методологическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых, в которых разрабатывается транскультурная модель художественного развития [10; 11], определяются понятийно-терминологический аппарат и подходы к изучению процессов транскультурации [12].

Художественно-эстетическая природа переводных текстов анализируется в контексте обособываемого в современной компаративистике разграничения двух видов перевода — как формы межкультурной коммуникации и как формы межлитературного диалога. В одном случае в переводе преобладает воссоздающее начало, оригинал воспринимается в качестве закрытого, завершенного текста, требующего перекодировки средствами другого языка. Другой вид перевода основывается на диалогических отношениях переводчика с автором оригинального произведения, для которых характерна открытость и принципиальная незавершенность. Исходный текст перестает быть самодовлеющим, пассивным и статичным объектом, он наделяется свойством открытости, «переливчатости» [13. С. 62] — настроенности на множественную смысловую реализацию.

Сущность перевода как формы межлитературного диалога раскрывает понятие «конкретизация», которое вводит основатель феноменологической эстетики Р. Ингарден, характеризуя специфическую деятельность читателя, направленную на восполнение содержащихся в интенциональной структуре текста «мест неполной определенности» [Там же. С. 73]. Вслед за Р. Ингарденом В. Изер описывает рецепцию как процесс заполнения имеющихся в «потенциальном плане» текста «пробелов», «пустых», «незаполненных», «свободных» мест, подчеркивая при этом важность «репертуара» — социальных, исторических и культурных норм, влияющих на способ устранения читателем лакун [14].

В переводоведении это понятие использует И. Левый, сравнивающий конкретность перевода с конкретностью косвенной речи, разъясняющей авторский замысел [15. С. 54]. Если воспользоваться предложенной представителями рецептивной эстетики дифференциацией понятий «текст» и «произведение», а также разработанной ими моделью взаимодействия текста и читателя, то переводческую деятельность правомерно рассматривать как активный творческий процесс, направленный на разрешение антиномии между двумя «полюсами» литературного произведения: художественным, образуемым авторским замыслом, и эстетическим, создаваемым его читательской интерпретацией.

Материалом исследования стали переводы произведений татарской поэзии на русский язык, выполненные Розой Хабиевной Кожевниковой (1950–2007). Талантливый поэт и переводчик, она признана одним из создателей казанской школы перевода [16]. Свой собственный образ переводчика Р. Кожевникова строит, идентифицируя лирическую героиню с поэтом-творцом, непреклонным в исполнении своей подвижнической миссии: *«Всю душу свою в переводы / Вложить без остатка, гореть / Во имя проклятой работы / С одною лишь мыслью: “Успеть, / Колдуй над словом и звуком, / Подстрочники дать без оков!” / О, время пожизненной муки... О, счастье живших стихов!»* [7. С. 159]. Внимание Р. Кожевниковой привлекают прежде всего произведе-

дения татарских поэтов-шестидесятников: Р. Файзуллина, И. Юзеева, А. Баяна, М. Аглямова, Р. Ахметзянова, Р. Гаташа, Л. Шакирзяновой и др., в творчестве которых отражаются поиски новых эстетических ориентиров, художественных средств и приемов, складываются новые формы синтеза классической парадигмы художественности с неклассической (см.: [17]).

Результаты и их обсуждение

Свои оригинальные произведения Р. Кожевникова создает на пересечении разных языков и национальных традиций. В одном из лучших и самых известных ее стихотворений — «Молитва», положенном на музыку и ставшем известной среди татар песней «Дога» [18], рефреном повторяется начало Корана и всех мусульманских молитв: «Бисмилләһир-рахмәәнир-рахим...» («Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного!»). Эпиграфом к элегии «Иллюзией себя не утешаю...» выступает строчка из стихотворения Р. Валиева (род. 1947): «*Минем йөрәк тиздән таш була...*» [7. С. 143] («Мое сердце скоро станет камнем...»)². В восьмистишии «Как в этот снежный март очередной...» сердце лирической героини тревожит песня: «*Син минеке, мин синеке булып / Икебезгә яшәү язмаган...*» [Там же. С. 147] («Нам вместе быть не суждено...»). С билингвальностью этих текстов, репрезентирующей транскультурный тип художественного сознания автора, связано явление интерференции. Совмещаются и вступают во взаимодействие не отдельные слова или высказывания, а целые типы культур с присущими им глубинными генотипными субъектными планами и мировоззрениями.

Наблюдаемая в «Молитве» интерференция является моделью той смыслопорождающей структуры, которая свойственна текстам, реализующим феномен культурного пограничья. Категория транзитивности, характеризующая способ бытия воплощенного в них мира, в данном произведении действует на уровне принципов организации субъектного пространства. На нестабильный, изменяющийся статус субъекта речи указывает то, что одна и та же фраза имеет множественную принадлежность и соотносится с разными лицами: матерью, направляющей Божественное слово в сферу жизни ребенка; многими поколениями людей, губы которых шепчут «заклинанье из глуби веков»; «ты», которое оказывается «я» и так же, как и другие, верит в безграничность милосердия Бога и охраняющие функции молитвенного слова: «*“Бисмилла иррахман иррахим” / С этой магией фразы туманной / Засыпают в блаженном обмане, — / Только б верить, что кем-то храним. / По ночам и слепым и глухим, / Когда хвори меня обступали, / Мама зыбку качала в печали: / “Бисмилла иррахман иррахим...”*» [Там же. С. 6].

В основе лирического сюжета — переход «я» из одного жизненно-идеологического статуса в другой, смена пассивно-страдательной позиции активной, внеположенности по отношению к молитвенной ситуации — внутринаходимость при сохранении принципиальной двухмоментности изображаемого события. Сакральная фраза наделяется чертами сверхсубъекта, обладающего постулируемой самостоятельностью и воплощающего надличностное активно-волевое начало, сопровождающее жизнь народа: «*Над горем и счастьем витало / Столь напевное таинство слов*» [Там же]. «Заклинанье из глуби веков», действуя на родогенетические пласты сознания, пробуждает прапамять и выливается в интуитивно произносимом молитвенном слове: «*И, не веруя силам иным, / Все же молвишь порой по наитью / Этот древний зачин у молитвы: / “Бисмилла иррахман иррахим”...*» [Там же]. Архитектоника стихотворения, основанная на встрече и сочетании перспектив-интенций, идущих от разных семантических центров, выражает устанавливающиеся между «я», «ты», «мы» экзистенциальные отношения тождества, единства, бытийно-субъектного взаимопроникновения.

Переводческую стратегию Р. Кожевниковой так же, как и ее творческую практику, определяет синтезирующая тенденция, установка на преодоление границ между восходящими к разным источникам историко-культурными смыслами, «своим» и «чужим» словом. Но, в отличие от пришедшей оригинальным произведениям поэта «полной солидарности» голосов, в переводных текс-

² Подстрочный перевод с татарского здесь и далее выполнен мной. — В. А.

тах Р. Кожевниковой, рождающихся из соединения передаваемой чужой речи и передающего ее авторского контекста, сохраняются несовпадающие, хотя и не разнонаправленные, ценностные и смысловые акценты.

Вступая в сотворчество с автором оригинального произведения, переводчица нередко идет по пути усиления эмоционально-суггестивной составляющей текста. Встречающаяся в лирике татарских поэтов песенная суммарность словоупотребления, типизирующая и обобщающая психологические процессы и состояния, получает в интерпретации Р. Кожевниковой конкретизацию. Например, в стихотворении «Чакры» («Зов») Р. Гаташа (Р.К. Гатауллина; род. 1941) доминирует художественная установка на воссоздание полноты и целостности переживания, представленного как природно-душевная стихия, существующая отдельно от одержимого ею лирического субъекта: *«Вернись, прошлогодние бураны моей любви! Опустели, слишком опустели улицы моей души»* [19. С. 95]. Р. Кожевникова точно передает субъектно-образную целостность стихотворения. Так же, как и в оригинале, выход к мифопоэтическому тождеству внешнего и внутреннего совершается с помощью интонационно-синтаксических ресурсов (нагнетанием однообразно построенных ритмико-синтаксических групп) и через метафоризацию членов параллели: *«Вернись, прошлогодние бураны / Моей любви неистойой и веры. / Сегодня опустели, как ни странно, / Души моей и улицы, и скверы»* [20. С. 146]. Но любовь, владеющая лирическим героем, названа переводчицей «неистойой» и дополнена верой. Таким образом, чувство предстает в своей предельной интенсивности и нерасчленимости с верой, объединяясь с ней в общей стихии бурана. Мотивы «безумной», «сумасбродной» любви и веры типичны для оригинального творчества Р. Кожевниковой и повторяются в стихотворениях «Не возвращайся ни письмом, ни встречей...», «В новогоднюю ночь», «Отчаяние», «Как далеко ты...», «Переболеть тобой, перестрадать...», «Август жизни моей, помедли...», «Я каждый вечер вспоминаю о тебе...» и др. Переводимое слово, диалогически осваиваясь, становится «чужим-своим», объединяя в себе две ценностно-смысловые позиции. Переводческая интенция, проникнув в авторскую, следует за ней, развивая ее в направлении большей индивидуализации лирического субъекта.

В лирике Р. Кожевниковой складываются типы субъектно-образных целостностей, которые, как и в произведениях переводимых ею поэтов, обуславливаются конкретной и индивидуально-личностной ситуацией поисков себя и своего пути, напряженных размышлений над вопросом «Кто есть я?». Лирическая героиня Р. Кожевниковой является носителем нескольких типов сознания: индивидуального сознания личности, пытающейся понять себя, свою жизнь, значение собственного «я» для других; обобщенно-личного сознания людей, пребывающих в ситуации культурного пограничья; наконец, сознания женщины-поэта, преодолевающей в любви и творчестве границы своего «я» и переживающей катарсическое перерождение. Так, образная организация стихотворений «Прощение», «Сколько лет еще, сколько лет...», «Какая сила нас влечет друг к другу?» оказывается проекцией возникающих в них субъектных структур, в основе которых — достигаемое лирической героиней дистанцирование от «я», от своего разума и сердца («Голос разума, будь жесточе»), от счастья и «утерянных страданий» («Мне жаль утерянных страданий...»), от своих чувств («О чувстве»).

Этим обусловлена стратегия перевода произведений И. Юзеева (1933–2004), в которых все «проявления ментального и психического мира лирического субъекта объективируются, превращаются в самостоятельную субстанцию, наделяются своей интенцией и речью» [21. С. 250]. Лирический герой стихотворения «Нишләдем?..» («Что я наделал?..») пытается осмыслить метаморфозу, произошедшую с ним: необузданный жеребенок, не знающий предела своим мечтам, превращается в ломовую лошадь, тянущую бремя времени. Рефрен «Что я наделал?», являющийся структурно-семантическим центром, формирующим композицию стихотворения, в финале трансформируется в вопрос «Что ты наделал?», который «адресует лирическому герою его чувства и который выступает своеобразным авторефлексивным жестом отстранения субъекта речи от самого себя» [Там же. С. 239].

Р. Кожевникова меняет исходную субъектную ситуацию, используя конструкцию «что со мной?» [20. С. 447]. Таким образом, происходит развитие и углубление содержащегося в тексте оригинала

мотива отделения от лирического субъекта состояний его души, высвобождения чувств, охваченных стремлением выйти вовне, преодолев свою имманентность по отношению к «я». Изменение строя субъективности, которое претерпевает лирический субъект И. Юзеева, обнаруживая несоответствие физических, телесных границ своего «я» и преодолевающего их экзистенциально-эмоционального начала, достаточно точно и емко воспроизводится в переводе: «*Что со мной? / Юности чувства / Ропщут теперь в груди. / Что впереди? / Что, если чувств / Волны шальные, / Презрев покой, / Вырвавшись, спросят: / “Что с тобой?”*» [Там же].

Взаимообусловленность субъектной и объектной структур в оригинальных произведениях Р. Кожевниковой порождает тяготение к символическим формам изображения «я», дающим возможность косвенного взгляда на себя. Так, в «Балладе об урагане» ветер предстает как субъектный образ, воплощающий стихийную динамику, абсолютную свободу и мятежность. Его сближение с автором-повествователем происходит в форме неявного параллелизма: «...*Метался, бушевал и мок / Над бездной океана. / Он над пустынями летел, / Охваченный их зноем. / В ущельях горных он гудел, / Не находя покоя*» [7. С. 34]. Лежащая в основе сюжета смена жизненной позиции лирического субъекта, его переход от вечного движения к покою трактуются как отказ от самого себя, утрата своей идентичности: «*Однажды на своем пути / Оазис повстречал он. / Среди листвы под пенью птиц / Притих и задремал он. / Кем был он — позабыл вконец. / Одно тревожит странно: / Доносится к нему во сне / Дыханье океана...*» [Там же]. Герой баллады не равен самому себе и пребывает в двух ценностно-временных планах, которые раскрывают оппозиции движения — покоя, активности — страдательности, памяти — забвения, прошлого — настоящего. Субъектно-образное целое стихотворения предстает как результат наложения этих иномирных по отношению друг к другу состояний лирического субъекта.

Внимание Р. Кожевниковой-переводчицы привлекают произведения татарских поэтов, в которых проявляются сходные закономерности построения субъектно-образных структур: «Көзгә табә» («Ближе к осени») А. Баянова (1927–2013), «Мактанма, тау...» («Не хвастайся, гора...») Р. Гаташа, «Чәчәк жыры» («Песнь цветка») Лены Шакирзяновой (1945–2017) и др. Так, перевод последнего стихотворения отражает запечатленный в оригинале процесс самопознания и самоопределения лирического субъекта Л. Шакирзяновой как поэта, певца, поставленного перед лицом судьбы, ее разрушительных начал, ограничений и преград и в одиночку противостоящего им: «*Льет с неба словно из ведра. / Объят стихией дождевой / Вокруг меня глухой простор. / Насквозь продрогнет мой бутон. / И не раскинет, нет, никто / Над ним спасительный шатер*» [20. С. 422]. Угаданные переводчиком тонкие, исполненные художественного такта сдвиги лирической ситуации в фольклорную стихию и смещения поэтического слова в просторечие приобретают особое значение. Спецификой народно-национального быта и мышления отмечена сфера символических смыслов образа, в котором обобщается участь не только поэта, но и поколения в целом.

Враждебным стихиям дождя, ветра, холода противопоставляется пафос напряженной активности духа, хаотическому потоку бытия — любовь, красота и поэзия: «*Не слышен увяданья стон... / Но чудом оживаю вновь. / В который раз раскрыт бутон, / А в чаше лепестков — любовь*» [Там же. С. 422]. Смысловая эквивалентность, которая возникает между естественно-природными процессами, протекающими в жизни цветка, и его эмоционально-психологическими состояниями, раскрывает и в стихотворении татарского поэта, и в его переводе на русский язык жертвенно-страдательную сущность любви и творчества. Но если любовь торжествует над внешними и чуждыми силами, фатально тяготеющими над цветком, то песня заглушается ими: «*Как не однажды и в былом, / Ты не услышал песнь цветка...*» [Там же].

Трудности и испытания, уготованные враждебным пространством и образующие кумулятивную цепочку, которая усугубляет драматизм ситуации, преодолеваются лучом солнца («кояш нуры»). Перемещаясь из энергетического центра сверху вниз, на землю, он проникает в корни цветка: «*Но солнца вечное тепло / Живет в корнях моих пока...*» [Там же]. Между солнцем

и находящимися в плодородной почве родной земли корнями цветка развиваются отношения интеграции сознательного с бессознательным, конечного с бесконечным, единичного, индивидуального с внеличным и всеобщим, обнаруживающие принцип целенаправленной обращаемости поэтической материи, освобожденной от временного и причинно-следственного ряда. Для Л. Шакирзяновой важна архетипическая память, связанная с символикой света, который в мусульманской культуре принадлежит к первому ряду в иерархии эстетических и духовных ценностей [22. С. 15]. Русскоязычный поэт-переводчик заменяет луч солнца с его возвышенно-идеальной семантикой на «солнца вечное тепло». Мотив тепла указывает на несколько иные, чем в оригинале, переживания лирического субъекта, акцентируя в нем интимно-личностные пласты сознания, погруженность в витально-экзистенциальную сферу чувств.

Р. Кожевникова часто прибегает к интонационно-ритмической конкретизации оригинала, реализуя в этой сфере субъективную модальность переводческой интерпретации. Эмоциональная экспрессивность, лирическое усиление, музыкальность стиха достигаются разнотипными повторами (звуковыми, лексическими, синтаксическими, вариациями одних и тех же образных, сюжетных мотивов), ритмико-синтаксической и композиционной организацией текста. В этом плане интерес представляют переводы стихотворений Зульфата (Д.У. Маликова; 1947–2007), художественное содержание которых передается на русском языке с помощью сложной словесно-образной, музыкально-звуковой, ритмико-интонационной инструментовки текста. Так, возникающая в стихотворении «Хәрәкәтә йөрәк» («Сердце бьется») субстанционально-мифологическая связь между психическим микрокосмом и макрокосмическим звездным небом точно и выразительно передается в переводном тексте. Состояние внутреннего нравственного энтузиазма, душевного подъема, активность выраженного в стихотворении жизнеутверждающего начала раскрываются через ритмико-интонационный строй речи: *«Небо, / полное звездного роя, / Посмотри, / ночью, словно живое! / И пульсирует космос / и ждет: / Все секреты твои — тронь рукою. / <...> / Сердце, / полное звездного роя, / И горит, и болит — / ведь живое! / Бьется гулко в груди, / ждет и ждет: / Все секреты твои — тронь рукою»* [20. С. 214].

Лирический герой стихотворения «Көзге учакларда сәер моңсулык бар...» («В кострах осенних есть особенная грусть...») размышляет о времени, измеряя его движение разлуками, прощальными песнями, уходящими поездами, улетающими птицами, затухающей удалью «сумасбродных чувств» («чаялыклар китә дулар хисләреңнән»). Кумулятивная образность оригинала воспроизводится с помощью конкретизированного перечисления ряда событий, указывающих на наступление осени как в окружающем героя мире, так и в его жизни: *«Да, это время не для встреч, а для разлук, / Да, это песнь кому-то вслед простертых рук. / Уходит поезд, и гулок его, как стон, / Уходит поезд вдаль, в закатный небосклон. / Уходят птицы, оставляя в гнездах грусть, / Уходит удаль сумасбродных наших чувств»* [Там же. С. 210]. Рядоположенность семантически эквивалентных образов создает однотонный музыкально-поэтический континуум, выражающий элегические эмоции грусти, разочарования, тоски по былому. Драматическая напряженность переживаний лирического героя Зульфата, соответствующая поэзии жизненных и творческих итогов, получает в переводе аналитическую разработку. Р. Кожевникова заостряет контрастные сопряжения слов, которые сопутствуют движению эмоционально-насыщенной мысли, сосредоточенной на трагических противоречиях бытия: *«Осталась жажда глубоко в сердцах — пылать! / Посеял много, не собрал я ничего! / <...> / И у безбрежных рек мне был доступен яр!.. / Но так меня и не дождался конь-тулпар! / <...> / Наговорил, но не сказал я ничего, / Костер осенний — сердце... / О смятенье чувств! / В кострах осенних есть особенная грусть...»* [Там же]. В пределах воссоздаваемого в переводе изобразительного единства нарастает экспрессия, в которой явственно проступает присущая тексту оригинала субъективно-лирическая оценка. Вместе с тем перевод строится на узнаваемых для русского читателя пространственно-временных и эмоционально-тематических комплексах элегии, типичной для этого жанра стилистики, и «общих местах».

Заключение

В отличие от Р. Бухараева, мучительно переживающего кризис своей идентичности, Р. Кожевникова ощущает органическую причастность к традициям как материнской (татарской), так и русской культуры. Выполненные ею переводы татарской поэзии — форма репрезентации гибридной идентичности, которая выстраивается как «в пределах», «внутри» гомогенной культуры, так и «на границах», в «промежутке» между разными миропорядками с их закономерностями. За этим стоит жизнеощущение, ориентированное не на противопоставление и поляризацию ценностно-смысловых позиций и кругозоров (по модели «или — или»), а на их взаимодополнительность и согласие (принципы «и... и», «как... так и»). Находясь «между» пространств и времен, в точке пересечения различных национальных традиций, переводчик-билингв обретает свое неповторимое место в «зоне контакта» с ними, преодолевая драматическую ситуацию венаходимости по отношению к ним, дистанции и свободы. В его деятельности актуализируются моменты континуальности, связи, присутствия «и там, и здесь», захваченности, эмпатии, сопереживания.

В оригинальных и переводных произведениях Р. Кожевниковой создается целостный образ мира, отражающий процессы взаимодействия и взаимопроникновения языков и культур. Лирическая героиня Р. Кожевниковой по-арабски произносит начало первой суры Корана, говорит на русском и татарском языках. В условиях языковой интерференции особое значение приобретает материальная оболочка слова, обусловленная его фонетическим составом, продолжительностью звучания, ритмикой и др., возникают семантические отношения, поддерживающие представления о бытийной связи между означаемым и означающим. В «Молитве» и в других стихотворениях, имеющих свойство транскультурности, слово не только обозначает реальность, но и порождает ее, раскрывая содержащийся в нем потенциал перформативности.

Переводческие интерпретации, представляющие собой сложный синтез «чужого», «иного», «своего» в их взаимопереходах и диалогических отношениях, могут быть охарактеризованы как особые типы пограничных текстов с присущими транскультурному художественному сознанию закономерностями смыслообразования и принципами поэтики. Творческие усилия Р. Кожевниковой-переводчика направлены на словесно-образную, эмоционально-оценочную, ритмико-интонационную конкретизацию текста, предполагающую развитие лежащих в основе оригинала субъектных ситуаций и идентификацию с привычными для русскоязычного читателя жанрами. Используемые в переводах приемы и способы интерпретации произведений И. Юзеева, Р. Гаташа, Л. Шакирзяновой, Зулфата характеризуют пути и способы вхождения творений татарских поэтов в российский литературный контекст.

Литература

1. *Нагуманова Э.Ф.* Перевод современной татарской поэзии на русский язык как фактор диалога литератур. Казань: РИЦ «Школа», 2021. 152 с.
2. *Хабибуллина А.З.* Элегия, элегическое, элегизм в русской и татарской поэзии: критерии сопоставительного исследования. Казань: РИЦ «Школа», 2021. 260 с.
3. *Газизова Л.Р.* Лирика Г. Тукая в переводах на русский язык: история и поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2022. 22 с.
4. *Хаиров А.* Сценарий несостоявшегося вечера // Казанский альманах. 2008. № 4. С. 79–81.
5. *Маркус С.В.* Равиль Бухараев — крупнейший татарский поэт века... URL: <http://www.gumilev-center.ru/ravil-bukharaev-krupnejshijj-tatarskijj-poeht-veka-pokinul-nash-mir/> (01.09.2021).
6. *Бондаренко В.* Славянский подвой к тюркскому дичку // Избранные произведения: книга стихов / Р.Р. Бухараев. Казань: Магариф — Вакыт, 2011. С. 373–389.

References

1. *Nagumanova E.F.* Perevod sovremennoi tatarskoi poezii na russkii iazyk kak faktor dialoga literatur. Kazan: RITs "Shkola", 2021. 152 s.
2. *Khabibullina A.Z.* Elegiia, elegicheskoe, elegizm v russkoi i tatarskoi poezii: kriterii sopostavitel'nogo issledovaniia. Kazan: RITs "Shkola", 2021. 260 s.
3. *Gazizova L.R.* Lirika G. Tukaia v perevodakh na russkii iazyk: istoriia i poetika: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kazan, 2022. 22 s.
4. *Khairov A.* Stsenarii nesostoiavshegosia vechera // Kazanskii al'manakh. 2008. No. 4. S. 79–81.
5. *Markus S.V.* Ravil' Bukharaev — krupneishii tatarskii poet veka... URL: <http://www.gumilev-center.ru/ravil-bukharaev-krupnejshijj-tatarskijj-poeht-veka-pokinul-nash-mir/> (01.09.2021).
6. *Bondarenko V.* Slavianskii podvoi k tiurkskomu dichku // Izbrannye proizvedeniia: kniga stikhov / R.R. Bukharaev. Kazan: Magarif — Vakyt, 2011. S. 373–389.

7. *Кожевникова Р.Х.* Меж светом и тьмой: стихи и переводы разных лет. Казань: Татар. книж. изд-во, 2000. 223 с.

8. *Бухараев Р.Р.* Избранные произведения: книга стихов. Казань: Магариф — Вақыт, 2011. 415 с.

9. *Каримова А.* Перевод как священная обязанность // Казанский альманах. 2014. № 12. С. 34–43.

10. *Тлостанова М.В.* От философии мультикультурализма к философии транскulturации. М.: РУДН, 2008. 251 с. URL: <https://repository.rudn.ru/ru/records/manual/record/37778/> (01.09.22).

11. *Berry E., Epstein M.* Transcultural experiments: Russian and American models of creative communication. New York: St. Martin's Press, 1999. 340 p.

12. *Бахтикиреева У.М., Валикова О.А., Токарева Н.А.* На «Агоре» сегодня: подходы к изучению транслингвальной литературы. DOI 10.20339/PhS.6-21.263 // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 6 (2). С. 263–273.

13. *Ингарден Р.* Исследования по эстетике. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. 572 с.

14. *Изер В.* Процесс чтения: феноменологический подход // Современная литературная теория: антология. М.: Наука: Флинта, 2004. С. 201–224.

15. *Левый И.* Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974. 397 с.

16. *Мусабекова Р.Р.* Кожевникова Р.Х. // Татарская энциклопедия: в 6 т. Казань: Ин-т татар. энциклопедии АН РТ, 2006. Т. 3. С. 343.

17. *Загидуллина Д.Ф.* Татарская литература 1960–1980 гг.: авангардные поиски и эксперименты. Казань: Татар. книж. изд-во, 2015. 383 с.

18. *Сарчин Р.* Наятия Розы Кожевниковой. URL: <https://stihi.ru/2014/05/29/7802> (01.09.2022).

19. *Гаташ Р.К.* Избранные произведения: в 3 т. Т. 1: Стихи, лирические циклы, лирические письма. Казань: Татар. книж. изд-во, 2009. 239 с.

20. Современная татарская поэзия / пер. с татар.; сост. Л. Газизова, С. Малышев. Казань: Татар. книж. изд-во, 2008. 480 с.

21. *Аmineva V.P., Mizhit L.S.* Субъектно-образные структуры в татарской и тувинской поэзии 1970–1990-х гг. // Новые исследования Тувы. 2021. № 1. С. 228–254. URL: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.13>.

22. *Ганиева Р.К.* Татарская литература: традиции, взаимосвязи. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. 272 с.

7. *Kozhevnikova R.Kh.* Mez h svetom i t'moi: stikhi i perevody raznykh let. Kazan: Tatar. knizh. izd-vo, 2000. 223 s.

8. *Bukharaev R.R.* Izbrannye proizvedeniia: kniga stikhov. Kazan: Magarif — Vakyt, 2011. 415 s.

9. *Karimova A.* Perevod kak sviashchennaia obiazannost' // Kazanskii al'manakh. 2014. No. 12. S. 34–43.

10. *Tlostanova M.V.* Ot filosofii mul'tikul'turalizma k filosofii transkul'turatsii. Moscow: RUDN, 2008. 251 s. URL: <https://repository.rudn.ru/ru/records/manual/record/37778/> (01.09.22).

11. *Berry E., Epstein M.* Transcultural experiments: Russian and American models of creative communication. New York: St. Martin's Press, 1999. 340 p.

12. *Bakhtikireeva U.M., Valikova O.A., Tokareva N.A.* Na "Agore" segodnia: podkhody k izucheniiu translingval'noi literatury. DOI 10.20339/PhS.6-21.263 // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly. 2021. No. 6 (2). S. 263–273.

13. *Ingarden R.* Issledovaniia po estetike. Moscow: Izd-vo inostr. lit., 1962. 572 s.

14. *Izer V.* Protsess chteniia: fenomenologicheskii podkhod // Sovremennaia literaturnaia teoriia: antologiia. Moscow: Nauka: Flinta, 2004. S. 201–224.

15. *Levyi I.* Iskusstvo perevoda. Moscow: Progress, 1974. 397 s.

16. *Musabekova R.R.* Kozhevnikova R.Kh. // Tatarskaia entsiklopediia: v 6 t. Kazan: In-t tatar. entsiklopedii AN RT, 2006. T. 3. S. 343.

17. *Zagidullina D.F.* Tatarskaia literatura 1960–1980 gg.: avangardnye poiski i eksperimenty. Kazan: Tatar. knizh. izd-vo, 2015. 383 s.

18. *Sarchin R.* Naitiia Rozy Kozhevnikovoi. URL: <https://stihi.ru/2014/05/29/7802> (01.09.2022).

19. *Gatash R.K.* Izbrannye proizvedeniia: v 3 t. T. 1: Stikhi, liricheskie tsikly, liricheskie pis'ma. Kazan: Tatar. knizh. izd-vo, 2009. 239 s.

20. Sovremennaia tatarskaia poeziia / per. s tatar.; sost. L. Gazizova, S. Malyshev. Kazan: Tatar. knizh. izd-vo, 2008. 480 s.

21. *Amineva V.R., Mizhit L.S.* Sub'ektno-obraznye struktury v tatarskoi i tuvinskoi poezii 1970–1990-kh gg. // Novye issledovaniia Tuvy. 2021. No. 1. S. 228–254. URL: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.13>.

22. *Ganieva R.K.* Tatarskaia literatura: traditsii, vzaimosvizi. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta, 2002. 272 s.

Аmineva Венера Рудальевна,

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания Казанский (Приволжский) федеральный университет; ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН

Amineva Venera R.,

Doctor of Philology, Professor of the Russian Literature and Methods of its Teaching Department Kazan (Volga region) Federal University; Leading Researcher Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

e-mail: amineva1000@list.ru

Феномен русского поэта Павла Васильева: свой среди «СВОИХ» и «ЧУЖИХ»

Рассмотрено творчество выдающегося русского советского поэта Павла Васильева, выходца из Зайсана — казахской глубинки, вобравшего в себя как казахскую, так и русскую культуру. Уделено внимание изучению фигуры «русского азиата» Павла Васильева как поэта «литературы пограничья», евразийского, трансграничного автора (в противовес трактовкам о билингвальной основе его творчества). Проведены параллели с данными исследований казахстанских филологов, показана значимость фигуры поэта для казахов, воспринимающих его исключительно «своим» поэтом. Проанализирована специфика поэтического языка Павла Васильева — наличие динамического художественного образа, который строится на временном или пространственном движении, на сопоставлении движущегося и неподвижного. Отличительной особенностью поэтического языка Павла Васильева признано соотношение неподвижности, статичности образа и образа движущегося, развивающегося, а именно: часто еле уловимое по своей скорости движение оказывается обозначением какого-либо энергичного действия, чем еще больше подчеркивается динамика текста. Соответственно, одними из основных концептов поэта являются концепты «ветер», «конь», «река», связанные с движением, динамикой. Солнце, как важный элемент мироздания, также нашло отражение в художественной картине мира Павла Васильева. Рассмотрено индивидуально-авторское воплощение концепта «солнце» в творчестве поэта.

Ключевые слова: когнитивный, концепт «солнце», авторский текст, национальная картина мира, этнокультура, евразийский поэт, национальная vs культурно-языковая идентичность, динамика, трансграничный, «русский азиат», Павел Васильев.

The article analyzes the literary works of the outstanding Russian Soviet poet Pavel Vassilyev, the native of the Kazakhstan hinterland, who incorporated two cultures, both the Kazakh and the Russian one. The attention is paid to the so-called 'Russian Asiatic' P. Vassilyev's image, the poet is appreciated as a Eurasian author, as well as a 'borderland literature' / transborder poet (opposite to the settings on his bilingual background). There made the attempts to draw a parallel between the Kazakh and Russian philologists' data, the validity of the poet's figure for the Kazakh perceiving him as their native is illuminated. P. Vassilyev's poetic language is also under analysis: it is the existence of the dynamic literary image which appears in the frameworks of movement, both in time and space, on contradiction of movable / moving and static ones. The specific thing of P. Vassilyev's poetic language is the counterbalance between the active and passive, the mobile and immobile, when the non-visible action turns into an action full of energy, thus, it merely intensifies the text dynamics. That is why the poet's key concepts are wind, horse, and river which are closely connected with dynamics. The sun as a relevant element of the Universe is also marked in Pavel Vassilyev's poetry, the authors deal with the way of this concept manifestation by the poet within his poetic world.

Keywords: cognitive, 'sun' concept, the author text, national world picture, ethnic culture, Eurasian poet, national vs. lingua-cultural identity, dynamics, transborder, 'Russian Asiatic', Pavel Vassilyev.

Появившееся в 1960-е гг. и окончательно сформировавшееся в 1980-х такое направление языкознания, как когнитивная лингвистика, и на сегодняшний день занимает ведущее место в когнитивной науке, притом что уже давно выделилось из нее в самостоятельную область исследования, разделившись, в свою очередь, на несколько направлений: культурологическое, лингвокультурологическое, философско-семиотическое и др. В фокусе внимания когнитивной лингвистики «находятся многочисленные проблемы, связанные с получением, обработкой, хранением, извлечением знаний и оперированием знаниями, относящиеся к их накоплению и систематизации, их росту, ко всем процедурам, характеризующим использование знания в поведении человека и, главное, его мышлении и процессе коммуникации» [1. С. 41].

В когнитивной семантике понятие «концепт» имеет достаточно много определений. Определяли концепт С.А. Аскольдов, и А. Вежбицкая, и Д.С. Лихачев, и Ю.С. Степанов, и В.И. Карасик, и многие другие исследователи. В определение закладывались и смысловое значение знака, и ментальные образования, и выражаемое, и вербализуемое, и проявление «коллективного бессознательного», и противопоставление «идеальное — действительное».

У В.А. Масловой также отмечается дихотомия, двунаправленность в трактовке понятия:

...это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры. Концепт, отражая этническое мировоззрение, маркирует этническую языковую картину мира и является кирпичиком для строительства «дома бытия» (по Хайдеггеру) <...> некий квант знания, отражающий содержание всей человеческой деятельности. Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека (по Д.С. Лихачеву). Он окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом [2. С. 47].

Другими словами, в концепте преломляются языковое (общее) и специфическое (особенное), концепт что-то значит, если пропущен через авторское понимание, авторское мироощущение, «представляет собой творческое переосмысление <...> фактов, событий, происходящих в обществе и представленных писателем в созданном им мире» [3. С. 42].

Обратимся к творчеству выдающегося русского поэта Павла Васильева, чья судьба связана с Казахстаном и Россией и в чьем творчестве соединились две культуры. Он родился в Зайсане, жил в Павлодаре и Семипалатинске [4. С. 38], печатался под псевдонимом Мухан Башметов. Несмотря на то что дальнейшая его судьба уже была тесно связана с Россией (Омск, Дальний Восток, Новосибирск, Москва), его поэтическая картина мира сродни есенинской, т.е. является исключительно русской, а сам поэт декларирует свою принадлежность к русской культуре, определяет свою национальную идентичность как русскую, важно подчеркнуть, что у казахов фигура Павла Васильева («русского азиата», как его называют) всегда занимала особое место: его знают, любят, читают. Его имя присвоено казахстанским школам, музеям, в его честь названы улицы. Лирику Павла Васильева исследуют многие казахстанские филологи (М.К. Акишева, О.А. Иост, Т.М. Кангужина, И.В. Козлов, П.Д. Поминов, К.Х. Рахимжанов, З.К. Темиргазина, В.И. Хомяков, С.К. Шаймарданова и др.), особенно павлодарской школы; изучению его творчества посвящают научные конференции, о нем написаны монографии, на эту тему защищены докторские диссертации. Прививается интерес к творчеству поэта и в казахстанских школах, где портрет Павла Васильева обязательно висит на стене в классе вместе с портретами других казахских писателей. Почему это так — вопрос риторический: для казахов на уровне «коллективного бессознательного» Павел Васильев — «свой». И не потому, что Васильев в каком-то смысле билингвальный автор: да, действительно, он владел наравне и казахским, и русским языком (а этот аспект часто педалируется казахстанскими исследователями). Дело в другом: не в билингвальности, а в «пограничности» («литература пограничья» — термин Д. Новохатского), в имплицитной принадлежности к двум культурам одновременно, в европейско-азиатском мышлении на уровне исторической памяти, в ощущении себя частью этого мира без риска быть растворенным в какой-то из культур, без риска потерять самоидентификацию. Безусловно, в этом смысле этнически русский Павел Васильев — евразийский, трансграничный поэт. И не случайно, что видный представитель уже упоминавшейся павлодарской школы З.К. Темиргазина, анализируя взгляды исследователей на нетождественность проявления национальной (стабильной) и культурно-языковой (гибкой) идентичностей, обращает внимание на то, что поэт в своих стихах демонстрирует «гибкую культурную идентичность, перманентно сохраняя этническую» (курсив наш. — Н. К., Л. Т.) [5. С. 34].

Язык лирики Павла Васильева не может не привлекать внимания, в нем национальные (культурные) концепты проходят через призму авторского восприятия поэта. Текст автора выявляет слова, за семантикой которых — концептуальная информация, авторское мироощущение. Данное исследование посвящено изучению концепта в художественном мире Павла Васильева. Обращение к произведениям поэта показывает значимость концепта «солнце» для концептуальной картины мира Павла Васильева. Концептуальный анализ

«солнца» позволяет представить особенности его репрезентации поэтом. Чтобы раскрыть эти особенности, необходимо выявить специфику указанного концепта в национальной картине мира.

Солнце всегда имело огромное значение для мировой культуры: древнегреческий бог Гелиос; олицетворение солнца на земле — древнеримский Аполлон, он же «лучезарный» Феб; египетский бог солнца Ра; месопотамский (вавилонский) бог солнца Шамаш; языческий славянский Дажьбог, или Ярило. Для древних людей (как языческих верований, так и принадлежащих монотеистическим течениям) солнце — божество, высшая сила, поскольку дает человеку тепло, свет, жизнь. В христианской религии Бога называли Солнцем правды; схожи его трактовки и в исламе, и в других религиях. Концепт «солнце», отражающий этническое мировоззрение, представлен в пословицах и поговорках. В.И. Даль в своем словаре приводит около 50 пословиц и поговорок с лексемой «солнце», в которых происходит наращение тех или иных сем. Например, семы «направление»; семы «время»; семы «независимость»: *Солнце восходит, часов не спрашивает*; семы «значимость»; семы «надежда»; семы «опасность» и даже семы «недостижимость, недоступность»: *Солнце в мешок не поймает*.

У С.И. Ожегова отмечены три основных значения: 1) небесное светило: *Земля — одна из ближайших к Солнцу планет. Определять время по солнцу. Есть правда под солнцем*; 2) свет; 3) что-то ценное (переносное значение).

Солнце у Павла Васильева уже становилось объектом исследования [6]. Попытаемся проследить, как концепт «солнце» представлен в авторском тексте, в художественном мире поэта. Следует отметить, что слово *солнце* и его производные (*солнышко, солнечный, солнечно*) встречаются у Павла Васильева не так часто, как, например, *степь, конь, ветер* и др., но это не снижает его значимости. В орбиту концепта включены и лексемы «заря», «закат», «огонь», «утро». Лексема «солнце» и другие лексеммы, входящие в семантическое поле концепта, имеют очень широкую сочетаемость с другими словами, например:

заря потекла	ветренный и огневой рассвет
пейте зарю	закатное золото
закат брызгал	настежь распахнута заря
солнцем украшено	застоявшийся холод зари
становитесь под солнцем	лисье рыжее солнце
закат плывет	красно солнышко
летит заря	заря боярская, холопья
рассвет даст огня в награду	солнце именинное
сияло солнце	костер твоей зари
солнце смех раздаривало	ветренный закат
заря поднимет бубен	пламень зари
спустился закат	тяжелое солнце
степь нюхала закат	теплый дым зари
рассвет лучища вытянет	высокие закаты
солнце тонет	солнце как песня
плескаясь в заре	медовая заря
солнце блещет	глухая заря.

Тематика поэзии Павла Васильева всегда разнообразна: это природа, родина, степь, любовь, труд. Но любое произведение поэта пронизано движением, энергией, которые могут быть ярко выраженными, представленными «внешними» средствами (глаголами движения, отглагольными существительными, номинативными предложениями), а могут быть скрытыми, когда мысленно взор как бы скользит, перемещается с предмета на предмет, охватывая огромные пространства. Поэтический язык Павла Васильева очень динамичен. По мнению исследователей, отличительной особенностью поэтическо-

го языка Васильева оказывается динамический образ, который строится на временном или пространственном движении и, что особенно интересно, на сопоставлении движущегося и неподвижного, что еще больше подчеркивает энергию языка поэта. Не случайно одними из основных концептов поэта являются концепты «ветер», «конь», «река», связанные с движением, динамикой. Почти каждое стихотворение Павла Васильева начинается каким-либо движением. Но это движения разной интенсивности: солнце может «сиять», «играть», «бить», «звенеть», «тонуть», «идти стороной», «похаживать», «подниматься», «вставать», «всходить» и др. В стихотворениях Павла Васильева используется большое количество глагольных форм, причем все глаголы, независимо от того, употребляются они в прямом или в переносном значении, имеют общие семы: «скорость», «быстрота», «энергия», «тревога». И даже не столь многочисленные существительные (*табуны, волны, река, жизнь*) и наречия (*без оглядки, с плеча*) связаны с движением. Еще одна черта поэтического языка Павла Васильева — обозначение двух действий-движений: первое — разрушение чего-либо, приводящее к полному уничтожению, дальнейшему исчезновению: *рас-садит, рас-ползется, рас-колот, раз-рывали, вз-рывая, вы-кипала*. Второе действие-движение — наоборот, постепенное возрастание, набухание, накопление сил, что приводит к созиданию и в конечном счете к жизни: *набухая, томится; взбухал, обрастая; настоящим квасом; бабы вынашивали животы*. Это движение не столь интенсивно, менее заметно, подспудно, но это только подчеркивает его масштаб, силу, мощь.

В поэзии Павла Васильева рождение, жизнь и умирание, смерть находятся рядом, пребывая в достаточно непростых динамических отношениях. Сцены насилия, жестокости можно часто встретить в произведениях автора, смерть — это всегда что-то разрывающее, разрушающее, расстреливающее. Но между смертью и жизнью не всегда ярко выраженное противопоставление; часто оно представлено как противопоставление искусственного, созданного человеком и природного, и в таких случаях иногда смерть и жизнь соединяются: Сибирь и большой город соединяются в сибирское Чикаго; природа/звери и электричество взаимодействуют, когда бусы из звериных клыков сменяются электрическими; железная дорога взрезает солончаки и курганы; пески обожжены сталью; ветви рельс перекипают соком. В некоторых случаях образы, традиционно связанные с жизнью, рождением, становятся смертельными, приводящими к окончанию жизни («...весна / <...> взрывая вздыбленные льды / <...> / Захлебнулась теменью воды»). Динамика поэтического текста автора создается не только сменой внешних действий, но и особой панорамностью, когда взгляд охватывает огромное пространство, перемещаясь за словом поэта. Чаще всего это движение вниз — вверх или вверх — вниз: земля, путь, песок, дно — небо, звезды, солнце («...Кругом песочек, солнце, ветер, / Кругом сухая тишина»). Но такая панорама может быть и в другом направлении — горизонтальном: вперед — назад, мимо, кружась. Тогда вся ширь — от края и до края — перед глазами («...Освещенная <...> светом, / Протянувшаяся к горизонту ширь»). Отличительной особенностью поэтического языка Павла Васильева является соотношение неподвижного, статичного образа и образа движущегося, развивающегося; часто еле уловимое по своей быстроте движение оказывается обозначением какого-либо энергичного действия, чем еще больше подчеркивается динамика текста. В любом случае динамика, подвижность становятся примечательной характеристикой поэтического языка поэта, его художественного мира. Такая сочетаемость с глагольными формами (упоминавшиеся «сиять», «играть», «бить», «звенеть», «тонуть», «идти стороной», «похаживать», «подниматься», «вставать», «всходить» и др., а также «заря потекла», «пейте зарю», «закат брызгал» и др.) позволяет выделить в поэзии Павла Васильева концептуальное поле «солнце», включающее в себя ряд составляющих.

1. Солнце как живое существо:

а) солнце — женщина, страсть: «Я знаю: от ступни и до виска / Есть много жилок, и попробуй тронь их — / Сейчас же кровь проступит на ладони, / И сделается тоньше волоска / Твое дыханье и сойдет на нет, / Там так темно, что отовсюду свет, / как рядом с солнцем может быть темно, / Темно до звезд, тепло, как в гнездах птичьих...» [7. С. 107]; «Густа, бесстыдна и невинна / девичья кровь, / В ней солнце есть / В ней есть желанья именины...» [Там же. С. 523].

У Натальи Васильевой, дочери Павла Николаевича, его биографа и исследовательницы его творчества, читаем: поэт «смело вторгается в самое сокровенное <...>. Он сравнивает земную и грешную с солнцем» [Там же. С. 29];

б) солнце — рачительный хозяин: «Солнце играет / В листьях кленовых, / Солнце похаживает / на дворе, / Бьет по хребтам / Тридцатипудовых / Рыжих волов, звенит на подковах / И на гусином / Крупном / Пере» [Там же. С. 187].

2. Солнце — вечность: «Солнце же множество множеств дней / Каждый день неизменно тонет / Для того, чтоб опять подняться / И сиять над нашей степью. / И сиять над каждой юртой / И над всем существующим сразу...» [Там же. С. 159].

3. Солнце — дом. Причем отношение к дому у Павла Васильева самое разное: от дома — детства, проведенного в учительской семье, укорененной в православной традиции, детства, которое вспоминается с любовью и нежностью, до дома — прошлого, тяжелого, от которого уходишь и которое хочешь забыть: «Под солнцем хорошо видна / У берегов цветная галька. / Свой гребень подняла волна / Крылом нацелившейся чайки...» [Там же. С. 75]; «И вразнойбой кричали петухи / В глухих сенях, что пьяные бояре, / Как день вставал сквозною кисеей, / Иконами и самоварным солнцем... / <...> / Ну что ж, пойдём по выжженным следам, / Ведь прошлое, как старое кладбище. / <...> / Я не хочу у прошлого гостить — / Мне в путь пора!» [Там же. С. 93].

4. Солнце — родина: «Жизнь здесь тесто круто замесила, / На улогах солнечной земли, / На песчаном прибрежном иле / Здесь рождались люди и росли» [Там же. С. 82].

5. Солнце в битвах и войнах (в поэме «Соляной бунт»): «Замолкни и вслушайся в топот табунный, — / По стертых дорогам, по травам сырым / В разорванных шкурах / бездомные гунны / Степной саранчой прилетают на Рим!.. / Тяжелое солнце / В огне и туманах, / Поднявшийся ветер упрямя и суров» [Там же. С. 125].

И обратное: солнце в противовес войне: «Кони отшатывались / От убога, / Им хотелось / Теплою губою / Хватать в конюшенной / Тьме овес, / Слушать утро / У водополя / В солнце / И долгом гуденье ос» [Там же. С. 203].

Когда перед боем напряжение и ярость достигают высшей точки, солнце идет другой дорогой: «Злоба копилась / Вместе с слюной, / Солнце шло от них стороной, / Степь начала розоветь, / Пах туман парным молоком, / На цыпочки / Степь поднялась, / Нюхала закат каждым цветком, / Луч один пропустит боясь» [Там же. С. 208].

6. Солнце — будущее. Будущее связано у поэта с надеждой и верой в свет и доброту: «Проплывает туман давно, / Отвори, отвори окно! / Слушай, как тальник, отсырев, / Набирает соки заре. / Закипевшей листвой пыля, / Шатаются пьяные тополя, / Выходит рыжею головой / Раньше солнца подсолнух твой... / Утро, утро, сестра, встречай...» [Там же. С. 92]; «Я не хочу на прожитое выть, — / Но жду зарю совсем иную...» [Там же. С. 72]; «Мы пришли / К невидимой стране / Сквозь туннели, / По мостам горбатым, / При большой, как озеро, луне, / В солнце, / В буре, / В пляшущем огне, / Счастье вверив песне и лопатам» [Там же. С. 378].

Очень часто такое преломление в поэзии Павла Васильева приобретают лексемы «заря», «рассвет». Если солнце есть нечто постоянное, то заря и рассвет выражают изменчивость природы и мира: «По гривам ветреных песков / Пройдут на север караваны. / Над пестрою кошмой степи / Заря поднимет бубен алый» [Там же. С. 11].

7. Солнце — революция, которую поэт пытается понять. Здесь солнце яркое, шумное, кричащее. Рубленый ритм стихов, глаголы речи, звучания (*гудет, рокошет, кричали, исполнил марш* и др.) подчеркивают этот шум. Одновременно присутствуют образы, традиционно символизирующие неподвижность, статичность, являющиеся застывшим мгновением-ожиданием, после которого начинается стремительное разрушение, приводящее к уничтожению. Или идут ассоциации с неторопливым течением времени — и тут же цепь номинативных предложений с существительными, обозначающими быстрое, энергичное, разрушительное действие: *«Вот она, наша молодость, — поднята до утра / Улица Пятой Армии. Солнце. Гудок. Пора! / Поднято до рассвета солнце. Гудок. Пора!»* [Там же. С. 101]; *«Над большими ветвями, / Над косыми тенями / Солнце стоит. / Нет Дерова! / Нами убит! / Солнцем украшено / Наше знамя... / Те, кто борется / Вместе с нами, / Становитесь под солнце, / Под наше знамя!»* [Там же. С. 290]; *«Высоким солнцем нагрет, / Недаром Октябрьский ветер гудет, / Рокошет пятнадцать лет...»* [Там же. С. 371]; *«Ура! Кричали Комбинату / Кубань, / Кедровая Палата, / Черлак, / Лебяжье / И Китай. / Над степью августовской голой / Сияло солнце в злой пыли, / Оркестр / Исполнил марш веселый»* [Там же. С. 530].

8. Солнце — предмет (продажи, быта и др.): *«Там живут по-нашему, / В горнях полы крашены, / В пять железных кренделей / Сундуки окованы, / На четырнадцать рублей / Солнца наторговано!»* [Там же. С. 335]; *«...И появилась предо мной впервые / С подсолнухами, с травами в руках, / С базарным солнцем в черных волосах, / Раскрывши юбок крылья холстяные»* [Там же. С. 447].

Данные наблюдения позволяют представить следующий профиль концепта «солнце» в художественном стиле Павла Васильева. Семантическое поле концепта включает в себя определенные составляющие: предметно-конкретные (дом, быт, продажа), живые существа (хозяин, женщина) и отвлеченные понятия (война, мир, будущее). В некоторых случаях солнце приобретает даже символическое значение. Наблюдаются следующие семантические оппозиции: времени (солнце, заря как будущее и, наоборот, солнце и заря как символ детства, прошлого); пространства (солнце — дорога, солнце — дом, солнце как высокое и недостижимое); мира и войны (заря — кровь): *«Саблею небо руби с плеча, / Чтобы заря потекла по ней! / ...Под незрячим солнцем, / В мертвом мерцании лун»* [Там же. С. 450]; эмоций (солнце, заря — хорошее, радостное, новое, и в то же время солнце — тревога, мука).

Таким образом, концепт «солнце» в художественном мире Павла Васильева имеет как традиционное наполнение, получившее отражение в русской языковой картине мира (светило, направление, необходимость, надежда), так и индивидуально-авторское, свойственное только поэзии Павла Васильева (вечность, война, женщина, предмет и др.).

Литература

1. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знания о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
2. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2004.
3. Осетрова Е.В. Слухи в речевой и языковой действительности // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2003. Т. 62. № 1. С. 49–54.
4. Крылова Н.Ф., Талалова Л.Н. Русские национальные концепты в поэтическом языке П. Васильева // Русский язык в глобальном научном и образовательном пространстве: сб. материалов Междунар. науч. конгресса, 6–10 декабря 2021 г. Ч. 1. М.: ГосИРЯ им. А.С. Пушкина, 2021. С. 38–41.
5. Темиргазина З.К. Транскulturность и ее проявление в поэтике лирических текстов. DOI 10.22363/2618-

References

1. Kubriakova E.S. Iazyk i znanie: na puti polucheniia znaniia o iazyke: chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniia. Rol' iazyka v poznanii mira. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004.
2. Maslova V.A. Kognitivnaia lingvistika. Moscow: Flinta: Nauka, 2004.
3. Osetrova E.V. Slukhi v rechevoi i iazykovoi deistvitel'nosti // Izvestiia RAN. Seriiia literatury i iazyka. 2003. T. 62. No. 1. S. 49–54.
4. Krylova N.F., Talalova L.N. Russkie natsional'nye kontsepty v poeticheskom iazyke P. Vassilyeva // Russkii iazyk v global'nom nauchnom i obrazovatel'nom prostranstve: sb. materialov Mezhdunar. nauch. kongressa, 6–10 dekabria 2021 g. Ch. 1. Moscow: GosIRia im. A.S. Pushkina, 2021. S. 38–41.
5. Temirgazina Z.K. Transkul'turnost' i ee proiavlennie v poetike liricheskikh tekstov. DOI 10.22363/2618-897X-

897X-2021-18-1-29-43 // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 1. С. 29–43.

6. *Поцелуева Н.В.* Экспресема «солнце» в поэзии П. Васильева // Региональный компонент в творчестве российских и казахстанских писателей XX века: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной дню рождения П. Васильева и году Казахстана в России. Павлодар, 2003. С. 130–132.

7. *Васильев П.* Подымайся, песня, над судьбою! Рязань, 2001.

2021-18-1-29-43 // Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. 2021. T. 18. No. 1. S. 29–43.

6. *Potselueva N.V.* Ekspressema "solntse" v poezii P. Vassilyeva // Regional'nyi komponent v tvorchestve rossiiskikh i kazakhstanskikh pisatelei XX veka: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posviashchennoi dnu rozhdeniia P. Vassilyeva i godu Kazakhstana v Rossii. Pavlodar, 2003. S. 130–132.

7. *Vassilyev P.* Podymaisia, pesnia, nad sud'boiu! Riazan', 2001.

Крылова Наталья Федоровна,
кандидат филологических наук,
доцент,
доцент кафедры русского языка
и общих дисциплин
Государственный университет
управления, г. Москва

Krylova Natalya F.,
Candidate of Philology, Associate
Professor,
Associate Professor of the Russian
Language and
Basic Disciplines Department
State University of Management,
Moscow

e-mail: krylova.tasha@mail.ru

Талалова Лариса Николаевна,
доктор педагогических наук, доцент,
заведующая кафедрой русского
языка и общих дисциплин
Государственный университет
управления, г. Москва

Talalova Larissa N.,
Doctor of Pedagogy, Associate
Professor,
Head of the Russian Language and
Basic Disciplines Department
State University of Management,
Moscow

e-mail: talalova@gmail.com

Ономастическая транскультуральность в романе Хамида Исмаилова «Мбобо»

Рассмотрена специфика структурирования прямых рецензий и транскультурных референций в художественном иеротопическом проекте Хамида Исмаилова, в частности в системе ономастикона заглавия в романе «Мбобо». Внимание акцентировано на современном идентификационном кризисе явлений, связанных со стратегиями миромоделирования национальной картины мира полидомных писателей средствами «иной» культуры — лингвальной, образной, мифопоэтической. В методологию интертекстуального литературоведческого анализа введено понятие иеротопии «образ-парадигма», вычленен его символический концентр «слово» и соотнесены семиотические и семантические смыслы заглавия романа и отдельных глав с целым рядом очевидных и неочевидных интертекстов и метатекстов: национальная ономастическая традиция, литературная традиция, социокультурная и религиозная коннотация и др. Описан транскультурный подход как новый метод в изучении национальной художественной картины мира полидомных и полилингвальных писателей.

Ключевые слова: «Мбобо», ономастикон, образ-парадигма, слово, транскультурная литература, художественная иеротопия, Хамид Исмаилов, андеграундное сознание.

The article examines the specifics of structuring direct receptions and transcultural references in the artistic hierotopic project of Hamid Ismailov, in particular in the system of the onomastic of the title in the novel "Mbobo". The author focuses on the modern identification crisis of phenomena associated with the world-modeling strategies of the national picture of the world of polydomic writers by means of a "different" culture — lingual, figurative, mythopoetic. Researcher introduces the concept of hierotopy "image-paradigm" into the methodology of intertextual literary analysis, identifies its symbolic concenter "word" and correlates the semiotic and semantic meanings of the title of the novel and individual chapters with a number of obvious and non-obvious intertexts and metatexts — national onomastic tradition, literary tradition, socio-cultural and religious connotations, etc.

Keywords: "Mbobo", onomasticon, image-paradigm, word, transcultural literature, artistic hierotopia, Hamid Ismailov, underground consciousness.

Введение

Одной из важнейших идентификационных проблемных зон в современном литературоведении становится творчество полидомных писателей, сопряженных по национальным, лингвальным и иным характеристикам с инонациональными «межлитературными общностями». В результате процессов естественной транскulturации, обусловленной их полилингвальностью и полилитературностью (термин Д. Дюришина), эти писатели создают особую модель национального «материнского» мира через «чужой» язык, обретающий статус ментальной эпистемологической идентичности. Транскультурный эстезис с выходом на коррелирующие, но не тождественные явления транслингвизма, полилитературности, мультикультурализма имеет целью представить ту или иную национальную картину мира через художественную миромодель. Но главным становится вопрос: в системе какого языка? Так на постсоветском пространстве образовалось целое поколение писателей, образно репрезентирующих материнскую национально-культурную картину мира средствами нематеринского, но вторичного «родного» русского языка. Условно их обозначают как «русскоязычных» писателей. Однако казус в том, что этим же термином часто обозначают и писателей с русским «материнским» языком, русских по происхождению, но пишущих русский текст в чужом иноэтнонациональном пространстве. На сегодняшний день наиболее активно используется другой идентификационный термин — «транскультурный писатель», акцентирующий в качестве эстетической доминанты не лингвальный признак, а генетический миромоделирующий код, сопряженный с материнской национальной культурой. В исследованиях уже отмечалось, что подобный яркий образец трансформации полилингвальности и полидомности в транскulturность представляет собой творчество современного писателя Хамида Исмаилова [1; 2].

Метафигуральные и интертекстуальные стратегии транслитературности становятся его визитной карточкой. В метатекстуальном дискурсе они могут быть проявлены в системе практически

всех уровней текста, в том числе через транскультурный ономастикон заглавия, как, например в романе Хамида Исмаилова «Мбобо». Интертекстуальные референциальные коды ономастикона романа в большей мере, чем прямые рецепции, соотносимы с полиязыковым и плюрикультурным пространством в силу особой полидомной принадлежности писателя узбекской (шире — восточной), русской и западноевропейской межлитературным общностям. Несомненно, что референциальная транскulturация реализуется в первую очередь в системе этих культурных парадигм, что происходит, по мнению современных исследователей, «с целью акцентации на аналитических текстовых исследованиях непосредственных авторских (а не читательских восприимчивых) первичных мифических концептов и их неомифологических ретрансляций, позволяющих выстроить не столько рецептивно-интерпретационный интертекст, сколько историко-генетический контекст, аналитически выводящий на кодовый генезис авторского неомифа» [3. С. 259].

Результаты анализа и их обсуждение

В постсоветскую эпоху сформировалась новая форма бытования транскультуры писателя-эмигранта (как правило, бывшего представителя андеграунда), пишущего на русском языке, но ретранслирующего «материнскую» национальную картину мира на уровне транскультурных мифопоэтических, социокультурных рецепций и референций. Это определило сложнейший кризис идентификации и дефиниции такой литературы, как транскультурная, русскоязычная, би/полилингвальная, би/полилитературная, полидомная, транснациональная и др.

Так, выработка транскультурного эстетизма для Хамида Исмаилова становится способом обнаружения своего собственного ре-экзистенцированного «бытия-во-мне». Это сложнейший процесс транскulturации творческого сознания и экзистенциального самосознания через деколонизацию мышления. Одна из исследовательниц феномена деколонизального, Мадина Глостанова, пишет:

Ре-экзистенция — эффективная деколонизальная стратегия: когда человек существует в сердцевине колониальной матрицы в качестве иного и бесправного, для него включение и активная переработка звуков, запахов, цветов и вкусов его предков, пересоздание систематически отрицавшихся в модерности форм взаимодействия с миром бытия, ощущения становятся необходимостью, чувственным откликом противостояния колониальности и выстраивания собственной экзистенции заново и вопреки [4. С. 94–95].

Деколонизальный поворот постколониальной эпохи в значении «сравнительно нового движения критической мысли, ставящего под вопрос логику и систему существующего знания» [Там же], совпал у Хамида Исмаилова с ментальной и экзистенциальной деколонизацией «творческой матрицы», конципирующей транскulturность как основу авторского шифра. Писатель отмечает:

...преодоление этого кризиса, наверное, и есть творчество. У меня очень много брошенных произведений, потому что в какой-то момент я начинаю чувствовать, что повторяюсь. Что такой тон был взят мною в другом произведении. У меня есть роман «Мбобо». Он был опубликован в журнале «Дружба народов» как один из лучших постмодернистских романов XXI века. Это рассказ об африканском мальчике, своего рода Пушкине, который появился в 90-е годы прошлого столетия. Что случилось бы, появившись Пушкин с его абиссинскими кровями в Москве в момент развала СССР? Это трагический рассказ об этом ребенке. Написав 40 страниц, я вдруг почувствовал, что повторяю одну из предыдущих своих историй. Тогда я перестал его писать. Прошел год, и я нашел ключ к этому произведению. Через этого мальчика я понял, что в произведении на самом деле идет речь о любви к Москве. Я восемь лет прожил там, и она стала для меня родным городом, поэтому где-то я должен был выписать свою горькую любовь к ней. Горькую потому, что мне было там трудно, жестоко, но тем не менее я жил. В итоге я написал совершенно новую вещь [5].

Россия и русский язык (в романе фиксированные в локусе-образе «Москва») как некий центр «чужой» российской пространственной и вторичной «родной» языковой идентичности одновременно играют важнейшую роль в системе метакодов «андеграундного сознания» Хамида Исмаилова. У Бахтикиреева отмечает, что «языковые изменения в результате контакта языков не ограничиваются грамматикой, лексикой, стилем и дискурсом. Они выходят за пределы данных уровней системы языка и затрагивают литературное творчество представителей разных культур» [6. С. 94–95].

Не случайно роман «Мбобо» начинается с конгенитальной ономастической метафоры «Москва» с двумя коррелятами: «локус» — «мать героя»:

Я — нагулянный сын Москвы. Мать моя — уроженка какого-то сибирского городка, то ли Абакана, то ли Тайшета, носившая в паспорте это странное имя — Москва (хотя все звали ее за глаза Марой, Марусей), понесла меня от одного из дружественных спортсменов-африканцев в год московской Олимпиады, а может быть и раньше, на стадии подготовки к ней. <...> Мать моя умерла, когда мне было восемь, я сам — четыре года спустя. Вот и вся моя московская жисть. А все остальное — одни тленные, позднего цветения воспоминания... [5].

Имя собственное Москва в значении «мать Мбобо» встраивает в архитектуру ономастического кода главного героя важнейший знак русского/российского *genius loci*. Смерть Москвы-матери тем самым референциально выводит читателя в смысловое пространство эпохи распада «вавилонского», смешанного, полиязыкового/национального Советского государства, в котором Москва была матерью всех «городов русских», но и нерусских тоже (*национальных локусов-сынов*), по имперской логике. Так, оним «Мбобо» в своем социокультурном семантическом значении может быть соотносим с распадающимся имперским миром символического «братского народа». С этого распада начинается построение нового мира, семиотически воплощенного в расщепленном сознании Мбобо, стремящегося обрести свою идентичность, но цепляющегося за память «материнского» рода, принесшего ему ощущение сиротства, бескровности, неукорененности, потери самого главного — знания/памяти о семье, о корнях своего личного рода.

Авторский ономастикон заглавия Хаида Исмаилова метаконцептуален и представляет собой систему текста и интертекста, в которой все уровни романа взаимосвязаны через ключевые концепты онимов «Москва» и «Мбобо», закрепляемые семиотикой образа-парадигмы «слово». Важно совпадение первых букв *М*, подчеркивающее некое вербальное (т.е. языковое «русское») родство матери и сына, которое со смертью героини обрывается, но остается фиксация генома языкового *genius loci* в андеграундном сознании Мбобо, позиционируемом писателем как сакральное.

А.М. Лидов вводит впервые понятие «образ-парадигма» как ключевой методологический инструмент анализа образной структуры сакральных пространств [7]. Методология обозначена автором как *иеротопия* (создание конкретных сакральных пространств), понимаемая как форма сознательной творческой деятельности, как своего рода искусство сотворения мира (в нашем случае) словом. Согласно этому концепция художественной иеротопии рассматривается нами как принцип моделирования особых сакральных пространств, понимаемых как «особая сфера творчества и самостоятельная область исторических исследований» [Там же. С. 4]. Исследователь А. Охоцимский отмечает, что «"образ-парадигма" — это смысловой стержень иеротопического проекта, являющийся средством коммуникации между творцами сакральных пространств и их зрителями-участниками. Образ-парадигма в иеротопическом контексте — это образ-видение, вдохновляющий создание конкретного сакрального пространства и вызываемый в сознании воспринимающих его верующих. Эта категория пространственных образов не принадлежит сфере символического в узком смысле: они связаны с восприятием сакрального пространства в его образной целостности, а не с конкретным предметом-символом» [8. С. 37].

Таким образом-парадигмой сакрального пространства становится в романе Исмаилова андеграундное пространство антимира (метро), которое утрачивает направленно-культурологическую семантику и представляется в романе как некое экзистенциальное культурное «подполье» с ментальными «андеграундными» коннотациями «расщепленное сознание личности и культуры», «транснациональный маргинал», «транскультурный герой» и др. Охоцимский считает, что «образы-парадигмы существенно опираются на предыдущие знания и опыт, полученные в течение религиозной жизни верующего. Они вызываются не иллюстративно, а ассоциативно» [Там же].

На наш взгляд, в системе художественной иеротопии романа Исмаилова построение сакрального пространства реализуется через ключевой концепт «слово», закрепляемый в семантике текста через прямые интертексты универсальной модели «вначале было слово...» и ассоциативно

через рецептивные референции-мифологемы, связанные с религиозно-философской культурой, и референции-историсофемы, соотносимые с феноменом «андеграунда в эмиграции». Ключевым концептом представленного образа-парадигмы сакрального пространства «андеграундное сознание», несомненно, становится ономастический знак Мбобо, акцентируемый Исмаиловым и сильной смысловой позицией заглавия романа. Кроме того, концепт образа-парадигмы «слово» структурирует в единое целое «сакральное пространство-сознание», или (в иной терминологии экзистенциализма) «сознательную пространственность» (М. Хайдеггер), весь текст романа посредством особой формы «алфавитных» заглавий, достаточно активно разрабатываемых в литературе XX в. Принцип идентификации прямых рецепций и непрямых референций соотносится с авторской установкой на создание транскультурного семиотического интертекста, дающего возможность через ассоциативные поиски смысловой семантики ономастикона образа-парадигмы «слово» обнаружить смысловой стержень художественного иеротопического проекта Хамида Исмаилова.

Первая глава романа, «Хиазм» (от *греч.* Chiasmus — крестообразный; вид параллелизма, своеобразное построение предложения, когда в первой его половине слова расположены в одной последовательности, а во второй — в обратной [9]), понимается как метод построения и прочтения ономастикона. Включаясь в процесс семантической игры, предложенной автором сильной смысловой позицией заголовка первой главы (первая литера, т.е. буква), получаем в процессе ономастической декомпозиции (перестановки слогов в ониме) «семантически осложненный хиазм» [10] имени главного героя Мбобо — Бобом, узбекское слово, в переводе означающее «мой предок рода». Парадокс! Именно его-то у «нагулянного сына Москвы» нет. Перепрочитывая хиазм заглавного онима, имя Мбобо можно разбить на две части: М-бобо, смысловой коррелят русского онима «дед М». Префикс «бобо» в узбекских именах собственных может таить и пожелание «чтоб был похож на деда» (глубже — предков, Праотца), «чтоб был такой же, как и они, чтоб не опозорил их доброго имени». Интересно, что тогда можно рассматривать имя героя в значении «быть похожим на М». Так как отец героя точно неизвестен, это означает также «быть похожим на М», но на мать — «Москва (хотя все звали ее за глаза Марой, Марусей)».

Важность значения буквы имени подчеркнута композицией романа, в котором главы обозначены как «литеры», т.е. устаревшее название буквы, которое может быть и частью адреса для идентификации здания-дома. Этимология «М» дополняется коннотацией: мальчик такой же многоликий и разный, как она... Москва если и не его «отцовский» род, то его «родной» дом, часть его сознания. Глубинное культурное сознание метафизическое, поскольку выражено «сакральной пространственностью» антимира — метро (в значениях *загробный мир, культурный андеграунд*), это сознание русского андеграунда и узбекской эмиграции XX в., пытающееся укорениться в чужих мирах в противостоянии с властью, в попытке создания иной, неофициозной культуры, продолжающей модель «уединенного сознания» постсимволизма (В. Тюпа). Этот культурный андеграунд/эмиграция и есть главный центральный «внутренний» текст метафизики Хамида Исмаилова. Мбобо — некий симулякр, пракод которого — в его отсутствии. Это образ человека без корней, без глубинной национальной памяти. Как тут не вспомнить лирического героя поэтической «Книги Отсутствия» Хамида Исмаилова. По сути, Мбобо — это метафизикальный гетероним автора. Отсутствие «я» подкреплено отсутствием мира-пространства, замещенного в романе образом городского метро:

И не потому, что, когда тебе исполнилось пять лет, протрезвевшая мать за неимением денег подарила тебе разноцветную схему метро и сказала: «Это твой портрет, мое топырчатое солнышко, Мбобо!» <...> Позже мой первый отчим, которого мама велела называть не дядь-Глебом, а уже «папой», подарил мне книгу с рисунками сказочного подземного города под названием «метро», а потом и букварь с похожими картинками. <...> В те же три или четыре года мне приснился подземный город, полный разноцветных огней. Причем именно в силу своей подземности или подпольности он был расцветен куда ярче, чем все то, что я видел наяву, и почему-то именно этот город мне хотелось назвать самым близким мне словом — «Москва». Лампочки светили в нем как звезды, гранит и мрамор сверкали благородной полировкой, и в нем была та особая нездешность, когда даже темнота становится теплой и жилой [5].

В отличие от сокращенной журнальной публикации романа «Мбобо» [11], в которой главы обозначены просто как «литеры», без названия (за исключением первой — «Хиазм»), в полном варианте каждая глава-литера имеет дополнительную номинацию: литера первая «Хиазм»; литера вторая «Арка»; литера третья «Модель»; литера четвертая «Истерия»; литера пятая «Долготы»; литера шестая «Истома»; литера седьмая «Скитание»; литера восьмая «М»; литера девятая «Ассонанс»; литера десятая «Йота»; литера одиннадцатая «Лета»; литера двенадцатая «Омут»; литера тринадцатая «Веч...».

На первый взгляд заглавные номинации Хамида Исмаилова соотносятся с определенной традицией «алфавитной» заглавной ономастики. Главы в романе-антиутопии Т. Толстой «Кысь» номинированы буквами старославянского алфавита, концептуализирующего образно-лингвистическую композиционную специфику построения «мироподобной» архитектоники романа, отражающей ценностно-национальные координаты русского бытия. В повести-притче «Глиняные буквы, плывущие яблоки» С. Афлатуни буквы-образы обеспечивают «мироприемлющее начало» национального мироздания, которое определяется «уважительно-бережным отношением к живым человеческим душам, к тем феноменам национального бытия, которые обладают неоспоримой ценностью» [12. С. 7]. Таким феноменом становится позиционирование особого «глиняного» мироустройства узбекского национального Дома-бытия. Глиняные дома, окруженные высокими глиняными дувалами¹, образующими узкие и кривые улочки глиняного города, создавали сакральный потаенный мир узбекского народа, а теперь стали символами искорененности, отчужденности «людей листопада». Глиняные буквы мусульманского алфавита, кодирующие древнюю национальную семантику в ономастиконе, становятся образом изломанного современной историей национального миробытия, по определению Э.Ф. Шафранской, «новой мифологией повседневности “глобальной деревни”» [13. С. 139]. Буквы-образы в текстах Т. Толстой и С. Афлатуни есть способ создания художественного мифомироподобия как «некоего аналога упорядоченного, целостного бытия» (В. Хализев).

Есть и иная мифостратегия «буквенной» архитектоники текста: моделирование распавшегося «тайного», «подпольного», «андеграундного» бытия. В повести Сигизмунда Кржижановского «Клуб убийц букв» герои-авторы, скрывающиеся за бессмысленными буквенными масками: Зез, Дяз, Тюд, Хиц, Шог, Фэв, Рар, организуют некое тайное сообщество, играющее культурными кодами и через их разрушение сотворяющее новые миры-смыслы. Авторы ненаписанных произведений и есть рассказчики — «убийцы замыслов». В основе антиутопии Кржижановского буквы становятся способом структурирования эсхатологических антиценностей этого мира, разрушающих ценность личности, ее целостность, превращающих человека в пресловутого «эксона»-овоща. В романе Хамида Исмаилова содержится ответ на вопрос, как избежать этого, — уйти в андеграунд, где литера — это не буква, а литература «собраний утонченных» как «создателей замыслов»: в традициях Ф. Достоевского — исправить, восстановить «рефлексирующего» человека, возродить через букву-слово-литер(атур)у в нем Божий образ, найти его в новых условиях «треснувшего» бытия, распавшейся культуры; в соответствии с суфизмом — найти тот духовный путь совершенствования, который определит новые ценности для «национал-маргинального интеллигента».

Суфийские коннотации заглавного онима прослеживаются и на уровне транскультурных референций онима «Султан Ваис Бобо». Это один из самых известных современников пророка Мухаммада, мусульманский подвижник Увайса аль-Карани. Опираясь на узбекскую традицию наделять мудрецов приставкой «бобо» (старец), в Хорезме его прозвали Султан-бобо. Для наших смысловых транскультурных корреляций важно то, что с именем святого связывают одно из важнейших сакральных пространств для религиозной культуры суфийского движения в Центральной Азии: на горе находится святое место, в котором Султан-бобо вымаливал у Всевышнего прощение для всех мусульман. Так, за счет наложения семиотики двух онимов

¹ Дувал — забор или стена из глины (глинобитный), распространенный в Средней Азии, служащий для отделения внутреннего двора дома от улицы. Дувал строился вокруг домиков и дворов, распространен в кишлаках (деревнях) и в частной застройке гордов, именуемой на сегодняшний день «старым городом».

хронотоп «метро» (*подземный мир / культура андеграунда*) жизненного пространства Мбобо (*в котором содержится экзистенциальный знак культурного кода суфия Султан-бобо*) обретает особый смысл: «метро как духовная высота». Прозрачна здесь и семиотика прощения через «приближение к Божественному», мыслимое в православии как духовная скрепа «русского мира». Соединение знаков двух культур в смысловом поле имени Мбобо очевидно. Кроме того, иеротопическая специфика святилища Султана Ваиса Бобо определена тем, что мавзолеей окружен «лабиринтным» мазаром (кладбищем), являющимся для суфиев сакральным местом духовной силы. В романе, в свою очередь, иеротопия подземного метро обозначена сакрализацией метафоры культуры андеграунда как духовного знака противостояния имперскому, разрушительному, уничтожающему родовое начало, — мысль, трагически фиксируемая ублюдком Мбобо (со словарными значениями: *ублюдок* — байстрюк, б... сын, незаконнорожденный, помесь, гад, подлец, подонок, скот, урод, сволочь, мерзавец, выродок, скотина, сука и т.д.) в междометии «увы»:

При всей своей хакасско-негритосской ублюдочности, увы, я родился воплощением русской литературы. И не потому, что дядя Глеб величал меня сызмальства «братцем Пушкиным», а детский сад обзывал Пушкином, и не потому, что чуть ли не с пеленок я читал украдкой все мамини книги: от «Битвы в пути» до «Иду на грозу», и даже не потому, что жизнь лепила из меня не то чтобы свой «совершенный орган», а напротив, бесформенную бессмыслицу, полную боли и страдания, нет! А потому, что возьму и не скажу почему! [5].

В романе «Мбобо» каждая глава обозначена как «литера», но не определена ономастически, а только пронумерована. Писатель словно заново создает новый алфавит, буквы которого обозначены названиями станций метро; проговаривая их, он сотворяет некий новый мир и нового человека — подпольного героя андеграундного мироздания, в котором литера-литература есть форма сознания, раскрывающаяся автором через семантику названий станций метро, представленных как некие бытийные социокультурные коды. «Вначале было слово, и слово было мир». Каждая отдельная глава, обозначенная литерами (часть из них — словами, часть — буквами), имеет дополнительный подзаголовок и содержит в себе также внутренний текст с другими вложенными внутренними текстами, которые обозначены не только локальными текстами (дневниковые записи, рассказы, письма...), но и «семантикой» литеры, создающей состояние пространства андеграунда, в которое помещено сознание Мбобо: истерия, скитание, смерть. И тут важно заметить, что литера шестая «М», отрывающая все же «М» от «бобо», усиливает ощущение отчаянного сиротства, отчужденности, изгойничества. Глава о потере дома, которого никогда и не было:

В год своей смерти мама моя — Москва, так и не разобравшись сама в себе, жила попросту поочередно то у дяди Назара, то у дяди Глеба. Я при этом оставался все в той же школе на Левобережной, куда мы переехали с Гончарова, и, когда мама уходила под разными предлогами к дяде Назару, в его все тот же дом под слом, в котором кроме него оставались одни лишь привидения, меня по договоренности забирали то соседка, то почтальонша из почты под нашим балконом, а то и пьяный, но смирившийся и оправославившийся дядя Глеб. Тем мартом к маме приехала ее младшая сестра с безыскусным именем Эмма (мама называла ее просто «Эм»), но я испугался ее имени, поскольку уже знал, что все имена, начинающиеся на «Э» оборотную, несут в себе отзвук потусторонности: Эрлик, Эрешкигаль, Энке... [Там же].

Интересно, что каждое имя в текстах писателя ономастически отсылает к контекстуальному «внутреннему тексту» с танатологическим значением «сироты-народа»: Назар — к герою платоновского «Джан» Назару Чагатаеву, пытающемуся спасти сироту-народ от смерти; Эрлик — дьяволический демиург загробного мира монгольских народов и саяно-алтайских тюрков; Эрешкигаль — богиня смерти (в шумеро-аккадской мифологии); Роберт Энке — трагически погибший под поездом немецкий футболист, вратарь, которого передавали-продавали из клуба в клуб, который потерял свой национальный дом; отчаяние «одиночества», страх потерять семью и работу привели его в психиатрическую клинику, а потом к смерти. Хиастическая попытка через логику риторических перевертышей вытащить смысл, пусть даже, наоборот, из андеграунда сознания, перевернутого сознания целого бездомного поколения, дефинирует особое качество стиля «потока сознания».

Следуя ономастической логике нашего хиазма «бобо М», совершенно очевидна его психоаналитическая составляющая, связанная с неким всеобщим «андеграундным сознанием», поддержанным особым резонансом героя и зафиксированным в значении культурного феномена метро:

Метро – это мое нутро: мои мысли, переживания, моя жизнь. Метро, по которому вы ездите, это мое нутро: мои каверны, мои жилы, мое кровообращение. Разрежете меня на анатомическом столе и найдете внутри меня разноцветную схему станций Московского метрополитена, а не синие вены и красные артерии. <...> Глеб заставлял меня думать о русской литературе. В этом «заставлял» есть момент и побудительности, и страдательности, иными словами, он не только провоцировал меня на это своими словами или беседами, но и своей непутевой жизнью. Я часто задумывался, почему именно Пушкина русская литература избрала своим солнцем, солнечным человеком. Я говорил уже об этом и раньше, повторю еще раз, да потому, что он был нормальным, как всякий нерусский. Нельзя быть русским и не быть с вывихом. В лучшем случае всю жизнь будет держаться такой, а под самый конец жизни возьмет и выбросит фортель, как Толстой... Вот и остается литература, как героическая попытка балансировки разбалансированной жизни, несбалансированной души [Там же].

Пустота, наполненная смертью как метафорой иной жизни, становится знаком Мбобо:

Это был поезд метро. Нет, это было само метро, двери его разошлись, из них брызнули люди, и вдруг *пустота*, оставшаяся вместо этих людей, стала засасывать тех, кто стоял на перроне, включая и нас [Там же].

Иной раз червям надоедает копаться в моем разлагающемся теле, и они покидают меня, прорывая за собой тоннели на поверхность земли – отдышаться после дождя. Тогда я чувствую *пустотами* своего тела *пустоты* этих каверн... [Там же].

Под землей я уже прожил больше смерти, чем жизни на земле. Лежишь, и, когда пустота в костях начинает свистеть холодом, наподобие перегонов метро перед приближением поршня поезда, возникает некая музыка, как будто Орфей спустился к нам со своей свирелью (или это кости прохудились в тонких местах?) ... [Там же].

Эта пустота – особый экзистенциальный вакуум, по теории Виктора Франкла, переживание *бездны* – сакрализуется как внутреннее пространство, когда человек пытается убежать в себя, отказываясь от жизненных целей, уникальных смыслов и экзистенциальных ценностей. Эта пустота, навязанная имперской психологией разрушения личного эфемерным общественным, заменила Мбобо внешнее и внутреннее особой формой Я-пустоты. Пустота за пределами смерти. Исмаилов словно кодирует в имени героя одно из самых таинственных, неразгаданных стихотворений И. Бродского – «Похороны Бобо», такого же знака «андеграунда в эмиграции», как автор романа «Мбобо»:

Ты всем была. Но, потому что ты
теперь мертва, Бобо моя, ты стала
ничем – точнее, сгустком пустоты.
Что тоже, как подумаешь, немало [14].

Хамид Исмаилов словно вторит Бродскому: его *Мбобо* выполняет функцию ономастического оператора определенных экзистенциальных смыслов и знаков культурного андеграунда, интертекстуально метафоризированных Бродским. Оним «Мбобо» являет собой то самое ничто, ту самую пустоту, которая наполнена смыслом освобождения сакрального пространства для нового слова, отрицающего смерть как небытие, возрождающего новую культуру на месте «пустоты» прошлого. Оним «Бобо», вполне вероятно, может быть знаком творческой души / духа «культурного героя», и тогда это метоним *Nomo faber*, своего рода *alter ego* и Бродского, и Исмаилова. В обоих текстах писатели вводят еще по одному творческому *alter ego*: возрождать новый мир-культуру (как антитезу антимира-метро) будет Дант Бродского и Орфей Исмаилова, жертвывая неразгаданной «прекрасной Бобо» и «нагулянным сыном Москвы», «топырчатым солнышком, Мбобо!».

Роман Хаида Исмаилова реконструировал в судьбе Мбобо литературное сознание русского андеграунда и эмиграции второй половины XX в. и внутреннее сознание узбекского литературного пограничья, которое начиналось внутри страны, а заканчивается далеко за ее пределами и длится по сей день. Метафоризация сакрального андеграундного сознания как феномена иеротопического культурного пространства осуществлена в романе в первую очередь в системе интертекстуальных и метатекстуальных ономастических кодов феномена «культурного героя»,

каковым и является Мбобо, вбирающий в свой образ-парадигму ключевые концепты имаго-образа «другой» в значениях «инородец», «эмигрант», «странник» и др., фиксирующих не только процесс разрушения национального самосознания, но и общей имперской ментальности. Так, исследовательница феномена героя-инородца в русской литературе Э.Ф. Шафранская, отмечая его особую архетипичность, пишет, что «по законам мифа, культурный герой не умирает, если же случается смерть, то как этап перед следующим возрождением» [15. С. 343].

Ономастикон образа-парадигмы «слово» в романе Хамида Исмаилова «Мбобо», с одной стороны, «герметичен», поскольку соотносится с иеротопической сакрализацией, но при этом открытая транскультурность смыслового поля позволяет говорить о том, что он сопротивляется однозначному истолкованию. И обусловлено это, на наш взгляд, творческим методом транскulturации всех национально-культурных традиций, которые питали творческое сознание Хамида Исмаилова — писателя транскультурного, наднационального, полидомного и полилингвального.

Заключение

Андеграундным стало не только творчество Хамида Исмаилова — *бобо М* современной культуры, но и целого ряда современных транскультурных писателей — этнических «одних» нерусских и других «обескорененных» русских. Феноменологию исторического отчуждения человека от рода рассматривал В.Г. Хорос как результат культурного «обескоренения», своего рода выпадения из системы ценностей, существующих классовых, сословных или групповых структур, которые давали человеку не только фиксированный социальный статус, но и определенную культурную ориентацию [16]. По мнению ученого, это явление обозначает андеграундное состояние сознания социокультурной эпохи конца XX в.:

...«обескоренение» оказывается негативным процессом, ибо не сопровождается укоренением в новых структурах (буржуазного общества), в новой (современной) системе ценностей. «Обескоренение» и приводит к тому «внутреннему босячеству», о котором писал Мережковский [17].

Хамид Исмаилов, восстанавливая в своем «подпольном» национал-маргинальном человеке утраченное «я», добавляет новые смыслы, новые ценностно-культурные ориентиры. Образ Мбобо разрушил представление о мононациональной традиции русско-узбекского андеграунда XX в. и стал основой для создания в метапрозе Хамида Исмаилова метафигионального варианта «маргинально-интеллигентного подпольного героя», отлученного от своих культурных корней, от духовного опыта нации, но не растворившегося в антимирах новых национальных границ и культурных ареалов, а обретшего статус транскультурного героя — героя сакрального постколониального хронотопа. Как отмечает С. Костырко, мы являемся свидетелями

уникального культурного явления — обретения русской литературой некоего нового качества. Можно сказать, нового статуса. Я бы назвал его «статусом кроны» — единой кроны, образованной множеством деревьев, каждое из которых имеет свой ствол, свои корни. <...> Есть и другая составляющая этой проблемы, не менее, а может, и более значимая: русские писатели Средней Азии, Кавказа, Украины, Прибалтики вдруг обнаружили себя в новой культурной резервации, созданной идеологами их новых независимых государств [16].

Литература

1. *Гарипова Г.Т.* Полилингвизм и транслитературность в контексте метафигиональных стратегий Хамида Исмаилова // Полилингвизм и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 1. С. 78–87.

2. *Гарипова Г.Т.* Принципы миромоделирования в русской прозе XX века (неклассическая парадигма художественности): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Владимир, 2021.

3. *Гарипова Г.Т.* Философская референция как способ художественного миромоделирования в прозе «поколения сорокалетних»: (на материале произведений

References

1. *Garipova G.T.* Polilingvizm i transliteraturnost' v kontekste metafiksional'nykh strategii Khamida Ismailova // Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. 2020. T. 17. No. 1. S. 78–87.

2. *Garipova G.T.* Printsipy miromodelirovaniia v russkoi proze KhKh veka (neklassicheskaia paradigma khudozhestvennosti): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Vladimir, 2021.

3. *Garipova G.T.* Filosofskaia referentsiia kak sposob khudozhestvennogo miromodelirovaniia v proze "pokoleniia sorokaletnikh": (na materiale proizvedenii

А. Битова, А. Кима // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 2. С. 258–265.

4. *Тлостанова М.* Колониальность переживет колониализм // Теории и практики. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/8258-madina-tlostanova-o-dekolonialnom-povorote> (09.11.2022).

5. *Исмаилов Х. Мбобо* // ЛитМир: электронная библиотека. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=572458&p=1> (09.11.2019).

6. *Бакhtикиреева У.М.* Русскоязычие как актуальная междисциплинарная проблема // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 1 (45). С. 92–97.

7. *Лидов А.М.* Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2009. 362 с.

8. *Охоцимский А.Д.* Образы-парадигмы в религиозной культуре // Вопросы культурологии. 2016. № 8. С. 36–44.

9. *Русова Н.Ю.* От аллегории до ямба: терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. М.: Флинта: Наука, 2004. 301 с. URL: <https://rus-literaturologiya.slovaronline.com/> (06.10.2019).

10. *Береговская Э.М.* Очерки по экспрессивному синтаксису. М.: РОХОС, 2004. 204 с.

11. *Исмаилов Х. Мбобо:* роман // Дружба народов. 2009. № 6. С. 6–64.

12. *Хализев В.Е.* Ценностные ориентации русской классики. М.: Гнозис, 2005. 429 с.

13. *Шафранская Э.Ф.* Современная русская проза: мифопоэтический ракурс: учеб. пособие. М.: Ленанд, 2015. 216 с.

14. *Бродский И.* Похороны Бобо // Антология новейшей русской поэзии у Голубой лагуны / К.К. Кузьминский, Г.Л. Ковалев. М.: В. Орлов, 2006. URL: <https://kkk-bluelagoon.ru/tom2b/brodsky3.htm> (06.11.2022).

15. *Шафранская Э.Ф.* Каразин и Лесков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2-2. С. 340–344.

16. *Костырко С.* Сетевая литература: о романе Алтаера Магди «Собрание утонченных» и о «статусе кроны» русской литературы. О «виртуальной Фергане». Об Интернете как книгоиздатель // Новый мир. 2000. № 11. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2000_11/Content/Publication6_4464/Default.aspx (06.10.2019).

17. *Хорос В.Г.* Процесс социально-культурного обескоренения в России // Русская история в сравнительном освещении / В.Г. Хорос. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Horos/07.php (16.10.2019).

A. Bitova, A. Kima // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2021. T. 14. No. 2. S. 258–265.

4. *Tlostanova M.* Kolonial'nost' perezhivet kolonializm // Teorii i praktiki. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/8258-madina-tlostanova-o-dekolonialnom-povorote> (09.11.2022).

5. *Ismailov Kh. Mbobo* // LitMir: elektronnaia biblioteka. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=572458&p=1> (09.11.2019).

6. *Bakhtikireeva U.M.* Russkoiazychie kak aktual'naia mezhdistiplinarnaia problema // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. 2015. No. 1 (45). S. 92–97.

7. *Lidov A.M.* Ierotopiia. Prostranstvennye ikony i obrazy-paradigmy v vizantiiskoi kul'ture. Moscow: Dizain. Informatsiia. Kartografiia, 2009. 362 s.

8. *Okhotsimsky A.D.* Obrazy-paradigmy v religioznoi kul'ture // Voprosy kul'turologii. 2016. No. 8. S. 36–44.

9. *Rusova N.Yu.* Ot allegorii do iamba: terminologicheskii slovar'-tezaurus po literaturovedeniiu. Moscow: Flinta: Nauka, 2004. 301 s. URL: <https://rus-literaturologiya.slovaronline.com/> (06.10.2019).

10. *Beregovskaia E.M.* Ocherki po ekspressivnomu sintaksisu. Moscow: ROKHOS, 2004. 204 s.

11. *Ismailov Kh. Mbobo:* roman // Druzhba narodov. 2009. No. 6. S. 6–64.

12. *Khalizev V.E.* Tsennostnye orientatsii russkoi klassiki. Moscow: Gnozis, 2005. 429 s.

13. *Shafranskaia E.F.* Sovremennaia russkaia proza: mifopoeticheskii rakurs: ucheb. posobie. Moscow: Lenand, 2015. 216 s.

14. *Brodsky J.* Pokhorony Bobo // Antologiiia noveishei russkoi poezii u Goluboi laguny / K.K. Kuz'minsky, G.L. Kovalev. Moscow: V. Orlov, 2006. URL: <https://kkk-bluelagoon.ru/tom2b/brodsky3.htm> (06.11.2022).

15. *Shafranskaia E.F.* Karazin i Leskov // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2014. No. 2-2. S. 340–344.

16. *Kostyrko S.* Setevaia literatura: o romane Altaera Magdi "Sobranie utonchennykh" i o "statuse krony" russkoi literatury. O "virtual'noi Fergane". Ob Internetе kak knigoizdatele // Novyi mir. 2000. No. 11. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2000_11/Content/Publication6_4464/Default.aspx (06.10.2019).

17. *Khoros V.G.* Protseсс sotsial'no-kul'turnogo obeskorreneniia v Rossii // Russkaia istoriia i sravnitel'nom osveshchenii / V.G. Khoros. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Horos/07.php (16.10.2019).

Гарипова Гульчира Талгатовна,

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русской литературы
Московский городской педагогический университет;
профессор кафедры русской и зарубежной филологии
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Garipova Gulchira T.,

Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of the Russian Literature Department
Moscow City Pedagogical University;
Professor of the of Russian and Foreign Philology Department
Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs

ORCID: 0000-0002-7675-2570
elibrary SPIN-код: 1926-8676
e-mail: ggaripova 2017@yandex.ru

Столкновение национального и глобального в романе Р. Сейсенбаева «Ночные голоса»

Рассмотрена актуальная проблема взаимодействия национального и глобального в романе Р. Сейсенбаева «Ночные голоса». Сделан краткий экскурс в суть проблемы: взгляды исследователей относительно влияния глобализации на культурную и этническую идентичность, их прогнозы и ожидания относительно способа взаимодействия этих двух направлений развития мира. Выявлено важное для отражения авторской картины мира взаимоотношение между национальным и сакральным в области понимания ядра нации: сакральное выступает в качестве имманентного признака нации и позволяет более полно анализировать пути развития того или иного этноса. Подробно проанализировано казахское сакральное и его отражение в романе казахстанского писателя. Сделан вывод о том, что Р. Сейсенбаев в своем произведении выражает обеспокоенность перспективой поглощения национального глобальным. Автор так же, как и ученые, видит в сакральном ядро не только национального сознания, но и личного самосознания каждого, принадлежащего к нации, и с недоверием относится к возможности растворить этнос в глобализации без риска утраты самоидентичности каждым отдельным человеком.

Ключевые слова: казахстанская литература, национальное, глобальное, сакральное, Р. Сейсенбаев, этнос.

This article is devoted to the analysis of the reflection of the actual problem of interaction between the national and the global in R. Seisenbaev's novel "Night Voices". The article provides a brief digression into the essence of the problem: the views of researchers regarding the impact of globalization on cultural and ethnic identity, their forecasts and expectations regarding the way these two directions of world development interact. The relationship between the national and the sacred in the field of understanding the core of the nation, which is important for reflecting the author's picture of the world, is revealed — the sacred acts as an immanent feature of the nation and allows you to more fully analyze the development paths of a particular ethnic group. A detailed analysis of the Kazakh sacred and its reflection in the novel of the Kazakh writer has been made. It was concluded that R. Seisenbaev in his work expresses concern about the prospect of absorption of the national by the global. The author, just like scientists, sees in the sacred core not only the national consciousness, but also the personal self-consciousness of everyone belonging to the nation, and is distrustful of the possibility of dissolving the ethnic group in globalization without the risk of losing self-identity by each individual.

Keywords: Kazakh literature, national, global, sacred, R. Seisenbaev, ethnoses.

Введение

Проблема отношений глобального и национального в последние десятилетия занимает важное место во всех отраслях мирового развития. В связи с увеличивающимися межнациональными контактами в сферах культуры, бизнеса, политики остро встал вопрос, чем глобализация является конкретно для культуры: благом или бедой? Стирание границ между разнообразными мировыми культурами может как положительно отразиться на самоценности каждой отдельной культуры, укрепить ее положение, так и поспособствовать ее обеднению или, по крайней мере, угасанию. В современном мире глобализации основной проблемой формирования государства, его идентичности и идеологии все еще является в полной мере недостижимое соответствие государственно-административных и этноконфессиональных границ. В.А. Тишков в своей работе отмечает четыре линии усложнения взаимодействия государственного и этнического, подчеркивая и рост миграции из села в город, и более глобальный характер трудовой миграции не только из села в город, но и в другое государство, и рост культурного сознания этнических меньшинств, и проблему нахождения представителей той или иной этнической группы вне той территории, где она представлена и претендует на признание или особый статус [1]. Р.Г. Пашко и Е.В. Пашко обращают внимание на то, что в современном транскультурном пространстве нельзя говорить о четкой разделенности культур, о конкретных их границах.

Исследователи под «культурой» предлагают в условиях глобализации понимать поле «индивидуального или коллективного конструирования личности» [2]. При активных миграционных процессах перед современными учеными встал вопрос об индивидуальной культурной иден-

тичности, а также идентичности культурно разнородных групп, проживающих на одной территории. При этом не все ученые категорично воспринимают глобализацию в контексте развития различных национальных культур как фактор обнищания этих культур, напротив, некоторые исследователи оптимистично считают, что поле кросс-культурности, транскультурности может способствовать обогащению культур, поддержанию их ядра и продуктивному обновлению, а также установлению большего числа качественных культурных контактов. И.А. Герасимова и В.Ю. Ивахнова в своей статье указывают на опасность для культур глобальных корпораций, но подчеркивают, что при гармонично выстроенных культурных контактах очень высока вероятность сохранения культурного многообразия мира [3]. И. Бокачѳ, отмечая сложность и противоречивость взаимоотношений глобального и национального, говорит о том, что культурное развитие этноса требует культурной автономии. Интересна высказанная исследователем мысль, что в современном мире мы обречены жить одновременно и в национальном, и в глобальном, однако второе не должно поглотить первое [4].

Писатели, как люди искусства и культуры, всегда тонко чувствуют актуальные мировые проблемы, которые могут повлиять на умонастроение людей. В современном литературоведении все активнее развивается понятие транскультурной литературы, возникающей на стыке двух или нескольких культур. М.В. Тлостанова вводит в литературоведение понятие «транскультурация» и воспринимает ее как новую эпистемиологическую модель. Особенно важно то, что транскультурация не подразумевает под собой слияния культур: они сохраняют свои границы, однако теперь имеют поле для диалога [5]. В другой своей работе исследовательница отмечает, что плод литературы глобализации «с одной стороны, уже привык существовать вне локальностей, а с другой — его память, его бессознательное полны “осколков” прошлого, отраженного в настоящем» [6].

Особое внимание обратим именно на «осколки» прошлого, отраженные в романе казахстанского писателя Роллана Сейсенбаева — транскультурного автора, творящего преимущественно на русском языке, являясь при этом этническим казахом. Так или иначе, тема культурно-исторической памяти отражена в произведениях многих казахстанских писателей. Р. Сейсенбаев творит в направлении реализма, что позволяет более наглядно продемонстрировать бытовое соотношение двух тенденций: уравнивания разнообразных культур и сохранения национальной идентичности.

Ценность национального в общемировом контексте на примере романа Р. Сейсенбаева «Ночные голоса»

Яркое отражение столкновения национального и глобального наблюдаем с первых строк главы «Протез» романа Роллана Сейсенбаева «Ночные голоса». Главный герой Тектыбай Абызулы пишет письмо в райком, обличающее положение дел в его родном ауле:

Стоит казаху надеть тымак, как мы тут же морщимся: ах, как далек еще наш народ от культуры! Мы стыдимся этого человека, в лучшем случае поглядываем на него снисходительно. И тымак, и умение разводить коней, держать охотничьих птиц, собак — вещи, вполне естественные для нас, — становятся как бы в противовес той культуре, которая приходит вместе с горластыми артистами из передвижного автоклуба и умными лекторами [7. С. 192].

Тектыбай в своем образе и быте олицетворяет все национальное: он носит тымак, ездит верхом, имеет гончую (несмотря на то что в романе напрямую не указывается порода собаки, по контексту можно предположить, что это не европейская гончая, а казахская гончая *тазы*), машет камчой, уважает традиционную конную охоту с беркутом. Не только детали образа и быта Тектыбая показательны, но и сравнения, которые использует автор при описании героя: «как старый плененный беркут» [Там же. С. 193]. Особое внимание на протяжении всей главы романа уделяется такой детали образа, как тымак.

Тымак — казахский зимний мужской головной убор. В мужском варианте национального костюма строгой дифференциации одежды не существует, тымак может носить как подросток,

так и взрослый мужчина или аксакал (в отличие от женских головных уборов и других предметов костюма, четко разграниченных по возрасту и социальному положению женщины). Если женский головной убор — это показатель статуса женщины, то мужской головной убор имеет сакральное значение в тюркских культурах. Н. Шаханова пишет, что мужской головной убор соотносился с сакральным верхом и являлся вместилищем силы и плодородия не только самого мужчины, но и всей его семьи. Отношение к головному убору было бережным и почтительным: нельзя было перешагивать через него, бросать на пол, небрежно сминать. Все эти неуважительные действия могли повлечь за собой проблемы со здоровьем и в делах владельца. Дарить головной убор можно было только тому, кого искренне уважаешь или кому симпатизируешь, и лучше было в этом случае подарить не свой, а новый. Как и во многих мировых культурах, в казахской национальной традиции существовал обряд «донашивания» слабых младенцев, и главную роль в этом обряде играл тымак: недоношенного младенца укладывали в отцовский головной убор и подвешивали к одной из развилок юрты. Каждый новый день в течение сорока дней ребенка перевешивали на следующую развилку юрты. Считалось, что при соблюдении этого обряда ребенок выживет [8. С. 58–60].

В быту Тектыбая этому предмету одежды уделяется большое внимание: автор повествует о том, что когда-то у героя было восемь тымаков, которые он постепенно дарил, пока у него не остался один — собственный тымак Тектыбая. Примечательно, что дарились тымаки студентам, соседским детям и сыну-геологу. Этим подчеркивается желание Тектыбая взрастить молодое семя в традициях, в силе, которую дарят эти традиции. Велико неосознанное желание героя подарить молодым каплю своей силы и мудрости, уберечь, передать им поддержку предков. Связь с сакральным смыслом головного убора подчеркивает и многодетность героя: «...говорю тебе я, Тектыбай, отец двенадцати детей и дед девятнадцати внуков» [7. С. 211]. Автор показывает, что Тектыбай, относясь с почтением к своим корням, к традициям предков, был вознагражден большой и здоровой семьей. Тымак для героя является образом исконного, сакрального и могучего, ведь именно со снижающейся популярностью тымака связана большая часть возмущения Тектыбая: «...не один уж год минул с того времени, как наши степные старики, сняв тымаки и тюбетейки, понакупили в магазинных драповых кепок, фетровых и соломенных шляп» [Там же. С. 192]; «Я же говорил, говорил тогда, что национальные традиции нужно беречь как зеницу ока. А сейчас получается, что французы изобрели казахский тымак, ну разве это не ерунда?» [Там же. С. 199]. Пренебрежение народным и исконным для Тектыбая сродни отказу не просто от своих корней на уровне быта, но и от всего огромного и богатого культурного пласта, который лежит, казалось бы, за простыми и обыденными вещами казахской жизни. Тымак для героя не простой предмет гардероба, за ним стоят смыслы: он сакрален, национальный головной убор сопровождал героя всю жизнь, он для аксакала символ казахского мужского и здорового начала. Драповые кепки, с точки зрения Тектыбая, являются просто данью моде, за которой не стоит ничего сакрального, ничего ценного. Герой остро чувствует, как глобальное завоевывает национальное, и относится с крайним неодобрением к этому процессу, полагая, что он приведет к потере идентичности. Для героя национальная идентичность равна праву пользоваться тем высшим и непознанным, что вырабатывалось сотни лет до нынешнего поколения, и он считает подобное пренебрежение сакральной сущностью родной культуры неоправданным и непозволительным.

Проблема связи национального и сакрального в условиях глобализации остро встала перед социальными философами, ведь усиливающиеся глобализационные процессы повлияли на восприятие самой сущности нации. Две крайние точки описания нации — в биологических терминах и в качестве искусственного образования, открытого для дальнейшей «сборки», — в современном мире не выглядят передающими истинную сущность понятия «нация». В связи с этим некоторые философы советуют рассматривать национальную идентичность как идентичность сакральному. Так, в работе С.А. Шамина предлагается рассматривать сакральное как имманентный принцип формирования нации [9]. А.В. Савкина говорит о том, что сакральное отражает черты современ-

ной цивилизации и позволяет человеку идентифицировать себя в окружающем мире [10]. В итоге сакральное становится одной из важных составляющих ядра идентичности самого человека. Мы видим, как герой романа отчетливо воспринимает эту связь: он органично живет в двух реальностях — бытовой и сакральной. Эти две реальности настолько органично связаны в миропонимании героя, что вряд ли он сам смог бы разделить их. Даже отъезд Тектыбая из родного аула в город за обилием бытовых предметов скрывает сакральное. Во-первых, почти все дети уехали в город, т.е. персонаж лишился физической близости своей семьи. Во-вторых, породистый конь Тектыбая состарился, джигит лишился своего коня, а конь также несет сакральное значение в казахской культуре, являясь неотъемлемым помощником батыра. Более обстоятельно мы рассматриваем это в работе «Осмысление мифопоэтического образа коня в романе Р. Сейсенбаева “Ночные голоса”» [11]. И наконец, третья причина отъезда скрывается в тымаке: Тектыбай отказывается отдать последний, восьмой, тымак секретарю райкома по той причине, что секретарь попросил головной убор не из уважения к традициям казахского народа, а потому, что он вошел в моду. Тектыбай не смог допустить такого пренебрежения к наследию предков и отказался отдать тымак. Это могло бы привести к конфликту, и герой решает переехать в город, поближе к своим детям.

Ситуация в городе также имеет два смысловых пласта: бытовой — конфликт уклада жителя аула и горожанина и сакральный — соблюдение национальных традиций в противовес утилизированному городскому распорядку жизни. Тектыбай надеется, что ему, как новоприбывшему в многоквартирный дом, устроят ерулик (традиционное приглашение в гости нового соседа), однако этого не происходит: соседи, оказывается, заняты своими делами. В ауле принято ходить в гости к соседям, но в городе каждый хочет отдохнуть вечером в одиночестве. Разобщенность, потеря тесного человеческого, душевного контакта сказывается на семье Тектыбая: им в городе душно и неуютно. Однако герой старается примириться с новыми обстоятельствами и не оставляет попыток переломить глобальное сакральным: так, последний свой тымак он дарит соседу Володе в честь рождения у него сына, что в контексте роли этого головного убора в культуре трактуется как пожелание здоровья младенцу и нового потомства молодому отцу. Не дождав-шись от соседей ерулика, Тектыбай сам устраивает застолье и зовет к себе всех соседей, чтобы традиционно познакомиться с людьми, которые его окружают.

Более того, на уровне символов Тектыбай не теряет связи с сакральным в городе: сын привозит ему из аула новый красивый тымак, а гончая, которую аксакал отдал в аул, чтобы та не мучилась в тесной квартире, возвращается обратно к герою. Тектыбай будто бы снова находит связь со своим культурным «я». Пусть у него нет скакуна и беркута для традиционной охоты, но осталась гончая. Пусть он подарил соседу последний тымак, но подарил его от души, желая блага одариваемому. Вера в высшее, скрытое от глаз, заключенное в национальной культуре, помогает Тектыбаю не падать духом, снова и снова демонстрировать свою готовность не поддаваться глобальному, стирающему, по мнению героя, самоценность человека в этом мире, превращающему его из личности, выросшей в рамках определенной культуры, в утилитарную серость.

Однако в конце главы герою выпадает нелегкое испытание: сначала хулиганы на улице забирают у аксакала тымак, и в тот же вечер умирает и гончая. Связь с национальной идентичностью настолько велика для героя, что он делает для себя страшный, но неумолимый в контексте главы вывод: «Два года назад я без беркута остался, а теперь и рыжей нет, — сказал Тектыбай, надвинув на глаза свой старый малахай. — Скоро и сам, наверное, помру» [7. С. 223–224]. Лишившись своих символов национальной идентичности, Тектыбай внутри уже чувствует, что от него как от личности без этого мало что остается. Глобальное забрало сакральное, и герой готов с этим смириться.

Хотя и напрямую финал для Тектыбая открыт, автор дает нам понять, насколько важно сохранение идентичности, сравнивая ситуацию героя со смертью последнего печника в деревне:

- А кому они нужны? Теперь и печек-то мало осталось. Газовые плиты везде, и отопление газовое...
- Вас послушаешь, так вам никто не нужен, — рассердилась старуха. — Такой мастер, как Михеич, нынче и не родится. Хотя велика Расея, как знать, как знать... [Там же. С. 227].

С помощью вставки из воспоминаний Айдары Курманова Сейсенбаев демонстрирует, насколько важно сохранение всякой культуры, будь то казахская, русская или любая другая. С точки зрения сакрального за традиционными обрядами, обычаями, предметами одежды и утвари стоит огромный культурный пласт, в итоге формирующий нашу идентичность, наше самосознание и самоощущение в этом огромном и разнообразном мире. Желание сохранить традиции, по мысли автора, говорит не о косности мышления и нежелании подстроиться под стремительно меняющуюся реальность, а о сохранении собственного «я» в этом бурном потоке, сохранении связи с предками и землей, на которой родился, со всем архетипичным, что формировалось веками и не может быть стерто по прихоти мирового рынка.

Заключение

На примере анализа главы романа «Ночные голоса» можно сделать вывод: вопрос об отношениях глобального и национального является актуальным не только во взаимодействии культур, в желании сохранить и отстоять мировое разнообразие, но и в самоидентичности каждого человека. Так или иначе, но проблемы национальной идентичности тесно связаны с проблемами самоидентичности. Человек всегда искал, ищет и будет искать точку опоры в условиях стремительно меняющейся реальности. Для героя романа этой точкой опоры становится национальное в противовес глобальному. Он отстаивает свое право называться казахом, жить по национальным обычаям и видит в этом исключительное благо. Несмотря на то что глобализация отнимает у него сначала дочь, вышедшую замуж за француза и уехавшую из родного аула, затем коня и беркута — символы того, что он джигит и живет в степи, вслед за этим тывак и гончую, он верит в сакральное национальное, идентифицирует себя с ним, декларируя неразрывность этнической идентификации и самоидентификации.

Р. Сейсенбаев, создавая такого героя, дает читателям понять, что не всегда нежелание принимать современность во всей ее полноте обязательно является проявлением косности. Автор говорит нам о том, что есть индивидуальный национальный дух, который живет в каждом представителе своего этноса и никогда не сможет подчиниться общему уравниванию, потому что ядром нации являются не внешние ее атрибуты, а сакральный смысл, который они олицетворяют.

Литература

1. Тишков В.А. Линии усложнения: введение к коллективному труду «Культурная сложность современных наций» // *Вестник Российской нации*. 2016. Т. 5. № 5 (50). С. 82–91.
2. Пашко Р.Г., Пашко Е.В. Взаимодействие культур в условиях глобализации: к вопросу об основаниях интеграции // *Христианство как интегрирующий фактор мировой культуры: сб. докладов XXIV Междунар. Кирилло-Методиевских чтений*. Минск: Христианский образовательный центр имени святых Мефодия и Кирилла, 2019. С. 274–281.
3. Герасимова И.А., Ивахнов В.Ю. Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации // *Сервис Plus: научный журнал*. 2017. Т. 11. № 2. С. 66–76.
4. Бокачев И.А. Глобальное и национальное в условиях современного миропорядка // *Власть*. 2010. № 3. С. 123–126.
5. Глостанова М.В. Транскультурация как модель социокультурной динамики и проблема множественной идентификации // *Вопросы социальной теории*. 2011. Т. 5. С. 126–149.
6. Глостанова М.В. Постсоветская литература и эстетика транскультурации: жить никогда, писать ниоткуда. М.: Эдиториал УРСС, 2004.

References

1. Tishkov V.A. Linii uslozhneniia: vvedenie k kollektivnomu trudu "Kul'turnaia slozhnost' sovremennykh natsii" // *Vestnik Rossiiskoi natsii*. 2016. T. 5. No. 5 (50). S. 82–91.
2. Pashko R.G., Pashko E.V. Vzaimodeistvie kul'tur v usloviakh globalizatsii: k voprosu ob osnovaniakh integratsii // *Khristianstvo kak integriruiushchii faktor mirovoi kul'tury: sb. dokladov XXIV Mezhdunar. Kirillo-Mefodievskikh chtenii*. Minsk: Khristianskii obrazovatel'nyi tsentr imeni sviatykh Mefodiia i Kirilla, 2019. S. 274–281.
3. Gerasimova I.A., Ivakhnov V.Yu. Problema sokhraneniia kul'turnoi identichnosti v usloviakh globalizatsii // *Servis Plus: nauchnyi zhurnal*. 2017. T. 11. No. 2. S. 66–76.
4. Bokachev I.A. Global'noe i natsional'noe v usloviakh sovremennogo miroporiadka // *Vlast'*. 2010. No. 3. S. 123–126.
5. Tlostanova M.V. Transkul'turatsiia kak model' sotsiokul'turnoi dinamiki i problema mnozhestvennoi identifikatsii // *Voprosy sotsial'noi teorii*. 2011. T. 5. S. 126–149.
6. Tlostanova M.V. Postsovetskaia literatura i estetika transkul'turatsii: zhit' nikogda, pisat' niotkuda. Moscow: Editorial URSS, 2004.

7. Сейсенбаев Р. Ночные голоса. Алматы: ИП «RS», 2017. 299 с.

8. Шаханова Н. Мир традиционной культуры казахов. Алматы: Казахстан, 1998. 186 с.

9. Шамин С.А. Сакральное как имманентный принцип формирования нации // Logos et Praxis. 2020. № 3. С. 69–75.

10. Савкина А.В. Понятие сакрального в условиях современного общества: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.

11. Овчеренко У. Осмысление мифопоэтического образа коня в романе Р. Сейсенбаева «Ночные голоса» // Русская литература XX–XXI веков как единый процесс: проблемы теории и методологии изучения: материалы VII Междунар. науч. конф., Москва, 17–19 декабря 2020 г. М.: МАКС Пресс, 2020. С. 329–332.

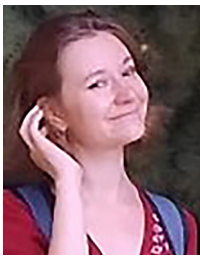
7. Seisenbaev R. Nochnye golosa. Almaty: IP "RS", 2017. 299 s.

8. Shakhanova N. Mir traditsionnoi kul'tury kazakhov. Almaty: Kazakhstan, 1998. 186 s.

9. Shamin S.A. Sakral'noe kak immanentnyi printsip formirovaniia natsii // Logos et Praxis. 2020. No. 3. S. 69–75.

10. Savkina A.V. Poniatie sakral'nogo v usloviakh sovremennogo obshchestva: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 2012.

11. Ovcherenko U. Osmyslenie mifopoeticheskogo obraza konia v romane R. Seisenbaeva "Nochnye golosa" // Russkaia literatura XX–XXI vekov kak edinyi protsess: problemy teorii i metodologii izucheniia: materialy VII Mezhdunar. nauch. konf., Moskva, 17–19 dekabria 2020 g. Moscow: MAKS Press, 2020. S. 329–332.

Овчеренко Ульяна,

педагог дополнительного образования
кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов

Ovcherenko Ulyana,

Teacher of Additional Education of the Russian Language and
Intercultural Communication Department
Institute of the Russian language
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: ovcherenko1993@gmail.com

УДК 821.111(540)-1
DOI 10.20339/PhS.6s-22.115

Ш.А. Кулиева, Н.В. Щенникова

Транслингвальная поэзия Рупи Каур

Работа посвящена осмыслению проблемы транслингвизма в современной английской поэзии. Опираясь на исследования отечественных и зарубежных ученых, авторы приходят к выводу, что транслингвизм — не только практика переключения кодов и способность автора творить на языке, являющемся для него усвоенным, но и создание особого типа нарратива, который выстраивается исходя из логики этнически первичной культуры: ее паттернов, архетипических субстратов, ключевых тем и мотивов. Материалом исследования послужили произведения современной канадской писательницы индийского происхождения Рупи Каур, в частности книга стихов “The Sun and her Flowers”. В зоне особого интереса — глава «Ускорение», посвященная проблемам иммиграции, поиска онтологических координат, идентичности и языка.

Ключевые слова: транслингвизм, нарратив, иммиграция, сикхизм, идентичность, Рупи Каур.

The article is devoted to understanding the problem of translanguaging in modern English poetry. Based on the research of domestic and foreign scientists, the authors come to the conclusion that translanguaging is not only the practice of switching codes and the ability of the author to create in a language that is learned for him, but also the creation of a special type of narrative, which is built on the basis of the logic of an ethnically primary culture: its patterns, archetypal substrates, key themes and motifs. The material of the article was the works of the modern Canadian writer of Indian origin Rupi Kaur, in particular, the book of poems *The Sun and her Flowers*. In the zone of special interest is the chapter “Acceleration”, devoted to the problems of immigration, the search for ontological coordinates, identity and language.

Keywords: translanguaging, narrative, immigration, Sikhism, identity, Rupi Kaur.

Введение

В науке постнеклассической рациональности знание является ризоматическим: оно перестает произрастать из одного «корня», но становится все более полигенеративным, находя множественные центры собственной самоактуализации. Современный мир усложнился. Его космополитическая распаханность диктует новые правила: дискурсивные практики осуществляются не только под знаком междисциплинарного синтеза, но и в русле транскультурной эпистемологии, которая предполагает, что моноконструкты «одна нация — один язык» более нежизнеспособны. Не случайно исследователи сегодня говорят о транслингвизме как особом модусе существования текста — как художественного, так и узуального.

Исследовательница З.Г. Прошина полагает, что под транслингвальностью понимают плавный синергетический переход от одной лингвокультуры к другой, в результате чего происходит некоторое их слияние, при этом отсутствует полная ассимиляция и сохраняется лингвокультурная идентичность пользователей языков, а также создается смешанный дискурс [1]. Транслингвальность — это практика создания нового образа мира, комплеккативного по своей сути. Транскультурные потоки в подобном тексте не смешиваются, порождая единое русло нарратива; напротив, происходит расслоение эстетического феномена, когда каждая семиотическая «струя» дифференцируется как органически самостоятельная. М.В. Тлостанова называет такие элементы «сохраняющими право на непрозрачность» [2]. Маркером транслингвальной литературы становится культурная синергия — объединение культурно-гетерогенных элементов, приводящее к созданию качественно нового образования, превосходящего сумму этих элементов.

Исследователь транслингвальной литературы Стивен Келлман пишет:

I define literary translanguaging as the phenomenon of writers who create texts in more than one language or in a language other than their primary one [3. P. 337].

Таким образом, писатель-транслингв — человек, принадлежащий одной культуре, но творящий на языке другой. Этот язык может быть освоен в силу различных экстралингвистических факторов, которые затрагивают как геополитические аспекты развития общества, так и частные факты отдельно взятых языковых биографий. Рассуждая о причинах интенсификации транслингвальных тенденций в литературе, исследователь подчеркивает:

Imperialism – military, political, cultural, or commercial – accounts for another large share of translanguaging. The hegemony of a conquering culture accounts for many of the texts composed in Arabic, Chinese, Latin, Persian, and Sanskrit by non-native speakers. In modern times, control of Africa and Asia by colonial European powers ensured that indigenous writers chose English, French, or Portuguese as their literary medium, rather than Bengali, Vietnamese, Fulani, Malayalam, or Zulu [Ibid. P. 341].

Еще одну причину исследователь усматривает в социально-экономическом аспекте:

In the modern global economy, commercial pressures can be as persuasive as military and political ones in inducing writers to switch languages. Certain world languages – Arabic, Chinese, English, French, Spanish – promise access to a much more extensive readership than, say, Finnish, Khmer, or Tajik. A native speaker of one of the latter who wants to write a bestseller, or merely earn a living, might consider it prudent to adopt a language with a wider currency [Ibid.].

Не случайно отношение к усвоенному языку у различных писателей варьируется. Так, некоторые из них воспринимают его как знак не изжившей себя колониальности, язык-поработитель, который замалчивает их этническую самость. В некоторых случаях, как справедливо подчеркивают ученые [4], язык становится «культурным мостом» к более широкому перцептивному полю и способствует ревитализации первичной культуры [5].

Особенность транслингвальной литературы – в симбиозном сочетании традиций нескольких культур. Яркий пример – литература, создаваемая азиатскими авторами на английском языке, в которой паттерны восточного миропонимания конструируются с нарративными практиками усвоенных языковых традиций. Писатели-транслингвы не только излагают собственный транснациональный опыт – их творчество становится маркером транскультурных тенденций в обществе.

Результаты исследования и их обсуждение

Писательница Рупи Каур – канадка индийского происхождения, на сегодняшний день названная «голосом десятилетия»¹ и являющаяся одним из наиболее авторитетных инста-поэтов современности. Она автор трех сборников стихов: “Milk and Honey” (2014), “The Sun and her Flowers” (2017), “Home Body” (2020). Каур иммигрировала в Канаду в раннем возрасте вместе со своей семьей, спасаясь от преследования сикхов со стороны ортодоксальных мусульман. Первый нарративный опыт – опыт человека, который готов поделиться своей историей с миром, – осуществился на площадке Instagram в 2009 г. Поэзия Каур, стилистически упрощенная с точки зрения языка, исследует южноазиатскую идентичность, женственность и иммиграцию. Ее стихи атрибутируют рисунки, исполненные в линейной технике.

Каур родилась в Пенджабе в семье сикхов; ее семья переехала в Канаду, когда девочке было три года. Отец, не присутствовавший при рождении дочери, уехал из Индии еще раньше и присылал матери Каур стихи. Поэзия стала аспектом веры и духовности будущей писательницы. В Канаде ее родители неоднократно подвергались расовой дискриминации; это выработало в Каур паттерны скрытного поведения. Мотивы выживания становятся впоследствии для ее поэзии частотными [6].

Каур освоила английский язык в возрасте десяти лет. Акцент, унаследованный от матери (проблеме изоляции, в том числе лингвистической, посвящено одноименное стихотворение «Акцент» в сборнике “The Sun and her Flowers”), заставлял ее испытывать острое чувство неполноценности; впоследствии оно переросло в отвращение к английскому языку и неспособность социализироваться посредством него в новой реальности. Какое-то время отказ от английского языка стал означать фактическое молчание. К обретению голоса ее привело писательство, ставшее для нее профессиональной деятельностью [Ibid.].

На протяжении всего периода обучения в старшей школе Каур писала анонимно. Примечательно, что Каур – псевдоним, взятый поэтессой в качестве манифеста своей жизненной и по-

¹ По оценке издания *New Republic*.

литической позиции. Каур — классовое имя сикхской женщины, борющейся с кастовой системой в Индии. Сикхское государство было разгромлено в 1849 г. Британской империей, что дало импульс массовой эмиграции в Британию и Северную Америку. Центрами диаспоры являются Великобритания, Италия, Канада, Малайзия, Восточная Африка, Австралазия и Таиланд [7].

В культуре сикхов при рождении все мальчики нарекаются именем Сингх, все девочки — Каур. По достижении определенного возраста сикхи обязаны вступать в брак; развод является в их культуре табу. Каста и происхождение будущего супруга значения не имеют. На протяжении всей жизни сикх обязан иметь при себе пять предметов, выступающих его идентификаторами: кеш (нетронутые волосы), кангха (деревянный гребень), кара (стальной браслет), качча (нижняя одежда до колен), кирпан (кинжал, спрятанный под одеждой). Таким образом, внешние атрибуты, связанные с телесным, являются важными элементами культуры сикхов. Не случайно в поэзии Каур категории телесного отводится значительное место.

Еще важнее культурный базис, из которого произрастает ее поэзия. С точки зрения религии сикхов, которая является монотеистической, на земле не существует единственного гуру, познавшего Бога: только Бог знает Себя самого. Возникнув на стыке индуизма и ислама, сикхизм проповедует преданность Богу, не требующую исполнения канонических ритуалов. Гуру Нанакком создан учение, в соответствии с которым Бог территориально не ограничен: это все пронизывающий Творец, чье истинное имя никто не знает. Цель творения также известна лишь Богу. Он не покровительствует лишь одному народу, источая любовь и милосердие ко всему живому. Его присутствие в мире диалектично. С одной стороны, Бог есть Абсолют (Ниргун), с другой — индивидуальное проявление в каждом человеке (Саргун). До акта творения Бог существовал как Абсолют, но выразил Себя в процессе космогонии, обретя Свое имя. Так появилась природа (отметим, что она составляет лейтмотив творчества Каур), в которой Бог явлен. Он не рожденный вечным, непостижимым и неопишным: поклоняться ему можно лишь медитацией и пением молитв, которые имеют общие синкретические основания с искусством поэзии.

Человек в миропонимании сикхов существует всегда: до своего рождения, в земной жизни, которая определяет его индивидуальность, и после смерти, которая трактуется как возвращение к Абсолюту, в котором он пребывает вечно. Задача его на земле — расширить границы своего сознания настолько, чтобы вместить в него других, сделать их частью себя. Любовь и братские отношения ко всем людям Земли составляют основу сикхизма. Правоверный сикх — человек свободной воли, уважающий свободу других. Обладая волей, люди тем не менее погружены в природный «контекст» естественных законов Вселенной, идти против которых не имеет смысла. Самое порицаемое качество человеческой личности — эгоизм. Люди должны возвыситься над своим «я», поднимаясь до уровня семьи, общества, природы и Бога. Не исповедуя ни аскетизма, ни гедонизма, сикхи выбирают великий срединный путь. В каждом человеке явлен Бог. Это отношение находим уже в посвящении книги “The Sun and her Flowers”:

to my makers
kamaljit kaur and suchet singh
i am. because of you.
i hope you look at us
and think
your sacrifices were worth it².

Отношение к родителям как творцам жизни, безусловно, произрастает из культурного базиса, который был впитан Каур еще с детства. В стихотворении “My God” актуализировано отношение Каур к Богу, которое сформировалось под влиянием культуры сикхов:

² Каур Пуни. The Sun and her Flowers. М.: Эксмо, 2021. С. 3.

my god
 is not waiting inside a church
 or sitting above the temple's steps
 my god
 is the refugee's breath as she's running
 is living in the starving child's belly
 is the heartbeat of the protest
 my god
 does not rest between pages
 written by holy men
 my god
 lives between the sweaty thighs
 of women's bodies sold for money
 was last seen washing the homeless man's feet
 my god
 is not as unreachable as
 they'd like you to think
 my god is beating inside us infinitely³.

Бог Каур — в дыхании эмигранта, бегущего из страны; в голодном чреве ребенка; меж потных бедер женского тела, проданного за деньги. Он бьется в каждом человеке не переставая. Это понимание отходит от представлений, навязанных обществу западным религиозным дискурсом, и транслирует ценностные смыслы исходной для Каур культуры.

Над книгой “Milk and Honey” Каур начала работать с 18 лет. Книга была переведена на 25 языков. Второй сборник — “The Sun and her Flowers” — Каур рассматривает как непрерывный метатекст, единое стихотворение, «продолжающееся на 250 страницах».

В письме *гурмуки*, которое является для семьи Каур первичным, отсутствует концепция разделения на строчные и прописные буквы. Отдавая дань уважения языку *панджаби*, Каур пишет строчными буквами, избегая всех пунктуационных знаков, кроме точки. Поэтесса называет себя апологетом «равноправия букв» и отмечает, что такой стиль выражает ее мировоззрение [8]. По мнению Каур, ее связь с культурой Южной Азии настолько непреложна, что полное ее понимание западными читателями становится для нее неважным⁴.

Поэзия для Каур — форма исцеления, поэтому кооперация с аудиторией, несмотря на коммерческий успех ее стихов, не является для нее первостепенной. Она называет себя представителем поколения писателей-мигрантов, способных транслировать ценности этого поколения⁵. Язык Каур разговорный, порывающий со стандартами классической английской поэзии. Мотивы ее творчества произрастают из индивидуальной биографии: проблем индийских женщин, в частности матери; дисморфофобии; иммиграции.

Мы не можем не согласиться с У.М. Бахтикиреевой, которая предлагает изучать творчество транслингвальных авторов в аспекте языковой биографии:

Как представляется, с появлением этих и других работ перед исследователями (этно)языковых и культурных процессов, неизбежно связанных с процессами би-, транслингвизма и транскulturации, окончательно выкристаллизовалось актуальное направление — языковая биография, которая может быть определена и как онтология языкового бытия или онтология иноязыкового бытия (если речь идет о речемыслительной деятельности на языке иного этноса — о транслингвизме) [9].

Каур черпает вдохновение в себе, своей матери и близких; она исследует проблемы, с которыми сталкиваются индийские женщины и иммигранты. История освоения нового пространства становится семантически сверхнасыщенным нарративом. В метатексте сборника “The Sun and her Flowers” звучит архетипический мотив *своего круга*, который кристаллизован в таких сюжетных

³ *Каур Пуни*. The Sun and her Flowers. С. 240.

⁴ *Rao Sonia*. Few read poetry, but millions read Rupi Kaur // The Boston Globe. 2017. 11 October.

⁵ Rupi Kaur reinvents poetry for the social-media generation // The Economist. 2017. 1 November.

репрезентациях, как бегство, пересечение границ (культурных и языковых), вживание в новый социальный контекст.

Шаг за шагом Каур восстанавливает последовательность событий, которые предшествовали иммиграции ее семьи в Канаду. Архетип «дом», чрезвычайно значимый для сборника, реализуется в нескольких актуальных для Каур образах. Первый из них — пространственный код, который выступает вместилищем нового мира — мира, не способного принять лирическую героиню. Второй воплощен в идее телесного: тело также выступает для Каур топосом обитания, с которым она не в силах смириться. Мотив отвержения собственного тела становится для книги стихов доминирующим. Отчасти это связано с пережитыми Каур травмами, в том числе изнасилованием. Третий коррелирует с онтологемой «язык», который на протяжении всей структуры повествования воспринимается героиней как культурный барьер, требующий преодоления.

Книга “The Sun and her Flowers” состоит из пяти глав, каждая из которых повествует о своей истории: увядании, падении, ускорении, восхождении, цветении. Симптоматично, что семантический комплекс заголовочного ансамбля вбирает в себя две смысловые траектории: природные процессы, происходящие с растениями (и метафорически коррелирующие с человеческой жизнью), и движение (подконтрольное и неконтролируемое) субъекта, наделенного волей. Так, падение — процесс, который на уровне мироощущения можно охарактеризовать как провиденциальный: падение случается с субъектом, переводя его в статус объекта; актив становится пассивом. На уровне синтаксической структуры такая трансформация транслирует идею воздействия на субъекта высших сил. Это, по словам А. Вежбицкой, переживание провиденциального опыта. В поэзии Каур падение имеет соматический и фитонимический подтексты. С одной стороны, данный мотив (падение тела) сообщает субъекту статус жертвы. С другой стороны, в землю падает семя, чтобы прорасти в нем в новом качестве. Телесный код репрезентирован и в мотиве восхождения, который также становится двойственным: это восхождение человека к новым для него вершинам и восхождение как рост цветка. Главы «Увядание» и «Цветение» непосредственно связаны с заголовочным комплексом книги стихов. Человек в эстетическом мироощущении Каур есть часть природного мира, который живет и развивается по его (мира) естественным законам:

think is the recipe of life	they will teach you
said my mother	that people too
as she held me in her arms as i wept	must wilt
think of those flowers you plant	fall
in the garden each year	root
	rise
	in order to bloom ⁶ .

Глава «Ускорение» посвящена темам иммиграции, поискам своего места в мире и освоения нового языка. Иммигрант становится для Каур транслятором идеи моста между двумя пространствами, которые могут так никогда и не стать домом. Лирический субъект стихотворения «Иммигрант» явлен имплицитно. Его экзистенциальный модус реализован сквозь призму восприятия другими («они»), для которых внеаходимость героя — непостижимая категория:

they have no idea what it is like	to have your entire life
to lose home at the risk of	split between to lands and
never finding home again	become the bridge between two countries ⁷ .

Примечательно, что мотивы расщепления и стягивания выступают в контексте стихотворения как диалектическое единство. Характерен и выбор местоимения *они*, актуализирующего идею максимального дистанцирования внешних наблюдателей от местоименно невыраженного лирического субъекта. Местоименная невыраженность субъекта — важный транслингвальный

⁶ Каур Рупи. The Sun and her Flowers. С. 208.

⁷ Там же. С. 214.

маркер. Инфинитивные конструкции актуализируют идею субъектного переживания, однако не называют перцептива. С точки зрения экспликации заложенного в контексте стихотворении смысла происходит нивелирование идентичности как таковой.

Переживание этнической травмы является для Каур болезненным опытом. В стихотворении «Лагерь беженцев» она пишет:

you are an open wound
and we are standing
in a pool of your blood⁸.

Называя каждого из иммигрировавших *открытой раной*, Каур расслаивает нарратив на два модуса, каждый из которых относится к старшему и младшему поколениям; при этом именно дети иммигрантов стоят в луже крови, пролитой их родителями. Переживание *потери* родины старшим поколением как мотив объективирован в стихотворении «Покинуть родину»:

leaving her country
was not easy for my mother
i still catch her searching for it
in foreign films
and international food aisle⁹.

Примечательна деталь «иностранных» (фильмов): для лирической героини кино на этнически родном языке воспринимается как иностранное (чужое). Она дистанцирована от родной культуры, но все еще не инкорпорирована в новую реальность. О том, что страна не принимает ее, повествует стихотворение «Лодка»:

in a country that wants to spit you out you have to keep going and going and going <...>	how many people has this water drunk up it is all one long cemetery bodies buried without a country perhaps the sea is your country perhaps the boat sinks because it is the only place that will take you ¹⁰ .

Внезаходимость и бездомность становятся для лирической героини основой мироощущения:

perhaps we are all immigrants
trading one home for another
first we leave the womb for air
then the suburbs for the filthy city
in search for a better life
some of us just happen to leave entire countries¹¹.

Негативное отношение к колонизации как силе, расколовшей мир на части и превратившей многие народы в надтерриториальных этнических индивидов, выражено в стихотворении «Колонизация»:

you split the world into pieces and called them countries	declared ownership on what never belonged to you and left the rest with nothing ¹² .

Лирическая героиня на протяжении всей истории, рассказываемой в книге стихов, пытается собрать воедино осколки разбитого зеркала, чтобы увидеть в нем *целостную себя*. Она преодолевает ненависть к собственному телу, не похожему на тела других женщин, сопротивление

⁸ Каур Рупи. The Sun and her Flowers. С. 219.

⁹ Там же. С. 223.

¹⁰ Там же. С. 228.

¹¹ Там же. С. 238.

¹² Там же. С. 250.

реальности, которая пытается ее отторгнуть; учится сживаться с новым для себя языком, постепенно отходя от восприятия его как враждебного и чуждого. Постепенно язык, отождествляемый Каур с «культурной бомбой» (определение Нгуи Ва Тхионго), становится для нее культурным мостом к новой идентичности — не дефективной, но сложной и способной обрести свое место в мире. Этот путь идентификации прослеживается в стихотворении «Акцент»:

my voice	and my mother tongue
is the offspring	made love my voice
of two countries colliding	is her father's words
what is there to be ashamed if	and mothers's accent
if english	what does it matter if
	my mouth carries two worlds ¹³ .

Несмотря на то что эпитет «столкнувшиеся» (страны) указывает на изначальную конфронтацию между двумя странами, лирическая героиня Каур приходит к выводу, что ее род способен вместить в себя два мира. Как видим из реконструированной фабулы — общей для книги стихов повествовательной структуры, ей постепенно удается прийти к новому для себя мироощущению — мироощущению человека, который становится мостом между двумя семиотическими пространствами языков и культур.

Заключение

Поэзия Рупи Каур — это интроспекция тех душевных переживаний, которые оставляет после себя опыт коллективной этнической травмы. Культура сикхов, усвоенная поэтессой в процессе интергенеративной трансмиссии, стала тем базисом, из которого кристаллизовались основные сюжеты ее творчества: единство всего сущего; невозможность принять парцелляцию осмысленного мира; дисморфобия и принятие себя; поиск своего места в мире; путь к языку, способному вместить в себя новую, усложненную идентичность. Каур приспособливает английский язык под свои нужды; в первую очередь это выражается в графике, повторяющей визуальную стилистику языка ее родителей. Тема иммиграции в книге стихов “The Sun and her Flowers” становится для Каур ключевой. Через опыт коллективного она пытается пройти собственную самоидентификацию. Языковые элементы ее поэтического дискурса указывают на то, что дистанцирование от опыта родителей, пусть и неосуществимое полностью, все же постепенно намечается. В отличие от матери, так и оставшейся иностранкой в новой стране, Каур приходит к тому, что может стать транслятором новых смыслов, предлагая читателю опыт исцеления поэзией — опыт, который манифестирован ею как индивидуальная жизненная программа.

Литература/References

1. Прошина З.Г. Транслингвизм и его прикладное значение. DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-2-155-170 // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2017. Т. 14. № 2. С. 155–170.
2. Прошина З.Г. Translingvizm i ego prikladnoe znachenie. DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-2-155-170 // Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. 2017. T. 14. No. 2. S. 155–170.
3. Глостанова М.В. Постсоветская литература и эстетика транскультурации: жить никогда, писать ниоткуда. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 416 с.
4. Postanova M.V. Postsovskaia literatura i estetika transkul'turatsii: zhit' nikogda, pisat' niotkuda. Moscow: Editorial URSS, 2004. 416 s.
5. Kellman S.G. Literary translanguaging: what and why? DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-337-346 // Polylinguality and Transcultural Practices. 2019. Vol. 16. No. 3. P. 337–346.
6. Бахтиркуева У.М., Валикова О.А., Кинг Дж. Translingualism: communicative bridge or “cultural bomb”? DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-1-116-121 // Polylinguality and Transcultural Practices. 2017. Vol. 14. No. 1. P. 116–121.
7. Бахтиркуева У.М., Валикова О.А. Транслингвизм и ревитализация культуры. DOI 10.22363/2313-2299-2017-8-1-57-63 // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 1. С. 57–63.

¹³ Каур Рупи. The Sun and her Flowers. С. 254.

Bakhtikireeva U.M., Valikova O.A. Translingvizm i revitalizatsiia kul'tury. DOI 10.22363/2313-2299-2017-8-1-57-63 // Vestnik RUDN. Seriya: Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika. 2017. T. 8. No. 1. S. 57–63.

6. *VanderBeek C.* To be a child of diaspora: the irreconcilable outsider in Sikh discourse. DOI 10.1080/17448727.2018.1545192 // Sikh Formations. Religion. Culture. Theory. 2020. Vol. 16. Iss. 1–2. P. 187–199.

7. *Khalsa G.S.* Five paragons of peace: magic and magnificence in the Guru's way. Toronto: Monkey Minds Press, 2010.

8. *Huggan G.* Re-evaluating the postcolonial exotic // Interventions. 2020. No. 22 (7). P. 808–824.

9. *Бахтикиреева У.М.* О транслингвизме и транскulturации через призму одной языковой биографии // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 2 (50). С. 80–84.

Bakhtikireeva U.M. O translingvizme i transkul'turatsii cherez prizmu odnoi iazykovoi biografii // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. 2016. No. 2 (50). S. 80–84.

Кулиева Шекер Авдыевна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Российский университет дружбы
народов

Kulieva Sheker A.,
Candidate of History,
Associate Professor of the Foreign
Languages Department
Peoples' Friendship University
of Russia

e-mail: shekkul@mail.ru

Щеникова Нина Викторовна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Институт русского языка
Российский университет дружбы
народов

Shchennikova Nina V.,
Candidate of Philology, Associate
Professor of the Russian Language
and Intercultural Communication
Department
Institute of the Russian Language
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: ninashenn@gmail.com

Interrelation of history and nationhood in contemporary Persian historical fiction

The present article discusses how terrains of belonging are constructed and articulated textually through historical novels which bring the past into the present, and link the national identity of people to memories of their ancestors, to their nation's glorious past. The rise of the historical novel in Iran was concomitant with Iran's Constitutional Revolution of 1906, which was hailed by many a critic and historian as a major time of sociopolitical awakening which contributed to protecting the cultural legacies of the past and keeping aglow the propitious light of belonging and nationhood. Historiography has been a fecund ground for Iranian fiction-writers in which to retrieve a sense of national identity. This article aims at showing how Persian historical novels foreground the symbiotic relationship between remembering and belonging, and open up texts to their national significances.

Keywords: Persian historical novel, the nation, the Constitutional Revolution, historiography.

В статье рассматривается вопрос, как принадлежность к конкретной национальности отражается в текстах исторических романов, которые переносят прошлое из настоящего и связывают национальную идентичность людей с воспоминаниями об их предках, со славным прошлым их нации. Расцвет исторического романа в Иране совпал с Конституционной революцией 1906 г., которая была расценена многими критиками и историками как важнейший период социально-политического пробуждения, способствовавшего защите культурного наследия прошлого и сохранению национальной идентичности и принадлежности национальному государству. Историография была плодородной почвой для иранских писателей, на которой они могли восстановить чувство национальной идентичности. Цель настоящей статьи — показать, как персидские исторические романы, выдвигая на первый план симбиотические отношения между воспоминанием и принадлежностью к своему народу, приобретают национальное значение.

Ключевые слова: персидский исторический роман, нация, конституционная революция, историография.

Introduction

The power and appeal of nationhood as a cultural force has begun to be examined by scholars from different disciplines since the 1960s, following the era of decolonization¹. Not long after the end of the World War II decolonization struggles started openly. Colonized states in Asia, Africa, the Caribbean, and the Pacific islands began declaring their independence. Posterior to the decline and fall of empires and the ensuing decolonization, and following the massive rush of immigration from formerly colonized peripheries to imperial centers, there emerged a growing anxiety of belonging which encouraged, or rather compelled, people of different countries to rethink their national identity.

Nationhood is plainly the most forceful collective identity in our time; it unites people and secures “a social bond between individuals and classes by providing repertoires of shared values, symbols and traditions” [7. P. 16]. It is however important to notice that national identity usually calls upon history and the national past. Although historical fiction does not claim to be considered equal to historiography, it surely reflects aspects of national belonging. The historical novel is a mirror of the past of a nation. Such novels depict the stories, customs and habits, intellectual and moral developments of nations. Historical fiction teaches national characteristics by delight. One may learn more of a nation's past by reading a historical novel than they might learn by perusing blunt, serious historiographical pieces. This defines the purpose of the present article. Historical fiction is the narration of nation which, according to Homi K. Bhabha (1949), takes shape through *imagi-Nation* [2. P. 1]. Mineke Schipper in “National Literatures and Literary History” (1987) argues that literature has contributed to the development of national feelings [6. P. 282]. Therefore, novels, like many other literary or artistic forms, can strengthen or undermine national identity.

¹ Particularly in Britain in the late 1960s and the 1970s a group of political theorists (including, most famously, Tom Nairn and Perry Anderson) began to question British national culture and criticize it for its theoretical inertia. Anderson in “Components of the National Culture” (1968) and Nairn in *The Break-up of Britain* (1977) argued a need for English nationalism. Nairn noticed “the symptom of an *absence* of popular nationalism among the English”.

In Persian literature, the novel is a young genre that has received serious attention since its emergence, which was approximately at the time of the Constitutional Revolution between 1905 and 1911. During these years, the Iranian nation strived to bring about constitutional reforms; however, with the outbreak of World War I, Iran became a stage of externally imposed and unwanted conflicts, which resulted in nationwide famine, epidemics, poverty and corruption. Thus the fulfillment of constitutional reforms lagged behind their initial promise. Moreover, the post-Revolutionary states always moved in opposition to the wishes of the people and became more and more corrupt as they transmogrified into a plaything of colonial powers. The historical novel appeared in this critical period as the most prominent literary genre, and they artistically celebrated the great men and women who once served their country and were 'saviors' of Iran at one point in history. *Dāstān-e Bāstān* [A Story of the Ancient Times] (1920) by Mirzā Hasan Khān Badi' (1872–1937) and *Salahshūr* [The Warrior]² (1924) by Abdul-hoseyn San'ati-zade Kermānī (1895–1973) are two such novels; the former depicts the life and deeds of Cyrus the Great (d. 530 BC), the founder of the Achaemenid Empire, and the latter describes the heroic exploits of Ardashīr Bābakān (d. 242 AD), the founder of the Sasanian Empire.

The rise of the Persian historical novel

In Europe the rise of the historical novel followed the decline of the traditional feudal system, the rise of the middle class, and the emergence of nationalism;

the beginning of the historical novel is linked to the emergence of nation-states and the awakening of national(-ist) sentiments, which are intrinsically aftermath of the late 18th century social turmoils, particularly the 1789 French Revolution, that made history, for the first time, a mass experience. This increasing historical awareness reached its peak after the fall of Napoleon (1814). It is no accident that Scott's *Waverley* – usually considered the first [English] historical novel – appeared right about the time, when Britain was a victorious [imperial] nation [3. P. 48].

In the same vein, the rise of the historical novel in Iran was concomitant with Iran's Constitutional Revolution of 1906, which was hailed by many a critic and historian as a major time of sociopolitical awakening.³

In the years leading up to the Constitutional Revolution (1905–1911), at the very beginning of the twentieth century, many literary circles emerged in different corners of Iran, and modern authors, firmly opposed to court poets who were given to translating the ideology of feudal aristocracy, tried their hands at writing novels – the new literary genre whose audience were the working-class people, not the nobility. These novelists were the main activists of the 'literary revolution,' and their first task was to break away from the usual feudal themes and the old hackneyed forms and subjects. They also tried to create a distinct, more relaxed language for their own work, a language which had nothing to do with the grandiloquent, archaic language of the elite. It was not possible to introduce new themes using the old literary language. The language of classical literature, with its rigorous formulations, could not be used by novel-writers. They sought for a vernacular language in order to let the masses read and imagine themselves as members of a national community.

The historical novel should also be seen as a result of the cultural efforts of Dār al-Fonūn and its teachers. Dār al-Fonūn was the first modern academy or institution of higher learning in Iran which was established in 1851 by Mirzā Taqī Khān Amīr Kabīr (1807–1852), grand vizier to Nāseruddīn Shāh (r. 1848–1896) of the Qajar Dynasty. Among the disciplines taught in the polytechnic academy of Tehran were history and foreign languages. The latter helped many scholars to embark on translating artistic and scientific books into Persian and thus paving the way of modernization.

² The preface to this novel is worthy of attention as it is a short manifesto of socialist novels. It argues in favor of the revolutionary and reformist function of the novel.

³ Edward Granville Browne (1862–1926) effectively described it as "an Iranian awakening – drawing explicit comparisons with the Italian Risorgimento" [1. P. 1].

The first pieces of Persian historical fiction reflect the prime role of translation and the influence of translated literary pieces on the novelistic experiments of Iranian writers. The Iranian writers come to know the stylistic rules, forms, and manners of fiction-writing through studying and emulating the translated western novels. Among the first examples of historical fiction which were translated into Persian and influenced Iranian writers were Alexandre Dumas' *The Three Musketeers* and *The Count of Monte Cristo* (trans. Muhammad Tāher Mirzā (1834–1900)), Alain Rene Lesage's *Gil Blas* (trans. Mirzā Habīb Esfahānī (1835–1893)), Francois Fenelon's *The Adventures of Telemachus* (trans. Mirzā Āgha Khān Kermānī (1854–1896)), Bernardin de Saint-Pierre's *Paul and Virginia* (trans. Ebrāhīm Neshāt), George W. M. Reynolds' *The Virgin's Kiss* (trans. Seyyed Hoseyn Sadr al-Ma'ālī Shīrāzī (d. 1917)), and Jurji Zaydan's *Egyptian Armansura* and *Battle of Karbala* (trans. Abdul-Hoseyn Mirzā) [5. P. 111–112].

European-style romances and novels had no precedent in Iranian literature until 130 or 140 years ago, when Western culture found its way into Iran via translation. One has to wait until 1895, the year Zeyn-al-Ābedīn Marāghe'ī (1839–1910) published *The Travel Diary of Ebrāhīm Beyg* in Istanbul, to speak of the first pseudo-novel in Persian literature. A decade later, *Masālek al-Mohsenin* [The Ways of the Charitable] by Abdul-Rahīm Tālebof was published. The authors of these novels provided historical information while also producing interesting literary stories. The popularity of this kind of fictional pieces encouraged more writers to try their hand at composing historical novels which reflected an archaic nationalism.

The years following the Constitutional Revolution (1905–1911) witnessed a rapid growth in the composition and publication of Persian historical fiction. It was a time of literary transition from mythological love stories and moral tales to modern-day novels. Iranian intellectuals strived to relate to national history in order to promote shared national sentiments among the common folk.

The historical novel and national identity

Representations of the past and rewritings of history are of great moment in establishing and propagating a sense of national identity and belonging: “Historical novels are not only the legitimate progeny of a nation's becoming conscious of its own identity, they also contribute to fortify that nationalist discourse” [3. P. 46]. The writing of historical pieces is a manner of contemplating upon contemporary issues and conveying “*sentiment de l'existence*” of an era, “the feeling of how it was to be alive in another age”. According to Avram Fleishman, historicism, and studying of the path of the past, is a “peculiarly national affair” [4. P. 18–19]. There is thus a reciprocal relationship between history and the nation. On one side, history reveals national identity and its distinctive features and identifications in various epochs, and on the other side, the nation owns its survival and continuation to history for re-membering and protecting the sense of belonging and nationhood.

Historical novels help bring to the fore characteristics and qualities shared by all members of a society (e. g. language, religion, myths, tradition, values). These elements are internalized by the members of a society who are usually not conscious of them.

The nation is a lived experience, and the historical novel is indeed a narration of such a rich experience where the “scraps, patches, and rags of daily life must be repeatedly turned into the signs of a national culture, while the very act of the narrative performance interpellates a growing circle of national subjects” [2. P. 297]. The nation is a form of identification; the production of the nation as narration in historical novels provides the writers with such a plenteous cultural repository from which to draw their material.

The historical novel in Iran could well be categorized with reference to two historically influential revolutions: the Constitutional (1905–1911) and the Islamic (1979). The first type is usually informed and inspired by archaic nationalism, and the very first instances measure up more to romance than to proper novels, although every now and then some novels of character come into view, such as *Dāstān-e Bāstān* by Muhammad-Hasan-Khān Badī'. In these historical novels of pre-modern era the emphasis is upon the events or adventures that the hero undertakes on their historical quest. They reflect, through heroic romances, the glories of a nation's past.

The rise of realism (and later on naturalism) as a movement in Iranian literary scene — which was reflected mostly in fiction-writing — impeded the development of historical novels. The economic austerity and sociopolitical crises led many writers to commit to social causes; they had to address the dire reality of everyday life and had thus no time for historical romances.

When we move on to the modern era and consider the modernist style of narration, we witness a meaningful shift in approaching history. Modern historical novels are not about history *per se* but the consciousness of history. The writers of these historical novels did not put their pens to paper with this idea in mind of creating a detailed historiographic piece. They treated history as it was received in the minds of their characters. This type of historical novels were written mostly after the Islamic Revolution, and some of them even touch on the postmodern literature and draw on historiographic metafiction. Moniro Ravānipour's *Del-e Fūlād* [*Heart of Stone*] (1990), Hamīdrezā Shāhābādī's *Dilmāj* [*The Interpreter*] (2006), Qāsem Shokri's *Mārmūlak-i ke Māh rā Bal'id* [*The Lizard Who Swallowed the Moon*] (2009), Hoseyn Sanāpūr's *Shamāyel-e Tārik-e Kākh-hā* [*Dark Shades of Palaces*] (2009), and Mahdī Yazdānī Khorram's *Man Manchester United rā Dūst Dāram* [*I Love Manchester United*] (2012). These novels also evince historical and cultural dimensions of Iranian national identity, though the focus of this article is on the first category of historical novels, namely, historical romances.

Shams and Toghrā (1905) is considered to be the first historical novel in Persian literature; it is written by Muhammad Bāgher Mirzā Khosravī (1847–1919). The author, who was a forerunner of modern Persian prose, wrote the novel when his city of origin (Kermānshāh) was occupied by Russian forces. He thus desired to write a story which showed that the night of oppression would be ended by the twilight of peace and independence. He tries to introduce himself as a historian, not a novelist, in order to make his narrative more believable. The novel is a story of love and adventure which pictures the tumultuous period of Mongol rule over Iran. The Atabakans were a dynasty of monarchs in Fars, founded by Salghar. Shams al-Din, the hero of the novel, is an Iranian prince who marries Toghrā, the daughter of a powerful Mongol ruler. The novel ends with the death of Arghun Khān and his sinister vizier Sa'd al-Dowleh who was Jewish and hated Iranian Muslims. Finally, peace is restored, and the light of hope wins over the darkness of tyranny.

Another of the earliest Persian historical novels was *Love and Kingship or the Conquests of Cyrus the Great* by Sheikh Musa Kabūdar-Āhangī (1881–1953), which was published in Hamadan in 1919. The author has attempted to create a historical and educational novel which relates the exploits of King Cyrus of the Achaemenid dynasty. The historical information is based on the narratives of the Greek historian Herodotus.

Another historical novel is *The Ensnarers, or the Avengers of Mazdak*, written by Homāyūn San'atizāde Kermānī in two volumes. The first volume was published in Mumbai in 1882, and received the attention of Edward Browne, the famous British orientalist, and the second volume was published in Tehran in 1887. The main purpose of this story was to show that the ethos and habits of Iranians in the late Sassanid era were so corrupted that they were on the road to decline. In this novel, the author briefly takes us to the reign of Khosrow Anūshīrvān and then describes the painful fate of the Mazdakites; he later regrets the sad period of Yazdgerd's reign, the incompetent last Sasanian monarch who lost the crown of Persia to Arab invaders.

In another historical novel, *Mazālem-e Torkān Khātūn* (1927), Heydar-Ali Kamālī (1869–1936) describes the Mongol invasion of Iran which resulted in barbaric oppression and bloodshed. The novel regretfully pictures the final years of the reign of Sultan Muhammad II of Khwārazm (ca. 1220). It shows how his mother (Torkān Khātūn) interfered in the affairs of the state and decided for his son, which ultimately led to the downfall of the country. Kamālī's second historical novel, *Lāzīkā* (1931), is a description of conflicts and wars between the Romans and Anūshīrvān in a region called Lazika on the Black Sea coast. In this historical novel, Kamālī depicts the last years of the Sassanid rule.

Muhammad-Hoseyn Roknzādeh Ādamīyat (1899–1973) wrote the very famous classic novel *Dalīrān-e Tangestān* [*Braves of Tangestān*] (1931) in order to describe the events that had taken place during the First World War in southern Iran and published it serially in *Kūshesh*. The novel eulogizes the bravery

of the people of southern Iran — Tangestān, in Būshehr province — who sacrificed their lives to expel the trespassing British colonizers from Iranian soil.

Shahr-bānū (1931), written by Ali-Asghar Rahīmzāde Safavī, was another serialized historical novel which was published in installments in *Setāre-ye Iran* newspaper. The novel laments the doomed transition of power from the Sassanid rulers to the incompetent Samanid kings who finally surrendered to the invasion of the Arabs.

Between 1930 and 1937, Zeyn al-Ābedīn Mo'tamen (1914–1989) wrote the novel *The Eagle's Nest* and published it serially in several installments in *Shafagh* newspaper. The adventures of this thousand-page novel are based on the rivalry between Khwaja Nezām al-Molk (1018–1092), vizier of the Seljuk Empire, and Hasan Sabbāh (1050–1124), founder of the Nezārī Īsma'īlī state, for the power grab at the court of a Seljuk King. *The Eagle's Nest* is a true example of a popular story during the reign of Rezā Shāh. In this novel, the lawless rebels are hated as enemies of the nation who have tried to ruin the status quo.

Conclusion

Historical fiction justifies and perpetuates specific social and national beliefs and thus reinforces emotional attachment to a place, to the native country. Through reading historical novels, we learn about the social and political history of the Iranian people and their lifestyle, food, clothing, weapons, speech, ethics, customs, habits, intellectual and moral developments, celebrations and culture, agriculture and commerce.

Persian historical novel with its popularity helped familiarize Iranian readers with the new genre of the novel, and paved the way for subsequent novelistic experiments. Also, with the advent of the historical novel, the language of contemporary prose became simpler and closer to everyday language. It proved that ordinary language could well be used in creating serious works of literature, and liberated literature from grandiloquent and pompous style of the Qajar era. More importantly, the historical novel contributed to protecting the cultural legacies of the past and keeping aglow the propitious light of belonging and nationhood. Overall, historiography has been a fecund ground for Iranian fiction-writers in which to retrieve a sense of national identity.

References

1. Ansari A.M. Iran's Constitutional Revolution of 1906: narratives of the enlightenment. London: Ginkgo Library, 2006.
2. Bhabha H.K. Nation and narration. New York: Routledge, 1990.
3. Farahmandfar M., Household-Ilkhani S.C. In Search of Englishness: a study of the historical novel during the Victorian era // Rukpatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities. 2017. Vol. 9. No. 1. P. 46–55.
4. Fleishman A. The English historical novel: Walter Scott to Virginia Woolf. Baltimore; London: The Johns Hopkins Press, 1971.
5. Parsa-Nasab M. Persian historical novel: theory and criticism. Tehran: Cheshmeh, 2011.
6. Schipper M. National literatures and literary history // Research in African Literatures. 1987. Vol. 18. No. 3. P. 280–292.
7. Smith A.D. National identity. New York: Penguin, 1991.

Masoud Farahmandfar,
Doctor, Member of the Academic Council
Allameh Tabatabaee University
(Tehran, Iran)

ORCID ID: 0000-0001-8194-6719
Scopus Author ID: 57194577066
e-mail: masoudfarahmandfar@gmail.com

Musa Abdollahi,
Doctor, Member of the Academic Council
Allameh Tabatabaee University
(Tehran, Iran)

ORCID ID: 0000-0003-0345-5732
e-mail: mabdollahi82@yahoo.com

Билингвальные поэтические сборники как трансфер культуры и слова

Рассмотрен феномен билингвальных сборников стихотворений современных поэтов Республики Коми с параллельной публикацией текстов оригинала на коми языке и перевода на русский язык. В такой публикации перевод становится производным от авторского текста и авторского творческого замысла. Эта внутренняя связь для читателя становится наглядной и неразрывной. Такая книга объединяет русских и коми читателей в одном пространстве. Качество перевода зависит от вовлеченности автора в процесс перевода и от мастерства и индивидуальности переводчика. Ключевым мотивом коми поэзии являются размышления о судьбе родной земли, родного языка и культуры, рассмотренные на примере стихов коми поэтов в сопоставлении с их переводами на русский язык. Переводчик может дать оригинальному коми произведению жизнь в новом культурном пространстве. Перевод служит средством трансфера языка и культуры, просвещения и развития билингвального читателя. Качественный перевод способствует взаимопониманию и культурному взаимообогащению народов, а переводческая деятельность выступает как двигатель межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: билингвальная среда, трансфер, поэтический перевод, качество перевода, смысловая и эмоциональная доминанта.

The article considers the phenomenon of bilingual collections of poems by contemporary poets of the Komi Republic with parallel publication of texts of the original in Komi and translation into Russian. In such a publication, the translation becomes derived from the author's text and the author's creative idea. This connection becomes clear and indissoluble for the reader. Such a book unites Russian and Komi readers in one space. The quality of the translation depends on the involvement of the author in the translation process and on the skill and personality of the translator. The key motive of Komi poetry is reflections on the fate of the native land, native language and culture, considered by the example of poems by Komi poets in comparison with translations of these poems into Russian. A translator can give life to an original Komi work in a new cultural space. Translation serves as a means of language and culture transfer, education and development of the bilingual reader. High-quality translation promotes mutual understanding and cultural enrichment of peoples, and translation activity acts as a driver of intercultural communication.

Keywords: bilingual environment, transfer, poetic translation, translation quality, semantic and emotional dominant.

Введение

Предметом исследования является феномен билингвальных сборников стихотворений современных поэтов Республики Коми.

Союз писателей Республики Коми (Региональное отделение Союза писателей России) объединяет прозаиков и поэтов, пишущих на коми и русском языках, причем большая часть из них создает литературные произведения на русском языке. Некоторые литераторы используют оба языка, но все равно и у них существует определенная иерархия языков литературного творчества. И такое положение дел соответствует языковой ситуации, сложившейся в Республике Коми к настоящему времени.

Республика Коми расположена на северо-востоке Европейской части России. Титульный язык региона имеет юридический статус государственного, и на интернет-сайте проекта Института языкознания РАН «Малые языки России» его статус витальности определен как *threatened* [1]. Неблагоприятное изменение демографической и языковой ситуаций началось с 1930-х гг. и связано с формированием системы лагерей и поселков для спецпереселенцев, а с 1960-х гг. — с трудовыми миграциями для промышленного освоения северных территорий. В результате доля коренного населения в республике значительно сократилась. На момент публикации статьи, по данным официального портала¹, коми составляли 22% населения Республики Коми. Следует отметить, что это самый низкий показатель за всю историю республики.

В результате всероссийской переписи 2010 г. выявлено, что 40% лиц, назвавших себя коми, родным языком указали русский (по данным разных исследований, на рубеже XX–XXI вв. доля коми,

¹ <https://rkomi.ru/pages/48>.

владеющих родным языком, варьируется в пределах 60–78%). Эти данные только подтвердили тот факт, что языковая ассимиляция продолжается и становится более масштабной и что она тесно коррелирует с ростом доли городского населения в Республике [2. С. 237–238]. По данным переписи 2010 г., из 228 235 представителей народа коми владеют русским языком 225 657 человек (около 98,9%) [1]. В Республике Коми предпринимаются государственные и общественные усилия по поддержке коми языка и коми культуры, но ситуация продолжает оставаться непростой.

Результаты исследования и их обсуждение

В современных условиях литературе, пишущему на коми языке, не так просто дойти до своего читателя. Дело не только в языке литературного произведения и уменьшении коми читательской аудитории. Современный человек вообще читает мало, в том числе и в интернете. У региональной литературы есть серьезные проблемы с книгоизданием и книгораспространением. Между тем литература Республики Коми представляет собой достойное художественное явление.

Основным способом донесения до читателя текстов коми поэзии является перевод. «Средоточием культуры народа является язык, самым эффективным средством сохранения культуры оказывается перевод, именно он позволяет культуре выйти во внешний мир, и прежде всего перевод художественных произведений, отражающих душу народа» [3. С. 334]. Коми поэзию активно переводят на русский язык, переводчиками выступают поэты из Республики Коми или из-за ее пределов, но обычно связанные с республикой. В последние годы приобрела популярность практика публикации двуязычных поэтических сборников по принципу «слева оригинал, справа перевод». Это общераспространенная практика издания стихотворений классиков мировой и отечественной литературы, например Шекспира. Но в Республике Коми в таком формате были изданы сборники стихов поэтов-современников, например Александра Лужикова (2012), Владимира Тимина (2011), Нины Обрезковой (2010), Татьяны Кирпиченко (2017), Анжелики Елфимовой (2021). Наблюдается и обратный процесс, выраженный, правда, слабее.

Перевод, как и любой текст, выпущенный в свет, начинает жить своей жизнью. В монолингвальной публикации он отрывается от своего исконного создателя и его творческого замысла. Будучи сведен с оригинальным текстом в одном пространстве, перевод становится производным от авторского текста и авторского творческого замысла. Эта внутренняя связь становится для читателя наглядной и неразрывной.

В условиях билингвальной книги читательская аудитория не только расширяется, но и качественно меняется. Такая книга объединяет русских и коми читателей в одном пространстве. Для двуязычного читателя имеется возможность сравнить тексты оригинала и перевода как с содержательной, так и с эстетической стороны. В определенных случаях происходит реанимирование и раскрытие образных возможностей родного языка.

Следует обратить внимание и на такой момент. Билингвальные книги дают читателю возможность сохранять язык и расширять языковые знания. Текст справа (переводной) может выступать в качестве опоры для аналитического восприятия текста оригинала. Уровень владения коми языком у современного носителя может быть различным. Человек, чье знание коми языка в лучшем случае ограничивается умением поддержать разговор на бытовую тему с родственниками и соседями во время визита к бабушке в деревню, получает возможность встретиться с родным языком в высшем его воплощении. Для некоторых читателей, не владеющих коми языком, это еще и знакомство с языком предков не по вывескам и указателям. Таким образом, билингвальный стихотворный текст выполняет и воспитательную функцию, поддерживая этническую самоидентификацию. Так, Дмитрий Фролов, поэт и переводчик, писавший на русском языке, отмечал: *Я из тех обрусевших коми, / Что, пройдя через тьму и свет / Языком родным незнакомым / Овладели лишь в тридцать лет* [4. С. 57]. Он изучил коми

язык в зрелом возрасте и, по признанию коми литературоведов, «результатом его усилий стало то самое, настоящее понимание языка, которое дается человеку с рождения» [5. С. 22].

Что касается содержания как исконного, так и переводного текста, то здесь можно говорить о трансфере в художественное измерение этнокультурного содержания, т.е. этнического самосознания, поскольку язык связан с культурой и с идентичностью этноса [6. С. 60]. Функцию культурного трансфера выполняет уже сама книга, а поскольку в условиях региональной литературы, когда работа по переводу (даже с подстрочников) и подготовке к публикации часто осуществляется при активном участии автора, обладающего высоким уровнем билингвизма, такое содружество позволяет находить средства для передачи на другой язык художественного своеобразия поэтического произведения. Качество перевода при этом зависит еще и от мастерства и индивидуальности переводчика. Общепризнанной является точка зрения, что первая и необходимая обязанность переводчика поэзии — умение писать стихи на языке собственного литературного творчества.

Психолингвисты давно доказали, что вся лексика национального языка безэквивалентна, потому что образ сознания, стоящий за словом, различается в разных культурах. Для перевода (а для поэтического перевода в особенности) это означает, что с учетом факторов звукового строя и грамматики разных языков точный, или эквивалентный, перевод в принципе невозможен. Так, П.Ф. Лимеров приводит выводы Дмитрия Фролова о том, что «ритм коми стихов механически воспроизводить в русских переводах не всегда полезно, часто ритм частушечен, а говорится о серьезных вещах» [5. С. 27].

Московский поэт Борис Лукин, занимавшийся переводами коми поэзии на русский язык, отмечал значимые для поэтического перевода глубинные различия коми и русского языков, определяющие своеобразие коми поэтики: «Отсутствие сложных метафор, кажущаяся простота смысла и сглаженное в подстрочниках богатство народной лексики создавали наибольшие трудности» [7. С. 4]. Действительно, коми язык сам по себе хорошо «приспособлен» к поэзии, в нем есть непосредственная образность и метафорическое богатство. Эту «красоту в простоте» невозможно передать напрямую средствами русского языка. Нужны другие пути.

Что такое точность и эквивалентность поэтического перевода? Вопрос дискуссионный, на него нет однозначного ответа, и обсуждение этой темы не входит в наши задачи. Мы исходим из того, что в переводном тексте должны сохраняться художественные и эмоциональные впечатления от оригинала с учетом обеспечения его адекватности в другой культуре.

Ключевым мотивом коми поэзии являются размышления о судьбе родной земли, родного языка и культуры.

Политические репрессии 1930-х гг. — это трагедия Коми края и коми народа, земли которого были покрыты сетью концлагерей, служили местом ссылки и были превращены в одну большую зону.

Эта тема нашла отражение в творчестве, пожалуй, самого яркого современного коми поэта Александра Лужикова (1964–2006). Его стихотворение «Вөркута да уна зона йылысь...» [8. С. 24–25] наполнено болью за родную землю, оно образное, глубокое по смыслу и по богатству языковых средств. В билингвальном сборнике его стихотворений, изданном, к сожалению, почти через шесть лет после его трагической кончины, приводятся два перевода этого стихотворения на русский язык. Переводчиками выступили два поэта: Виктор Стрелец и Андрей Попов.

Н.В. Горинова, анализируя авторский текст, делает упор на образе распятия как позорной и мучительной казни: «...образ “распятого Коми края” начинает нести в себе значение позора коми народа, его пребывания в состоянии проклятия ... Земля зырян подобна Голгофе: она обогрета кровью невинных людей, нашедших здесь свою мучительную погибель...» [9. С. 44].

Вөркута да уна-уна зона йылысь
 гора сьылö, скöра сьылö тöдса сьылысь.
 Сійö горзö, сійö ёрö Коми муöс.
 Коми мусö чужан муён кодi шуас?
 Кодлы чужан мулысь шогсö кöшысь юны?
 Кодлы сылысь крестсö олöм помöдз нуны?
 Кодi миян пöвстысь сэтшöм кыввяс шуас,
 медым ловзяс рöспинайтöм Коми муыс?

(Александр Лужиков)

Проклят край забытый Богом – Коми:
 Зоны, зоны... Жизнь – как будто в коме...
 Так поет певец в эстрадном раже.
 А кому-то нету края краше.

Поет известный бард про Воркуту,
 Что загубила не одну мечту,
 Что только зло живет в таком краю –
 И проклиняет родину мою.

Боль земли он примет полной мерой.
 Взвалит крест ее с любовью, верой.
 И слова такие скажет песней,
 Что земля распятая воскреснет.

(Перевод Виктора Стрельца)

Но боль земли не пил он из ковша –
 Земли зырян. Слепа его душа.
 Найду слова, печали не тая,
 Чтобы воскресла родина моя.

(Перевод Андрея Попова)

Однако кроме образа распятия текст оригинала насыщен другими евангельскими образами, относящимися к родной земле: *шогсö кöшысь юны* – «испить из чаши страданий», *крестсö олöм помöдз нуны* – «нести крест до конца жизни». И, на наш взгляд, ведущим в этом стихотворении является все же мотив воскресения. Даже не зная коми языка, можно увидеть, как воплощается в переводах ключевой для стихотворения образ – слово, по которому воскреснет распятая родная земля. Поэт задает вопрос: «Кто скажет такое слово?» В переводах вопрос отсутствует, усиливая тональность от отчаяния к надежде.

В 2021 г. вышел билингвальный поэтический сборник молодой коми поэтессы Анжелики Елфимовой [10]. В ее стихах образ родины сужается до образа родной деревни. Тема выбора между городом и селом является характерной для коми лирики, а для женской в особенности. Переосмысление жизненного пространства по принципу «деревня – город» как «свое – чужое» тесно связано с осмыслением собственной национальной и культурной идентичности [11. С. 16].

Кöсий аслым лоны сарöн.
 Асывводз
 Пышйи сиктысь
 Ыджыд карö,
 Лои роч.
 Öнi менö
 Виль друг кутлö.
 Озырми.
 Сöмын чужан муöй шудлы
 Оз тырмы...

(Анжелика Елфимова)

Не позволила себя я
 Остеречь –
 Вот в столицах и теряю
 Коми речь.
 Вот и сладкие минуты
 затая,
 Вздрогну:
 Жизнь моя как будто
 Не моя...

(Перевод Владимира Цивунина)

К этому переводному тексту неприменимо слово «перевод» [10. С. 8–9]. Часто поэты-переводчики говорят не о переводе, а о переложении. Этот текст действительно представляет собой переложение. В оригинальном стихотворении описывается (это не подстрочник, а пересказ), как героиня по собственному желанию из деревни переехала в большой город, стала русской, рядом новый друг, есть достаток, но для счастья не хватает родной земли.

В тексте перевода Владимира Цивунина конкретика отсутствует, но в нем передается настроение лирической героини, для которой отказ от родного дома и родного языка есть отказ от себя самой, и в этом ее трагедия. Именно переводчик ставит явный знак равенства между утратой языка и утратой себя. Такая смысловая и эмоциональная доминанта позволила поместить этот текст «справа» в качестве перевода.

Перевод Андреем Поповым другого стихотворения Анжелики Елфимовой [Там же. С. 54–55] как бы конкретизирует предыдущий текст. Главной в тексте на коми языке является тема неприкаянности полугородского человека, оторвавшегося от своих семейно-родовых корней, неприкаянности его души уже в контексте вечности, после его смерти [12. С. 431].

Карьяс вылӧ сиктыяснымӧс вежим,
Пӧль-пӧч ордым вылысь нетшыштчӧмӧн кежим
Корсьны кокныдсӧ, да лӧсьыдсӧ, да бурсӧ,
Видзны кыйтӧм шудлысь еджыд кусӧ.
Мам керкаяс вузалім да-й, майбыр,
Оз нин сюрлы сэсся нокыс йӧрын-градйын.
Мудзим копрасьнытӧ, дышьяс, чужан мулы.
Кытчӧ бара-й дзебасны, кор кулам...

(Анжелика Елфимова)

Нам деревни показались хмуры.
В город!
Там светлы пути и цели!
Счастья мы непойманную шукуру
Ныне в суматохе улиц делим.
Продана изба, чтоб без печали
И без огородов жить
В хоромах.
Кланяться родной земле устали.
Нас в чужой суглинок
Похоронят?..

(Перевод Андрея Попова)

Образ города и деревни предстает как оппозиция «свое — чужое», и перевод Андрея Попова передает ее последовательно и верно. Земля, на которой стоял родительский дом, на которой трудились предки, брошена — значит, лечь придется в чужую землю. В оригинале заключительная строка начинается с вопросительного слова *кытчӧ* — «куда», но заканчивается многоточием, т.е. это утверждение, вынужденное принятие неизбежного: «Куда нас похоронят, когда умрем...» (*Кытчӧ бара-й дзебасны, кор кулам...*). В переводе вопрос, побуждающий к раздумьям: «Нас в чужой суглинок / Похоронят?..»

Творчество Владимира Тимина (1937–2015) представляет собой значительное явление в коми литературе. Писатель оставил творческое наследие в стихах и прозе. Основной язык его творчества — коми, хотя есть и произведения, написанные на русском языке. Судьба коми народа, Коми края, коми языка занимала ключевое место в его творчестве. Им написано одно из самых страстных стихотворений о коми языке, а Александром Суворовым выполнен один из самых красивых и лиричных переводов на русский язык [13. С. 128–129].

Кывным миян
Сёрнитігӧн олӧ,
Кодыр гижан комиӧн
И лыддян.
Йӧз водзын и гортын
Сійӧс колӧ
Сьӧлӧмсяньыд
Пуктыны век пыдди.

Сійӧ йиджис тэӧ
Чужан мусьян,
Кӧні ассъыд нэмтӧ олан ӧтчӧд,
Тэ кӧ быттӧ коми мортӧн шусян,
Колӧ, медым тайӧ
Тэыд тӧдчис.

Вежа Коми мунымлӧн ныв-пиян!
Кывным миян
Шонді дзирд кодь мича.
Кутчъсямӧй ас кывйӧ,
Ӧд сійӧ
Асьнымӧс на
Медся ёна видзӧ.

(Владимир Тимин)

Наш язык живет в живой беседе,
В книжном слове и в письме на коми.
Верим мы, и ведают соседи:
Ничего главней нет в нашем доме.

Он в тебе — от той земли навеки,
Где свой век ты проживешь однажды.
Пусть же не дадут нам коми реки
Умереть от молчаливой жажды.

Знаем мы, земли суровой дети:
Коми речь светла, как наши зимы.
Коми мы, пока на белом свете
Языком своим родным хранимы.
(Перевод Александра Суворова)

В тексте оригинала — горячий призыв сохранять коми язык и свою этническую идентичность. Язык живет, когда на нем говорят и пишут. Родной язык прекрасен, его надо чтить и через коми

речь сохранять себя. Поэт использует метафору земли: нужно помнить, что коми язык дан родной землей, которую он называет священной (*вежа*). В переводе метафора земли звучит, но дополнительно переводчик привлекает метафору воды, а утрату языка называет жаждой. Мифопоэтическая метафора воды — это одновременно метафора жизни и метафора смерти: в мифологическом сознании вода дарует жизнь и забирает ее. Вода уравнивается с речью [14. С. 240; 15. С. 76].

Тимин сравнивает красоту родного языка с сиянием солнца (*шонди дзирд кодъ мича*), а переводчик продолжает использовать метафору воды («коми речь светла, как наши зимы»). Красота остается, но добавляется смысловой оттенок внутреннего света и тайны природы. Мелодика оригинального текста в переводе сохранена.

На наш взгляд, в этом случае переводчик дал оригинальному коми произведению жизнь в новом культурном пространстве — жизнь, которая не утратила своего дыхания при переводе на русский язык.

Заключение

Издание билингвальных поэтических сборников на русском языке и языках регионов России приобретает популярность, поскольку служит средством сохранения и трансфера языка и культуры, способом просвещения и развития читателя. Качественный перевод способствует взаимопониманию и культурному взаимообогащению народов, а переводческая деятельность выступает как двигатель межкультурной коммуникации.

Литература

1. Коми-зырянский язык // Малые языки России: проект Института языкознания РАН. URL: <https://minlang.iling-ran.ru/lang/komi-zyryanskiy-yazyk> (01.11.2022).
2. *Сергиева Н.С.* Сохранение языка и народа коми: государственные и общественные усилия // Многоязычие в Волго-Уральском регионе. Т. 1: Актуальная языковая политика и языковая ситуация. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2017. P. 237–245. (Specimina Philologiae Slavicae).
3. *Алексеева И.С.* Сорок сороков языков — и одна страна: перевод как средство коммуникации народов России // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 4. С. 332–346.
4. *Фролов Д.В.* Там, где прежний остался и я... Сыктывкар: Кола, 2012. 336 с.
5. *Лимеров П.Ф.* Призвание и судьба Дмитрия Фролова, поэта // Там, где прежний остался и я... / Д.В. Фролов. Сыктывкар: Кола, 2012. С. 6–53.
6. *Бахтикерева У.М., Валикова О.А.* Транслингвизм и ревитализация культуры // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 1. С. 57–63.
7. *Лукин Б.* Сигудэк Лужикова: заметки на полях книги // Лебö лолöй энэж шöрти = За душою следом: стихи / А.М. Лужиков. Сыктывкар: Редакция газеты «Коми му», 2012. С. 3–5.
8. *Лужиков А.М.* Лебö лолöй энэж шöрти = За душою следом: стихи. Сыктывкар: Редакция газеты «Коми му», 2012. 128 с.
9. *Горинова Н.В.* Тема репрессий в коми поэме А. Лужикова // Сказанное слово в землю упадет: сб. ст. о творчестве А.М. Лужикова. Сыктывкар: СГУ им. Питирима Сорокина, 2020. С. 41–51.
10. *Елфимова А.Г.* Кык кыв: кывбуръяс = Два слова: сб. стихов. Сыктывкар: Издат. дом Коми, 2021. 112 с.
11. *Малева А.В.* Лирическая героиня современной коми женской поэзии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2014. 22 с.

References

1. Komi-zyrianskii iazyk // Malye iazyki Rossii: proekt Instituta jazykoznaniiia RAN. URL: <https://minlang.iling-ran.ru/lang/komi-zyryanskiy-yazyk> (01.11.2022).
2. *Sergieva N.S.* Sokhranenie iazyka i naroda komi: gosudarstvennyye i obshchestvennyye usiliia // Mnogoiazychie v Volgo-Ural'skom regione. T. 1: Aktual'naia iazykovaia politika i iazykovaia situatsiia. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2017. P. 237–245. (Specimina Philologiae Slavicae).
3. *Alekseeva I.S.* Sorok sorokov iazykov — i odna strana: perevod kak sredstvo kommunikatsii narodov Rossii // Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. 2021. T. 18. No. 4. S. 332–346.
4. *Frolov D.V.* Tam, gde prezhnii ostalsia i ia... Syktyvkar: Kola, 2012. 336 s.
5. *Limerov P.F.* Prizvanie i sud'ba Dmitriia Frolova, poeta // Tam, gde prezhnii ostalsia i ia... / D.V. Frolov. Syktyvkar: Kola, 2012. S. 6–53.
6. *Bakhtikereva U.M., Valikova O.A.* Translingvizm i revitalizatsiia kul'tury // Vestnik RUDN. Serii: Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika. 2017. T. 8. No. 1. S. 57–63.
7. *Lukin B.* Sigudek Luzhikova: zametki na poliakh knigi // Lebö lolöi enezh shörti = Za dushoiu sledom: stikhi / A.M. Luzhikov. Syktyvkar: Redaktsiia gazety "Komi mu", 2012. S. 3–5.
8. *Luzhikov A.M.* Lebö lolöi enezh shörti = Za dushoiu sledom: stikhi. Syktyvkar: Redaktsiia gazety "Komi mu", 2012. 128 s.
9. *Gorinova N.V.* Tema repressii v komi poeme A. Luzhikova // Skazannoe slovo v zemliu upadet: sb. st. o tvorchestve A.M. Luzhikova. Syktyvkar: SGU im. Pitirima Sorokina, 2020. S. 41–51.
10. *Elfimova A.G.* Kyk kyv: kывbur'ias = Dva slova: sb. stikhov. Syktyvkar: Izdat. dom Komi, 2021. 112 s.
11. *Maleva A.V.* Liricheskaia geroinia sovremennoi komi zhenskoi poezii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Syktyvkar, 2014. 22 s.

12. *Горина Н.В.* Топосы город / деревня в поэтической системе А. Елфимовой: некоторые аспекты реализации художественного пространства в современной комической лирике // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 3. С. 426–437.

13. *Тимин В.В.* Вазх пöляслöн му вылын: кывбуръяс На земле предков: стихи, поэма. Сыктывкар: Редакция газеты «Эскöм», 2011. 512 с.

14. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. Т. 1. 2-е изд. М.: Рос. энциклопедия, 1994. 671 с.

15. *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов. М.: Владос, 1996. 416 с.

12. *Gorinova N.V.* Toposy gorod / derevnia v poeticheskoj sisteme A. Elfimovoi: nekotorye aspekty realizatsii khudozhestvennogo prostranstva v sovremennoi komi lirike // Vestnik ugrovedeniia. 2018. T. 8. No. 3. S. 426–437.

13. *Timin V.V.* Vazh pöl'iaslön mu vylyn: kyvbur'ias Na zemle predkov: stikhi, poema. Syktyvkar: Redaktsiia gazety "Esköm", 2011. 512 s.

14. Mify narodov mira: entsiklopediia: v 2 t. T. 1. 2-e izd. Moscow: Ros. entsiklopediia, 1994. 671 s.

15. *Makovsky M.M.* Sravnitel'nyi slovar' mifologicheskoi simboliki v indoevropeskikh iazykakh: obraz mira i miry obrazov. Moscow: Vlados, 1996. 416 s.

Сергиева Наталья Станиславовна,

доктор филологических наук,
профессор кафедры менеджмента и маркетинга
Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина

Sergieva Natalia S.,

Doctor of Philology,
Professor of the Management and Marketing Department
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

e-mail: nsergieva@yandex.ru

Армянский текст: стихи и проза¹

В работе продолжена аналитика армянского текста — феномена русской культуры и литературы, начатая в предыдущей статье «Армянский текст: дети Иова» (Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. № 3). На основе прозаических текстов последней трети XX в. (в пунктиром XXI в.), а также поэтических текстов современных поэтов (Лианы Шахвердян, Максима Амелина, Алессио Гаспари, Георгия Кубатьяна) предложен алгоритм анализа армянского текста. Рассмотрены паттерны, связанные с ключевыми именами, атрибутами, пространством армянской картины мира, какой она складывается в русской литературной рецепции. Это такие паттерны, как Арарат, Севан, море, лаваш, армянский дворик, Грант Матевосян. Предложен новый паттерн армянского текста — личность и творчество Г. Кубатьяна. Сделана попытка противопоставить армянский текст простому упоминанию армянских атрибутов в литературе, а также предложен неприменимый «ингредиент» для возникновения локального текста как такового, в частности армянского. Обозначена, пусть и спорная, иерархия между стихами и прозой в процессе рождения локального текста.

Ключевые слова: армянский текст, Армения, паттерны армянского текста, А. Битов, В. Гроссман, Ю. Карабчиевский, Г. Матевосян, Г. Кубатьян, лаваш, армянский дворик, море.

The article continues the analysis of the Armenian text — the phenomenon of Russian culture and literature, which we presented in the previous article “The Armenian text: the Children of Job” (Polylinguality and Transcultural Practices. 2022. No. 3). The algorithm for analyzing the Armenian text is presented on the basis of prose texts of the last third of the 20th century (and a dotted line of the 21st), as well as poetic texts of modern poets (Liana Shahverdyan, Maxim Amelin, Alessio Gaspari, Georgy Kubatyan). The article examines the patterns associated with the key names, attributes and space of the Armenian picture of the world — as it develops in Russian literary reception. These are such patterns as Ararat, Sevan, sea, lavash, Armenian patio. Hrant Matevosyan. We offer a new pattern of the Armenian text — the personality and creativity of G. Kubatyan. The study is an attempt to oppose the Armenian text to a simple mention of Armenian attributes in literature. The author also offers an indispensable “ingredient” for the emergence of a local text as such, in particular, an Armenian one. The hierarchy between verses and prose in the process of the birth of a local text is indicated, albeit controversial.

Keywords: Armenian text, Armenia, patterns of Armenian text, A. Bitov, V. Grossman, Yu. Karabchievsky, G. Matevosyan, G. Kubatyan, lavash, Armenian courtyard, sea.

Введение

Как рождаются локальные тексты литературы и культуры? Все ли локусы (города и страны) обретают свой локальный текст? Чтобы ответить на эти вопросы, еще долго будут идти поиски в разных нишах гуманитарного знания. С относительной определенностью уже можно сказать: есть локальные тексты, сконструированные в культуре посредством тиражирования одних и тех же паттернов в фольклорно-мифологической действительности, а далее в литературе (см.: [1]); есть локальные тексты, рожденные исключительно литературными текстами. К последним, с уверенностью утверждаем, относится армянский текст; кстати, и сами его трансляторы говорят о том же. Так, Юрий Карабчиевский пишет о Ереване: этот город существует для него «как литературный факт», «выстроенный русскими писателями» [2. С. 187].

Армянский текст — русско-литературный конструкт XX в.; одним из его пионеров был Осип Мандельштам. Корпус стихотворений, написанных до Мандельштама, в которых упоминается Армения и ее народ, как правило, не входит в оптику армянского текста. Лев Аннинский пишет, что армянская тема, армянский мотив до XX в. «не спускается с котурн державного глобализма» [3. С. 173]. В связи с этим вызывающим споры утверждением Аннинский отсылает к наблюдению о разных точках зрения, которое сделано литературным критиком, мандельштамоведом Г. Кубатьяном: «Для России Армению открыл Мандельштам». — “Нет, для России, для русской интеллигенции Армении открыл все-таки Брюсов”» [Там же. С. 179]. Нет единогласия среди литераторов — значит, есть над чем работать исследователям армянского текста. Собственно говоря, пишущие об Армении после Мандельштама и есть трансляторы и слагатели армянского текста.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 22-18-00339).

Почему об армянском тексте литературоведы заговорили только на рубеже веков, а точнее, в XXI в.? По словам Г. Кубатьяна, мандельштамоведы «подсознательно боятся запутаться в незнакомом материале», а именно «в национальных реалиях», которые «отпугивают» их [4. С. 7].

Туризм, эскапизм и прочая «охота к перемене мест» — это неременное условие для рождения локальных текстов, армянского прежде всего. Не случайно главными текстами в русской литературе, где сложился армянский текст, являются именно травелоги: «Путешествие в Армению» Мандельштама, «Уроки Армении» Битова, «Добро вам!» Гроссмана, «Тоска по Армении» Карабчиевского, «Белый Арарат и черное солнце» Гачева.

Какие тексты — прозаические или стихотворные — по преимуществу являются пространством армянского текста?

На этот вопрос мы попытаемся дать ответ в настоящей статье.

Результаты исследования и их обсуждение

Упоминание в литературных текстах армян и Армении с ее локусами еще не означает наличие армянского текста. (Хронология упоминания армян и Армении, а также ассоциативных армянских образов в русской поэзии прослежена в статьях М.Д. Амирханяна, Л.В. Павловой, И.В. Романовой [5; 6], нарастающий интерес русских поэтов к Армении в историко-литературном аспекте освещен Львом Аннинским [3].)

Приведем ряд известных примеров: «Он взят за Терекком отважным казаком / На холодном трупе господина, / И долго он лежал заброшенный потом / В походной лавке *армянина*» (курсив здесь и далее наш. — Э. Ш.) (М. Лермонтов. Поэт) — названа расхожая в мифологии повседневности роль армянина — торговца; «Жила грузинка молодая, / В гареме душном увядая <...>. Ах, ею старый армянин / Гордился!» (М. Лермонтов. Грузинская песня) — армянин предстает похотливым стариком.

Присутствие в этих стихах *армян* не повод говорить об армянском тексте. Скорее, как в этих, так и в других случаях транслируется бытовой этностереотип, или стереотип мифологии повседневности [7].

Виртуозно и афористично модель армянского текста вывел Андрей Битов: «Город? Ереван. Озеро? Севан. Гора? Арарат. Это мы знаем назубок, остальное, выражаясь языком школы, знаем “нетвердо”» [8. С. 196]. Последние слова созвучны с приведенными словами Г. Кубатьяна.

Ереван, Севан, Арарат не просто армянские локусы — это культурные концепты, в регистре армянского текста перешедшие в паттерны (о паттернах см.: [7]).

Для того чтобы образы, ассоциирующиеся с Арменией (камни, солнце, свет, гора, кровь, хлеб/лаваш, буквы, Севан, Ереван, Арарат, Цицернакаберд, Эчмиадзин, Гарни, Гегард/Гехард и др.), превратились в паттерны *армянского текста*, необходимо нечто метафизическое. Так, один из хранителей и трансляторов *ташкентского текста* русской словесности, современный писатель Сухбат Афлатуни, в повести «Барокко» (2006) создает образ своего города в экзистенциальном контексте [1. С. 228]. Привязанность к городу представлена в виде образа кушетки, обыгрывающего хрестоматийное словосочетание «западно-восточный диван». «Возлежание» на этой самой кушетке (диване), обладающей магией сосуществования, соития двух культур, и невозможность предпочесть какую-то из них.

Бывает любовь-выздоровление, но чаще случается любовь-болезнь. Он болел. Оказываясь на безлюдных улицах, он ласкал оштукатуренную плоть города, прижимался щекой к бедрам многоярусных колоколен, целомудренно целовал теплый мрамор китайских павильонов и турецких бань... <...> Его любовь к городу была чистым юношеским костром; болезнью... [9. С. 67].

Другую свою повесть Сухбат Афлатуни называет «Ташкентский роман» — *роман* в значении не жанра, а союза, чувства, любви.

Непросто найти то невыразимое, неуловимое начало, присутствие которого лежит в основании локального текста, армянского в том числе. И все же позволим утверждать, что любовь, неудержимый интерес к месту и чувства восторга и сопричастности — это то самое начало,

которое дает старт, в нашем случае армянскому тексту. Обратим внимание на то, что писатели-путешественники именно рефлексируют по поводу чувств, которые вызывает у них Армения. Читатель присутствует при рождении чувства, начиная от неприятия, несоответствия ожиданиям. Андрей Битов пишет: «...сначала Ереван мне не понравился...» [8. С. 262], как и Карабчиевский: «Ну что ж, говорю, по-моему, город не блеск» [2. С. 232]; «Ереван не нравится (“Ужасный город! — он хватается за голову. — Ужасный, ужасный! Это просто вообще не Армения”）」 [Там же. С. 265]. И до любовного признания, пафос которого авторы один за другим намеренно занижают. Битов: «...у меня насморк, несварение, ностальгия, и я в плену собственных впечатлений» [8. С. 240]; Карабчиевский: «...с одной стороны, официоз <...> с другой <...> общественная уборная, к которой на выстрел не подойдешь» [2. С. 232]; Гроссман: «...припертый к стенке, охваченный ужасом, я наконец признаюсь во всем, открою низменную и смешную причину, которая привела меня на окраину столицы Армении» [10. С. 18]; Гачев: «Ой! Чужая жизнь... К чему я здесь? Всё красоты — безраздельные...» [11. С. 367]. Евгений Евтушенко заключает: тот русский брат армянину, «кто смог понять / Весь путь ваш страшный, все резни и боины, / Кто вашу боль сумел в себя принять...» («Геворгу Эмину»).

Георгий Кубатьян, лично знакомый с Битовым и Карабчиевским, пишет: «И Гроссману, и Битову, и Карабчиевскому Армения пришлось по душе...» [12. С. 242], при этом Гроссман «постоянно снижает собственный образ, подтрунивает над собой, подробно говорит о таких подробностях, о которых не принято говорить вслух» [Там же. С. 245].

Вернемся к армянскому тексту — любви к Армении и рождению паттернов.

Арарат

В. Гроссман	А. Битов	Ю. Карабчиевский	Г. Гачев
Звезды стояли над нашей головой, южные, армянские звезды, те, что стояли над Араратом, когда еще не была написана Библия, те, что стояли над высокими снеговыми горами, ныне лежащими бессильной скелетной россыпью, те, что будут стоять, когда Арарат и Арагац лягут мертвыми костями, расплывутся в прах [10. С. 60].	Как естественно, что Ной приплыл именно сюда! <...> Другие пейзажи просто исчезали за кормой, он не видел их, они не отражались на его сетчатке. Переселенец ставит новый сруб в том месте, в котором способен узнать родину [8. С. 203].	Арарат — это армянский Кремль <...>. <...> Потому что Кремль — у нас, в сердце России, а гора Арарат — за границей, в Турции. <...> Кремль, не говоря о его рукотворности, — это символ могущества, власти, владения, Арарат же — это Божье творение, часть Армянской земли, символ потери <...> [2. С. 220–221].	... Арарат: впервые увидел во всей мощи эту седую глыбу Бога. Библейская гора! Гора книги Бытия. Гора Ноя. Это взвидеть и восчувствовать было — архи-пронзение. Царит Арарат [11. С. 381].

Арарат — символ древности, «библейскости», утраты, надежды, рождающий контекст для осмысления вечных и сиюминутных вопросов («...для армян ветхозаветный Абрам скончался вчера. А Яков еще жив» [13. С. 110]).

Как бы вступая в диалог с Евтушенко, писавшим: «Я Арарат на плечи бы взвалил / И перенес его через границу», современный поэт Алессιο Гаспари отвечает:

Мне Арарат — и он уже не мил. Переметнулся к нашему врагу. <...>	Но клялся вроде старший брат Взвалить на плечи Арарат? И не сдержал обет... [14. С. 77–78].

Каждый из поэтов, заново осмысляющих концепт Арарата в армянской картине мира, вносит свою образность, намечает свои векторы в развитии истории с Араратом. Современный поэт Максим Амелин вносит интригу в уже существующий нарратив об Арарате:

Но нельзя, как запретный плод,
укусить Арарата локоть:
видит око да зуб неймёт [15. С. 201].

Как известно из библейской истории, запреты иногда нарушаются.

Способность увидеть Арарат сквозь дымку и туман стала своеобразным тестом в многовековом легендарном дискурсе. Так, Ирина Сурац пишет: «...вспомнила легенду или быль про императора

Николая I: приехав в Ереван, он каждое утро выходил на балкон, но Арарат не показался ему» [16. С. 202]. Легенда имеет продолжение: якобы император высказал сожаление, что Арарату не повезло: не смог увидеть его, Николая I. А вот Пушкин, скорее всего, ошибся, принял Арагац за Арарат: видимо, «так ждал встречи с горой, так мечтал о ней, что как бы и увидел ее каким-то внутренним зрением, но только внутренним, тем самым, каким видел ковчег, и врана, и голубицу, излетающих» [Там же. С. 202].

Севан

В. Гроссман	А. Битов	Ю. Карабчиевский	Г. Гачев
Эта высокая вода кажется неземной, она словно отделилась, отслоилась от <i>неба</i> , она так высоко, что, вероятно, ей ближе до уровня <i>неба</i> , чем до уровня моря. <...> ...Под поверхностью Севана должны летать птицы небесные [10. С. 28].	И если Армения – самое светлое место в моей жизни, то Севан – самое светлое в Армении [8. С. 205]. Это была уже не вода, а некое второе состояние <i>неба</i> [Там же. С. 206].	Я знал, что Севан непрерывно убывает, и мне захотелось немедленно что-то сделать <...> чтобы полуостров Севан опять превратился в остров, как это было во времена Мандельштама и Кузина... [2. С. 282].	Ветхозаветной древностью дышит земля Армении – тоже голая, как и пустыни Палестины, а Севан на ней – Мертвое море [11. С. 21].

Рассказчики, подготовленные мейнстримом, при виде Севана, ставшего национальным образом армянского мира, поначалу входят в ступор: литература и живопись лишают их первооткрывания этого уникального моря-неба.

О море: рассказчику «Уроков Армении» демонстрируют карту Армении разных эпох.

Вот она – зеленая, круглая – простирается на три моря. Вот на два. А вот ни одного. И так стремительно уменьшается Армения от первой карты к последней, все время оставаясь в общем круглым государством, что, если пролистнуть быстро атлас, это будет уже кинолента, на ней будет заснято падение огромного круглого камня с высоты тысячелетий, и он скрывается в этой глубине, уменьшаясь до точки [8. С. 195].

Не это ли море ощущается лирической героиней Лианы Шахвердян?

В это утро пахло *морем*...

В это странное утро
весеннего равноденствия

<...>

пахло далеким,
зеленым *морем*...

<...>

Весна!

Лед тронулся.

Она шла по голой мостовой,
вбирая в легкие йода – капельное
далекого *моря*...

<...>

Где Бог?

Бог там, где цветут сады.

<...>

...Пахнет далеким

зеленым *морем*... [17. С. 10–12].

Зато лирический герой Константина Шакаряна не просто ощущает море – он прямо заявляет о его краже:

Страна моя! <...>

А у тебя и моря больше нет...

Отобраны озера и моря.

А сколько в их воде твоих монет!..

Выходит, были выброшены зря... [18. С. 4].

Армянский текст развивается в XX в. в стихах и прозе. Что же первично? И корректен ли такой вопрос? Раз он возник, надо хотя бы попытаться ответить на него. Думаю, что проза первична:

прежде чем в поэтическом сознании рождаются образы, нужна первооснова, поэт должен был откуда-то это услышать или где-то прочитать (речь идет о таких образах, которые в сознании рецепиента превратились в концепты культуры, или паттерны). Сначала рождается нарратив — устный или графический, неважно; он переходит из уст в уста / из текста в текст, потом появляется в стихах.

Лаваш

В. Гроссман	А. Битов	Ю. Карабчиевский	Г. Гачев
... Как пекут лаваш. <...> Приезжий любовался движениями старухи, они были плавные и быстрые, осторожные и самоуверенные, казались красивым, древним танцем. Действительно, этот танец был древний, одних лет с печеным хлебом [10. С. 21–22].	Лаваш — отец хлеба, первый хлеб, первохлеб. <...> Лаваш — это хлеб, — говорит мой друг, отрывая новый лоскут. Лаваш — это тарелка, — говорит он, укладывая на лаваш зелень. Лаваш — это салфетка, — говорит он, вытирая лавашем рот... И съедает салфетку [8. С. 216–217]. Лаваш — это древний свиток [Там же. С. 218].	Знаменитый лаваш не продается нигде, его достают с переплатой по блату или у частников на базаре, но и там он тоже не всегда бывает. Наиболее распространенный хлеб — маднакхаш, что-то вроде «следы от пальцев»... [2. С. 224].	Вдумался в ЛАВАШ — хлеб по-армянски. Длинные и широкие раскатаны плоские листы; отламывают кусок, кладут на него сыр, или редьку, или фасоль, запеленывают и едят. То есть опять принцип нутри, сокрывания в недра: то, что было явным сделать тайным. Обратен этому — БУТЕРБРОД... [11. С. 384].

Как видим, никто из авторов-путешественников не прошел мимо армянского хлеба; за ним стоят народные навыки, этнографические особенности; даже, по Гачеву, в лаваше (как национальном образе мира) отражена своя философия; лаваш, по Карабчиевскому, — «лакмусовая бумажка» состояния культуры (советской на тот момент).

Приведем еще один пример: армянский прозаик Грант Матевосян, шестидесятник, был дружен с русскими писателями своего поколения, в частности с Андреем Битовым. Его имя в «Уроках Армении» Битов не называет, но «мой друг» — это Матевосян, от него он узнал о страшной трагедии армян — геноциде, и после этого, признается Битов, он стал армянофилом. В двух приведенных фрагментах есть отсылка к рассказу Матевосяна «Буйволица»; в один из них вкралась неточность или опрометчивость: возможно, Битов ко времени написания «Уроков Армении» только слышал о «Буйволице» от писателя-друга.

У Битова о буйволице: «...она буйвола не находит и возвращается...», в рассказе не так: буйволица нашла-таки буйвола, о чем не преминул парафрастически упомянуть Гачев, не пожелавший читать рассказ, преподнесенный ему доброхотами, вероятно, в пересказе. В сравнительную таблицу мы поместили лишь небольшой фрагмент из «Тоски по Армении» Карабчиевского, хотя Грант Матевосян — один из главных персонажей его повести: он собеседник рассказчика, выразитель главной мысли, запечатленной в заглавии. Безусловно, личность Матевосяна — один из паттернов армянского текста русской литературы, нравственный авторитет и ориентир.

Грант Матевосян

А. Битов	Ю. Карабчиевский	Г. Гачев
Какое бы место из своей книги <...> ты бы выбрал для того, чтобы напечатать на лаваше? И <i>мой друг</i> , способный написать о людях, которыми руководят только ветер, солнце и облака <...> как одна буйволица в одной деревне, где уже не осталось буйволов, рано утром уходит от своей старой хозяйки и бредет по горам Армении из села в село, где тоже нет буйволов, исполненная непонятной и прекрасной тоски <...>. И <i>мой друг</i> , способный написать такое, говорит с искренней сокрушенностью и серьезностью: — Нет, такого, чтобы на лаваше, я, пожалуй, еще не написал [8. С. 218].	...Грант — удивительное явление. Он работает почти на пустом месте. <...> Здесь отсутствие в течение столетий большой прозы сказалось роковым образом. Литературный армянский — это язык поэзии... <...> И наш замечательный Грант, создавая новую армянскую прозу, совершает еще и чудовищную работу по сближению литературного и устного языков. <...> Ясно одно: после него писать по-армянски будет легче [2. С. 270–271].	Не случайно и название книги Матевосяна: «Мы и наши горы»: не «наше небо», не «наша земля», а наш — камень. И вторая идея — «Мы» (как и в названии фильма Пелешяна). Это — род, кровь, племя [11. С. 386]. Дали мне с собою читать рассказ Гранта Матевосяна «Буйволица» — лучший рассказ, по словам Битова. Но чуть запахло быком, я оставил... [Там же. С. 383].

Вот и Сергей Довлатов успел признаться в любви к Гранту Матевосяну в 1990 г.: «Когда я читаю об армянских событиях, я представляю себе, что сейчас испытывает Матевосян. Вот так через любовь к нему у меня появились какие-то армянские чувства» [19. С. 110].

В специальном выпуске журнала «Знамя» (2015. № 11), посвященном Армении, армянской литературе и русско-литературной рецепции Армении (что и есть армянский текст), в рубрике «Моя Армения» писатели, критики и литературоведы — каждый индивидуально — создают свою Армению. Практически в каждом тексте присутствует упоминание о Гранте Матевосяне, что еще раз подтверждает: эта литературная фигура — паттерн армянского текста. Александр Архангельский: «Попаду в дом сумрачного классика армянской прозы Гранта Матевосяна, который шмыгал носом и прихлебывал коньяк, потому что никак не мог избавиться от “холода в душе”» [20. С. 203]; Юрий Манн: «В доме именинницы оказалось много гостей, были и люди известные, например уже получивший всесоюзное признание молодой прозаик Грант Матевосян» [21. С. 205]; Алла Марченко: «...Матевосяна не видела, он же на съемках фильма по повести “Мы и наши горы”» [22. С. 210]; «Однако для меня, причем чуть не с младенчества, наиболее притягательной, таинственной и недоступной и была, и остается горная Армения. И не только из-за Матевосяна...» [Там же. С. 211]; «...Нет ничего удивительного в том, что первой современной армянской прозой, в которую я вцепилась, была переведенная Анаит Баяндур и опубликованная в “Дружбе народов” повесть Гранта Матевосяна “Мы и наши горы”» [Там же]; о новом тогда, в 1970-е, сборнике Матевосяна «Оранжевый табун» А. Марченко пишет, что была «огорошена неожиданностью этой прозы, что не решаюсь прилюдно высказать переводчице восхищение ее колдовством» [Там же]; Алиса Ганиева выражает благодарность за поездку по Армении «по-детски обаятельному, черноокому Давиду, воспетому Битовым сыну Гранта Матевосяна. Режиссеру и собирателю Ноевых зверей» [23. С. 195].

Каждый из упомянутых авторов, создателей и трансляторов армянского текста, вносит в этот культурно-литературный феномен нечто свое, личное. Станет ли это личное паттерном армянского текста, пока сказать трудно. Но об одном приобретении Карабчиевского упомянуть считаем необходимым (для меня, автора статьи, это стало именно паттерном моего «сюжетного пространства», по Лотману, или армянского текста).

Сергей Асоян — мой новый друг, лучшая моя находка в Армении... <...> До двадцати лет он не знал почти ни одного армянского слова и ни разу не был в Армении. Жил в Саратове, учился в Москве. (Москва не Минск, и это не повод к сближению. Но Набокова он тоже, конечно, читал...) Затем после смерти своих обрусевших родителей вдруг услышал голос крови, зов предков, притяжение родимой земли — и кинулся в Ереван. Но не просто приехал и начал жить, а выучил язык, воспринял историю, пророс интересами, друзьями, делами — стал армянином! Такой молодец. Мы шатались с ним по вечернему городу... <...> Под конец зашли к нему и зашли ко мне, обменялись статьями о Мандельштаме — даже тут совпадение [2. С. 249–250].

Первый раз упомянутое имя — Сергей Асоян — Карабчиевский выделяет курсивом (чего не делает ни с одним другим именем). Какова роль курсива? Думается, так Карабчиевский передает дружеский привет тому, кто стоит за этим вымышленным именем: это реальный человек — Георгий Кубатьян, «концептуальный» армянин, поэт, переводчик, литературный критик, уникальный знаток армянской истории и литературы. К сожалению, осенью 2021 г. его не стало. В журнале «Дружба народов» посмертно опубликована подборка его стихов «Обойди Армянское нагорье».

В одном из них, под названием «Берег Евфрата», тема геноцида армян предстает с неожиданной стороны: субъект лирического повествования — с той, антиармянской стороны. Армянское нагорье — историческая область, где формировался армянский народ; немалая часть этой области принадлежит Турции. Голос лирического субъекта именно оттуда: «...кто-то врет: армян в пустыню пехом / гнали подыхать палящим летом / из сожженных сел. / Врут, конечно. Не было такого. / Мы ж не звери, резать без оглядки / сотни тысяч душ. <...> Здесь от века жили курды, турки. / Обойди Армянское нагорье — / не сыскать армян» [24. С. 147].

В фильме Тенгиза Абуладзе «Покаяние» героиня Кетеван раз за разом выкапывает покойника из могилы, добываясь справедливости, чтобы преступника назвали преступником, а не «славным гражданином

города». На суде она заявляет, что будет продолжать это делать до того момента, пока... Собственно, посыл стихов «Берег Евфрата» о том же: «Вы опять за старое? Но вы же / здравомыслы. Пресекайте враки. Хватит ваших врак!» [Там же. С. 148] — это вызов и упрек тем, кто не желает назвать убийц убийцами. Это «кривое горе» (по А. Эткинду); горе выпрямится и излечится тогда, когда свершится тот самый «божий суд над наперсниками разврата».

Личность и творчество Кубатьяна — мой паттерн армянского текста; надеюсь, что впоследствии он займет в этом русско-армянском сюжетном пространстве причитающееся ему место, которое уже обозначено Карабчиевским. К слову, и Лев Аннинский не раз отсылает читателя к авторитету Кубатьяна, в частности к такой его сентенции: «Если первый считал (речь о Брюсове. — Э. Ш.), что Армения в качестве “патента на благородство” должна предъявить миру средневековую поэзию, то Мандельштам на эту роль выдвигает архитектуру» [3. С. 179].

Таким образом, помимо перечисленных паттернов, важным и значимым для армянского текста становятся архитектурные сооружения — городской ландшафт, древний и современный; их тоже надо рассматривать отдельно и подробно (Матенадаран, Звартноц и др.). Интересное наблюдение сделал Андрей Битов о городском рынке: «И высокий свод, поддерживаемый изящными и легкими стрельчатými арками, и рассеянный, непонятно откуда идущий свет, и этот мягкий и нежный гул невольно наводили на мысль о храме» [8. С. 214]. Такое наблюдение не пришло бы в голову туристу, рассекающему российские широты. В этом случае рынок, или базар, находит много общего с восточным базаром — тоже пространством загадочным, со своими внутренними законами, легендами, правилами поведения, тоже имеющим интенцию быть храмом. «Что ж, на Востоке как на Востоке», — заключает Карабчиевский [2. С. 275].

Теплый в течение длительного сезона климат восточных регионов сформировал такие локальные прецеденты, как одесский дворик, тбилисский дворик, ташкентский дворик, многократно зафиксированные в литературе разных жанров и живописи. Пришел черед «закаталогизировать» и армянский дворик.

Армянский дворик

В. Гроссман	А. Битов
...Внутренние дворики — вот душа, нутро Еревана... Плоские крыши, лестницы, лестнички, коридорчики, балкончики, террасы и терраски, чинары, инжир, вьющийся виноград, столик, скамеечки, переходы, галерейки — все это слажено, слито, входит одно в другое, выходит одно из другого... Десятки, сотни веревок, подобно артериям и нервным волокнам, связывают балкончики и галерейки. На веревках сохнет огромное, многоцветное белье ереванцев — вот они простыни, на которых спят чернобровые мужья и бабы, делают детей, вот они просторные, как паруса, лифчики матерей-героинь, рубашонки ереванских девчонок, обесцвеченные на ширинке кальсоны армянских старцев, штаны младенцев, пеленочки, парадные кружевные покрывала. Внутренний двор! Живой организм города со снятыми кожными покровами, тут видна вся жизнь Востока: и нежность сердца, и перистальтика кишок, и нервные вспышки, и кровное родство, и мощь землячества [10. С. 15–16].	...Был виден двор. <...> Дерево высунулось из-за угла справа, нависает... <...> С таким чувством человек возвращается на родину: одно дерево сломалось, а тот куст как разросся! Все умерли... <...> Вот уж — «здесь жили люди!» И никакой абстрактной штуковины не надо. Жили, любили, рожали, болели, умирали, рождались, росли, старели... <...> Двор рос, как дерево — отмирали старые ветви, вырастали новые тупички, — а у дерева не бывает несовершенного расположения ветвей, хотя где гуще, где реже, где криво, а где обломано, но — дерево!² <...> Никакой исторической и архитектурной ценности ни эта улица, ни эти дворы не имеют. Она будет снесена, и тут встанут новые, удобные во всех отношениях здания, в них поселятся люди, они будут любить, рожать и умирать, страдать и радоваться. <...> Но ценим ли мы то, что еще драгоценней: то, что есть, что получилось без нас, без нашего участия, — великую гармонию и искусство природы и времени? <...> Это правильный и чисто взятый аккорд, подслушанный и занятый у абсолютной гармонии и полифонии жизни [8. С. 270–272].

² По словам исследователя Г.Т. Гариповой, «человек становится элементом леса, телесно срачивается с ним, энергетически обменивается, духовно впитывает вековую мудрость “мирового древа”, расширяя свое сознание до бытийного бессознательного синкретизма» [25. С. 263].

Словно подслушав, подглядев у Битова этот пассаж о гармонии природы и времени, о дереве — символе времени, пишет в стихах о том же аккорде Лиана Шахвердян:

<...>

Вольным ветром
в воронке сомнений
раскачивалось древо старое —
маятником верным
отмеривалось сущное.
Зналось ли с ветрами другими?

Отмалчивалось...
Вечному! Духу Солнца
прилежно кланялось...
сопричастному к
доминантсептаккорду
затмения
солнечного ли?
лунного ли? [17. С. 46].

Заключение

Предложен алгоритм анализа армянского текста. Рассмотреть все его паттерны в рамках одной статьи не представляется возможным. В арсенале этого локального феномена есть много интересных личностей: Саят-Нова, Комитас, Григор Нарекаци, Наапет Кучак, Месроп Маштоц, Мартирос Сарьян, Егише Чаренц, Леонид Енгибаров, к которым обращаются поэты и прозаики от текста к тексту, и слов — концептов культуры из предметной или метафизической сферы: буквы, кровь, солнце, камни (у В. Гроссмана в «Добро вам!» сложена почти поэма армянским камням)... Не упомянут и еще один уникальный паттерн — *армянский Тифлис*, который вызывает к отдельному рассмотрению. Выстраивая таблицы, можно увидеть типологическое и вечное, современное и индивидуальное в этих концептах, но в любом случае становится очевидным, что это и есть строительный материал армянского текста, созданного русским языком.

Литература

1. *Шафранская Э.Ф.* Ташкентский текст в русской культуре. М.: Арт Хаус медиа, 2010.
2. *Карабчиевский Ю.* Тоска по Армении // Тоска по дому: роман, повести / Ю. Карабчиевский. М.: Слово, 1991. С. 185–296.
3. *Аннинский Л.А.* Лучина и свеча // Дружба народов. 1993. № 2. С. 169–186.
4. *Кубатьян Г.* От слова к слову: комментарий к циклу О. Мандельштама «Армения» // Ворванный воздух: статьи и заметки / Г. Кубатьян. Ереван: РАУ, 2005. С. 7–66.
5. *Амирханян М.Д., Павлова Л.В., Романова И.В.* Реконструкция «армянского» текста в русской поэзии XX века: (опыт компьютерного исследования) // Известия Смоленского государственного университета. 2020. № 2 (50). С. 5–21.
6. *Павлова Л.В., Романова И.В.* «Армянский» текст русской поэзии: (интерпретация данных программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах») // Новый филологический вестник. 2020. № 4 (55). С. 212–225.
7. *Шафранская Э.Ф.* Армянский текст: дети Иова // Полилингвальность и транскультурные практики. 2022. № 3. С. 511–520.
8. *Битов А.* Уроки Армении // Образ жизни: повести / А. Битов. М.: Молодая гвардия, 1972. С. 165–285.

References

1. *Shafranskaya E.F.* Tashkentskii tekst v russkoi kul'ture. Moscow: Art Khaus media, 2010.
2. *Karabchievsky Yu.* Toska po Armenii // Toska po domu: roman, povesti / Yu. Karabchievsky. Moscow: Slovo, 1991. S. 185–296.
3. *Anninsky L.A.* Luchina i svecha // Druzhiba narodov. 1993. No. 2. S. 169–186.
4. *Kubatyan G.* Ot slova k slovu: kommentarii k tsiklu O. Mandelstama "Armenia" // Vorovannyi vozdukh: stat'i i zametki / G. Kubatyan. Erevan: RAU, 2005. S. 7–66.
5. *Amirkhanian M.D., Pavlova L.V., Romanova I.V.* Rekonstruktsiia "armianskogo" teksta v russkoi poezii XX veka: (opyt komp'yuternogo issledovaniia) // Izvestiia Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. No. 2 (50). S. 5–21.
6. *Pavlova L.V., Romanova I.V.* "Armianskii" tekst russkoi poezii: (interpretatsiia dannykh programmno kompleksa "Gipertekstovyi poisk slov-sputnikov v avtorskikh tekstakh") // Novyi filologicheskii vestnik. 2020. No. 4 (55). S. 212–225.
7. *Shafranskaya E.F.* Armianskii tekst: deti Iova // Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. 2022. No. 3. S. 511–520.
8. *Bitov A.* Uroki Armenii // Obraz zhizni: povesti / A. Bitov. Moscow: Molodaia gvardiia, 1972. S. 165–285.

9. Афлатуни С. Барокко: рассказ // Звезда. 2006. № 3. С. 60–75.

10. Гроссман В. Добро вам! : (из путевых заметок) // Знамя. 1988. № 11. С. 5–62.

11. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Кавказ. Интеллектуальные путешествия из России в Грузию, Азербайджан и Армению. М.: Издательский сервис, 2002.

12. Кубатьян Г. Масштаб явления: армянская проза В. Гроссмана, А. Битова и Ю. Карабчиевского // Ворованный воздух: статьи и заметки / Г. Кубатьян. Ереван: РАУ, 2005. С. 238–253.

13. Мартиросян В. Это сладкое слово — Армения: размышления писателя по поводу национальной идентичности // Народы перед зеркалом: эссе. Статьи. Очерки. М.: Ред. журнала «Дружба народов», 2014. С. 110–118.

14. Гаспари А. Поездка в Армению // Литературная Армения. 2021. № 1. С. 73–79.

15. Амелин М. Ереванский триптих: стихи // Знамя. 2015. № 11. С. 199–201.

16. Сурат И. Притяжение горой // Знамя. 2015. № 11. С. 202.

17. Шахвердян Л. Весна отчаяния (2015–2017). Ереван, 2018.

18. Шакарян К. Стихи о Родине // Литературная Армения. 2018. № 3. С. 3–6.

19. Хлебников М. Союз и Довлатов (подробно и прилизительно). М.: Городец, 2021.

20. Архангельский А. Обращение в Армению // Знамя. 2015. № 11. С. 203–204.

21. Манн Ю. Целое и детали // Знамя. 2015. № 11. С. 205–206.

22. Марченко А. Не выцветающие картинки // Знамя. 2015. № 11. С. 207–219.

23. Ганиева А. И вошли в Ковчег // Знамя. 2015. № 11. С. 194–198.

24. Кубатьян Г.И. Обойди Армянское нагорье: стихи // Дружба народов. 2021. № 10. С. 147–150.

25. Гарипова Г.Т. Философская референция как способ художественного миромоделирования в прозе «поколения сорокалетних»: (на материале произведений А. Битова, А. Кима) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 2. С. 258–263.

9. Aflatuni S. Barokko: rasskaz // Zvezda. 2006. No. 3. S. 60–75.

10. Grossman V. Dobro vam! : (iz putevykh zametok) // Znamya. 1988. No. 11. S. 5–62.

11. Gachev G.D. Natsional'nye obrazy mira. Kavkaz. Intellektual'nye puteshestviia iz Rossii v Gruziiu, Azerbaidzhan i Armeniiu. Moscow: Izdatel'skii servis, 2002.

12. Kubatyan G. Masshtab iavleniia: armianskaia proza V. Grossmana, A. Bitova i Yu. Karabchievskogo // Vorovannyi vozdukh: stat'i i zametki / G. Kubatyan. Erevan: RAU, 2005. S. 238–253.

13. Martirosyan V. Eto sladkoe slovo — Armenia: razmyshleniia pisatel'ia po povodu natsional'noi identichnosti // Narody pered zerkalom: esse. Stat'i. Ocherki. Moscow: Red. zhurnala «Druzhba narodov», 2014. S. 110–118.

14. Gaspari A. Poezdka v Armeniiu // Literaturnaia Armenia. 2021. No. 1. S. 73–79.

15. Amelin M. Erevanskii triptikh: stikhi // Znamya. 2015. No. 11. S. 199–201.

16. Surat I. Pritiazhenie goroi // Znamya. 2015. No. 11. S. 202.

17. Shakhverdyan L. Vesna otchaiianiia (2015–2017). Erevan, 2018.

18. Shakaryan K. Stikhi o Rodine // Literaturnaia Armenia. 2018. No. 3. S. 3–6.

19. Khlebnikov M. Soizuz i Dovlatov (podrobno i priblizitel'no). Moscow: Gorodets, 2021.

20. Arkhangel'sky A. Obrashchenie v Armeniiu // Znamya. 2015. No. 11. S. 203–204.

21. Mann Yu. Tseloe i detali // Znamya. 2015. No. 11. S. 205–206.

22. Marchenko A. Ne vytsvetaiushchie kartinki // Znamya. 2015. No. 11. S. 207–219.

23. Ganieva A. I voshli v Kovcheg // Znamya. 2015. No. 11. S. 194–198.

24. Kubatyan G.I. Oboidi Armianskoe nagor'e: stikhi // Druzhba narodov. 2021. No. 10. S. 147–150.

25. Garipova G.T. Filososfskaia referentsiia kak sposob khudozhestvennogo miromodelirovaniia v proze "pokoleniia sorokaletnikh": (na materiale proizvedenii A. Bitova, A. Kima) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2021. T. 14. No. 2. S. 258–263.

Шафранская Элеонора Федоровна,

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русской литературы
Московский городской педагогический университет

Shafranskaya Eleonora F.,

Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of the Russian Literature Department
Moscow City Pedagogical University

ORCID: 0000-0002-4462-5710
elibrary SPIN: 5340-6268
e-mail: shafranskayaef@mail.ru

Образное поле «Казахстан» в карачаево-балкарской литературе: цифровое исследование

Проанализирована частотность употребления лексем образного поля «Казахстан» в карачаево-балкарской художественной литературе. Впервые на обширном карачаево-балкарском текстовом материале апробированы возможности программы-конкордансера AntConc, обнаружившей порядка 2600 вхождений соответствующих лексем. Подтверждена гипотеза о значительном влиянии среднеазиатского периода жизни карачаево-балкарского народа на динамику употребимости лексем образного поля «Казахстан». Продемонстрирована ключевая роль мотива благодарности казахскому народу в анализируемых контекстах словоупотреблений.

Ключевые слова: программа-конкордансер, образное поле «Казахстан», депортация, культуромика.

We analyze the use of lexemes of the semantic field "Kazakhstan" in Karachay-Balkarian literature. For the first time, the AntConc concordance program was tested on the extensive Karachay-Balkarian text material, and about 2600 occurrences of the corresponding lexemes were found in the analyzed texts. The significant influence of the Central Asian period on the usage of the lexemes of the semantic field "Kazakhstan" is confirmed. The key role of the thankfulness towards Kazakh people in the analyzed contexts is revealed.

Keywords: concordancer, semantic field "Kazakhstan", deportation, culturomics.

Введение

Сложный путь развития карачаево-балкарской литературы включает в себя как собственное фольклорное наследие, так и художественный опыт развитых литератур [1]. На протяжении своей столетней истории [2; 3] ей присуще активное освоение самых разнообразных жанров в полном соответствии с теорией ускоренного развития Г. Гачева [4].

Наряду с «взрослением» карачаево-балкарской литературы развивается и карачаево-балкарское литературоведение, которое, однако, на сегодняшний день практически не затронуло отдельные современные направления исследований. В качестве примера можно привести исследовательскую стратегию distant reading [5] («дистанцированное, отвлеченное чтение», или «дальнее чтение»). Один из редких примеров использования методов «дальнего чтения» в карачаево-балкарской литературе представлен в работе, посвященной вычислению межтекстового расстояния между текстами карачаево-балкарских романов [6].

На фоне жанрового развития карачаево-балкарская литература подвержена изменениям и с точки зрения используемой лексики. Ключевая причина этого — непосредственное влияние культурных и социальных процессов на частоту употребления слов и словосочетаний в огромных текстовых массивах. Метод исследования такого влияния получил название «культуромика» [7]. При осмыслении вопросов, связанных с карачаево-балкарской культуромикой и этнопоэтикой, учтены ценные наблюдения, содержащиеся в северокавказском спецвыпуске журнала «Полилингвильность и транскультурные практики», в частности в статье «Северный Кавказ: гора языков и язык гор» [8].

Одним из важнейших событий, повлиявших на культурную жизнь карачаево-балкарского народа, стала насильственная депортация в районы Казахстана и Киргизии в 1943–1944 гг. Нахождение в ссылке в течение 13–14 лет потребовало творческого осмысления испытаний, выпавших на долю народа, и предопределило рост употребимости в карачаево-балкарской литературе лексем образного поля «Казахстан» (в том числе слов «казах», «казахский» и т.д.).

Цель настоящей работы — подтверждение значительного влияния среднеазиатского периода жизни карачаево-балкарского народа на динамику употребимости соответствующих лексем, а также анализ контекстов такого словоупотребления в творчестве различных карачаево-балкарских авторов.

Материалы и методы исследования

Для статистического анализа текстовых массивов был использован корпусный анализатор AntConc, позволяющий формировать все контексты словоупотреблений, ранжировать *N*-граммы по частоте (где *N* — количество слов во фрагменте текста), визуализировать облака ключевых слов, а также выполняющий ряд других функций [9].

Для целей настоящей работы подготовлен текстовый корпус на основе произведений карачаево-балкарских авторов (как прозаических, так и поэтических), выгруженных с сайта электронной библиотеки фонда «Эльбрусоид» [10]. Количество файлов, вошедших в состав анализируемого корпуса, — 1453 (суммарно они содержат около 60 млн слов). Все файлы были сохранены в текстовом формате с присвоением наименования, содержащего имя автора и название книги.

В качестве текстового шаблона, подвергаемого поиску в корпусе, использовалось выражение *къзах**. Крайний справа символ (звездочка) позволяет учесть все возможные суффиксы, которые могут встретиться после корня *къзах*. В настройках анализа была выключена чувствительность к заглавным буквам, поэтому запись *къзах** позволяет учесть и все капитализированные словоупотребления. Кроме того, хотя в текстовом корпусе встречаются немногочисленные произведения карачаево-балкарских авторов на русском языке, корпусный анализатор, по сути, игнорирует их, т.к. в русскоязычном тексте практически невозможно появление корня *къзах* (вместо *казах*).

Для анализа контекстов соответствующего словоупотребления в разрезе творчества различных карачаево-балкарских авторов были подготовлены отдельные подкорпуса.

Результаты исследования и их обсуждение

После загрузки подготовленного текстового корпуса в корпусный анализатор был проведен первый этап исследования — частотный анализ слов, содержащих буквосочетание *къзах** (табл. 1).

Таблица 1

Словоформы, содержащие буквосочетание *къзах*

№ п/п	Словоформа	Перевод	Количество вхождений в текстовый корпус
1	Къзах	Казах, казахский	813
2	Къзахстанда	В Казахстане	376
3	Къзаххлы	Казах, казахский	280
4	Къзахстанны	Казахстана	235
5	Къзахстан	Казахстан, казахстанский	202
6	Къзахстаннга	В Казахстан	189
7	Къзаххлыла	Казахи	127
8	Къзахстандан	Из Казахстана	69
9	Къзахча	По-казахски	60
10	Къзаххлыны	Казаха	29

Общее количество обнаруженных вхождений составило порядка 2600 слов. В списке наиболее популярных словоформ обращает на себя внимание факт высокой частотности дериватов топонима «Казахстан», что объяснимо с точки зрения историко-географической связи карачаево-балкарского народа с Казахстаном в рамках депортации 1943–1944 гг. Высокую частотность также демонстрируют слова, имеющие отношение непосредственно к людям («къзаххлы») или к языку («къзахча»).

На втором этапе был проведен анализ коллокатов к выражению *къзах** (т.е. слов, с наиболее высокой вероятностью встречающихся рядом с выражением *къзах**). Установлено, что изменение ширины «окна», в рамках которого проводится поиск коллокатов, от одного до пяти слов в обоих направлениях несущественно влияет на список наиболее частотных коллокатов.

В табл. 2 приводятся десять наиболее частотных коллокатов при ширине «окна» в пять слов (за вычетом служебных и однокоренных слов).

Анализ наиболее популярных коллокатов приводит к нескольким интересным выводам.

1. Высокий ранг слова «кыргыз» в списке коллокатов объясняется контекстуальной связью Казахстана и Киргизии в творчестве карачаево-балкарских авторов, обусловленной фактом депортации народа преимущественно в эти два региона. В меньшей степени это относится к Узбекистану (соответствующий коллокат находится на шестом месте в списке).

2. Коллокаты под № 2–5 целесообразно разбить на пары «Орта Азия» («Средняя Азия») и «Джамбул область» («Джамбульская область»). Оба топонима имеют непосредственное отношение к Казахстану: если первый включает в себя территорию Казахстана, то второй, напротив, уточняет конкретную административно-территориальную единицу, границы которой были отмечены высоким притоком депортируемых.

3. Коллокаты «джыл» («год») и «тууганды» («родился»), очевидно, употребляются в контекстах биографических справок авторов или персонажей, родившихся в Казахстане.

На третьем этапе проведен анализ наиболее частотных биграмм и триграмм (т.е. наиболее частотных словосочетаний из двух и трех слов соответственно, содержащих выражение *кызах**) (табл. 3, 4).

Сгенерированные би- и триграммы во многом перекликаются с наиболее популярными коллокатами, продемонстрированными в табл. 2. При этом обращает на себя внимание гендерная асимметрия: высокая частотность биграмм «кызахлы киши» («мужчина-казах») и «кызахлы жаш» («парень-казах») на фоне низкой частотности женских аналогов таких биграмм. Отметим также появление в списке второго областного центра (после Джамбула) — Талдыкоргана, также, по всей видимости, сильно повлиявшего на творчество карачаево-балкарских авторов.

На четвертом этапе апробирован инструмент KWIC (Key-Word-In-Context, или «Ключевое-Слово-В-Контексте») в аспекте произведений отдельных авторов.

Таблица 2

Коллокаты к выражению *кызах**

№ п/п	Слово	Перевод
1	Кыргыз	Киргиз, киргизский
2	Орта	Средняя (Азия)
3	Джамбул	Джамбул (г. Тараз)
4	Азия	Азия
5	Область	Область
6	Узбек	Узбек, узбекский
7	Кьум	Песок, пустыня
8	Джыл	Год
9	Тууганды	Родился
10	Орус	Русский

Таблица 3

Биграмм к выражению *кызах**

№ п/п	Биграмм	Перевод
1	Кызах кыргыз	Казах(ский), киргиз(ский)
2	Кызах сср	Казахская ССР
3	Кызахлы киши	Мужчина-казах
4	Кызах тилде	На казахском языке
5	Кызахлы жаш	Парень-казах
6	Кызах юйде	В казахском доме
7	Кызахстанны джамбул	В казахстанском Джамбуле
8	Кызахстанны кьум	Пески Казахстана
9	Кызах элде	В казахском селе
10	Кызах тюзледе	На казахских равнинах

Таблица 4

Триграммы к выражению *кызах**

№ п/п	Триграммы	Перевод
1	Кызахстанны джамбул областыны	В Джамбульской области Казахстана
2	Кызах кыргыз узбек	Казах(ский), киргиз(ский), узбек(ский)
3	Кызахстанны талды курган	В казахском Талды-Кургане
4	Кызахстанны кьум тюзлеринде	На песчаных равнинах Казахстана
5	Кызах жамауатны эли	Село казахского народа
6	Кызах кыргыз орус	Казах(ский), киргиз(ский), русский
7	Кызах элде кыбырынгы	Твою могилу в казахском селе
8	Кызахстанда кьум тебеде	На песчаном холме Казахстана
9	Кызахстандады сени аскер	В Казахстане твой солдат
10	Кызах аулакда кьарала	В казахском поле, черные

Ряд авторов-классиков продемонстрировал нулевое количество упоминаний дериватов выражения *қазақ* в своем творчестве; это Берт Гуртуев, Танзиля Зумакулова, Хабу Кадиев, Байдымат Кечерукова, Кязим Мечиев.

Предположительные причины отсутствия упоминаний слов образного поля «Казахстан» в творчестве этих авторов следующие.

1. В среде карачаево-балкарцев до сих пор существует негласное разделение представителей старшего поколения на условных «казахов» и «киргизов» в зависимости от места их пребывания в период депортации. Подобная демаркационная линия наблюдалась в Союзе писателей. Естественным образом, создавая литературные тексты, карачаево-балкарские художники переносят в них биографически и географически предопределенные реалии, связанные с конкретизированным «космо-психо-логосом» [11. С. 368] Казахстана или Киргизии.

2. Нулевой индекс казахских аллюзий в творчестве Берта Гуртуева (1910–2001), Танзили Зумакуловой (род. 1936) и Байдымат Кечеруковой (род. 1949) объясняется страноведческим фактором: местом их рождения или дислокации в Киргизской ССР. Можно предположить, что статистический анализ произведений названных авторов на частотность употребления лексем образного ряда «Киргизия» покажет высокий результат.

3. Ситуация с Кязимом Мечиевым (1859–1945) на первый взгляд кажется парадоксальной. В народной памяти сохранилось множество легендарных историй, связанных с образом основоположника балкарской литературы, его духовными подвигами в период депортации, сложными жизненными обстоятельствами, а также обретением им «непоследнего приюта» в Талды-Курганской области Казахской ССР с последующим перезахоронением в Кабардино-Балкарии (г. Нальчик) в 1999 г. Специфической особенностью мировосприятия К. Мечиева-священнослужителя, трижды совершившего паломничество в Мекку (будучи хромым от рождения), является абсолютный приоритет духовного над физическим и материальным. В связи с этим, думается, Мечиев игнорирует географические координаты, полностью сосредоточивая внимание на духовно-нравственных координатах человека вне зависимости от его национальной принадлежности и среды обитания.

4. Дистанцированность Хабу Кадиева (1916–1974) от казахского мира имеет свои объективные причины. Как отмечается в «Очерках истории балкарской литературы», «в силу своего этнического происхождения (кумык по отцовской линии) Хабу Кадиев в 1944 г. не был депортирован вместе со всем балкарским народом». Приводятся сведения и о том, что к тому времени писатель «был женат на кабардинке, и уже имелись дети» [12. С. 359]. Эти факты еще раз подтверждают, что это был период, когда органами НКВД репрессированным мерам депортанты подвергались строго по национальному признаку.

Максимальное количество упоминаний слов образного поля «Казахстан» содержится в творчестве таких авторов, как Жагафар Токумаев (более 300 упоминаний, преимущественно в романе «Мени ёмюрюм»); Халимат Байрамукова (более 60 упоминаний, преимущественно в романе «Онтёрт джыл»); Салих Гуртуев (более 60 упоминаний, преимущественно в романе «Ёксюзле жулдузуну сарыны»); Билал Лайпанов (более 40 упоминаний в различных стихотворениях); Мурадин Ольмезов (более 40 упоминаний в различных произведениях); Исмаил Семенов (более 30 упоминаний, преимущественно в сборнике «Акътамакъ»); Ахмат Созаев (около 30 упоминаний, преимущественно в сборнике «Тауларыма таяна»); Назир Хубиев (более 20 упоминаний, преимущественно в сборнике «Джолла»); Зейтун Толгуров (около 10 упоминаний исключительно в научных работах).

Большое количество упоминаний слов образного поля «Казахстан» в творчестве этих авторов может объясняться требованиями сюжета, а также следующими причинами.

1. Всех перечисленных карачаево-балкарских классиков можно метафорически назвать «могучей кучкой казахстанцев», учитывая длительность и интенсивность их биографической и духовно-культурной связи с родиной Абая.

2. Интерпретация образа Казахстана у каждого автора отмечена знаком творческой индивидуальности, зависящим от возраста его первого «соприкосновения» с Республикой Казахстан. Патриарху карачаевской литературы Исмаилу Семенову (1891–1981) в год выселения исполнилось 52 года, он так же, как и Кязим Мечиев, был глубоко верующим человеком, вследствие чего все выпавшие на долю народа испытания он склонен трактовать преимущественно в духовно-религиозном ключе как «волю Аллаха», как необходимость достойно пройти через «мост Сыйрат» («в день выселения»).

3. Зейтун Толгуров (1939–2016), прозаик, литературовед, преподаватель Кабардино-Балкарского госуниверситета, прожил в Казахстане с четырех лет до 18-летнего возраста. В своих интервью и воспоминаниях он запечатлел в основном тематику, связанную с вопросами тюркского языка, образования и просвещения. К примеру, он отмечает следующее: «Считаю, что языковая общность с казахами сильно помогла сохранению моего родного языка в условиях депортации. “Лодочка” балкарского языка не потонула в безбрежном море изгнанничества, поскольку она поддерживалась мощными волнами казахской культуры, единокровной с карачаево-балкарской культурой». Своей родиной Толгуров считает станицу Щербакты Цюрикинского района Павлодарской области. Он приводит интересный пример: «Когда у нас в школе не было учителя по предмету казахский язык, его нам преподавал балкарец Муталип Мусаевич Афашоков» [13].

4. Исключением из обширной «казахстанской плеяды» является «киргиз» Билал Лайпанов (род. 1955), который своим творчеством доказывает, что необязательно родиться или проживать в Казахстане, чтобы любить Казахстан. В его случае обилие казахских интертекстов объясняется двумя основополагающими факторами: изначальным планетарным мышлением интернационального автора, живущего в Норвегии, которому интересны все народы мира без исключения, и давним и глубоким интересом к творчеству «гениального казаха» Олжаса Сулейменова.

В табл. 5 приведены наиболее типичные (но не исчерпывающие) примеры употребления соответствующих слов в творчестве отдельных авторов с заметной представленностью слов образного поля «Казахстан».

Таблица 5

Примеры употребления слов образного поля «Казахстан»

№ п/п	Фрагмент произведения	Перевод	Название произведения
Али Байзуллаев			
1	Мутхуз жанадыла сабий соймекликни кьазах-кьыргьыз тауларында тунчугуулу ёртенлери эркинликни экибизни арабызда	Тускло горят детской любви В казахско-киргизских горах Угасающие огни свободы Между мной и тобой	«Арабызда» («Между нами»)
2	Сыйыр – ийнек (кьазах)	Сыйыр – корова (казахское)	«Шылаплыкь» («Низкорослость»)
3	Ой, анака! Келля харип тюшеди эсиме. Адам чекмез кьайгы, палах келеди эсиме. Мерке кьыйырында, кьабырында жатып Турады кьарт ананг, юсюн кырдык басып. Тюшлеримде кёреме мен аны: Алгьынча, ол эски жомакъланы Айтады, башымы сылай. Кьазах тауларына кьарай Тургъан кёзлеринде – Туман ингирледе Жаугъан кьарла, Мууал тарла, Жолла, Жырла	Ой, мама! Бедную бабушку вспомнила. В памяти моей – беда, невыносимая для человека. На окраине Мерке лежит она в могиле, заросшей травой. Вижу ее в снах своих: Как раньше, она древние сказки рассказывает, поглаживая мою голову. Смотрит на казахские горы, В ее глазах – туманных вечерах Падающие снега, Тесные ущелья, Дороги, Песни	«Узакь аулакь» («Далекое поле»)

№ п/п	Фрагмент произведения	Перевод	Название произведения
Бурхан Берберов			
4	Дауумка, манга не оноу этип турасыз? Қызақстанда Даниял бла манга сёз тауусулғыанын нек унутхансыз?	Дауумка, что вы решили насчет меня? Почему забываете, что в Казахстане меня засватали за Данияла?	«Ташны кычырығы» («Крик камня»)
5	Билмейме не этерге. Мени Қызақстанда қыалғыан тенглерим Нурсултан, Алия не эте тура болурла?	Не знаю, что делать. Интересно, как поживают мои друзья, оставшиеся в Казахстане – Нурсултан, Алия?	
6	Эгечим, Қызақстандан Фируза жибергенди. Ким эсе да	Сестра из Казахстана Фируза прислала. Не знаю, кто она такая	
7	Айсулуму дейсе? Хау. Атасы, анасы кёчгюнчюлюкде қызақхлыладан кёрюп атағыандыла аллай атны	Ты сказала «Айсулу»? Да. Родители во время выселения у казахов переняли и назвали дочь этим именем	
Максим Геттуев			
8	Қызақстандан қыайтырыкь юйле энтда да бардыла да? Бардыла. Хар бирине айтығыыз: алатау кьумалы малладан ала келсинле. Вот!	Есть еще семьи, собирающиеся вернуться? Есть. Скажите всем: пусть привезут с собой образцы алатауских племенных животных	«Джюрекле бла алтын кьолла» («Сердца и руки золотые»)
9	«Кишилиги болғыан адам – кыйынлыкьдан артха турмаз»... Бу сёз қыайсы халкьда жюриюйдю? <...> Эстон халкьда, – деди бири. Қызақ халкьда, – деди экинчиси. Белорус халкьда, – деди ючюнчюсю	«У кого есть мужество, тот не спасует перед трудностями»... Какой народ это сказал? <...> Эстонцы, – сказал один. Казахи, – сказал другой. Белорусы, – сказал третий	«Ачыкь жюрекле» («Открытые сердца»)
Эльдар Гуртуев			
10	Алай бла Малкьарбекланы сыйлы келинлери ахыр жолун қызақ тюзде тауусду	Таким образом, любимая сноха Малкарбековых в казахских степях завершила свой земной путь	«Малкьарбеклары» («Малкарбековы»)
11	Юзейир ёлюкню кётюрюп барғыан қызақхлыланы ызларындан қырағыанлай турду	Узейир долго смотрел вслед казахам, которые несли тело усопшей	
12	Жюйюсхан Малкарбекопф, сени халкьынғы, жангыз бир адамын қыалдырмай, Сибирьге кёчюргендиле. Тюзюн айтханда уа – Қызақстан бла Орта Азиягьа	Господин Малкарбекопф, представителей твоего народа, всех до единого, отправили в Сибирь. А если быть точнее – в Казахстан и Среднюю Азию	
13	Аланы кёбюсю, асламы оқыуна, қызақ тюздеде, кыргызы элдеде болғыанларын ол биле эди	Он знал, что их большая часть, а возможно, и все находились в казахских степях и киргизских селениях	
Жанакаит Залиханов			
14	Ма ол заманда ана тилде жазылғыан хар сёз хар таулуға тейри жарығыыча кёрюннгенде, урушдан қыайтхан Қыайсын бла бирге, Зали да кыргызы, қызақ элlege айланып, ажашхан, мугурайғыан таулулаға эс бере эди, таукел этдирген сёзле айта эди, ырысхы болушлукьну мадарларын эте эди	Вот в те времена, когда каждое слово, написанное на родном языке, каждому балкарцу казалось как небесный свет, Зали тоже рядом с Кайсыном, вернувшимся с фронта, ходил по киргизским, казахским селам, ободрял растерянных, поникших духом балкарцев, находил для них слова поддержки, бывало, и материально помогал	«Жол нёгерле» («Попутчики»)
15	Не айтырығыы, мени халымы анғыларыкьса, Адрахман. Элими, юйюрююмю Кыргызыстанда, Қызақстанда излерге тюшдю	Что сказать, ты поймешь меня, Адрахман. Родню, семью мне пришлось искать в Киргизии и Казахстане	

№ п/п	Фрагмент произведения	Перевод	Название произведения
16	Сиз кеп жашагъыз, анамы уа Къазахстанда асырагъанбыз, – деп, кыыз жерге къарады	Пусть Всевышний дарует Вам долгую жизнь, но мы свою мать похоронили в Казахстане, – сказала девушка, опустив глаза	
17	Земжанны излейме, сурайма, тапмайма. Аланы Къазахстанда хапарларын эшитип, ары да жаздым	Я ищу Земжана, спрашиваю, не нахожу. Услышала, что они в Казахстане, и туда написала	
18	Секретарь, алай айта, сагъышха кирди. Аны акъылы Къыргызстаннга, Къазахстаннга да жетдиле	После этих слов секретарь задумался. Его мысли добрались до Киргизстана и Казахстана	«Жаннган жүреккле» («Горящие сердца»)
Кайсын Кулиев			
19	Къаядан чучхур секириу, Сакъ тау жауунлары кюйюнгде, Исламей, шуйохлукъ тебсеую, Исламей, къардашлыкъ тебсеую, Тебседим сени къазах юйде	Водопады со скал, Мягкие горные дожди твоего лета, Исламей, дружбы танец, Исламей, братства танец, Я станцевал в твоём казахском доме	«Къазах юйде» («Сайлама») (слово «къазах» встречается и в последующих строфах стихотворения)
20	Къазах жерини урунуучулары, Къазах жерини иги жырчылары!	Казахского края земледельцы, Казахского края певцы!	«Жерни ариулугъуну юсюнден жазылган тизгинле» («Стихи о красоте земли»)
21	Акътамакъ (Къазах халкъ жырладан)	Актамак (казахская народная песня)	«Акътамакъ» («Актамак»)
22	Элтди Къазахстан аулакларына, Февралны кыртчинине кюйдюрте. Жилий къараб сууукъ жерни къарына, Ачыуну сынадынг асыры эртде!	Отправил в казахстанские степи, Обжигая февральским морозом. Плача, смотрел на снег холодной земли, Слишком рано ты познал горе!	«Къыш ингирде айтылган назмула» («Стихи, сказанные зимним вечером»)
23	Къарындашым Гюржюстан тауларында, Къазахстан аулагындагы тенгим! Къутулдукъ кыйынлыкъланы барындан, Жаула бла уруш этип, къан тегюп	Мой брат с гор Грузии, Мой друг с казахстанских степей! Мы покончили со всеми бедами, Воевали с врагами, кровь проливали	«Къарындашларыма айтама» («Говорю братьям»)
Сафар Макитов			
24	Ызыбыздан сургенле кеп болдула – Арабызда тилчиле марадыла, Алгъа кыйын болду жашаргъа анда, Сау болсунла кыргызы, къазахы да. Артда бир кесек тынчайып башладыкъ, Кыйналгъаныбызны кенгнге ташладыкъ	Много было преследователей – Доносчики в нас целились. Сперва трудно было жить там, Спасибо киргизам, казахам. Позже пришло спокойствие, Мы отбросили от себя тревоги	«Жууукъ болугъуз мени юйюме!» («Добро пожаловать в мой дом!»)
25	Къыргыз, къазах халклары – огурлула, Сау болсунла, бизге кеп болушдула. Бизни ол апчыган жылларыбызда Бизге билек болдула къатыбызда	Киргизы, казахи – добрые (благодарные), Спасибо им, нам много помогли. В те горестные годы Они подставили нам плечо	«Къайтыгъыз!» («Возвращайтесь!»)
26	Къыргызстанда, Къазахстанда бир бирге Къалай халал болуучек хар кюн сайын, Тансыкъ болгъанлай туруучек керюрге, Жаныбызны бир бирден кызгъанмайын	В Кыргызстане, Казахстане Сколько доброты было в людях, Всегда хотелось увидаться, Душу каждый мог отдать за другого	«Жетегейле» («Большая Медведица»)
27	Жыйырманчы съезд хапар ийди бизге, Жангы кюн тийгенча къазах, кыргыз тюзге. Партия! Къууанча жетдиле жүреккле, Къабыл болсун биз анга этген тилекле!	Двадцатый съезд прислал хорошую новость, Будто новое солнце появилось в казахско-киргизской степи. Партия! Сердца познали радость, Пусть сбудутся все наши пожелания!	«Онюч жыл» («Тринадцать лет»)

№ п/п	Фрагмент произведения	Перевод	Название произведения
28	Чеченлини атасы урушда ёлдю, Анасы кёчгюнчю жыл ачдан ёлдю. Кеси сабийлей Къзахстанда ёсдю... Жангыз жашы бюгюн Шалиде ёлдю	У чеченца отец пал на войне, Мать от голода умерла в депортации. Сам он с детства рос в Казахстане... Его единственный сын погиб в Шали	«Къарындашларым-чеченлиле» («Братьям-чеченцам»)
29	Таубий кетди Азияда тюзлеге Ол узакъ жерде юйюрюн излерге. Къзахстанда жетмеген жер къалмады, Алай анда ол юйюрюн тапмады	Таубий ушел в азиатские степи В этом дальнем краю искать свою семью. В Казахстане до всех уголков дошел, Но так и не нашел родных	«Малкъарлы солдатны къадары» («Судьба балкарского солдата»)
30	Бизни тилде Къзахстан да Сёлешеди, Къыргызылы да Юрта юйде Кенгешеди	На нашем языке И Казахстан Разговаривает, И киргизы В юртах-домах Диалоги ведут	«Ана тилим» («Родной язык»)
Магомет Мокаев			
31	Къзахстан шахары Алма-Ата. Жаз башында жауады жабалакъ. Ол кюрешеди, кёмюкча агъарта, Кенг шахарны жолларын жабаргъа	Казахстанский город Алма-Ата. Весной идет снег крупными хлопьями. Он стремится, как пена, сверкая, Покрыть дороги широкого города	«Жабалакъ жаугъанда» («Когда шел снег»)
32	Ол, керек болса, жер да къазар, Излемейди ишни женгилин. Жашауун бардырады къзах Халкъыны кенг, уллу жеринде	Если надо, он и землю будет копать, Он не ищет легких работ. Творчеством занят казах На широкой большой земле своего народа	«Малкъарлы къыз» («Балкарская девушка»)
33	Къзах сыртда анамы къабырына Къар жаугъаны къатлана къарамымда, Сагъышлыма... Энтда, тилей, чакъыра, Эшигибизни къагдады факъыра. Арбазыбызча, дуня кёрюне тар, Къзах элде былай жауа эди къар, Отубузну къара бушуу кёмгенде, Атамы аман хапары келгенде	На казахском холме могила моей матери, На нее снег падает в моих виденьях, Я в раздумьях... Снова просит, зовет, В двери стучится нищий. Мир стал тесным, как наш двор, В казахском селе шел снег, Когда черное горе покрыло наш очаг, Когда весть о кончине отца пришла	«Къар жауады» («Идет снег»)
34	Кечип къоя эди мени кёп Хылыми биринчи устазым. Берген эди къалам, мерекеп Ол къзах жырланы устасы, Ол жүрек сырланы устасы	Много моих проказ Прощал мой первый учитель. Дал он мне ручку, чернила. Этот казах – мастер песен, Этот знаток сердечных тайн	«Устазым» («Мой учитель»)
35	Эсгериуле жолу нечик узакъды! Сабийлигинг жүзген кёлчюк узакъды. Журтсуз къалып, тыгъырыкъсыз да къалып, Сен кечингенг къзах элчик узакъды	Как длинна дорога памяти! Как далек пруд твоего детства. Далек приютивший тебя казахский аул, Когда ты остался без родины, без крова	«Бир сейирим» («Мое самое большое удивление»)
36	Хазна болалмайма, тюгенип кючюм, Къзахстан кюню къызыуду къалай! Кел, Къаншау,– дейме, акъсуудан да ичип, Бир солуюкъ, сериуюнчюк къакъгъанлай	Я уже не могу, силы иссякли, Как горячо казахстанское солнце! Говорю: «Пойдем, Каншау, выпьем айран с водой, Отдохнем немного в тени!»	«Къиши жеринде» («На чужой земле»)
Сакинат Мусукаева			
37	Мени уа бек сийгеним, Къзахстанда юйренип, Ыннам этген бешбармакъ. Бютюнда – къозу сойсакъ!	Моя самая большая любовь – Тот бешбармак, который моя бабушка делает, В Казахстане научившись. Особенно, если зарезали барана!	«Ашарыкъла» («Национальные блюда»)
38	Къзахстаннга тюшген эдик. Жашчыкны атасыны къара къагъыты уа, кёп айланyp, Кавказгъа иш да келип, алай тапхан эди бизни Къзахстанда	Мы попали в Казахстан. А похоронка на отца мальчика долго бродила по свету и до Кавказа добралась, а затем нашла нас в Казахстане	«Жангыз туююлме» («Я не одинок»)

№ п/п	Фрагмент произведения	Перевод	Название произведения
39	Атамы кыбырына уа барлыкма, анамы кыбырындан топуракчык да алып. Аппамы, ыннамы кыбырларындан да аллык эдим, ала Къазахстанда квалмасала	Возьму горсть земли с могилы матери и пойду к могиле отца. Взяла бы и с могилы дедушки, бабушки, но они остались в Казахстане	
40	Ол, кыйгы нѳгери болуп, аяз кванатында айланган адам, жилиуу кытыш чакырыды да сабийи болмаган кызахлы тиширыуну, ол, ѳксюзно юйуне алып келип, олсагыат кый сойдуруп, аны жылы терисин жашчыкыны башына кыаплап, эки кюн тутду	Он, обрученный с тревогой, летающий на крыльях ветра, плачущим голосом позвал бездетную казашку, а она забрала сироту домой, тотчас велела зарезать барана, теплой шкурой обернула головку мальчика и продержала так два дня	«Тюненеги кюн бла бююн» («Вчера и сегодня»)
41	Кыргыз, Къазах жери – аулак бары, Кюню, айы да бир кибик – сары... Бир бирине ушайды жоллары, Ажашырга сылтау – ала бары... <...> Эже, – деп айтдырдынг кыргызлыгыа, Апке, – деп айтдырдынг кызахлыгыа, Сени билип, сый бермеген болмаз	Киргизская, казахская земля – степи кругом, И солнце, и луна – одинаково желты... Дороги все одинаковые, Заблудиться здесь очень легко. <... > Эже, – стали называть тебя киргизы, Апке, – стали называть тебя казахи, Кто знал тебя, все оказывали честь	«Бешинчи ушакъ» («Пятый разговор»)
42	Къартла кѳлюн алган келинлени Къара кѳзлю малкър сабийлери Тѳгюлдюле кыргыз элдерине, Къазахстанны узакъ жерлерине...	Невесток, с почтением относящихся к старикам, Черноглазых балкарских детишек Раскидали по киргизским селениям, По казахстанским далеким землям	«Таулу тиширыу» («Балкарка»)
Керим Отаров			
43	Бизни алып бара эдиле алгыа, Къазах аулакылада Къурдай бойнуна, Ингир а, мудах тыше мутхуз жолгыа, Аны элте эд кечени кыйнуна	Везли, везли нас вперед По казахским долинам к берегам Курдая, А вечер, печально осеняя тусклую дорогу, Ведет ее в объятия ночи	«Ингир булутла» («Вечерние облака»)
44	Ол Кѳкчетауну кенг тюзлеринде Кѳп кыртишлени кыбаргъанд, Аны трактору кызах жеринде Узун баразала баргъанд	Он в кокчетавских широких полях Много целинной почвы вскопал, Его трактор на казахской земле Длинные борозды провел	«Сабанчы» («Земледелец»)
45	Тракторчу кызахлы манга, ышара (Къууанчылык бар эди бетинде аны): Кимсе, шуѳхум, кыйрыса? – деп сорад. Алайда кыучаклашдык эки кърдаш: Аулакылы кызахлы, таулу малкърлы. Айырылдык, атмайын ызыма таш. Агыра квалды кър аууш Архарлы	Казах-тракторист с улыбкой (Радость была на его лице): Ты кто, друг, куда? – спросил. Итак, обнялись мы, два брата: Степной казах и горский балкарец. Расстались, никто не кинул мне камень вслед. А вдали белел перевал Архарлы	«Архарлы ауушда» («На перевале Архарлы»)
46	Баргъан эдим, ата кыбырынача, Къазах аулагында кум кыбырынга. Бююн а мен, таула кърларынача, Къарайма сени уллу кядарынга	Ходил я, как к отцовской могиле, К твоей песчаной могиле в казахской степи. А сегодня я, как на снежные вершины, Смотрю на твою большую судьбу	«Ингир аууш» («Вечерний перевал»)
47	Тилеп кѳрсег а, болушмазмы, кыйдам?! Дау а ким айталсын, – деди, – кыдаргыа? Аунача, бара эди ол... кыйла Ызындан кызах аулакыда, кърала	А может, попросим, вдруг поможет?! Хотя какие претензии могут быть к судьбе? Как тень, шел он... за отарой овец Весь почерневший по казахской степи	«Къарт кыйчу» («Старый чабан»)
48	Къазах аулагы! Сен, дуняча, алай Кенге, эркин. Ырысхы, насып да – толу. Да сора, Сыйрат кѳпюрюча, кылай Тар болуп квалды сенде мени жолум?	Казахская степь! Ты, как мир, широка, свободна. Богатством, счастьем полна. Ну почему же моя дорога здесь стала узкой, как Мост Сират?	«Къазах аулагы» («Казахская степь»)

№ п/п	Фрагмент произведения	Перевод	Название произведения
49	Жашнаған жазғы терек бачбаланы ичинден Танга дери жырлайды ариу ёнлю булбул. Совет халкъланы уллу насыбыны юсюнден Жашча жырлайд жюз жыллыкь кьзазах акьын Жамбул!	Посреди весеннего цветущего сада До рассвета поет сладкоголосый соловей. Про счастье советских народов, Как юноша, поет столетний казахский акын Жамбул!	«Насыбны жыры» («Песня счастья»)
50	Жашлары, туудукълары да урушда Кьалгьандыла, ата журтну кьоруулай. Кьадар аны туугьан жерин алышды Кьзазах аулагьына, кьартны кьарыулай	Сыновья, внуки на фронте Остались, защищая Отечество. А судьба, старика переселивая, Его родину поменяла на казахские степи	«Ынна» («Бабушка»)
Алим Теппеев			
51	Атанг, ананг, кьарындашынг? Кёбдюле. Кьуллукълары бийикмиди? Бийикди. Орус, Кьзазах, Кьумукь, Кьыргьыз – атлары, Барысы да коммунизмге ишлейле!	Отец, мать, брат? Много. Должности высокие? Высокие. Русский, Казах, Кумык, Киргиз – их имена, Все на благо коммунизма трудятся!	«Испаниялы туристе жауаб» («Ответ испанскому туристу»)
52	Кьзазахстанда, Жамбул областьда Жашай эди ол, чамланмай властьха. Чегемден кьысталгьан ёзденлени, Кёре эди, тутулуп кетгенлени...	В Казахстане, в Джамбульской области, Жил он, не сердясь на власть. Он видел, как чегемских узденей Арестовывали, выселяли...	«Кьурч комиссар» («Стальной комиссар»)
53	Андан алгьа боракь да, сокьур бла чолакь да, Кьыргьызстан, Азия, татарлы кьыз, Назия, бутсуз устаз Чолукь да, кьарачайлы Бекмырза, Гоби чёлюнде гюрза; ёз атасы Баппучукь, кьарт чюйютлю Соломон, кьзазахлы жаш Олжас да – бирден бирге барысы, кёрюп аны намысын, ачдан, сапдан да сакьлап, кьыйын кюнде кьучакьлап, эмчек кибик кёрдюле, бир капек да хакь алмай, билимлерин бердиле... <...> Ол, ачдан ёлмезге сюйюп, бир кьзазах бокка да кийип, сата эди жубуран, кьаргьа бла лобан, кимине бёдене деп, кеклик не кьоян...	Еще раньше конь пророка, слепец, безрукий, Киргизстан, Азия, татарская дочь Назия, безногий мастер Чолук, карачаевец Бекмурза, гюрза с Гоби, праотец Баппучук, древний еврей Соломон, казахский юноша Олжас – все они, видя его честь, спасали его от голода, болезней, в трудные дни обнимали, воспринимали как молочного сына, без единой копейки дарили знания. <... > Он, спасаясь от голода, надевал казахскую шапку и продавал сусликов, ворон и кротов, выдавая их за перепелок, кекликов и кроликов...	«Ас-тах» (название вымышленного языческого государства на Северном Кавказе)
Омар Этезов			
54	Адреслери сизни юйледен болмасала да, бир эки юйледен келгенди, ол кьагьытлагьа кёре, Жагьа элни адамлары Кьзазахстаннга кёчгендиле. <...> Лаудан кьуймакь эте тургьунчу, кьарт кьзазахлы Чоппакьгьа башдан аякь кийим алып жетди. <...> Тюз аны бла бир сагьатха кьарт кьзазахлы да семиз кьойну бойнун тартып, терисин сыдыра башлады	Хотя на адресах ваши родные не указаны, пришло несколько писем, по которым можно понять, что жителей села Жага выселили в Казахстан. < ...> Пока Лаудан готовила яичницу, старый казах принес для Чоппака всю одежду с голов до ног. <...> В тот же час старик-казах зарезал жирного барана и начал снимать его шкуру	«Урушну отунда» («В огне войны»)

Результаты анализа примеров, приведенных в табл. 5, позволили сделать следующие **выводы**.

Если все приведенные фрагменты с образным полем «Казахстан» выстроить по диахронии, то отчетливо вырисовываются разные художественно-аксиологические трактовки, обусловленные поколенческим фактором. Для литераторов-спецпереселенцев, попавших в совершенно

новую для них среду обитания (да еще с клеймом «враг народа») в сознательном возрасте, важно было запечатлеть всевозможные историко-политические реалии, дорожные впечатления, детали и сложности налаживания коммуникативных форм между северокавказскими горцами и представителями казахского народа. Их произведения, по жанровым признакам относящиеся к автобиографическому эпосу, отличаются документальной конкретикой: в них фигурируют названия аутентичных населенных пунктов и природных объектов (Курдай, Архарлы, Мерке, Джамбул), исторически достоверные имена персонажей, а также сюжеты, основанные большей частью на реальных событиях. К этим писателям-летописцам относятся М. Геттуев, Ж. Залиханов, К. Кулиев, С. Макитов, К. Отаров, О. Этезов. Особняком стоят два духовных лидера карачаево-балкарского народа — К. Мечиев и И. Семенов, склонные трактовать народную трагедию с геологической точки зрения как испытание для благоверного мусульманина, который с честью должен все преодолеть с опорой на такие ценности, как терпение, созидательный труд, вера в Аллаха.

Ко второму поколению писателей относятся лица, уехавшие с Северного Кавказа в Казахстан в малолетнем возрасте или родившиеся там в период с 1943 по 1960 г. Творчество писателей этой возрастной категории (И. Бабаев, А. Байзуллаев, М. Мокаев, С. Мусукаева, М. Ольмезов) по своему характеру является ретроспективным. Освещаемые ими тематические блоки содержат незначительное количество историко-политических реалий, но они интересны неожиданными деталями, выхваченными из течения жизни цепким детским взглядом, а также общими «импрессионистскими» впечатлениями, воспоминаниями ребенка-спецпереселенца. Герои-протагонисты названных писателей идентифицируют себя как «личности с рассеченными корнями» или «родиной дважды богатые». Особенно рельефно этот мотив выражен в лирико-философской поэме С. Мусукаевой «Расцветают яблони в Алма-Ате» и в повести Б. Берберова «Крик камня».

Заключение

Методы «дальнего чтения» в очередной раз подтверждают свою эффективность в решении задач опосредованного изучения значимых для литературы тенденций на материале масштабного набора текстов.

Проблемно-тематический диапазон произведений карачаево-балкарских авторов с маркировкой «Казахстан» вбирает в себя следующие ключевые мотивы и архетипические образы, по своей тональности определяющие динамические изменения в жизнедеятельности и мировосприятии спецпереселенцев: «смерть от голода, холода и болезней», «тоска по родине», «умерших хоронят женщины», «поиск родственников, детей, потерявшихся в результате депортации», «откровение: казахский язык похож на наш», «дружба народов», «респект учителям-казахам», «знакомство с национальными блюдами казахов», «казашки-целительницы».

Постепенно осознание схожести этнокультурных парадигм приводит к продуктивным формам коммуникации «степных казахов» и «горских карачаево-балкарцев». Некоторые авторы отмечают явления «казахско-балкарского билингвизма», когда спецпереселенцы начинают использовать в своей речи такие специфически казахские слова и выражения, как «эже», «апке», «айналайын», «Кьудай сакътасын» и др.

О том, насколько далеко простирается форма культурообмена между кавказским и казахстанским регионами, неожиданно свидетельствует герой М. Геттуева, который просит, чтобы репатрианты, возвращающиеся в Кабардино-Балкарскую ССР в 1957 г., захватили с собой несколько «алатауских племенных быков» для разведения. Если суммировать все текстовые матрицы, то на первом месте по частотности окажется мотив чувства благодарности казахскому народу от имени северокавказских спецпереселенцев.

Интересен в этом плане художественный опыт А. Теппеева, который в романе «Ас-тах», выражая благодарность своим учителям, в один ряд ставит пророков, своих предков, царя Соломона и казахского юношу по имени Олжас, в котором, вне всякого сомнения, узнается личность Олжаса Омаровича Сулейменова.

Литература

1. *Сарбашева А.М.* Формирование историзма мышления и балкарский роман. Нальчик: КБНЦ РАН, 2001.
2. *Тепеев А.М.* Балкарская проза. Нальчик: Эльбрус, 1974.
3. *Акачиева С.М.* Карачаевский роман. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1980.
4. *Гачев Г.Д.* Неминуемое: ускоренное развитие литературы. М.: Художественная литература, 1989.
5. *Moretti F.* Distant reading. London; New York: Verso Print, 2013.
6. *Берберов А.Б.* Карачаево-балкарский роман: опыт дальнего чтения. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-2-252-263 // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 2. С. 252–263.
7. *Бонч-Осмоловская А.А.* Культуромика в национальном корпусе русского языка: к постановке задачи: три века русских дорог // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2015. Т. 4. № 6. С. 605–641.
8. *Кучукова З.А., Бауаев К.К.* Северный Кавказ: гора языков и язык гор. DOI 10/22363/2618-897X-2022-19-2-158-174 // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 2. С. 158–174.
9. *Anthony L.* AntConc: (version 4.1.4): [computer software]. Tokyo, Japan: Waseda University, 2022. URL: <http://www.antlab.sci.waseda.ac.jp/>.
10. Эльбрусид: электронная библиотека. URL: <http://www.elbrusoid.org/library/>.
11. *Гачев Г.Д.* Ментальности народов мира. М.: Эксмо, 2003. 544 с.
12. *Кациев Х. Хабиб* // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2010. С. 357–368.
13. *Кучукова З.А., Берберов Б.А.* Казахстан в исторической памяти карачаево-балкарского народа // Эльбрусид: электронная библиотека. URL: <http://www.elbrusoid.org/articles/karachay-balkar-lit-/428674/>. Дата публикации: 07.03.2016.

Берберов Али Бурханович, кандидат технических наук, директор проекта Российского энергетического агентства
Berberov Ali B., Candidate of Technical Sciences, Project Director of the Russian Energy
ORCID: 0000-0001-7847-3770
e-mail: ali-berberov@mail.ru

Узденова Зулейха Абдулкеримовна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
Uzdenova Zuleikha A., PhD student of the Russian and Foreign Literature Department Berbekov Kabardino-Balkarian State University
ORCID: 0000-0003-1800-0474
e-mail: uz.sofa94@mail.ru

References

1. *Sarbasheva A.M.* Formirovanie istorizma myshleniia i balkarskii roman. Nal'chik: KBNTs RAN, 2001.
2. *Tepeeov A.M.* Balkarskaia proza. Nal'chik: El'brus, 1974.
3. *Akachieva S.M.* Karachaevskii roman. Cherkessk: Karachaev-Cherkesskoe otделение Stavropol'skogo knizhnogo izdatel'stva, 1980.
4. *Gachev G.D.* Neminuemoe: uskorennoe razvitie literatury. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1989.
5. *Moretti F.* Distant reading. London; New York: Verso Print, 2013.
6. *Berberov A.B.* Karachaev-balkarskii roman: opyt dal'nego chteniia. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-2-252-263 // Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. 2022. T. 19. No. 2. S. 252–263.
7. *Bonch-Osmolovskaya A.A.* Kul'turomika v natsional'nom korpuse russkogo iazyka: k postanovke zadachi: tri veka russkikh dorog // Trudy instituta russkogo iazyka im. V.V. Vinogradova. 2015. T. 4. No. 6. S. 605–641.
8. *Kuchukova Z.A., Bauaev K.K.* Severnyi Kavkaz: gora iazykov i iazyk gor. DOI 10/22363/2618-897X-2022-19-2-158-174 // Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. 2022. T. 19. No. 2. S. 158–174.
9. *Anthony L.* AntConc: (version 4.1.4): [computer software]. Tokyo, Japan: Waseda University, 2022. URL: <http://www.antlab.sci.waseda.ac.jp/>.
10. Elbrusoid: electronnaia biblioteka. URL: <http://www.elbrusoid.org/library/>.
11. *Gachev G.D.* Mental'nosti narodov mira. Moscow: Eksmo, 2003. 544 s.
12. *Katsiev Kh. Khabib* // Ocherki istorii balkarskoi literatury. Nal'chik: GP KBR "Respublikanskiy poligrafkombinat im. Revoliutsii 1905 g.", 2010. S. 357–368.
13. *Kuchukova Z.A., Berberov A.B.* Kazakhstan v istoricheskoi pamiati karachaev-balkarskogo naroda // Elbrusoid: electronnaia biblioteka. URL: <http://www.elbrusoid.org/articles/karachay-balkar-lit-/428674/>. Data publicatsii: 07.03.2016.

Кучукова Зухра Ахметовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
Kuchukova Zuhra A., Doctor of Philology, Professor of the Russian and Foreign Literature Department Berbekov Kabardino-Balkarian State University

ORCID: 0000-0001-7907-0404
e-mail: kuchuk60@list.ru

Интертекстуальность и транскulturация (на материале поэтических текстов Луизы Глик)

Настоящая статья посвящена осмыслению художественного текста как априори транскультурного. Гипотеза исследования состоит в том, что истинное художественное произведение всегда создается как «реплика в диалоге» с уже существующей литературной традицией, которая выходит за пределы одной культуры и апеллирует к общечеловеческому эстетическому полю. Одним из доменов, содержащих «конденсаторы культурной памяти», является культура Античности. Несмотря на то что эта культура нередко имперсональна (следовательно, недискурсивна, если согласиться с тезисом Н.Д. Арутюновой), она по-прежнему остается для автора иной культурой, базисом для заимствования и адаптации вечных сюжетов, тем и образов. Следовательно, транскulturация как процесс взаимопроникновения и кооперации различных семиотических кодов осуществляется. Ее маркером выступают элементы интертекстуального порядка: интексты, аллюзии, сценарии, сюжеты, парадигмы культурных типажей. Материалом исследования послужили стихотворения Луизы Глик из поэтического сборника «Аверно». В работе использованы дескриптивный и герменевтический методы, а также метод интертекстуального анализа. Сделан вывод, что апелляция Глик к темам Античности не только становится частью ее художественного метода, но и помогает ей пережить личный травматичный опыт. Лирическая героиня «Аверно», ассоциируемая с образом Персефоны, — это субъект, перманентно перемещающийся между мирами, субъект «вне дома», не принадлежащий какому-либо топосу. Именно таков и транскультурный субъект нового мира.

Ключевые слова: транскulturация, интертекстуальность, интекст, сюжет, нарратив, Луиза Глик, «Странница Персефона».

This article is devoted to understanding the literary text as a priori transcultural. The research hypothesis is that a true work of art is always created as a “replica in dialogue” with an already existing literary tradition that goes beyond one culture and appeals to the universal aesthetic field. One of the domains containing “capacitors of cultural memory” is the culture of antiquity. Despite the fact that this culture is often impersonal (hence, non-discursive, if we agree with the thesis of N.D. Arutyunova), it still remains a different culture for the author, the basis for borrowing and adapting eternal plots, themes and images. Consequently, transculturation as a process of interpenetration and cooperation of various semiotic codes is carried out. Its marker is the elements of the intertextual order — intexts, allusions, scenarios, plots, paradigms of cultural types. The material of the article was the poems of Louise Glick from the poetry collection “Averno”. The work used descriptive and hermeneutical methods, as well as the method of intertextual analysis. The author of the article comes to the conclusion that Glick’s appeal to the themes of antiquity not only becomes part of her artistic method, but also helps her survive her personal traumatic experience. The lyrical heroine “Averno”, associated with the image of Persephone, is a subject permanently moving between worlds, a subject “out of home”, not belonging to any topos. This is precisely the transcultural subject of the new world.

Keywords: transculturation, intertextuality, intext, plot, narrative, Louise Glick, “Persephone the Wanderer”.

Введение

Транскulturация — эпистема нового времени, как справедливо подчеркивает М.В. Глостанова [1]. Отчасти идея реконфигурации образов мира, в котором существует постиндустриальное общество, близка теории ризомы, разработанной в трудах Ж. Делёза. Ризома является базовым символом новой концептологии, метафорой сознания, конституирующей противопоставление вертикали бытия и мышления горизонтальному движению «вширь», не отталкиваемому от централизованного «стержня». Ризома многообразна и открыта трансформациям [2]. Закономерно, что ризоматическим становится и изучение новейшей литературы, которое не укладывается в монопарадигмальные рамки.

Современная эпоха транскультурна по своей природе: в мире проницаемости границ чужое и чуждое получает дополнительный импульс к вхождению в новое семиотическое поле, становясь частью его кодовой системы. Художественный текст, создаваемый современными авторами, — это, по нашему убеждению, априори текст транскультурный: об этом свидетельствует не только возникновение так называемой транслингвальной литературы, но и сам факт того, что произведение, написанное в русле метамодернистского дискурса, остается «эхокамерой текста». Это касается

и монолингвальных текстов, которые остаются транскультурными феноменами за счет апелляции к мировому художественному опыту. Сама *интертекстуальность* таких текстов свидетельствует о том, что паттерны иных культур, будь то ретранслируемые и переосмысляемые мифологические сценарии, образы и символы, заимствуются не из «коренной» культуры натива, а из смежных эстетических зон. Открытым остается вопрос, считать ли такие «конденсаторы культурной памяти» (М.Ю. Лотман), как мифологемы классической Античности, транскультурными элементами.

По мнению У.М. Бахтикиреевой и О.А. Валиковой, каждая литература представляет собой домен культуры, аккумулирующий ее опыт в конкретных идеях, сюжетах и образах. Иногда домены взаимодействуют друг с другом в пространстве диалога; транскультурные процессы в эстетическом феномене также диалогичны, даже если подобное взаимодействие не ведет к кооперации семиотических подсистем художественного целого [3].

Цель настоящей статьи — попытаться осмыслить поэтическое творчество нобелевского лауреата Луизы Глик сквозь призму теории транскультурации. Гипотеза состоит в том, что маркером транскультурации выступает интертекстуальность как обращение автора к уже созданным текстам *других культур* в практике создания уникального поэтического дискурса.

Методологические предпосылки

Жизнь каждого текста, и в особенности текста художественного, проходит в окружении других текстов и в условиях взаимоотношений стоящих за этими текстами субъективированных сознаний. Поскольку в настоящей работе мы опираемся на теории межлитературного диалога и интертекста, считаем необходимым обозначить некоторые важные исследовательские концепции по данному вопросу.

Согласно рассуждениям М.А. Лагоды, аксиомой практически любого литературоведческого исследования является положение о том, что «всякий текст обусловлен контекстом культуры, следовательно, всякий текст указывает на другие тексты, становится реакцией на них» [4].

В статье «Интертекстуальность как аспект интерпретации художественного литературного произведения: к постановке проблемы» исследователь пытается установить логику в отношениях между двумя феноменами: диалогом и интертекстом (диалогизмом и интертекстуальностью, если говорить о свойстве текста открыто взаимодействовать с другими текстами). М.А. Лагода совершенно справедливо указывает на (условно) гипергипонимический характер данных реляций.

Диалог как принцип, определяющий «суть человеческого бытия» (М.М. Бахтин), есть участие нескольких уникальных сознаний в событии, единицей которого становится единство двух (и более) высказываний. Художественное произведение понимается ученым как реплика в диалоге культур, которая, в свою очередь, предполагает последующую реакцию на себя.

Произведение, «будучи звеном в цепи речевого общения, связано с другими произведениями высказываниями — и с теми, на которые оно отвечает, и с теми, которые на него отвечают; в то же время, подобно реплике диалога, оно отделено от них абсолютными границами смены речевого субъекта, отмечено “печатью индивидуальности”» [5. С. 178]. Таким образом, в понимании Бахтина указание на «чужое слово» — всегда художественное «освоение», авторская интерпретация («опыт самопознания в опыте Другого») [6. С. 184]. С понятием диалога у Бахтина соотнесено понятие «участного» сознания.

Если Бахтин рассуждает о взаимодействии сознаний, то семиологическая модель Ю. Кристевой описывает взаимодействие текстов. Текст, понимаемый исследовательницей как «мозаика цитаций», превращается в «парадигму бессознательного» — интертекст. Персонализм бахтинской концепции соотнесен с имперсональностью теории интертекста.

М.А. Лагода приходит к выводу, что оба понятия, не совпадая по объему («диалог» Бахтина несоизмеримо более крупное по смысловой нагрузке явление), тем не менее пересекаются: за интертекстуальностью закреплена позиция «одного из аспектов диалога». В отличие от интертекстуальности, диалог преодолевает мысль о том, что новизна всякого текста кроется только в комбинаторике уже существующих кодов.

С «ракурса» диалога традиция — это «живой голос культуры», а интертекст — «место встречи» нескольких текстов для их дальнейшего «взаимодействия». Именно с позиции интеграции герменевтического и семиотического подходов анализ художественного текста видится наиболее продуктивным. Какая роль в процессе «взаимодействия» отведена интертексту?

Как отмечает Н.А. Фатеева,

создание языковых конструкций «текст в тексте» и «текст о тексте» связано с активной установкой автора текста на диалогичность, которая позволяет ему не ограничиваться лишь сферой своего субъективного, индивидуального сознания, а вводить в текст одновременно несколько субъектов высказывания, которые оказываются носителями разных художественных систем [7. С. 4].

Интертекст — феномен парадигматического уровня, некая совокупность всех текстов, «вышедших за пределы конкретного авторства» в процессе многочисленных к ним «обращений» и ставших частью семиосферы. Интертекстуальность — способность конкретного текста к порождению связей с другими текстами. С точки зрения читателя, интертекстуальность — установка на углубленное понимание произведения в процессе его «археологии» (Ю. Лотман) либо «разрешение непонимания текстовых аномалий» (Н.А. Фатеева).

При установлении интертекстуальных связей важен «принцип интерпретанты», введенный М. Риффатерром. Исследователь считает, что «интертекстуальность не функционирует и, следовательно, не получает текстуальности, если чтение от T1 к T2 не проходит через И, если интерпретация текста через интертекст не является функцией интерпретанты» [Там же]. Согласно Риффатерру, текст и интертекст не связаны между собой как «донор» и «реципиент», следовательно, их отношения не сводимы к примитивному представлению о «заимствованиях» и «влияниях». Под действием интерпретанты происходит взаимная трансформация смыслов обоих текстов.

По мнению М. Ямпольского [8. С. 136], «сильные» произведения и авторы, вокруг которых и разворачивается истинный процесс художественной эволюции, включены в интертекстуальные связи совершенно особым образом. В их произведениях цитаты — это не просто нуждающиеся в нормализации аномалии, но и указания-сокрытия эволюционного отношения к предшественнику. Цитирование становится парадоксальным способом утверждения оригинальности.

При этом, как справедливо отмечает Н.А. Фатеева, круг авторов, попадающий в центр внимания поэтов и прозаиков начиная с Серебряного века и до наших дней, весьма ограничен:

...в его центре все чаще оказываются одни и те же художники слова, особенно если распределять произведения по годам их написания. Это объясняется диалогической ориентацией авторской интертекстуализации, когда автор вступает в воображаемый диалог не только со своими предшественниками, но и с современниками, что превращает интертекстуальный диалог из внутреннего во внешний.

Художник понимает, что адекватность восприятия порождаемых им текстов зависит от «объема общей памяти» между ним и его читателями; общностью «диалекта памяти» определяется и степень «эллиптичности» текста, и выбор автором собеседника-адресата [9. С. 35].

Малоизученная проблема интертекстуальности — это вопрос классификации составляющих ее элементов. Наиболее последовательные систематизации представлены в работах П.Х. Торопа, Ж. Женетта и Н.А. Фатеевой.

Соотнесение текстовых элементов в пределах художественного целого П.Х. Тороп называет метакоммуникацией, в процессе которой создаются метатексты. Согласно предложенной методике, исследователю необходимо выявить связь наличествующего текста с исходным текстом (прототекстом в терминологии автора) и актуализировать ее функцию. Тороп выдвигает понятие интекста — «семантически насыщенной части текста, смысл и функция которой определяется, по крайней мере, двойным описанием».

Классификация интекстов учитывает:

- способ примыкания метатекста к прототексту (утвердительный или полемический);
- уровень примыкания (явный или скрытый);

- фрагментарность или целостность примыкающего текста.
- Классификация, разработанная Ж. Женеттом, включает в себя следующие уровни:
- интертекстуальность как «соприсутствие» в одном тексте
  - двух или более текстов (цитата, аллюзия, плагиат и т.д.);
  - паратекстуальность как отношение текста к своему заглавию,
  - послесловию, эпиграфу;
  - метатекстуальность как комментирующая и часто критическая
  - ссылка на свой предтекст;
  - гипертекстуальность как осмеяние или пародирование одним текстом другого;
  - архитектурность, понимаемая как жанровая связь текстов [10].

Самая подробная классификация феномена предложена Н.А. Фатеевой в книге «Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности». Исследовательница рассматривает реализацию интертекстуальности в следующей системе элементов:

- конструкции «текст в тексте»: цитаты (с атрибуцией и без атрибуции); аллюзии (атрибутированные и неатрибутированные); центонные тексты;
- паратекстуальные элементы: цитаты-заглавия; эпиграфы;
- метатекстуальные единицы: пересказ; вариации на тему претекста; «дописывание» чужого текста; языковая игра с претекстом;
- гипертекстуальные включения как пародия, осмеяние другого;
- архитектурные «пересечения» как жанровая связь текстов;
- тропы и стилистические фигуры;
- интермедияльные тропы;
- звуко-слоговые и морфемные элементы интертекста;
- заимствование художественного приема;
- поэтические парадигмы [11].

Опираясь на приведенные тезисы, можно сделать вывод, что любой интекст, т.е. «вставной» элемент, — это всегда факт прецедентного порядка. Прецедентный текст не только хорошо известен широкому окружению личности (в нашем случае личности писателя), но и значим для этого окружения в познавательном и эмоциональном планах, т.к. за каждым прецедентным феноменом лежит уникальная система ассоциаций.

Семиотический «способ существования» прецедентного текста (Ю.Н. Караулов) подразумевает, что целостной единицей обозначения может выступать даже полнообъемное художественное произведение, которое существует в сознании носителей языка как схема, включающая в себя самые значимые детали: сюжет, конфликт, систему персонажей и пр. Обращение к произведению регулируется через систему коррелирующих с ним символов: цитат, имен персонажей, ситуаций и пр. При этом в сознании адресатов происходит свертывание данного текста (редукция) и последующая его экспликация под воздействием очередного текстуально-прецедентного стимула.

Прецедентные тексты формируют общечеловеческую культуру; их знание служит показателем высокого уровня культурной компетенции личности. Корпус прецедентных текстов — это «костяк фоновых знаний» того или иного лингвокультурного сообщества. Поскольку прецедентные тексты определяют аксиологические ориентиры данной культуры, по своим функциям они сближаются с функциями мифа.

Результаты и их обсуждение

Лауреат Нобелевской премии 2020 г. Луиза Глик родилась в еврейской семье в 1943 г. По линии матери в роду Глик были выходцы из России (однако некоторые исследователи склонны полагать, что из Украины или Беларуси). Трагические обстоятельства семейной жизни наложили на Глик

определенный отпечаток. Первый ребенок в семье, старшая сестра Глик, не дожила до семидневного возраста. Это обстоятельство сильно сказалось на ее матери, которая относилась к Глик сквозь «призму отсутствия» первенца. С трудом окончив школу, Глик не стала поступать в университет; вместо этого она занялась психоанализом, уйдя в многолетнюю интроспекцию. Окончив несколько поэтических мастер-классов, Глик выпустила книгу стихов «Первенец» в 1968 г.

Ранние стихи Глик представляют собой короткие зарисовки повседневной жизни. Постепенно ее художественный метод трансформируется. Последние ее книги, в частности «Аверно», включают в себя длинные стихотворения, объединенные сквозными мотивами и образами. Через автобиографические истории в них проявлены мифологические прецеденты, такие как Эвридика или Персефона. Опыт психоанализа наложил отпечаток на ее размышления о судьбе и самой человеческой личности. Ее поэтический язык аскетичен, авторский словарь предельно сдержан: Глик наследует поэтическую манеру Эмили Дикинсон [12].

Книга «Аверно» вышла в 2006 г. Она носит имя вулканического озера в Италии, где, по преданиям древних римлян, находятся врата в царство мертвых — Аид. Лирическая героиня книги — субъект, объединяющий в себе три ипостаси: поэтессу, Персефону, дочь царственной богини плодородия Деметры, и девушку из криминальной хроники, пережившую опыт насилия.

«Аверно» не только гидроним в Италии. Это слово вбирает в себя целый комплекс интертекстуальных ассоциаций, которые могут быть эксплицированы читателем при наличии базовых знаний. Таким образом, само заглавие цикла уже становится интекстом, отсылающим нас к парадигме определенных ситуаций и сценариев. Первый комплекс значений связан с топосом Аида и мотивом нисхождения в подземное царство. Попасть в Аид можно было лишь при исключительных обстоятельствах: смертным дорога туда была недоступна. Тем не менее нисхождения в Аид удаивались исключительные личности, наделенные способностью *культурного героя* к пересечению границ познанного (М.Ю. Лотман). Только субъект, наделенный способностью пересекать границы, по М.Ю. Лотману, может быть отнесен к категории «мифологического героя». Аверно — врата в подземное царство наряду с тремя другими порталами. Древние греки верили, что первые врата расположены в местности Эпир, где сливаются воедино три реки: река Скорби, река Стенаний, Огненная река. Там располагается Некромантикон, куда для свершения своего обряда некогда отправился сам Одиссей. Вторые врата находятся на территории современной Турции, в городе Иераполе. Третьи — на юге Греции, близ мыса Мапатан: ими воспользовались Геракл, которому было поручено вывести в мир людей грозного Цербера, и Орфей, спустившийся в мир мертвых в поисках Эвридики. Наконец, Аверно (где «нет птиц») — четвертые врата в Аид. Эти врата известны тем, что близ них пророчествовала Сивилла. Именно к ним отправился знаменитый герой Эней, чтобы совершить катабасис [13]. Таким образом, уже на уровне заглавия мы подключаемся к текстам — и сюжетам — иной культуры, культуры античной, которая становится для англоязычного текста вместилищем тем, образов и мотивов. Парадигма субъектов древнего мифа указывает на то, что и субъект поэтической книги является героем «транзитного» пространства, что он перемещается между топосами, не принадлежа ни одному из них полностью. В каком-то смысле это надтерриториальный индивид, лишенный жесткой хронотопической детерминанты. Наши предварительные замечания оказываются оправданными, когда мы знакомимся с одной из ключевых фигур книги — Странницей Персефой, чье имя также отсылает нас к инокультурному (однако универсальному!) паттерну.

Миф о Персефоне представлен в «Гомеровских гимнах»; историю похищенной девы мы впервые находим в «Гимне к Деметре» [14. С. 10–20]. Имя Персефоны — это также имя прецедентное, и связано оно не только с героиней единичного мифа, но и с целым культурным нарративом, который разворачивается в воспринимающем сознании читателя благодаря интексту. Персефона не случайно названа Странницей. Некогда похищенная богом подземного царства Аидом, она постепенно стала медиатором между мирами. Одна ее ипостась — это ипостась Кору, непорочной девы, прельщенной запахом диковинного цветка — нарцисса. Вторая — ипостась владычицы

загробного мира. Третья — ипостась психопомпа, проводника душ. Наконец, в четвертой своей ипостаси Персефона олицетворяет идею возрождения жизни после долгой зимы. Этот ее аспект особенно чтим в Элевсинских мистериях наряду с культом ее матери — богини Деметры, которая на начальном уровне сюжета является для образа Персефоны априори непарцеллируемым элементом, частью дихотомии «мать — дочь».

В первой версии мифа
Персефону
отнимают у матери,
и богиня земли
наказывает землю — это
согласуется с тем, что мы знаем о человеческом поведении,

что люди получают глубокое удовлетворение
от причинения вреда,
особенно бессознательно:

мы можем назвать это
отрицательным творчеством¹.

Переживания лирической героини, пытающейся преодолеть свою болезненную связь с матерью, накладываются на дуальный комплекс «Деметра — Персефона», где первой принадлежит доминирующая роль, а образу второй сообщена определенная объектность. Как справедливо подчеркивает Дж.Ш. Болен, Персефона как личностный паттерн неактивна: она вынужденно податлива и находится под влиянием других людей, т.к. ее собственная инстинктивная природа пока не проявлена [15]. Э. Хардинг называет психический структ Персефоны «женщиной-Анимой», недостаточно осознающей, чем является ее собственная жизнь [16].

Персефона в данном фрагменте стихотворения — объект, «отнятый у матери». Имя Деметры дано через иносказание: «богиня земли». Земля в поэтическом универсуме Глик тесно переплетена с мотивом материнского начала; это апелляция к архетипу, символически репрезентированному в идее плодородия. «Причинение вреда» и «отрицательное творчество» — аллюзия на античный сюжет о том, как Деметра, оплакивая свою утрату, наслала на землю вечную зиму. Роду людскому грозила гибель; почва перестала плодоносить; и лишь Зевс, который вмешался в судьбу мира, смог добиться возвращения Персефоны в мир живых. Однако она уже вкусила в царстве мертвых зернышко граната, навсегда оставаясь связанной с инобытием.

Как известно, возвращение возлюбленной
не замещает
потерю возлюбленной: Персефона

возвращается домой
испачканная красным соком
как
персонаж из сериала
«Сестра Готорн».

Глик размышляет о том, может ли Персефона принадлежать лишь одному месту, и приходит к выводу, что затронувшие ее трансформации необратимы:

Я не уверена, что
сдержу это слово: является ли земля
«домом» для Персефоны? Может быть,
она дома в постели бога? Или она бездомна?
Является ли она
прирожденной странницей, иными словами,
экзистенциальной

¹ Здесь и далее перевод Е. Дайс.

копией своей матери, менее
обремененной идеями причинности?

Ты же
знаешь, что тебе не должен никто нравиться.
Персонажи —
это не люди.
Это аспекты дилеммы или конфликта.

Три части: точно так же, как душа разделена на
Я, Сверх-Я и Оно.
Точно так же,
Как три уровня мироздания своего
рода диаграмма, которая отделяет
Небо от Земли и от Ада.

Вы должны спросить себя:
где идет снег?

Белый цвет забвения, осквернения
На Земле идет снег, молвил холодный ветер.

Сексуальность Персефоны-Коры еще не пробуждена, однако в процессе опыта и роста формируется другая ее ипостась — повелительницы подземного царства. Подземный мир в символическом плане — глубинные структуры души, личное бессознательное, пересекающееся с коллективным опытом; именно там «захоронены» чувства, воспоминания, архетипы, инстинкты и паттерны, нередко эксплицируемые вовне через сновидения. Персефона-психопомп наделена способностью перемещаться между эгореальностью и бессознательным миром души. Оба эти уровня могут быть интегрированы, связаны между собой ее фигурой. «Персефона-проводник представляет часть души, архетип, ответственный за ощущение знания, которое человек получает, внезапно встречаясь с символическим языком, ритуалом, безумием, видениями и экстатическим мистическим переживанием» [15. С. 182].

Персефона занимается сексом в аду.
В отличие ото всех нас, она не знает,
что такое зима, только то,
что она — причина зимы.
<...>
Вы дрейфуете между землей и смертью,
которые становятся, наконец,
странно похожими. Ученые говорят нам
что нет смысла знать, чего ты желаешь,
когда сильные борются за тебя
и могут тебя убить.
Белый цвет забвения,
белый цвет безопасности.
Они говорят,
что в человеческой душе есть щель,
в душе, созданной не для того,
чтобы полностью принадлежать жизни.
Земля
просит нас отрицать эту щель, угрозу,
замаскированную под рекомендацию —
Как мы уже видели
в сказке о Персефоне,
которую следует прочесть.
<...>

Сложные отношения с матерью, которую еще в сборнике «Семь возрастов» Глик ассоциирует с «машиной семейства», уподобленной самой земле, становятся ключевым мотивом данного стихотворения. Лирическая героиня парадоксальным образом лишена обоих модусов самоощущения: «тут-бытия» в мире и «там-бытия» в вечности. По верованиям древних греков, души людей не возвращаются в вечность, но, напротив, пребывают там перманентно. Возвращаются они на Землю, испив воды реки забвения Леты.

Этот смысл также важен для разрешения конфликта стихотворения из сборника «Аверно» «Страница Персефона», где два уровня бытия соединяются и ни один из них не может быть воспринят как полностью реальный или ирреальный.

Исследователь творчества Глик Д. Моррис называет лаконичный тон «Аверно» желанием автора отгородиться от внешнего мира *Via Negativa*. «Глик смотрит на все свои попытки завоевать расположение матери, следуя паттернам и скриптам, установленным для женщины: влюбиться, выйти замуж, разделять ее взгляды, ублажать супруга — с позиции уже зрелой женщины. Мифологическая канва становится для нее нарративом: треугольные отношения Персефоны, Деметры и Аида переживаются и рассказываются как личная история, в которой дочери отведена не бóльшая роль, чем куску мяса в противоборстве более сильных и доминантных фигур. Язык “Аверно” мрачен, апокалиптичен, он символически отражает саму ее тяжелую депрессию» [17. Р. 44].

Еще один значимый для понимания нарратива интекст — имя бога подземного царства Аида, который занимает важную позицию в сложившихся треугольных отношениях.

Когда Аид понял, что любит,
он возвел для девы другую Землю,
все то же самое, вплоть до луга,
но добавил ложе.
Все то же самое: свет от солнца,
потому что было бы трудно деве
перейти во тьму от лучей ярчайших.
<...>
Много лет находясь в ожидании,
Он строил мир, созерцая
На лугу Персефону.
Персефону, нюхающую цветы, вкушая яства.
Если у тебя есть желания, думал он,
У тебя есть все.
Каждый хочет почувствовать ночью
любимое тело, магнитный компас,
Полярную звезду,
Услышать шепот, что говорит:
Я жив, это значит,
Что и ты тоже, ибо ты слышишь
Меня, ты со мной.
<...>
Он придумывал, как же назвать это место.
Сначала: Новый Аид. Затем просто Сад.
В конце концов он решает
Назвать его
Девичество Персефоны.
Мягкий свет разливается над заливными лугами,
Освещая лишь ложе. Он обнимает деву,
Пытаясь сказать: «Раз я люблю тебя, боль над тобою не властна!»,
но он решает,
что все это ложь, поэтому говорит,
раз ты мертва, боль над тобою не властна,
что кажется ему
более многообещающим началом,
более честным.

Создав для возлюбленной точную копию Земли, бог подземного царства понимает, что обрекает ее на симулякр. И все же ему, как лирическому субъекту с человеческой психикой, свойственна честность. Идеальный сад без запахов и вкусов становится олицетворением длительной депрессии, в которой нет боли, но есть безразличие. Для реализации этого образа Глик потребовалось выйти за пределы исходной культуры к общечеловеческому пространству смыслов, актуализированных в «вечных образах» Античности.

Заключение

Возможно, следует задаться тем же вопросом, которым задаются исследователи дискурса: всякий ли текст дискурсивен? Так, Н.Д. Арутюнова полагает, что диахронически отдаленные от современности тексты, чьи авторы уже не могут квалифицироваться как реальные адресанты, не дискурсивны [18]. Произведения Античности в этом смысле еще более дискуссивны: многие из них имперсональны с точки зрения авторства. Минуя стадию рациональной рефлексии, они становятся частью неомифологической парадигмы. Тем не менее они остаются элементами иной культуры; проникают в исходный текст на уровне транскulturации настолько органично, что перестают восприниматься как «непрозрачные», что свидетельствует о том, что транскulturация (как процесс) априори состоялась. И интертекстуальность, т.е. инкорпорирование в текст вставочных элементов с потенциалом к разворачиванию архетипических смыслов, может выступать ее маркером.

Литература

1. *Тлостанова М.В.* Транскulturация как новая эпистема эпохи глобализации // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2006. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transkultursiya-kak-novaya-epistema-epohi-globalizatsii> (26.10.2022).
2. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Трактат о номадологии // Новый круг. 2005. № 2 (92). С. 183–187.
3. *Valikova O., Bakhtikireeva U.* Russian literature as a domain of culture // Journal of Language and Literature. 2014. Vol. 5. No. 4. P. 271–275.
4. *Лагода М.А.* Интертекстуальность как аспект интерпретации художественного литературного произведения: к постановке проблемы // Вестник НВГУ. 2014. № 4. С. 15–24.
5. *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Собрание сочинений. Т. 5: Работы 1940–1960-х годов. М., 1997. С. 159–206.
6. *Яусс Г.-Р.* К проблеме диалогического понимания // Бахтинский сборник. Вып. 3. М., 1997. С. 184.
7. *Фатеева Н.А.* Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности. Изд. 3-е, стереотип. М.: КомКнига, 2007.
8. *Ямпольский М.* Память Тиресия: интертекстуальность и кинематограф. М.: РИК Культура, 1993.
9. *Лотман Ю.М.* Память в культурологическом освещении // Wiener Slawistischer Almanach. Wien, 1985.
10. *Тороп П.Х.* Проблема интекста // Труды по знаковым системам. Т. XIV (= Ученые записки Тартуского госуниверситета. Вып. 567). Тарту, 1981. С. 39.
11. *Genette G.* Palimpsestes: La littérature au second degré. Paris: Édition SEUIL, 1982. 467 p.
12. *Маркова Е.А.* Поэзия Луизы Глик в переводе Екатерины Дайс: на материале стихотворения «Страница Персефона» из поэтического сборника «Аверно». DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-468-480 // Полилингвильность и транскulturные практики. 2021. Т. 18. № 4. С. 468–480.
13. *Матышак Ф.* Древняя магия. М.: Манн, Иванов и Фебер, 2021.

References

1. *Tlostanova M.V.* Transkul'turatsiia kak novaia epistema epokhi globalizatsii // Vestnik RUDN. Serii: Filosofii. 2006. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transkultursiya-kak-novaya-epistema-epohi-globalizatsii> (26.10.2022).
2. *Deleuze G., Guattari F.* Traktat o nomadologii // Novyi krug. 2005. No. 2 (92). S. 183–187.
3. *Valikova O., Bakhtikireeva U.* Russian literature as a domain of culture // Journal of Language and Literature. 2014. Vol. 5. No. 4. P. 271–275.
4. *Lagoda M.A.* Intertekstual'nost' kak aspekt interpretatsii khudozhestvennogo literaturnogo proizvedeniia: k postanovke problemy // Vestnik NVGU. 2014. No. 4. S. 15–24.
5. *Bakhtin M.M.* Problema rechevykh zhanrov // Sbranie sochinenii. T. 5: Raboty 1940–1960-kh godov. Moscow, 1997. S. 159–206.
6. *Jauss H.-R.* K probleme dialogicheskogo ponimaniia // Bakhtinskii sbornik. Vyp. 3. Moscow, 1997. S. 184.
7. *Fateeva N.A.* Intertekst v mire tekstov: kontrapunkt intertekstual'nosti. Izd. 3-e, stereotip. Moscow: KomKniga, 2007.
8. *Yampolsky M.* Pamiat' Tiresiia: intertekstual'nost' i kinematograf. Moscow: RIK Kul'tura, 1993.
9. *Lotman Yu.M.* Pamiat' v kul'turologicheskom osveshchenii // Wiener Slawistischer Almanach. Wien, 1985.
10. *Torop P.Kh.* Problema inteksta // Trudy po znakovym sistemam. T. XIV (= Uchenye zapiski Tartuskogo gosuniversiteta. Vyp. 567). Tartu, 1981. S. 39.
11. *Genette G.* Palimpsestes: La littérature au second degré. Paris: Édition SEUIL, 1982. 467 p.
12. *Markova E.A.* Poeziia Luizy Glik v perevode Ekateriny Dais: na materiale stikhotvoreniia "Strannitsa Persefona" iz poeticheskogo sbornika "Averno". DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-468-480 // Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. 2021. T. 18. No. 4. S. 468–480.
13. *Matyshak F.* Drevniia magiia. Moscow: Mann, Ivanov i Feber, 2021.

14. Эллинские поэты / пер. В.В. Вересаева. М.: Худож. лит., 1963.

15. *Болен Д.Ш.* Богини в каждой женщине: новая психология женщины. Архетипы богинь. М.: София, 2007.

16. *Хардинг Э.* Пути женщин. М.: Касталия, 2021.

17. *Morris D.* The poetry of Louise Glück: A thematic introduction. University of Missouri Press, 2006.

18. *Арутюнова Н.Д.* Дискурс. Речь // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. С. 136–137.

14. Ellinskie poetry / per. V.V. Veresaeva. Moscow: Khudozh. lit., 1963.

15. *Bolen J.Sh.* Bogini v kazhdoi zhenshchine: novaia psikhologiya zhenshchiny. Arkhetipy bogin'. Moscow: Sofia, 2007.

16. *Harding E.* Puti zhenshchin. Moscow: Kastaliia, 2021.

17. *Morris D.* The poetry of Louise Glück: A thematic introduction. University of Missouri Press, 2006.

18. *Arutyunova N.D.* Diskurs. Rech' // Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' / gl. red. V.N. Iartseva. Moscow: Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia, 2002. S. 136–137.

Маркова Елена Андреевна,

кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры иностранных языков
Российский университет дружбы народов

Markova Elena A.,

Candidate of Philology,
Senior Lecturer of the Foreign Languages Department
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: markova_ea@pfur.ru

Литературное направление в понимании редактора и переводчика

В работе актуализируется проблематика междисциплинарного подхода к трактовке термина «литературное направление». Используется методика лексического портретирования термина. Обосновывается тезис, что литературное направление — это не оценивающая, а описательная категория.

Ключевые слова: терминоведение, переводоведение, лексикография, литературное направление, портретирование термина.

The article actualizes the problems of an interdisciplinary approach to the interpretation of the term "literary direction". The method of lexical portraiture of the term is used. The author substantiates the thesis that the literary direction is not an evaluative, but a descriptive category.

Keywords: terminology studies, translation studies, lexicography, literary direction, lexical portraiture.

Междисциплинарность на сегодняшний день является неоспоримым признаком исследований в лингвистике [1]. Она связывает проблематику литературоведения, переводоведения и лексикографии. Положительным опытом в названной сфере может считаться создание серии терминологических словарей-справочников в отделе языкознания и литературоведения ИНИОН РАН, посвященных переводоведению: отечественному переводоведению, переводоведению англоязычному, немецкоязычному и, наконец, отдельно переводу художественному [6–9].

Проведенные лексикографические изыскания при создании словарей-справочников выявили ряд проблем, связанных с представлением термина в словарной статье. В настоящей работе речь пойдет о термине «литературное направление». В словарной статье использовалась корректная интерпретация этого термина, что было связано с двумя моментами: во-первых, с адекватной интерпретацией термина с теоретической точки зрения; во-вторых, с ориентацией адресата словаря на последующую практическую работу переводчика и с практикой его подготовки.

В представленном материале нас приоритетно интересует первая проблема. С одной стороны, она связана с предпосылками понимания всего того комплекса практической переводческой деятельности, которая описывается этим фрагментом метаязыка, с другой — со сформулированным еще в 1990-е гг. П. Торопом принципиальным вопросом, который то забывается (уходит на периферию интересов переводоведения), то вновь актуализируется. Речь идет о проблемах переводимости литературного направления.

Для характеристики литературного направления необходимо сопоставление эксплицитной и имплицитной поэтик, то есть программных высказываний — требований к текстам — и особенностей построения этих текстов. Кажется, что особое значение имеют (особенно в случае направлений, где преобладает или является наиболее программной поэзия) внутри направления внетекстовые взаимосвязи, отношения разных текстов в творчестве как одного автора, так и разных авторов, представителей одного направления. В аспекте целостного восприятия очень важной является возможность создания гипотетического текста направления как некоторого архитекта, отражающего и особенности поэтики направления, и самосознание эволюции, так сказать, автомиф направления. Поэтому в переводческой деятельности очень важно выявление не только лингвостилистической специфики текстов и их соотношения с эксплицитной поэтикой направления, но и тематических и сюжетно-фабульных связей между текстами. Учитываться должна возможность восприятия на фоне направления как отдельно взятого текста, так и группы текстов — цикла, сборника и т.п. [10. С. 22].

Таким образом, корректное лексикографическое представление термина «литературное направление» является отправной точкой для решения всего комплекса вопросов, образующих своеобразную литературоведческую и переводоведческую серию ответов.

Что касается истории формирования самого понятия «направление», то к нему обращались многие. Заметим лишь, что это дело вкуса, каким термином пользуется исследователь: «направление» или «течение». Термин «течение» нередко рассматривается как более крупная теоретическая

единица, которая может заключать в себе несколько «направлений»; в то же время, на наш взгляд, авангард, например, является таким большим направлением, которое охватывает пять менее крупных литературных течений: дадаизм, футуризм, экспрессионизм, конструктивизм и сюрреализм.

Излишне останавливаться также и на рассмотрении того, является ли *направление* реальным фактом или исключительно результатом теоретической конструкции литературоведов, а также существует ли развитие теории литературы, которая пытается систематизировать массив современных литературных произведений.

Очевидно, что в отдельные исторические периоды развития литературного процесса происходит явная смена направлений, и в таком случае новое направление — это очевидный факт — сигнализирует о начале систематизации. Однако чаще направления раскрываются только благодаря литературоведческому анализу.

В этой связи основным вопросом всегда остается следующий: в каких отношениях находится направление с произведениями, представляющими это направление? Не подлежит сомнению, что за любой дефиницией направления должна проступать теория анализа художественного произведения.

Существуют три теоретически разграничиваемых, естественно, коррелирующих друг с другом уровня восприятия литературного произведения и художественного впечатления: чтение произведения (читатель / редактор / переводчик пропускает текст через сознание); рефлексия читателя / редактора / переводчика (понимание авторской идеи и оценка текста); интерпретация (истолкование и присвоение/преобразование произведения исходя из собственной лингвокультурной позиции).

На всех трех этапах возникновения художественного впечатления происходит один и тот же процесс, описанный в психологическом литературоведении В.П. Беляниным: прочитанное произведение читатель / редактор / переводчик сопоставляет с внутренним содержанием своего сознания. Во время оценки читатель / редактор / переводчик воспринимает произведение с ценностной установкой, со своим цельным общественно-историческим опытом, со своими индивидуальными психолингвистическими данными и способностями. При интерпретации читатель/переводчик получает какое-то сообщения из произведения с учетом общественного опыта и части кодовых систем коллективного сознания, которые характеризуют возраст и общественное положение данного читателя/переводчика [2. С. 75–81]. При этом редактор приближается к произведению лишь с установкой, направленной на закрепление существующей литературно-эстетической нормы, с языковыми и литературными кодовыми системами, наличествующими в его сознании.

Одно и то же произведение, если подходить к нему как к объекту, в процессе чтения создает различные, по мнению В.В. Красных, предметные (денотативные) эйдетические представления. При оценке (эстетический предмет) это красота, в которой проявляется свобода, направленная на самое себя. При истолковании (семантический предмет) это значение, благодаря которому произведение расширяет круг внеэстетических ценностей действительности, как бы создается (перестраивается) заново. При описании (морфологический предмет) это структура, с помощью которой произведение делает видимым немонолитный, но организованный характер действительности, художественного мира [4. С. 34–37].

Все это, разумеется, не означает, что читатель, редактор или переводчик в ходе восприятия проходит все стадии возникновения художественного впечатления. Напротив, если он уже оценил произведение и пережил непередаваемое наслаждение, вызванное чувством свободы, тогда он не будет размышлять о том, в чем смысл прочитанного им литературного произведения, и еще меньше о том, в чем состоит, например, его фабула.

Три «предмета», возникающие при восприятии литературного произведения, означают не только то, что в пределах художественного произведения можно разграничить друг от друга эстетический, семантический и морфологический предметы. Это в первую очередь означает, что отдельные

художественные произведения отличаются друг от друга согласно этой тройственности, т.е. имеются литературные произведения, которые, во-первых, способны создать эстетический предмет, во-вторых, обладают только значимостью и, в-третьих, располагают только структурой.

Соответственно, поэтому среди читателей (в самом широком смысле) тоже можно выделить группы: одни восприимчивы к красоте; другие больше ценят не эстетические ценности произведения, а его значение (моральную ценность, познавательное значение и др.); и, наконец, есть читатели/редакторы, воспринимающие структурные элементы произведения (героев, сюжет, композицию и др.), или только произведения, структурный характер которых особенно ощутим.

Как можно перевести все это на проблематику направления? Имеется ли что-либо адекватное этим трем «предметам» в литературном направлении? Скорее, нет. В ходе восприятия/рефлексии, направленной на оценку, приобретают роль и такие разовые, индивидуальные моменты, которые нельзя отнести к собирательному понятию какого-либо направления. И в этом можно согласиться с противниками исторической периодизации произведений, категоризации их по направлениям, подчеркивая, что именно самые крупные произведения не вписываются в рамки конкретного направления, выходя за его пределы.

Поэтому «направление» есть не оценивающая, а описательная категория, и в принципе нет ценностной разницы между отдельными направлениями. Шедевры могут возникать в любом направлении. Насколько происхождение великих творений зависит от случая, свидетельствует различная ценность произведений, относящихся к одному направлению, но созданных в разных национальных литературах. Чем объяснить разницу между авангардной русской и западно-европейской лирикой? Русская поэзия прошлого века по своему уровню не выше, чем западно-европейская. Таким образом, не традицией мотивируется тот факт, что последняя не произвела на свет подобных Хлебникову, Маяковскому, Есенину, Пастернаку.

По этой причине второй слой произведения — смысловой — выступает в качестве первого слоя направления. Следует признать, что при конструировании или формировании направления мы ищем тождественность, которую можно найти в произведениях, и адекватность произведений самим себе. В наиболее трудном положении оказывается исследователь в случае поиска эстетического предмета. Сопоставление двух эстетических предметов, относящихся к одному произведению (и возникающих при оценке данного произведения), потребует многостороннего исследования, тщательного разбора читателя как субъекта. Такое исследование, во-первых, трудно осуществить не только средствами литературоведения, но и средствами социологии, психологии и иных наук, а с другой стороны, едва ли целесообразно.

Участвующие в создании семантического предмета внеэстетические ценности уже очерчены внутри данного общества. Более того, если подумать о том, сколько различных значений внутри определенного периода национальной литературы может иметь одно и то же литературное произведение в зависимости от того, к какому общественному слою, классу принадлежит его читатели, то выяснится, что интерсубъективная идентичность семантического предмета — явление далеко не очевидное.

Следовательно, общественно-исторические параметры направления складываются из смыслового значения произведений. Поэтому мы должны более подробно на этом остановиться. Различают два вида значения: смысловое значение и «идейное содержание». Одно нередко может быть выражено одним словом, другое — складывается из предложений текста произведения. Между этими значениями имеются смысловые узлы, выступающие крупными семантическими образованиями, вокруг которых организуется, суммируется значение фраз. Могут быть различны следующие смысловые узлы: рассказчик (нарратор), герой или герои, изображаемый предметный мир и читатель. Те или иные из них, разумеется, могут отсутствовать в произведении;

например, рассказчик имеется только в лирических стихах особого типа. В зависимости от жанра произведения, особенностей эпохи они могут получать слабый или, напротив, более сильный акцент. Эти семантические единицы находятся друг с другом также в сложной характерной связи и в целом выдают изображенный в произведении мир — означаемое произведение-знак.

Означающее будут представлять собой фразы, из которых состоит произведение, и более крупные, чем предложение, единицы. Например, персонажа романа характеризуют все фразы, в которых фигурирует его имя, а также предложения, содержащие слова, относимые к данному персонажу. Означаемое и означающее совместно создают автора произведения — разумеется, не действительную конкретную личность, а конструируемого из произведения в целом, вырывающегося на фоне произведения творца данного произведения, т.е. субъекта произведения. Для анализа синтаксиса произведения Л.В. Кульгавова предложила методику портретирования как альтернативный прием представления языкового материала в лексикологии [5].

Отношения субъекта произведения и изображаемого мира и будут «содержанием» произведения, его смысловым значением, в то время как отношения субъекта и означающего дают «формальное», «стилевое» значение. А все эти три фактора совместно составляют совокупное значение — смысл произведения.

Итак, знаковая природа литературного произведения состоит в том, что оно само создает все свои компоненты. В соответствии с этим, проводя социально-исторический анализ направления, мы также должны придерживаться смыслового значения произведения. Это важно подчеркнуть, потому что при смешивании направления со школой или движением исследователя подстерегает опасность: в ряд характерных параметров можно ошибочно внести биографические и психологические факторы писателя, социологические условия рождения произведений. Но они имеют значение исключительно тогда, когда за исходную точку берем смысловое значение произведения и из этого делаем выводы о психологии, мировоззрении писателя, привлекая лишь те внешние данные для объяснения направления, которым соответствуют данные, наличествующие в самом произведении.

Этим можно объяснить, что произведения прошлых эпох трудно втиснуть в прокрустово ложе направлений, т.к. трудно провести грань между литературой и не литературой. Но это и является причиной того, что современная литература не полностью разделяется на направления. Существуют целые жанры, которые состоят только из морфологических предметов и имеют значение только как жанр. Относящиеся к этим жанрам отдельные произведения не обладают значением. Детективная и научно-фантастическая литература не принадлежит к определенному направлению. Но точно так же нет направлений и у волшебной сказки. Имеются только типы в зависимости от того, какие элементы из языкового и литературного кодов соединяются воедино.

Морфологические параметры направления, т.е. его языковые и литературные характеристики, разумеется, можно группировать по серии признаков: языковые нормы, технические нормы (например, метр), общественные нормы и фиксированные эстетические нормы (например, правило триединства классической трагедии). Можно согласиться с тем, что начиная с категоризации, основанной на тщательном языковом анализе произведений, и исследования их мотивной структуры (как у Б.М. Гаспарова [3]) открывается широкая возможность формальной комбинаторики.

Необходимо также подчеркнуть, что морфологические и историко-социальные параметры характеризуют литературное направление только совместно, т.к. морфологические признаки могут стать самостоятельными: именно в силу своей зафиксированности они становятся всеобщим достоянием, и более поздние направления также могут их использовать. Присоединяясь, однако, к другим общественно-историческим параметрам, они составляют уже другое направление. Только учитывая это, можно избежать ничего не значащего обозначения того или иного явления с суффиксом «-истический» (например, *реалистический*, *экспрессионистический* и др.).

Литература

1. Базылев В.Н. Рефлексия над смыслами: (из наблюдений за подготовкой переводчиков художественной литературы) // Проблемы современного филологического образования: сб. науч. тр. Вып. 6. М.: МГПУ; Ярославль: Ремдер, 2005. С. 359–367.

2. Белянин В.П. Психологическое литературоведение. М.: Генезис, 2006. 320 с.

3. Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. М.: Наука, 1994. 304 с.

4. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? : Человек. Сознание. Коммуникация. М.: Диалог-МГУ, 1998. 350 с.

5. Кулгавова Л.В. Портретирование слов и выражений как альтернативный прием представления лекционного материала // Известия Волгоградского ГПУ. 2014. № 4. С. 198–203.

6. Базылев В.Н., Захарова Л.Д., Раренко М.Б. Основные понятия переводоведения: отечественный опыт: терминологический словарь-справочник / отв. ред. М.Б. Раренко. М.: ИНИОН РАН, 2010. 260 с.

7. Базылев В.Н., Захарова Л.Д., Раренко М.Б. Основные понятия англоязычного переводоведения: терминологический словарь-справочник / отв. ред. М.Б. Раренко. М.: ИНИОН РАН, 2011. 250 с.

8. Базылев В.Н., Захарова Л.Д., Трошина Н.Н. Основные понятия немецкоязычного переводоведения: терминологический словарь-справочник / под ред. М.Б. Раренко. М.: ИНИОН РАН, 2013. 258 с.

9. Базылев В.Н., Захарова Л.Д., Трошина Н.Н. Художественный перевод: терминологический словарь-справочник / под ред. М.Б. Раренко. М.: ИНИОН РАН, 2014. 379 с.

10. Тороп П. Проблемы переводимости литературного направления // Ученые записки Тартуского университета. 1990. Вып. 879. С. 22–35.

References

1. Bazylev V.N. Refleksii nad smyslami: (iz nabludeniia za podgotovkoi perevodchikov khudozhestvennoi literatury) // Problemy sovremennogo filologicheskogo obrazovaniia: sb. nauch. tr. Vyp. 6. Moscow: MGPU; Iaroslavl': Remder, 2005. S. 359–367.

2. Belyanin V.P. Psikhologicheskoe literaturovedenie. Moscow: Genезis, 2006. 320 s.

3. Gasparov B.M. Literaturnye leitmotivy. Moscow: Nauka, 1994. 304 s.

4. Krasnykh V.V. Virtual'naia real'nost' ili real'naia virtual'nost'? : Chelovek. Soznanie. Kommunikatsiia. Moscow: Dialog-MGU, 1998. 350 s.

5. Kulgavova L.V. Portretirovanie slov i vyrazhenii kak al'ternativnyi priem predstavleniia lektсионного материала // Izvestiia Volgogradskogo GPU. 2014. No. 4. S. 198–203.

6. Bazylev V.N., Zakharova L.D., Rarenko M.B. Osnovnye poniatii perevodovedeniia: otechestvennyi opyt: terminologicheskii slovar'-spravochnik / отв. ред. М.Б. Раренко. Moscow: INION RAN, 2010. 260 s.

7. Bazylev V.N., Zakharova L.D., Rarenko M.B. Osnovnye poniatii angloiazychnogo perevodovedeniia: terminologicheskii slovar'-spravochnik / отв. ред. М.Б. Раренко. Moscow: INION RAN, 2011. 250 s.

8. Bazylev V.N., Zakharova L.D., Troshina N.N. Osnovnye poniatii nemetskoiazychnogo perevodovedeniia: terminologicheskii slovar'-spravochnik / pod red. М.Б. Раренко. Moscow: INION RAN, 2013. 258 s.

9. Bazylev V.N., Zakharova L.D., Troshina N.N. Khudozhestvennyi perevod: terminologicheskii slovar'-spravochnik / pod red. М.Б. Раренко. Moscow: INION RAN, 2014. 379 s.

10. Torop P. Problemy perevodimosti literaturnogo napravleniia // Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta. 1990. Vyp. 879. S. 22–35.

Тюрина Людмила Георгиевна,
доктор филологических наук,
профессор,
редакционный директор
международного научного журнала
«Филологические науки. Научные
доклады высшей школы»

Tyurina Lyudmila G.,
Doctor of Philology, Professor,
Editorial Director of the International
Scientific Journal
“Philological Sciences. Scientific
Reports of the Higher School”

e-mail: philolnauki@gmail.com

Базылев Владимир Николаевич,
доктор филологических наук,
профессор,
заместитель главного редактора
международного научного журнала
«Филологические науки. Научные
доклады высшей школы»

Bazylev Vladimir N.,
Doctor of Philology, Professor,
Deputy Editor-in-Chief of the
International Scientific Journal
“Philological Sciences. Scientific
Reports of the Higher School”

ORCID: 0000-0001-8952-9485
e-mail: v-bazylev@inbox.ru

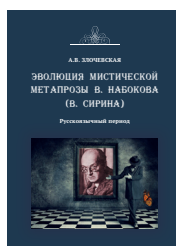
Библиотека журнала «Филологические науки. Научные доклады высшей школы»

Научная серия основана в 2018 году

Злочевская, А.В.

Мистическая метапроза XX века: генезис и метаморфозы (Герман Гессе – Владимир Набоков – Михаил Булгаков): научное издание. Изд. 2-е, испр. – М.: АЛМАВЕСТ, 2021. – 224 с.

Злочевская, А.В.

Эволюция мистической метапрозы В. Набокова (В. Сирина): русскоязычный период. – М. : АЛМАВЕСТ, 2021. – 192 с.

Купарашвили, М.Д.

Структурализм: начало новой эры: научное издание. – М. : АЛМАВЕСТ, 2022. – 208 с.

Капустин, Н.В.

Неповторимая повторяемость: проза Чехова в жанровом аспекте : научное издание. – М. : АЛМАВЕСТ, 2022. – 224 с.

Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: материалы к научной библиографии / сост. О.И. Шапкина; под общ. ред. А.А. Холикова. – М.: АЛМАВЕСТ, 2022. – 166 с.

Международный научный журнал
**«Филологические науки.
Научные доклады высшей школы»**
Периодичность 3 выпуска в полугодие

Подписку на 1-е полугодие 2022 г. можно оформить
в агентствах «Урал-Пресс», «Информ-система»,
«Прессинформ» (СПб), «ГЛОБАЛПРЕСС» и др.

Рубрики журнала

- ◆ Общее и прикладное языкознание
- ◆ Язык. Культура. Социум
- ◆ Лингвистический анализ литературных произведений
- ◆ Литературоведение
- ◆ Текст. Текстология. Литературное редактирование
- ◆ Интермедийность художественного текста
- ◆ Критика и библиография. Рецензии
- ◆ Наследие и современность
- ◆ Филологический архив

Журнал индексируется:

- ◆ РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе eLIBRARY.ru
- ◆ указателем Web of Science Core Collection ESCI (Emergent Sources Citation Index)
- ◆ международной информационно-аналитической системой научного цитирования European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS)

Журнал входит в зарубежные базы данных:

- ◆ Ulrichsweb Global Serials Directory
- ◆ EastView Universal Database of Humanities and Social Sciences (UDB-EDU)